

Синдром трусливой смелости

Как мир хорош в своей красе нежданной,
Контрастов мир с улыбкой неземной,
Загадочный под дымкою туманной...

/ К. Бальмонт /

Всю свою жизнь Капитолина Сафроновна Ложкина прожила в небольшом старинном городе Лапки на берегу реки Липучей. Почему так назвали реку, имелось множество легенд, но все они были настолько неправдоподобными, что редкие гости только диву давались и быстрехонько создавали негативное мнение о коренных жителях Лапок. Причины наименования города никого не интересовали, Лапки и Лапки, подумаешь. Никому не пришло в голову, что здесь живут одни лапочки – милейшие люди. Скорее всего, в старые времена здесь не существовало более-менее нормальных дорог, в весенне-осеннюю пору было ни пройти, ни проехать, народ увязал в грязи и оставлял глубокие следы – отметины от своих лапок, лаптей, значит. Хотя... В лаптях в весенне-осеннюю пору в старину не ходили, только летом. Но так поступали нормальные люди, не... лапники. Местные жители не переставали поправлять приезжих, величающих их лапниками, весьма созвучными с гопниками. Просто – жители города Лапки. На крайний случай – лапотники. Скажешь «лапотники» и тотчас понимаешь, откуда родилось название города – жители плели лапти. Но это было не так. Даже в местном музее – основной достопримечательности города – ни о каких лаптях не упоминалось, экземпляры привычной в то время обуви не выставлялись, как и портреты мастеров. Но были иные подтверждения – город основан в пятнадцатом веке. Первые упоминания в летописях о городе Лапки относятся именно к тому периоду времени. Были Лапки торгово-ремесленным центром, стали незаметным городишком, не включенным ни в какие «кольца» России, потому и финансирование составляет ноль целых пять десятых: дорог нет, здания давно не реставрированы, туристы такие же редкие гости, как миллионер в трущобах. Но никто из местных жителей не роптал–не сетовал. Привык народ. Кого что-то не устраивало, покидал родные места без сожаления. А потом все-

таки возвращался. Потому как тянуло назад, здесь и воздух слаще, и народ приятный, отзывчивый. Простой народец, без тараканов в голове. А какие тыквы выращивает этот народец! Нигде таких нет! Небывалых размеров эти тыквы.

Именно тыквами славились Лапки. По осени на главной площади города устраивались выставки. Победителю, вырастившему самую крупную тыкву, вручалось денежное вознаграждение, по меркам Лапок немалое. Но труженики тяпки и лопаты за деньгами не гнались, спортивный азарт был в приоритете. И, естественно, желание прославиться – о победителе писала местная газета, о нем говорили на каждом углу, обсуждали прошедший конкурс целый год, до следующей осени, когда будет выявлен новый победитель. Два раза подряд никому не удавалось удержать пальму первенства.

Капитолина Сафроновна, как и основная часть жителей, никогда не помышляла надолго уехать из Лапок. Небольшие, так сказать, отлучки были, но по уважительной причине. Об этом после.

Как можно покинуть город с такой необыкновенной старинной архитектурой! Где еще будешь чувствовать себя не в двадцать первом веке, а, допустим, в девятнадцатом. Если бы не автомобили, переваливающиеся по булыжной мостовой, не современные одежды жителей, не рекламные растяжки, как без этого, можно было с легкостью очутиться в прошлом без всякой машины времени. Тут тебе и булыжная мостовая, тут тебе и богатые дома из обожженного кирпича квадратной формы или естественного камня, причем почти все дома с дымоходами, тут тебе и лавки, в смысле магазинчики. Да-да, лавки: галантерейная, текстильная, хлебобулочная. Имелись и рюмочная, и пирожковая, и закусочная, и кулинария. Не сравнятся со всякими фаст-фудами, всё из натурпродукта, вкусно и качественно.

Все дома в городе давно перешли на централизованное отопление, а трубы на крышах старинных зданий остались в качестве декоративного элемента. И не только: дымоход можно использовать опять же для вентиляции. В последнее время мода на дымоходы вернулась, местная элита – владельцы предприятий, лавок, трактиров и различных развлекательно-спортивных миникомплексов, а также «рукастые» и

дальновидные хозяева частных домов стали использовать их для установки газоотводящих труб новых отопительных приборов. Проще – каминов. Это не только предмет интерьера, но и дополнительный обогреватель. Сильные холода в городе случались, пусть и редко. Редко, но метко. Прошедшая зима «порадовала» морозами за тридцать, в феврале дело было. К морозам прибавился порывистый ветер и, как часто бывает, авария на теплотрассе. Горячую воду и отопление временно «забрали», вернули через сутки, но народ чуть дуба не дал от холода. Повезло местной элите и «рукастым»-дальновидным, у них к тому времени уже имелись камины. Остальной люд обогревался электронагревателями, благо электричество «не забрали», но в их домах по старинным дымоходам гулял февральский ветер, создавая дополнительные неудобства. В связи с чем, замерзшие обитатели старинных строений, нерукастые и недальновидные, запоздало решили избавиться от дымоходов по весне. Раз нет каминов, зачем дымоход. Однако теплотрассу отремонтировали, неожиданно скоро. Потом потеплело, и ветер одумался, а потом и весна, ожидаемая всем народом, наконец-то пришла. О дымоходах – красе города Лапки все благополучно забыли. И как можно избавиться от такой красоты, это все равно, что состричь завидную гриву волос «под корешок». Может, у кого и череп неповторимой красоты, но лучше не экспериментировать.

Дымоход - это не просто украшение, это еще и тайна. Какая старина без тайны! Тайны, которая ждет своего часа, своего человека, которому можно довериться.

И Капитолина к этой тайне случайно прикоснулась, стала ее доверенным лицом, когда решила самостоятельно прочистить дымоход, не дождавшись запойного мастера, обещавшего ей «все сделать в лучшем виде» еще две недели назад. А вызвала она мастера по причине плохой тяги. Избавляться от одной из главных частей жилого строения и не помышляла.

Дом у Ложкиных большой, двухэтажный. С камином опять же. Камин красовался в большой кухне-столовой на первом этаже. Проживали в доме десять душ. Сама Капа, ее престарелые родители, ее старшая сестра Владислава с мужем Геннадием, их дочь Зоя с зятем Петром и внуком Вовкой и две тетки, двоюродные сестры отца Капы и Влады – тетушка Сима и тетушка Липа. Старые девы. Куда их денешь, не в дом престарелых сдавать при живых родственниках. Так и жили. Мирно, без эксцессов.

Потому как дом большой, лбами не сталкивались, и все, исключая стариков, работали от зари до зари. Капитолина меньше других, она «била баклуши» в своей библиотеке. Библиотекарем работала. Одинокая к тому же, чем ей еще заниматься, если не угождать старикам и работягам.

Мать с отцом, сестра с мужем, племянница с зятем и тетушки входили в коалицию, были одним целым. Одна из тетушек. Олимпиада Игнатъевна, имела половинчатый голос в коалиции. Как и ее младшая племянница, тетушка, в прежние годы, считалась белоручкой – была музейным работником. Она не сильно страдала от своей половинчатости, по большей части помалкивала, всегда была замкнутой, тихой, незаметной. Божий одуванчик, мечта занятых родственников. «Мечта» никогда не высказывала претензий, не досаждала родственникам, пыталась быть привидением старого дома: будто бы есть, будто бы нет. Глядя на нее, и ее родная сестра Серафима Игнатъевна со временем перестала капризничать и раздражаться. Ее прежние капризы и раздражения были направлены на племянницу Капитолину, белоручку-библиотекаршу. Позабыла тетка Сима, что сама не гнула спину от зари до зари, прохлаждалась всю жизнь в киоске «Союзпечать», сообщая жителям города новости посредством продажи местных и общесоюзных печатных изданий, не забывая к ним присоединять сплетни из своих уст.

Таким образом, в доме существовала коалиция и один индивид в лице Капитолины Ложкиной, обязанной отрабатывать трудовую повинность. Раз на работе «баклуши бьет».

Пусть дымоходом займется. К примеру.

Так всегда. Капитолина крайняя. Потому что безответная. Мягкая, как глина скульптора, что хочешь, то и лепи. Вот сестра Влада зубастая, ей палец в рот не клади. Как сама о себе говорит: «Вот на той деревни бабы, еле от семерых отгавкалась». В том смысле, что способна переговорить семерку себе подобных. Муж Генка ей в рот заглядывает, худого слова не скажет. Любит потому что. Но и побаивается, рука у супруги тяжелая. Странно, что выбрал Владу, не Капу. Геннадий ровесник Капитолины, вместе в школе учились. Он за Капой ухаживал, потом перекинулся на старшую сестру, неказистую и горластую. А Капе, умнице и красавице, дал отставку. Вот и, пойдя, разберись, какими качествами нужно обладать, чтобы быть

счастливой. Иной раз на женщину без слез не глянешь – «красоты неписанной», а рядом с ней вышагивает мужчина «невозможно глаз отвести». И смотрит он на нее с искренним обожанием. А все вокруг завидуют. Все, но не Капа, зависть не ее черта характера. Ее черта характера – робость. От робости неудачи в личной жизни. Так считает мать, постоянно возмущается: «И в кого ты такая уродилась!» Можно подумать, она чучело гороховое, или напичкана под макушку вредными привычками. Не пьет, не курит, все домашнее хозяйство на себе тянет, всем угождает, пресмыкается перед всеми. Даже перед зятем Петькой, новым человеком в коалиции. И это несмотря на то, что одна в семье получила высшее образование. Будто бы должна стоять на ступень выше, к ней должны все прислушиваться. Но чтобы прислушивались, надо иной раз повысвить голос, или стукнуть кулаком по столу. А она говорит полупшепотом умные и правильные слова, но ее не слышат. И никто из родственников ею не гордится. «Подумаешь, образованная», - между собой говорят они, обсуждая Капитолину, - «из образования каши не сваришь». Уважение, по их мнению, заслуживают люди физического труда, их труд заметен, ощущаем. А что такого существенного делают люди умственного труда? О разных изобретателях речь не идет. Речь, в данном случае, идет о библиотекарях. О библиотекаре, который живет рядом с ними. Будет рядом жить изобретатель, тогда перейдут к его обсуждению. Еще не понятно, что он изобрел, вдруг чепуху ненужную, а возгордился, нос задрал.

Уважение надо заслужить.

Вот Капитолина и изощряется, заслуживает. Вымаливает. И что слышит в ответ? Ничего! Слова доброго никак дожидаться не может.

Запил трубочист, некому чистить дымоход, пусть этот библиотекарь хотя бы дома настоящим делом займется, во благо трудового народа.

Капа попыталась было возразить, дескать, понятия не имеет, как чистить дымоход, все-таки, не трубочист, а человек интеллектуального труда. Опять же – высшее образование. И позабыла женщина, что высшее образование у ее родственников выступает в качестве раздражителя. Не желают они ею гордиться, можно подумать у них по пять высших образований. Что такое одно – тьфу. Плюнуть и растереть. Так что давай-ка, библиотекарша, засучивай рукава и приступай к физической работе, повышай свой уровень.

Капитолина промучилась несколько часов, пока на свет Божий не была извлечена мумия голубя. Женщина с отвращением взяла мумию рукой в перчатке и уже хотела бросить в пластиковый пакет, куда до голубя попал всякий мусор, извлеченный из дымохода, но неожиданно заметила своим острым зрением НЕЧТО на лапке некогда живой птицы. Предположение Капы - почтовый голубь пролежал в трубе немало лет, оправдалось, когда она прочла датированное послание. И не просто немало лет, а более семидесяти. Гораздо больше, чем она живет на свете.

Ее первым порывом было показать послание старожилам дома - родителям. Другие старожилы, родители родителей, их деды и прадеды, давно похоронены на местном кладбище. Пораскинув мозгами, Капитолина Сафроновна решила никого не посвящать в свою тайну, себе же спокойнее. А то начнут кудахтать, фантазировать, мешать работе мысли.

А Капе нужно хорошенечко подумать. Осмыслить находку. Нет, она не собирается присваивать себе клад, обязательно поделится с родственниками...

Если на схематической карте, кстати, отлично сохранившейся, обозначен крестом не клад, то что?!

Дата... Третье сентября сорок второго года. Из истории города Лапки Капе доподлинно известно, что в тот же месяц, в тот же год, фашисты были выбиты из города. Один из них, допустим некий Фриц, запрятал в тайнике награбленные сокровища. Несокрушимая сила Советской Армии заставила его усомниться в том, что он вернется домой живым и здоровым, расскажет о кладе своим детям, которые возьмут на себя возвращение награбленного на родину. Фриц решил подстраховаться.

Надо было круглым идиотом, чтобы додуматься до того, будто почтовый голубь способен пролететь расстояние от Лапок до Германии. Это Капа о себе, не о Фрице. У Фрица были еще какие-то задумки.

А если с «пересадкой»? – наивно подумала Капа. Ей очень хотелось, чтобы на карте указывалось место нахождения клада. Желание разбогатеть не стояло на первом месте. Наивная и робкая девочка Капа, достигшая уважаемого возраста, неожиданно поняла, как монотонна, скучна и однообразна ее жизнь. Захотелось встряхнуться, заняться чем-то новым,

вдохнуть в свою жизнь новые ощущения. Возможно, пощекотать нервишки. Пощекочешь, а там и робость куда денется, жизнь перевернется с ног на голову, забудешь о грустном, настроишься на мажорный лад.

Об улучшении своего материального состояния она тоже мечтала, что ж скрывать. Надоело носить дрянные вещи. В детстве всё донашивала за старшей сестрой. Потом, слава Богу, Капитолина перестала дотягивать до габаритов Владиславы. Та и ростом была выше и раза в три шире. Талия напрочь отсутствовала. Но Геннадий до сих пор смотрел на супругу с восхищением и томным вожделением. Называл ее куколкой и крошкой. Особенно в те дни, когда «принимал на грудь». Не сказать, что был в этом деле профи, но большим любителем это да. Если бы не тяжелая супружеская рука, может быть, и стал профи.

Истинную куколку и крошку, милую миниатюрную Капитолину, куколкой и крошкой никто не называл. С надеждой найти человека, который станет о ней заботиться, восхищаться, нарекать ласковыми прозвищами, Ложкина давно рассталась. И что значит – найти?! Бегать по городу с высунутым языком и вглядываться в лица? Вдруг кто-то взглянет на нее заинтересовано, влюбится с первого взгляда. И это кто-то не будет связан узами брака, будет свободен, будет немолод и не стар, будет способен на Поступки. И не побоится сменить свой статус закоренелого холостяка на статус женатого мужчины, верного, позабывшего свои привычки, впившиеся глубоко, как противный клещ.

Никого искать-бегать Ложкина не собирается, пусть «под лежащий камень вода не течет», она с места не сдвинется. И без того растеряла чувство собственного достоинства. Будет ждать милости от судьбы. Надежды на встречу со своим избранником не теряет. Судьба должна отблагодарить ее за терпение. Нет, слово «должна» здесь не подходит. Судьба когда-нибудь смилостивится. Капа достойна.

Терпению Капитолину мог позавидовать терпеливый из терпеливых. Взять сестру Владиславу, которая увела у нее из-под носа жениха. Пусть Капитолина больших планов относительно поклонника не строила, мысли были заняты выпускными экзаменами, поступлением в институт, но всё равно обидно. Особенно, если это сделала твоя сестра. У нее, видите ли, это был последний шанс. Генка Шахворостов – последний шанс. Раз последний,

то поступаешь наглым образом? Для Влады родственные отношения ничего не значат. Никогда не повинулась. Считает себя правой. И вся родня так считает. Никто не подумал, что по вине старшей сестры младшая осталась в девках. Но младшая ни разу не укорила, их счастьем не завидует. Только оставьте ее в покое. Так нет, Влада не упускает случая, чтобы ее не уколоть. С ехидцей благодарит сестру за «сводничество», при этом ласково улыбается. Дескать, младшая сестра их свела. Не свела, а лишь познакомила. Без задней мысли. Кто мог подумать, что по уши влюбленный в Капитолину Генка, хвостом ходивший за ней много лет, перекинется на старшую сестру, с которой сто лет знакомы. И вдруг у него глаза открылись. Раньше был слепой, стал зрячий. У Генки снесло крышу.

Правильно в народе говорят: не родись красивой, а родись счастливой.

А еще говорят: что Бог не дает, всё к лучшему. Если к другой ушел жених, еще неизвестно, кому повезло. Капитолина точно не страдала, что у Генки глаза открылись, он увидел ту, которую видел миллион раз. Да, обидно. Но обида давно бы ушла, если бы не так называемая благодарность Владиславы. Своего рода напоминание, что младшая образованная сестра – пустое место. Никто и звать ее никак.

Чем дальше, тем сложнее Капитолине что-то в себе менять. Не борец, не боец. Годы берут свое. Годы... Девяностолетний старец осудит: тоже мне, годы - пятьдесят стукнуло. И вспомнит, как он в пятьдесят получал удовольствие от жизни, о возрасте думать не думал. Потому и дожил до таких лет.

Ложкина тоже не думала. Старалась не думать. В душе чувствовала себя молодой девушкой, лет на двадцать пять. На тридцать. Но в душе... Свое отражение в зеркале видела каждый день, находила новые морщинки, не сказать, чтобы сильно убивалась, знала, что выглядит моложе своих сверстниц, но расстраивалась. Каждая новая морщинка забивала новый гвоздь в гроб ее личного счастья.

В сторону старушек мужчины не смотрят. Даже старики.

С морщинками можно бороться, можно на них легкомысленно не концентрироваться, но вот что делать с подгребаящим пенсионным возрастом. Есть ли жизнь после пятидесяти пяти? Капитолине казалось, что

нет. И как ужасно звучит – пенсия по старости. Какое «счастье» – о тебе государство позаботилось, теперь можно ничего не делать и деньги получать. Кого волнует, что в паспорт закралась ошибка. Это документ. Документам надо верить. Ах, ты молод душой? На здоровье. Душой молодись, но не забывай, что у тебя имеется пенсионное удостоверение. Ты пенсионер. Старый, беспомощный человек. Трухлявый пень.

Как бы не хотелось остановить время, ничего не выйдет. Все там будем. В смысле, окажемся по ту сторону жизни. У кого-то жизнь закончится, у кого-то продолжится без особых изменений, у кого-то, вообще, начнется новый отсчет времени. Да, пять лет пролетит незаметно, и Капитолина Ложкина, с виду молодая женщина, станет пенсионеркой. Трухлявым пнем. Кому нужен трухлявый пень? Никому.

Надежда на личное счастье способна просуществовать еще пять лет. Всего пять лет. Десятая часть прожитого.

Что можно сделать за эти ничтожные пять лет? Всё, что угодно! Построить дом, посадить дерево. Жаль, третью составляющую жизненного плана уже не осуществить: детей Ложкиной рожать поздно. Дом, дерево... И вторая половина. За пять лет всё что угодно может произойти.

Но Капа не будет рыскать по всему городу...

И объявления расклеивать на столбах не будет: одинокая женщина желает познакомиться с одиноким мужчиной без вредных привычек, у которого... есть свой угол.

Привести одинокого мужчину в семью Капитолина не желает. Устала от большого количества людей, пусть и родных? Устала, но причина в другом. Нет, она не боится, что на ее мужчину станет посягать неотразимая Владислава или молоденькая бойкая племянница Зоя, явно несчастливая в теперешнем браке. Причина в отношении к ней родственников. Она для них никто, пустое место. Она себя не уважает, потому ее не уважают все жители двухэтажного старинного особняка. И в кого она уродилась?! Все Ложкины всегда умели за себя постоять. Капа не умеет. И ее потенциальный избранник, ставший членом семьи, быстро поймет свою ошибку. Ретируется. И это лучший выход для Капы. Или присоединится к угнетающей коалиции. И это будет полным ужасом для нее. И очередным разочарованием...

Но сейчас надо думать не о личной жизни. Такая удача привалила – сюрпризик в камине!

Допустим, на карте, которую куда-то... доставлял почтовый голубь, указано место клада. Неглупая женщина, а Капа таковой себя считает, способна отыскать клад, передать клад государству и получить положенную ей часть. Когда на руках окажутся некие денежные средства, она приобретет для себя любимой жилье. Или, вообще, уедет из города Лапки, порядком ей осточертевшего, и начнет новую жизнь на новом месте. Вот даже как! Впервые такое желание вспыхнуло пионерским костром в груди.

Способна ли она всё бросить, пойти наперекор коалиции? Попытается. Знает одно - будет решать вопросы по мере их поступления. Пока рано делить шкуру неубитого медведя.

Пусть это пока «дележка шкуры неубитого медведя», но пометать-то можно? И мысленно поблагодарить родственников-узурпаторов, приказавших чистить дымоход. Премного вам благодарны...

Теперь можно строить планы в три этажа, а то и двенадцать, ее никто не остановит. И не назовет мечты несбыточными. Основа положена. Судьба начала разворачиваться в ее сторону. Уже виден фас...

Судьба ей незаметно подмигнула. Дерзай, библиотекарьша! Собственное счастье в твоих руках.

С завтрашнего утра Капитолина Ложкина займется важным делом, тайным делом. Без помощников. Она докажет в первую очередь себе, что способна на многое. А не только угождать и выслушивать укоры.

Для начала необходимо скопировать карту, - подумала Ложкина. – У меня должен быть дубликат. Мало ли что. Потом... Потом надо найти информацию о почтовых голубях.

Некстати или кстати приперся долгожданный чистильщик дымоходов, трезвый, но с сильным перегаром. Ему досталась самая черновая работа – удалить вековую сажу...

Утром за завтраком родственники были взволнованы рассеянностью всегда ответственной Капитолины. Она поставила на стол перед тетушкой Симой яичницу с беконом – любимое лакомство Геннадия, а перед тетушкой Липой – манную кашу, приготовленную для малютки Вовочки, внучка Влады. Тетушки предпочитали на завтрак овсяную кашку, сваренную на воде. В их возрасте употребление молока в любом виде вредно. Приступая к утренней трапезе, они постоянно напоминали ли всем присутствующим о вреде молока. Естественно, напоминала тетя Сима, тетя Липа привычно помалкивала, но уважительно поглядывала на сестру, которая произносила свой монолог с придыханием, будто наслаждалась тайной, известной только ей. Родственники сдержанно помалкивали, никто не обрывал короткий монолог, порядком всем надоевший.

Сегодня случилось страшное - две тарелки с овсяной кашей перекочевали соответственно к Генке и его тестю Сафрону Ефимовичу Ложкину. Вовочка с кривой усмешкой и необъяснимым восторгом изучал жареную вареную колбасу - два вывернутых кружочка, и два румяных куска жареного хлеба, так обожаемых любителем холестерина прадедушкой Сафроном, восьмидесятилетним бравым стариком, которого с огромной натяжкой можно назвать стариком. Искрящиеся глаза выдавали мужчину в самом расцвете лет, в любую минуту готового приударить за слабым полом. Отец Капы слегка остепенился с годами, интерес к слабому полу поубавил, а раньше о его похождениях знал весь город. Кроме супруги Феклы Мироновны, утверждавшей, что люди всё наговаривают, из зависти. Хотелось ей вести страусиную политику, пусть ведет. Ее право. Возможно, хотела сохранить семью. Последние годы прошли без судачеств завистливых людей касательно Сафрона Ефимовича Ложкина, нашлись другие кандидатуры для жарких обсуждений, но это не значит, что отец, дед и прадед в одном лице сдал, потерял смысл жизни. Его походы налево стали редкими, но все-таки они случались. Капка недавно стала невольной свидетельницей прощания отца со своей возлюбленной. Он стоял под ее окнами, а она томно помахивала ручкой из окна, а в заключении послала смачный воздушный поцелуй. Естественно, он не наносил визит вежливости женщине, ровеснице его дочери: выдали блудливые глаза и бурное желание обсудить с дочерью, случайной свидетельницей, ее обувку, которая «никуда не годится». Зубы заговаривал. Капитолина и без «заговора» ничего бы не сказала, не осудила. Прежняя обида за мать, страх

потерять отца, забылись, ушли. Им на смену пришла уверенность, что отец был, есть и всегда будет рядом. Надо было что-то ответить, чтобы отец не выглядел виноватым. Капа развела руками и констатировала: «Сапожник всегда без сапог». Сафрон Ефимович всю жизнь чинил в первую очередь чужую обувь, оставляя на потом обувь супруги и дочерей.

Отец единственных из всех домочадцев не допекал дочь перевоспитанием. Часто вставал на ее защиту, но, имея главный голос в коалиции, все же не мог изменить устоявшиеся отношения в семье. Наверное, его тоже устраивало наличие в доме безмолвного и ответственного человека, последнюю инстанцию, способную безмолвно принять все пожелания, замечания и не переадресовать их, например, главе семейства, не готового идти наперекор своим желаниям.

Сегодня любитель холестерина поглядывал на младшую дочь с озорством, чего не скажешь о других родственниках. Даже всегда спокойный Вовочка, налюбовавшись кружками колбасы, начал хныкать, выражая протест и жаркое желание возврата нелюбимой манной каши. Из вредности хныкал, чтобы не отрываться от коллектива, выражающего общее негодование. У коллектива, по непонятной причине, парализовало передние конечности, элементарные действия по передвиганию тарелок вызвали затруднения. Парализация компенсировалась выдающимися голосовыми звуками. Вовка пытался разразиться звуковым пением в виде вселенского плача в связи с потерей манной каши, но пробиться своим неокрепшим голосом в потоке взрослой ноты возмущения не смог.

Поначалу рабыня по имени Капа взирала на всех с непониманием, слишком была погружена в свои думы, оставленные на покой во время сна. На удивление «женщина с тайной» крепко проспала без ярких сновидений всё положенное ей время. Встала спозаранку, привела себя в порядок и отправилась на кухню готовить завтрак. Тут-то и подобралась радостно-возбужденные думы. Готовила она автоматически, но с подачей блюд вышла незадача.

Капа молчала, не суетилась, не извинялась. Поза, взгляд, голос не выдавали привычного желания услужить, угодить, чтобы получить взамен редкое ласковое слово, сдержанную благодарность с ноткой неудовольствия.

Поначалу, действительно, укрепилось непонимание, затем непонимание сменилось революционной непокорностью.

- Молчать! – негромко, но доходчиво рявкнула библиотекарша, лодырь интеллектуального труда. Когда наступила тревожная пауза, едко-нравоучительно добавила, - если кого-то что-то не устраивает, я снимаю с себя полномочия не только утреннего повара, но и обслуживающего персонала.

Приготовлением обедов и ужинов в будние дни занималась мать Капы, Фекла Мироновна. На младшую дочь была возложена обязанность накормить всех домочадцев завтраком, потому что она была жаворонком, вставала раньше всех, и исполнять все работы по дому, потому что была «электровеником». Так характеризовала тетку племянница Зоя, томная особа, предпочитавшая обдумать предстоящую работу несколько часов, прежде чем к ней приступить. Капитолина проводила эксперимент не один раз, и сделала вывод – лучше сделать всё самой, чтобы не ждать и не переделывать.

Зойкин муж Петя всегда поддерживал супругу кивком головы, при этом задерживал голову в согнутом положении, будто собирался с ней бодаться. И сегодня привычно кивнул и боднул. Право голоса в коалиции Петр постепенно утрачивал, потому что любым сказанным словом попадал впросак. Сначала это веселило, затем его вставки оставались без реакции, в последнее время вызывали раздражение. Поэтому на него сразу цыкали. В основном цыкала Зоя: ее муж, пусть сама с ним разбирается.

Петр Шлома был простым деревенским парнем с семью классами образования. Приехал из деревни на центральный рынок, чтобы обменять продукты своего крестьянского труда на денежные знаки, и познакомился с миловидной покупательницей по имени Зоя. Она показалась ему заоблачно умной. Зоя, и на самом деле, была девушкой неглупой, но ленивой и заторможенной. В связи с чем казалась туповатой, что ее нисколько не обижало. Пусть думают, что хотят, она знает о себе гораздо больше. Иной раз ошибочное мнение может сыграть на ее стороне. Петька покорило Зою бешеной любовью. Она дала согласие выйти за него замуж. Петр оказался хорошим мужем, а потом хорошим отцом для Вовочки. Но угодить вздорной супруге не мог. Пришел к выводу, что в его родной деревне их

отношения кардинально изменятся, и приступил к осаде. Крепость Зоя выстояла, и пригрозила Петьке разводом, если он не успокоится. Петька успокоился. Жизнь потекла далее, время от времени натываясь на неожиданные преграды, находящиеся в прямой зависимости от настроения Зои. Петька по-прежнему трудился трактористом в лапкинском «Водоканале», и ждал милости от супруги, не баловавшей его своим вниманием. Чтобы супруга обратила на него внимание, после трудового дня выражал крайнюю усталость. Не мог выразить словами, что вся слаженная работа акционерного общества «Водоканал» зависит от него, тракториста, но научился изображать из себя важную фигуру с неограниченными полномочиями. На вопрос Зои «что-то произошло?», в ответ охал, вздыхал, покачивал головой с осуждением, поминал недобрым словом руководство. Недобрым словом и ограничивался. Поохав-повздыхав, добавлял протяжно «если бы не я...» и цокал языком - якобы восхищался своими трактористскими способностями, самыми способными способностями в мире. Зойке импонировало его «если бы не я» - значит, не зря вышла за него замуж. Тракторист – это звучит гордо, и все в подобном духе. Поначалу на время оживала, щебетала, прижималась к надежному плечу мужа. Потом привыкла к его значимой особенности, хмурилась, иногда цыкала. Но чаще старалась не замечать.

Петька не делился событиями прошедшего дня. И чем там было делиться. Одно и то же: когда случаются порывы на трубопроводе холодной воды, он самозабвенно выкапывает котлован в указанном месте, а потом, так же самозабвенно, закапывает котлован. Всё остальное время так же самозабвенно наблюдает за работой своих коллег. Петр безумно скучает по земле, по крестьянскому труду, но хватает ума не подавать вида. А то упакуют его вещички и отправят назад, в деревню. Зоя за него не очень-то держится. Петр хотя и тугодум, и образования не хватает, но давно понял, что супруга им не дорожит. Ждет, когда подвернется подходящая замена. Но просто так он не сдастся. С заменой, если та подвернется, сойдется на кулаках. Еще неизвестно, кто кого. Победитель турнира всегда получал желаемое...

Сегодня Зоя была особенно несчастна. Источником своего несчастья считала мужа. Искала повод к нему прицепиться, а тут вмешалась тетка со

своей рассеянностью. Зойка выражала возмущение громче других, ее муж усердно бодался.

На жесткое заявление тетки Капитолины, пригрозившей самоотводом с поста утреннего повара и «вообще...», жители двухэтажного особняка отреагировали по-разному. Большая часть населения промолчала, и начала переставлять тарелки «по адресу», что снова не устроило капризного Вовочку, нелюбителя манной каши. Он принялся жалостливо хныкать, бабушка Владислава бросилась его успокаивать и одновременно указывать человеку интеллектуального труда его место. На что Капа отреагировала быстро:

- В выходные будет всем дружным коллективом мыть окна. К старикам и детям это не относится.

- С какого перепуга! – выдала племянница Зоя, резко негативно отреагировав на мытье окон в выходные дни. При этом автоматически засунула полную ложку каши в рот своему сыну. Вовка поперхнулся и закашлялся.

- Все из-за тебя, - зло бросила сестра Влада и едва не выбила со стула четырехлетнего внука ударом по спине – самое что ни на есть оказание помощи. Но слегка переусердствовала.

- Я могу и уйти. Навсегда, - объявила Капитолина, в сердцах. И тотчас сникла. В тайне понадеялась, что родственники начнут дружно извиняться, каяться, соглашаться. Только бы она никуда не уходила. Как без нее?! Без нее: сердобольной, заботливой, ответственной, любящей, преданной. Как без «электровеника», который исполняет любые желание, даже не озвученные, - понимает родных с полувзгляда.

- И куда ты пойдешь? – ехидно спросила мать. В сторону младшей дочери не взглянула, будто обращалась не к ней, а к правнуку, мигом замолчавшему после угрозы любимой Капитолины, уделявшей ему больше всех внимания. Рядом с ней малыш привычно не нудил, не хныкал, потому что с ней было интересно. – Зоя, корми ребенка! – приказала внучке бабушка, желая переключить настрой Капы на другую волну. Сейчас она схватит ложку и приступит к кормлению Вовки, не отличающегося завидным аппетитом, тем более по утрам.

Но Капитолина по-прежнему стояла поодаль с вызывающе вздернутым подбородком. Мать искоса поглядывала на нее, чтобы успеть сказать что-то нужное, правильное. Не уходит из столовой, и то ладно. Следовательно, обида не дошла до критической отметки, терпение не зашкаливает. На усталость нечего пенять: в библиотеке не наламывается, дома семеро по лавкам не скачут. В свое время Фекле Мироновне доставалось сполна. И муж с непростым характером, и детей двое, о свекре со свекровью вообще вспоминать не хочется. Жила при них хуже бедной родственницы. Хорошо, куском хлеба не попрекали. Своими замечаниями-придирадками довели до неврастения. Невестку начинал бил озноб при виде поджатых губ свекрови или сведенных бровей свекра. Грешно говорить, но их уход в мир иной стал для Феклы освобождением от рабства, праздником души. Наконец, превратилась в полновластную хозяйку. Самостоятельно вела домашнее хозяйство, девчонок не загружала. Придет время, наработаются еще. Со временем собственное унижение забылось, комплексы молодости полезли наружу, захотелось встать на место свекрови. На роль рабыни выбрала младшую дочь, беззубую. На Владиславе сильно не поедешь, на Капитолине – сколько угодно, запрягай и езжай, вытащит, вытянет. Опять же грустные мысли не посещают, голова другим занята.

- Неужели нашла себе мужика? – вставила сестра, прижимая в себе внука с измазанным в каше личиком. На приказ бабушки Зоя никак не отреагировала. Так и сидела с ложкой в руках, сурово взирая на тетку.

- Да, нашла, - вырвалось у тетки Капитолины.

- Молодец, дочка! – возрадовался отец. – Когда приведешь его в наш дом?

- Зачем? – не поняла дочка.

- Как это, зачем? Познакомимся, туда-сюда... А потом станем вместе жить.

- С какой стати я буду здесь жить с муж... мужчиной?! – Капа хотела сказать «с мужем», потом выразилась пространно, тем самым намекнув, что в отношениях с мужчиной пока не разобралась, решила пожить без регистрации, на стороне. Возразила она спокойно, отругав себя на несдержанность и заранее приготовившись к сложному разговору.

- Испокон веку все Ложкины жили в ЭТОМ доме! – мстительно напомнила мать и выразительно-заботливо поправила воротник клетчатой рубашки

мужа. В это время муж собрался откусать жареный хлеб, склонился над тарелкой, а ворот рубашки впился в горло. Ему повезло – верхняя пуговица держалась «на честном слове» и легко оторвалась, отлетев к ногам Капитолины. Кому же еще пришивать оторванную пуговицу, как не ей. По адресу отлетела.

- Мать, ну ты даешь, - с хрипотцой в голосе заметил Сафрон Ефимович. Покряхтел и вернулся к колбасе и хлебу.

- И не Ложкины тоже здесь жили, - с недовольством добавила Владислава, в девичестве Ложкина, по мужу Шахворостова.

Вовка снова оказался на своем месте. Насупился, но быстро передумал. Даже взялся за ложку, которую его мать аккуратно положила в тарелку. Мальчуган начал черпать манную кашу, высоко поднимать ложку и наблюдать, как каша возвращается в тарелку. Это была вовсе не каша, а тягучий водопад. Черп, плюх, черп, плюх...

Игры в водопад Вовке вскоре надоели. Еще больше надоели разговоры взрослых. Он понял одно – любимая Капочка может уйти из дома навсегда. Поэтому ему захотелось всплакнуть. Тогда Капочка поймет, что ему без нее будет очень-очень плохо. И передумает уходить навсегда.

Но Капочка в его сторону не смотрела, плакать расхотелось. А мать придвинула к нему ближе тарелку с ненавистой манной кашей – дала понять, что он всё съел. Спорить было опасно.

Придвинув к сыну тарелку, Зоя Шлома высказалась в поддержку матери и бабушки относительно совместного проживания Ложкиных и не Ложкиных в одном доме.

- Я тоже могла уехать в деревню, но не уехала же.

Петька вскинул брови, мать и бабушка Зои посмотрели на дочь и внучку с неудовольствием: обсуждение территориального единства давно прекратилось, они перешли на другую тему, пусть и близкую предыдущей, потому что она касалась того же действующего лица, уставшего от угнетения. Влада прямо не сказала, что согласна мыть окна в выходные, но подчеркнула, что это не абы как сложно. Ее мать, Фекла Мироновна, обидчиво заметила, чтобы ее не списывали со счетов. Она готова выйти на

субботник. Тетка Сима неопределенно качнула головой – то ли тоже готова, то ли подтвердила свое отношение к «старикам и детям».

Если Зоя начинала говорить, ее не остановят ни угрозы, ни удивления.

- Все знают, как мне не хотелось менять фамилию.

- Чистая правда, - поддержал дочь Геннадий Шахворостов.

- Причем здесь фамилия... - начала бабушка Фекла, - мы говорим...

- А я говорю, что мне не хотелось менять фамилию! Но я ее поменяла. Потому что это тра-ди-ци-я. И существует еще одна традиция – всем жить вместе. В этом самом доме! – Зоя Шлома указала пальцем на пол.

- Да! – в очередной раз поддержал ее отец. Чем вдохновил дочь на продолжение, довольно резкое.

- Почему мы должны жить здесь, а ты – в другом месте?! Или нашла себе прынца? У него дворец? Наш дом - не дворец, уж извините.

- Не дворец, - кивнул Генка, но вовремя сориентировался под предупреждающим взглядом супруги. – Не дворец, то получше всяких дворцов. Много лет стоит, и еще простоит.

- И пусть себе стоит, - успокоила отца Зоя. – Но мы – люди не гордые, можем и во дворец переехать. Надеюсь, мы вам не помешаем. Как думаешь, мам, не переехать ли нам во дворец прынца? - голосом, полным драматизма, спросила она.

Мать Зои промолчала, выразительно посмотрела на мужа, который, увы, прынцом не являлся, дворец от отца-короля по наследству не получил. Капке всегда везет. Она и красива, и умна. Опять же мужика богатого отхватила. Влада всегда мечтала разбогатеть. Надеялась отыскать клад в их старинном доме - хранителе тайн, но так и не нашла. И есть ли он, клад, вот вопрос. Чем старше становилась Влада, тем ближе подбиралось понимание того, что она невезучая, просто так ей в руки золотая рыбка не приплывет, сколько не закидывай невод. Надо иметь волшебную наживку. Еще бы узнать, что она из себя представляет.

Да, никто из Ложкиных – не Ложкиных никогда не находил в старом доме посланий от предков, богатого наследства, которое нельзя было выставлять

напоказ в тяжелое для страны время. И Влада, и Капа, и Зоя, наверное, и их предки, рыскали каждый в свое время по подвалу, по чердаку в поисках кладов. Вдохновленный выдумками Зои Петр обстучал все стены на предмет пустот, где обязаны прятаться кувшины со старинными золотыми монетами и драгоценностями, но все безуспешно. На чердаке хранился старый сундук, где лежало подвенечное платье бабушки Сафрона Ефимовича, ее пожелтевшие от времени туфли, давно потерявшие форму и цвет, костюм-тройка деда, его же сапоги, потрескавшиеся от времени, и без надобности пылилась стопка коммунистических газет, доставшихся по наследству от отца Сафрона, фанатичного коммуниста, занимавшего высокий пост в городе Лапки. Благодаря фанатичному коммунисту дворянский особняк у Ложкиных в свое время не отобрали. В период демократии, гласности и приватизации они доказали документально, что дом всегда принадлежал им и вступили в полноправное владение.

Газеты лежали на дне сундука, к ним никто не притрагивался. А вещи каждый год зачем-то проветривались, потом возвращались на место. Отец и мать считали их семейной реликвией. Если других реликвий нет, то пусть хотя бы платье с костюмом-тройкой будут служить намеком, что дом хранит еще много тайн. Придет время, и эти тайны сами дадут о себе знать. Так уверял отец, мало веривший в это. Мать девочек, напротив, была уверена, что не надо сидеть сложа руки, а надо заняться серьезными поисками с помощью металлоискателя. На заявления мужа всегда реагировала одинаково:

- Ага, сами отыщутся, когда дом рухнет.

- Этот дом переживет правнуков Вовки, - парировал отец. – Это не нынешние дома - того и гляди сложатся, наш дом строили на века.

За разговорами о дворце принца и о родовом гнезде Ложкиных Капитолине вспомнились домашние пересуды о спрятанном золотишке, о тайнах, которые когда-нибудь дадут о себе знать. Она поняла, что почтовый голубь это... первая ласточка. Хм... голубь – первая ласточка. Умно сказано...

В настоящий момент родственников интересовали не клады, а будущее Капитолины Сафроновны, женщины пятидесяти лет отроду, потерявшей надежду на создание семьи. Они наперебой начали атаковать ее вопросами, а она пристроилась за столом и приступила к чаепитию. Взгляд был

устремлен вдаль, вопросы остались без ответов. Никто из домочадцев не подумал об обмане, напротив, они уверились в существовании кавалера, ради которого всегда тихая и исполнительная Капа изменила себе.

- Я сразу понял, что с дочкой что-то не так, - высказался сообразительный Сафрон Ложкин, смакуя чай с молоком. – Мне и дополнительные объяснения не понадобились.

- Что ты понял? – первой обратилась к нему с вопросом супруга.

- Что у нашей Капы грядут изменения в личной жизни! – с восторгом ответил он. - Я очень рад за тебя, дочка. А вы чего притихли? Что-то не устраивает? Знаю, что – не хотите терять Золушку. Это ясно. А ведь я постоянно твердил, что вы лишаете ее личной жизни. Капа сделай то, Капа сделай се. Никуда не ходи, тебе нельзя никуда ходить, кто за тебя всю работу по дому переделает?! Я тоже хорош, - осуждающе покачал он головой. - Давно пора обязанности распределить. Но вас-то всё устраивало. И меня тоже. Не люблю грызню среди своих.

Домочадцы потупились, потом приступили к остывшему завтраку, но исподтишка наблюдали за Капитолиной. Она допила чай и оставила чашку. Взгляд по-прежнему был устремлен вдаль, говорил о мечтах, в скором времени обещавших воплотиться в жизнь. Народ за столом приуныл. Один Сафрон светился счастьем, озорно и с вызовом поглядывал на приунывший народ.

В это время Вовочка, вдохновленный безразличием к себе взрослых, съехал со стула вместе с тарелкой каши и, как у писателя Драгунского, вытряхнул кашу в окно, предварительно приложив немало усилий по его открытию. Даже пришлось встать на подоконник, при этом чуть не выронить тарелку из рук. Манипуляций маленького забияки с кашей никто не заметил. Забияка был начеку, постоянно вертел головой, в связи с чем чуть не свалился со стула, хорошо, не вывалился из окна. Хотя, кухня-столовая и находилась на первом этаже, но без травм дело бы не обошлось. Тем более, высота была немалая, окна не стелились по земле, прохожие даже при желании не смогли заинтересоваться, что твориться в старинном особнячке. Надо обладать завидным ростом или иметь при себе лестницу.

Когда малыш освобождал тарелку от каши, он улицу не разглядывал. Оставалось надеяться, что никому на голову каша не попадет, пострадавший не появится в доме с жалобой на безответственное поведение. Как у писателя Драгунского. Книжку с веселыми рассказами Вовке читала Капитолина.

Когда малыш вернулся с пустой тарелкой за стол, Капитолина оторвала свой мечтательный взгляд от стены, где висела картина-мазня неизвестного художника, опомнилась, схватила свою чашку, отошла с чашкой к раковине и протянула руку к вентилю на кране. Но тотчас отдернула руку, словно вентиль был нагрет до ста градусов. Показательно отвернулась от мойки, где сиротливо стояла грязная посуда и ее чашка. Наблюдавшие за ее действиями родственники сразу уткнулись в тарелки, а отец показал большой палец – знак похвалы. Уголок рта дочери вздрогнул, но рот в улыбке не растянулся. Походкой манекенщицы она покинула столовую, позабыв о своих обязанностях – мыть посуду после завтрака тоже вменялось ей. Никто из домочадцев не обронил ни одного слова, ни ласкового, ни осудительного. Когда Капитолина вышла из большой кухни, за длинным прямоугольным столом возобновились разговоры.

- Точно, влюбилась, - озабоченно прошептала Влада. Шепот вышел так себе – говорить шепотом она не умела. Испугалась, что сестра с революционными наклонностями ее услышит и наговорит резкостей. А она не найдет подходящих слов для ее усмирения и потеряет свои лидирующие позиции.

Конечно, неизменным лидером в семье был и остается Сафрон Ложкин, но в нападках на Капитолину Владислава преуспела. И старший Ложкин не мог найти на нее управу.

- Сомневаюсь я, что Капа влюбилась, - заметил Геннадий Шахворостов, произвольно поглядывая на дверной проем, который минуту назад миновала упомянутая Капа.

- Это почему же? – с угрозой в голосе поинтересовалась его жена, положив тяжелую ладонь ему на плечо. Плечевое коромысло перекошилось в ее сторону. – Неужели думаешь, что Капка до сих пор сохнет по тебе? Или ты подкидываешь дровишек в ее костер?

- В какой костер, что ты мелешь, – тихо возмутился Гена. – Мы с тобой двадцать четыре года вместе, скоро серебряную свадьбу будем отмечать. И если бы ты меня не муржила, а сразу согласилась выйти за меня замуж, то прожили бы уже тридцать лет, детей бы больше народили. А то заявила, что тебе поздно детей рожать, что годы не те и все такое.

- Мне и одной неплохо, - вбросила свою кость единственная дочь.

- Эгоистка, - пробурчал отец.

- У нас хорошая внучка, заботливая, - заступилась за Зою бабушка Фекла и обратилась к мужу, - скажи, Сафрон?

- Очень хорошая внучка, и правнук, - согласился Сафрон, выдержав паузу. После ухода Капитолины он погрузился в свои думы. Какого характера были думы, понять никто не мог. Супруга заволновалась, потому и обратилась к нему с ничего не значимым вопросом.

Зять перевел на него взгляд, удивленно вскинул брови, будто тесть сказал несурязицу или появился ниоткуда, только сейчас, а не успел с аппетитом съесть свою жареную колбасу с жареными ломтями хлеба. После чего зять ехидно хмыкнул и пробормотал себе под нос:

- Яблоня от яблони... А некоторые еще имеют наглость делать намеки. – Рассчитывал, что его никто не услышит. А зря.

- Та-а-ак, - грозно протянула «некоторая, имеющая наглость делать намеки», она же крупногабаритная супруга болтуна. Владислава и Геннадий были в одной весовой категории, но это обстоятельство никогда не умирало ее пыл скандалиста. После протяжного «так», она чувствительно огрела его по затылку. Муж с трудом удержал свое лицо от падения в тарелку. – Еще одно слово, еще один подобный намек, и ты... вылетишь ракетой через окно... Кто открыл окно?! – Опомнилась Влада. - Ребенка простудите!

Ребенок, самовольно открывший окно и опорожнивший тарелку, показательно закашлялся – показал, что уже простыл и не может идти в детский сад. Его дедушка Гена вскочил со стула и поспешил закрыть окно. Якобы покаялся за неосторожно оброненное слово. Или испугался ракетного полета через это самое окно.

Влада быстро загоралась и быстро успокаивалась, потом сама же просила прощения. Она могла простить наскоки на себя, но никогда не прощала тех, кто обижал ее родителей, особенно отца. Теперешний намек мужа касался «яблони».

– Вот что я тебе скажу, Гена, - имя мужа она пропитала смертельным ядом, - не придется нам справлять серебряную свадьбу, потому что завтра я подаю на развод!

- Что ты несешь, - заскулил Генка, присаживаясь рядом.

- Несет меня течение сквозь запахи осенние, - без намека на лирику ляпнула супруга. По звучанию фраза бы подошла признательным показаниям.

- Влада, что-то я не понял...

- Где уж тебе понять. Был бы немного умнее, давно бы... В общем, устала я... Устала от твоих...

- От чего? – услужливо вставил Гена, чья совесть была чиста. Раз «рыльце не в пушку», то можно и распоясаться, поставить жену в тупик. Думала, он начнет лобызаться, сюсюкать, заискивать, чем выдаст себя. А он поставил вопрос ребром. Мужик.

- От того! – нахмурилась Влада, идя на попятный. – Не хочу... выяснять отношения... при свидетелях, - потупив взор в пустую тарелку, сбивчиво проговорила она.

- Здесь все свои, - разведя руки в стороны, словно собирался разом обнять своих, радостно произнес муж со стажем. – Не стесняйся, говори, как есть. Расскажи, в чем я был замечен.

- Ни в чем, чего привязался, - прощebetала жена, еще и рукой махнула. Кокетливо так махнула, будто заигрывала.

- Раз нечем крыть, но не надо было затеваться с угрозами. А то, разведусь, - наморщив нос, проговорил муж.

- Да, весело день начался, - констатировал Петр и запихнул в себя кусок хлеба с маслом.

- Ты бы помолчал, - нахмурилась Зоя, - вижу, как ты на мою тетку посматриваешь. Конечно, я после родов никак в форму не приду, а у нашей Капочки фигура загляденье. Сзади, ну, точно двадцатилетняя девица. И стрижка у нее короткая, тоже годы уменьшает.

- Зоя, ты сбрендил что ли? – чуть не поперхнулся Петечка, как давеча его сын Вова. Тяжелая рука тещи едва не опустилась и ему на спину, но он вовремя поставил блок – сказало спортивное прошлое, теща скривилась от боли и потерла ушибленное место.

- Еще и мать мою ударил, - скрежеща зубами, пошла в атаку молодая жена, а Вовочка громко заревел – дабы погасить скандал, и нечаянно разбил свою тарелку.

- А ну, цыц! - гаркнул глава семьи Сафрон Ефимович. – Вы что все сегодня, белены объелись?! Были нормальные люди, стали полоумные.

- Хорошо, не мы одни полоумные, - прочирикала тетушка Сима, тетушка Липа пребывала в прострации.

- Я сказал, цыц! Всем цыц! Это что же получается, дорогие родственнички, что никому из вас ни в радость, что Капитолина нашла себе жениха?! – укоризненно, на повышенных тонах спросил Сафрон. – Так выходит?

- Пап, всё не так, - спешила ответить дочь Владислава, которую так называли в честь деда-коммуниста. – Мы все рады за Капитолину. И с распростертыми объятиями примем ее избранника. Ты не нервничай, в твоём возрасте так нельзя реагировать на...

- В каком это возрасте?! – окончательно взбесился Сафрон Ефимович. – Чего ты мне все про возраст толкуешь?! Я вас всех переживу!

- На здоровье, - басом произнес бывший крестьянин, а ныне работник «Водоканала».

Все домочадцы с большим удовольствием отыгрались бы на нем, на последней инстанции, на последнем новом члене их семьи, но вовремя одумались.

- И правда, что это с нами сегодня, - покачала головой супруга главы семьи.

- Полнолуние, - нашла объяснение тетушка Липа, молчунья и затворница, и поправила брошку на белоснежной блузе с жабо. Брошка была ровесницей Зои. Липа обожала брошку. Зою тоже обожала. Она всех обожала, но сдержанно. Чтобы никому не мешать своим обожанием. Вот сейчас сказала про полнолуние и испугалась своей болтливости.

- Причем здесь полнолуние, - заспорила с ней сестра Сима. – Тем более, полнолуние будет только будущей ночью.

- А мне показалось, - прошептала Липа.

- Кажется, надо креститься, - хмыкнула Фекла, не особо жалующая двух сестер мужа, с которыми он «сильно роднился». Был очень дружен с сестрами в молодые годы, сохранил привязанность до нынешних времен. Его родной дядька, отец Липы и Симы, погиб, когда они были малолетними детьми. Вскоре скончалась и мать девочек. Девочек взял к себе в дом отец Сафрона, фанатичный коммунист, расходившийся во взглядах с братом. После гибели брата все недоразумения-разногласия были забыты, девочки оказались в доме дяди, где их любили не меньше сына Сафрона. Олимпиада и Серафима выросли, упорхнули из дома, вернулись, когда состарились.

- Завтрак закончен, - объявил глава семьи и хлопнул ладонями по столешнице. Все послушно поднялись со своих мест, и гуськом потянулись из столовой. Фекла Мироновна принялась за грязную посуду, ей принялась помогать Серафима Игнатьевна. Ее сестра отстраненно смотрела в окно...

Дверь в кухню-столовую была нараспашку, поэтому Капитолина краем уха слышала перепалку родственников со своего второго этажа, где находилась ее комната. Слышала, но в смысл не вникала. Знала, какую новость они обсуждают. Чтобы не возникло желание любопытствовать, принялась напевать мелодию, сочиненную на ходу. Мелодия получилась трагически-похоронной, еще и добавила в заключении «та-та-та-там», словно последний гвоздь заколотила в крышку гроба. В избытке чувств грохнула дверь, выместив на ней свое зло, заодно дав понять родственникам, что ее лучше не трогать. А то еще пойдут ходочки с уговорами, вразумлениями, допытываниями.

Капитолина была очень зла. В первую очередь, на себя. Во вторую очередь, на мать, которая опередила всех и сказала совсем не то, что рассчитывала услышать младшая дочь. В третью очередь, на сестру. Она удивилась, что Капа нашла себе мужика! Она что, прокаженная? Или страшилище несусветное? Или дикообразина? Вполне симпатичная женщина... Просто с личной жизнью как-то не сложилось. Ни у нее одной. Но так вышло. По крайней мере, совесть чиста: чужих мужиков не уводила, как некоторые.

Капитолина покачала туда-сюда дверью шкафа, прислушалась к размеренному скрипу, вызывающему зубную боль, - решила проверить уровень расшатанности нервной системы. Ей не захотелось сломать дверь или побежать за смазкой, значит, не всё так плохо. Еще немного поскрипев, пытаясь попасть в ритм классического произведения Людвиг ван Бетховена «Сурок», пропела в ля-миноре «и мой сурок со мною...» и окончательно загрустила. На внутренней поверхности шкафа висело зеркало. Старое, как и шкаф, и слегка замутненное. Даже лучше, что замутненное – не рассмотришь себя с придирчивостью, не заметишь новых возрастных отметин. Конкретизировать, каких отметин, не хотелось. Капитолина сильно растянула рот, якобы улыбнулась своему отражению.

- Ой, как я рада, ой, как я рада, видеть вас, милейшая Капитолина Сафроновна. Что-то произошло за час с небольшим? Да, что-то произошло, я так и поняла, потому что как-то вдруг вы изменились, подурнели. Так что же случилось?.. Все хорошо? Странно, странно, выглядите, как человек, попавший в сложную ситуацию. Сами себя загнали? Не расстраивайтесь, всё образуется. Выпутаетесь. Сейчас не знаете, как, потом узнаете. До вечера еще уйма времени... Что вы говорите? Дни проходят однообразно? Вы лукавите! Позабыли, что произошло накануне?

Ложкина осторожно прикрыла дверцу шкафа. Закрытие сопровождалось привычным скрипом.

- Что это я разнюнилась?! – возмутилась она. Призадумалась, потом затянула бодрую песню о молодом Ленине, у которого в авангарде юный октябрь. Параллельно она облачалась в узкие черные брюки и черную водолазку. Оценила себя в зеркале и спросила у своего отражения:

- У нас кто-то умер?

Поплевала через левое плечо, после чего решила добавить к комплекту серый драповый жилет с самодельным цветком. Для веселья. Цветок не портил некогда купленную вместе с юбкой вещь, напротив, придавал сдержанной торжественности. Юбку надевать не хотелось, на улице промозгло, зябко. Махнув расческой-щеткой по своим коротко стриженным волосам, и подправив макияж, наложенный ранним утром, Капа спустилась вниз в тот момент, когда народ вытекал из кухни. Все дружно пожелали ей хорошего дня, чего отродясь не бывало, она поблагодарила, натянула куртку на рыбьем меху – почти весна, со старой шубой можно распрощаться. Возможно, навсегда. Обула ботинки на низком ходу, так ею обожаемые, набросила капюшон, и выскочила на важную улицу, где главенствовал пожирающий остатки снега туман.

По мере удаления от дома, ее шаг то убыстрялся, то замедлялся, как у человека нерешительного, пока не сообразившего, в какую сторону ему двигать, и, вообще, нужно ли ему идти вперед, не лучше ли вернуться назад. Иной раз она останавливалась, как вкопанная. В эту минуту в голове рождалась новая идея по поиску клада. Все идеи были неумными, почти безумными. Но одна – найти карту города и сравнить ее с найденной картой сорок второго года в уменьшенном масштабе – была недурной, но родилась некстати, при переходе через проезжую часть. Не всегда разумные идеи приходят в нужный момент. Так случилось и с Ложкиной. Ее осенило на пешеходном переходе.

Капка опомнилась, когда что-то чувствительно пнуло ее в бедро. Повернула голову и увидела бампер здорового автомобиля, приткнувшегося к ней. Надвинутый капюшон закрывал обзор. Она не успела его сдвинуть, когда услышала возмущенный глас водителя:

- Эй, парень, ты совсем рехнулся?! Чего встал посреди дороги, как изваяние?! Это я такой спокойный и осторожный, только прикоснулся к тебе, а другой может и сбить. Или морду набить.

- Извините, - проговорила Капитолина, непроизвольно потирая ладонью в перчатке место прикосновения бампера.

- Ох, так ты женщина, - догадался водитель. – Прости... простите. Может, вас подвезти? – миролюбиво предложил он, но из машины не вышел, в ее сторону не засеменял с заботой на лице.

Женщина успела сделать несколько шагов по проезжей части, но вновь остановилась, чтобы рассмотреть услужливого водителя. Благо, на светофоре вновь загорелся запрещенный сигнал. В поле зрения попал Петя Шлома, который вывернул из тумана и готовился переходить улицу. Немногочисленные пешеходы, замершие впереди, не помешали ему заметить родную тетку жены, выступившую за завтраком с неожиданным заявлением.

Сообразительная Капа решила сыграть на публику, тем более, подвернулся удачный случай с участием непрофессионального актера с автомобилем.

- Привет, - томно протянула она, обращаясь к водителю, выглядывающему из окошка. – Представляешь, задумалась и не заметила тебя.

Она заспешила к опешившему мужчине. У Петра выражение лица было похлеще, чем у водителя. Но удивление от увиденной сцены не помешало по достоинству оценить иномарку незнакомца. А также определить регион по номеру. Московский.

Капа с важным видом заняла место рядом с водителем. Петр заметил, как тетка поцеловала мужика прямо в губы, перекрыв ему обзор. Поцелуй затянулся, чему поспособствовал водитель, обхвативший ее двумя крепкими руками. Тетка отстранилась только благодаря требованию застрявших автомобилей, и что-то прошептала. Выражения ее лица Петя не разглядел, больше интересовался водителем, иначе бы понял, что возмущению тетки нет предела, будто не она была инициатором поцелуя. Лицо водителя хорошо просматривалась, на лице явно читалось удовлетворение с примесью затаенной хитрости. Водитель тронул свое авто, едва не зацепил наблюдателя, застывшего на «зебре».

- Ни фиги себе, - протянул наблюдатель и взялся за свой телефон. Надо было сообщить об увиденном жене Зое...

- Что это было? – поинтересовался водитель иномарки, когда они отъехали от места соприкосновения бампера с женским бедром. – Показательное выступление для мужа, который вас разлюбил, а вы решили разбудить его чувства с моей помощью?.. Нет, не разлюбил, - запротиворечил он себе, - если бы разлюбил, то не ходил за вами по пятам. Это вы его разлюбили и со всей ответственностью объявили ему об этом сегодня утром. Потому он

начал вести слезку - надеется вычислить соперника, чтобы поговорить с ним по-мужски. Можете на меня положиться, ежели что... Если мое первое предположение верно, то могу еще раз стать разжигателем былых чувств. Всегда к вашим услугам.

- Не тарактите, у меня от вас голова разболелась, - недовольно пробормотала Капитолина.

- Я не трактор, чтобы тарактеть, - без обиды определил себя мужчина и прибавил скорость.

- Всего лишь невинный поцелуй, так сказать, знак благодарности за то, не сбили меня своим бронетранспортером, - сообщила Капитолина, решив замять свою резкость. В голове у нее, действительно, шумело, как при повышенном давлении. Но все дело в поцелуе. Она забыла, когда по-настоящему целовалась с мужчинами. Легкие чмокания с друзьями и супругом своей подруги не в счет.

Ложкина посчитала нужным объяснить, но пока не нашла веских доводов. Знак благодарности это, естественно, объяснение для трактористов, а не для владельцев таких тачек. Вот идиотка! Сначала наболтала всякую чушь о женихе своим родственникам, потом выперлась на проезжую часть и застряла там, как упертый ишак, а потом увидела Петьку и... полезла с поцелуями к незнакомому мужику, к «жениху». Еще хорошо, что не выбросил из машины. То-то смеху было: Петька, тугодум и косноязычный типчик, нашел бы краски для описания картины, представшей его глазам... Мужик тоже хорош, так к себе притянул, что чуть ребра не сломал. Получается, подыграл, «раскусил» ее, не побоялся мужа. Респект ему за это. И за то, что позволил почувствовать себя желанной женщиной, в самом соку. Забыть о страшной цифре «пятьдесят», забыть, забыть.

Капа старалась о возрасте не вспоминать, мало ли, что в паспорте написано. Ошибка закралась. Такую установку она ставит себе под руководством подруги Юлии, заведующей библиотекой. Кстати, ее ровесницей. В этой же библиотеке служит охранником муж Юльки, Денис Бизонов. Еще он подрабатывает охранником на автостоянке, в свободные от основной работы дни. Когда он подрабатывает по ночам, Капа часто ночует у подруги. Всю ночь они болтают и не могут наговориться, словно не виделись много лет. Видятся ежедневно, знают друг друга с молодых лет.

«Сидели на горшках по соседству», - часто вспоминает Юлька, женщина бойкая, не то, что подруга-тихоня, не способная отстоять свои права в кругу многочисленного семейства. Капа всё о себе знает: неудачница, рохля, мямля, бесхарактерная. Никогда не может за себя постоять, никогда не отстоит свою точку зрения. Бесхребетная. Кажется, всё перечислила, ничего не забыла. Ну, может, еще надо вспомнить, что не дурна собой. Хорошо слажена – фигурка отпад, как говорит племянница Зоя. А Юлька утверждает, что подруге тридцать пять, не больше.

Капа представила, как расскажет Юлии об утреннем революционном выпаде против угнетающих масс, как получит от нее похвалу, как они будут придумывать, где взять «жениха», и немного успокоилась. Переключение мыслей всегда способствует избавлению от нервозности.

Посчитав свою предыдущую реплику «о благодарности» извинением сбрендившей особы, решила добавить:

- Ничего страшного, что в воспитательных целях поставили мне синяк на бедре. Премного благодарны, что не переехали своим бронетранспортером, - при этом улыбнулась и вежливо кивнула. Будто бы всё правильно сказала. Кажется, он мужик понятливый, с чувством юмора, так что разберется, что она из себя представляет.

- У меня не бронетранспортер, а обычный внедорожник, немец, - поправил ее водитель без всяких эмоций на лице.

Погруженная все последние часы в размышления о фашистах, использующих почтовых голубей для связи с родственниками, немцами, живущими в Германии, Капитолина Сафроновна Ложкина при словах незнакомца подобралась, как хорошо натасканная собака в ожидании приказа. Водитель краем глаза заметил ее строго-задумчиво-собранный вид и вкрадчиво поинтересовался:

- Что-то случилось? Или заметили за нами «хвост»? – Он переключился на изучение немногочисленных автомобилей, следующих за ними, видимо, не заметил в зеркале заднего обзора ничего заслуживающего внимания, но деловито напомнил, - если пожелаете повторить показательное выступление, то я всегда, пожалуйста.

- Размечтался, - хмыкнула женщина, нервно поворачивая голову то в одну сторону, то в другую, незаметно смахнула со лба испарину, от волнения, возмущенно посопела и, наконец, опомнилась, - куда вы меня везете?

- Прямо, - разумно ответил мужчина. – Можете называть меня Вальтером?

- А на самом деле?

- И на самом деле меня зовут Вальтер... А вас?!

Мысли в голове Капы метались, как потревоженный рой пчел. Он немец! На автомобиле немецкого производства! Прибыл напрямик из-за бугра, чтобы отыскать клад деда! Все-таки, фашист остался жив, вернулся на родину, но тайну до поры-до времени оставил при себе, делиться ни с кем не пожелал. На закате лет, перед самой смертью, решил рассказать обо всем любимому внуку. Может быть, у внука случились материальные затруднения, кризис не только у нас, но и в Европе.

В отличие от Петра, Ложкина не обратила внимания на номер автомобиля немецкого производства. Не сказать, что в городе Лапки все автолюбители перемещались на машинах российского производства, но иномарок было не так много. Тем более, таких бронетранспортеров. Автомобилями премиум-класса владели обеспеченные горожане, но и те предпочитали рассекать по Лапкам на более экономичных автомобилях, на выпендренных выезжали в областной центр или в столицу, до которой было полдня пути.

- Я вас чем-то шокировал? – продолжал допытываться Вальтер, чье имя произносилось с ударением на первом слоге. Но Капа мысленно стала называть его ВальтЕр, с ударением на втором слоге, так ей было спокойнее. Почему-то.

- Странное у вас имя, - прервала она свое затянувшееся молчание. - Похоже на немецкий пистолет.

Поначалу хотела потребовать остановиться, чтобы выйти из машины подозрительного типа, но потом уговорила себя задержаться. А вдруг он каким-то образом прознал о ее вчерашней находке, специально выслеживал и нашел повод для знакомства... Быть такого не может, - мысленно успокоила себя женщина, волею запойного трубочиста временно перенявшая его профессию. – Скрытых камер в нашем доме никто не ставил.

- Обычное немецкое имя, в переводе с древнегерманского означает «полководец».

- Командовать любите? – без всякого интереса спросила Ложкина, чтобы разговор поддержать.

- Мать любила романы Вальтера Скотта, вот и назвала меня в его честь. Знакомы с его творчеством?

- Я работаю в библиотеке, - коротко, но доходчиво, ответила Капитолина Сафроновна. – Обожаю и его «Айвенго, и «Черного карлика», и «Антиквара».

- Приятно иметь дело с читающей личностью. Сейчас мало кто читает книги, больше заняты смс-перепиской.

- А вы немец по национальности?

- В некотором роде: у меня дедушка был чистокровным немцем, его дочь, моя мать, уже было немкой наполовину, ну а я – на четверть.

- Значит, ваш дед был чистокровным немцем, - обреченно произнесла Капа. – И вы так спокойно об этом говорите?

- А что здесь такого? – не сообразил Вальтер, - мало в России проживает немцев? Конечно, за последние два десятилетия многие перебрались в Германию, но многие остались.

- Например, как вы, чтобы...

- Чтобы, что? – поинтересовался водитель, когда его пассажирка смолкла на полуслове.

- Чтобы жить здесь, - нашлась она. – Как в гостях не хорошо, а дома лучше.

Вальтер ничего не добавил, только передернул плечами – понимай, как хочешь.

Далее они ехали молча. Ложкина опомнилась, когда они выбрались на окраину города, впереди маячил пост ДПС.

- Куда вы меня везете?! Я сейчас закричу!

- Господи, чего ж вы так всполошились. Вы мне так и не сказали, куда вас отвезти, я посчитал бестактным вторично вас об этом спрашивать, могли подумать, что я мечтаю от вас избавиться?

- А вы не мечтаете... избавиться?

- Нет, потому что вы очень... занятная особа, с вами приятно... пообщаться.

- Можете высадить меня прямо здесь, я доберусь до работы на автобусе, - робко попросила занятная особа, потупив взор. Поскребла ноготком по невидимому пятнышку на брюках, оставив борозду на черной ткани.

- Нет уж, я довезу вас до места, но при условии – вы, наконец, скажите, куда вас везти. И откроете одну тайну, - загадочным голосом добавил он, при этом пронзил ее взглядом-лазером. Хорошо, что мимолетно, побоялся отрываться от дороги. Но и от такого мимолетно-лазерного взгляда, у нее все мозги стали перемещаться, как в одной известной игре, когда надо выставить квадратики с цифрами в правильном порядке, перемещая их в замкнутом контуре. Мозги правильно укладываться не желали, потому что их обладателя накрывала волна истерии. Где уж тут нормально мыслить.

- К... какую тайну, - спросила Ложкина блеющим голосом. В подобные ситуации она никогда не попадала, поэтому не знала, как правильно себя вести. Кажется, надо «заговорить зубы» злоумышленнику. Пока она подбирала нужные слова для «заговора», водитель уверенно вел свой автомобиль и бубнил себе под нос «тайна, тайна, это не тайна».

Заклинание, - решила Капитолина и едва не лишилась чувств. - Я не должна молчать, я должна что-то говорить... Что говорить?

- Один мой знакомый видел, как я села к вам в машину, - заявила она таким радостно-возбужденным голосом, что любой мог принять ее проникновение в чужой автотранспорт за победу на Олимпиаде.

- Знакомый? Хм... Кто он вам? – спросил Вальтер. Появление свидетеля его нисколько не тронуло. Хотел выяснить, когда он был прав: в первом случае, когда говорил о муже с остывшими чувствами, или во втором, когда семье грозил разрыв, возможно, с последующей «заменой одного из игроков».

- Э-э-э, - обалдело протянула Ложкина. К такому вопросу она была не готова. Собралась, и решила не выкладывать правду. – Просто знакомый, - с ноткой несвойственного ей кокетства произнесла она.

- Просто знакомый, - как эхо, повторил мужчина. – Хорошо... И ничего хорошего... - Рассуждал он вслух, пугая пассажирку, которая тискала свою сумку. То прикрывала грудь, как щитом, то колени. – И что же мне делать? Играть в угадайку? – спросил он у себя и расстегнул молнию на куртке.

Капа прижалась в пассажирской двери автомобиля. Она не решилась кричать во все горло и привлекать к себе внимание немногочисленных прохожих. Тем более, от прохожих было мало толку: по тротуару шествовали только старушки и молодые мамы с малолетними детишками.

- ВальтЕр... Вальтер, расскажите еще что-нибудь о себе, - предложила Ложкина, стараясь говорить спокойно, но голос все-таки выдавал ее с головой.

- Да, занятная вы особа, - кося глазом, вторично выдал он. Капитолине показалось – с угрозой.

- Занятная... для чего? – глупо скалясь, поинтересовалась она, мысленно прощаясь с жизнью, которую еще утром считала несчастной.

- Для общения, - быстро нашелся с ответом Вальтер. – Готов вам рассказать о себе, но при одном условии...

- Я не такая, - вставила занятная особа и зачем-то набросила на голову капюшон. Получилось у нее не сразу, капюшон запутался между нею и дверцей, с которой она успела сродниться, словно она могла ее защитить. Пришлось оторваться от дверцы, приблизиться к водителю. Водитель при ее приближении глубоко вдохнул, неожиданно замлел и подтвердил свое мнение фразой:

- Ах, какая женщина, мне б такую.

Женщину-мечту в капюшоне бросило от таких признаний в жар. Молния на куртке поехала вниз.

- У меня тоже так бывает – тело горит, а ноги зябнут, - признался нечистокровный немец.

- Ничего у меня не... зябнет, - честно призналась Капитолина, заплутавшая в чужих признаниях.

- Зачем капюшон натянули? Голова замерзла?

- А, это, - обрадовалась «догадливая» женщина, прихватывая пальчиками обеих рук капюшон. Оттянула пальчиками капюшон в стороны, закрыв лоб до бровей, опомнилась и смахнула капюшон с головы. - С самого утра день не задался, - призналась она. – Нервничаю без причины...

- Наверное, причина все же есть, - загадочно пробубнил водитель, поднимая с пола женскую сумку, съехавшую с колен во время манипуляций с капюшоном.

- Спасибо, - поблагодарила Капитолина. – Нет у меня причины нервничать. Жизнь удалась. Любящий муж, дети... И внук. Владимиром назвали.

- Владимир - это хорошо. Звучное имя, - безрадостно вынес вердикт Вальтер. Можно было подумать, что его заветная мечта не сбылась: а ведь как просил, как уговаривал, назвать внука Вальтером.

- Хорошее, - поддержала Ложкина чрезвычайно вдохновенно, будто высказала впечатление о прочитанном автором стихотворении. «Автора» ее положительное мнение оставило равнодушным. И не просто равнодушным, а вбило кривую настроения в землю – похоронило бывший бравурный настрой. Женщина хотела что-то добавить, но не нашла пространных выражений для поддержания незатейливой беседы.

- Что вы еще забыли мне рассказать? – вкрадчиво поинтересовался водитель. В сторону обомлевшей от такого вопроса пассажирки он не взглянул. И зачем ему на нее коситься, если он и так все знает.

Когда же успел установить в доме камеру слежения? - лихорадочно подумала Ложкина. - Кто-то обязательно в доме есть... Тетка Липа почти не выходит, ноги болят... Но он мог прикинуться... водопроводчиком. Или еще кем-то. Тетка занималась своими делами, а он... установил камеру... Или тетка с ним заодно? Пенсия у нее мизерная, желаний много, вот и решила подзаработать... Но если он все знает, все слышал, то понял – я ему наврала и про мужа, и про детей. Как бы узнать правду...

- Неужели не в чем мне больше признаться? - повторился Вальтер, когда не дождался ответа.

Вот привязался! – возмутилась про себя Капитолина. – Это у него такая игра, что ли? Сначала игра, потом... завезет в лесополосу и прощай, жизнь-жестянка... Э, нет, так просто я ему не дамся. И не жила почти. Пятьдесят лет пролетело, как один миг. Ничего-то в жизни не видела... И что такое пятьдесят? Тьфу! Всего половина, может, чуть меньше. У нас в роду все долгожители. И я... собираюсь прожить не менее девяноста... Если получится...

- Загадками говорите, - сдерживая рвущееся из груди беспокойство, сказала Ложкина и непроизвольно вновь набросила на голову капюшон – отгородилась. Теперь без задержки, вышло легко, театрально-показательно.

- Это вы загадками говорите. Что с головой?

- У меня? У меня с головой все в порядке. Работает, как... часы. Как калькулятор, - поправилась она. Лучше бы не поправлялась.

- Так вы бухгалтером в библиотеке работаете?

- Почему бухгалтером, библиотекарем. Старшим.

- Вот даже как, - покачал головой Вальтер, сложив по-жабьи губы - выказал удивление.

- Что здесь такого, - передернула плечами Ложкина.

- Действительно, что здесь такого. Мне, в принципе, без разницы, чем вы занимаетесь. Меня беспокоит не ваша профессия. Не могу понять – почему вы не хотите сказать правду, ходите кругами, изворачиваетесь.

- Я ничего не знаю! – отрапортовала старшая библиотекарьша. Решила не рассказывать о почтовом голубе под страхом смерти. Вдруг камера слежения не всё показала. Он недопонял, теперь пытается дополнить половинчатую информацию.

Мужчина пренебрег дорогой, уставился на нее и изрек:

- Впервые встречаю такую...

- Жертву, - досказала Капитолина. – Но учтите – не на ту напали!

- Я еще не нападал, - «успокоил» Вальтер. – У нас все еще впереди.
- Э... а... вы... - запуталась перепуганная особа.
- Забыли алфавит?
- С вами собственное имя забудешь!
- Впечатлил поцелуй... Тогда понятно...
- Много на себя берете! И что вам понятно? Хватит интриговать, скажите прямо, чего вы от меня хотите?
- Я хочу... Чего ж я хочу больше всего? Для начала я хочу, чтобы вы... сказали, как вас зовут. Именно этого я добиваюсь битый час.
- Меня? – опешила женщина.
- Нет, Бойля-Марриотта!- усмехнулся мужчина.
- Это два разных человека - Бойль и Марриотт. Точно не помню, но кажется, Роберт Бойль и Стив Марриотт.
- Откуда такие глубокие познания?
- Заново училась вместе с племянницей. Второй раз запоминается лучше.
- Про Бойля-Марриотта это была шутка. Я думал, вам присуще чувство юмора, - разочарованно протянул Вальтер.
- У меня такие чувства юмора, что позавидует даже известный юморист. – Она попыталась вспомнить хотя бы одну фамилию юмориста, но не смогла. – Говорю же, день с утра не задался, в голове кавардак, - сообщила она и приложила ладонь ко лбу.
- Может быть, заедем в аптеку? Есть лекарство от кавардака в голове?
- Есть! Одиночество!
- Мне показалось, или вас, действительно, кто-то обидел?
- Муж. Ему не понравился завтрак, - с печалью в голосе призналась Ложкина. Проверка началась.
- Разбаловали вы его. Не нравится, пусть сам себе готовит.

- Он много работает, мне его жаль.
- Мужчину жалеть нельзя.
- Можно и нужно.
- Вам лучше знать... Может быть, все-таки в аптеку. Купим каких-нибудь капелек. Для спокойствия. А то до вечера изведетесь.
- Лучше в библиотеку.
- Да? Странно... Хотя, что тут странного, чтение успокаивает.
- Причем здесь успокаивает—не успокаивает, я работаю в библиотеке! Я вам уже об этом несколько раз говорила, - с укоризной произнесла женщина и с вызовом отвернулась.

Капюшон перекрыл ей обзор, пришлось его скинуть. Всем видом выказала величайшую обиду, будто мужчина предложил ей выйти за него замуж, она согласилась, а спустя всего лишь полчаса, он удивленно на нее посмотрел и озвучил еще одно предложение, повергшее ее в шок – предложил познакомиться. С амнезией у мужчин нестарческого возраста она встречалась впервые, вообще, не могла представить, что у них в одно ухо влетает, из другого вылетает. Конечно, при условии, что мужчина расположен к беседе, визави его интересуется. Не как жертва. В противном случае, ему фиолетово, какая у нее профессия. Он полон... желаний, о которых даже думать не хочется.

Вальтер не маньяк-убийца, - мысленно внушила себе Ложкина. – Иначе не вел бы душевные разговоры, пусть и малопонятные. А вколол бы ей какую-то усыпляющую гадость, или оглушил, она бы отключилась, он вывез ее за город, совершил... как это у полицейских... в отношении нее противоправные действия, и... Короче, прощай, жизнь-жестянка... Он не оглушил, не вколол, не вывез. Прокатил ее с ветерком по городу, доставит, очень бы этого хотелось, до библиотеки. И не забыл, где она работает, его забавляет выводить ее из себя – нравятся взбалмошные особы, а не замороженные рыбы. Вывод Капитолине пришелся по вкусу. Пусть он обманчив, но сработал на пять баллов. Она успокоилась, как часто бывало после правильного самовнушения.

- Что вы! Я не забыл! – между тем воскликнул Вальтер, словно речь, действительно, шла о важных делах, о будущем бракосочетании. Он кивнул на здание, мимо которого они проезжали, и поинтересовался, - не в этой ли библиотеке?

- В этой! – завопила женщина, как будто на некоторое время потеряла память, а знакомое здание поспособствовало ее возвращению.

- Так просто я вас не отпущу, - угрюмо констатировал водитель и прижал ее своей рукой, как ремнем безопасности, к сиденью.

- Целоваться больше не будем, - монотонным голосом сообщила осмелевшая Ложкина.

- Я не это имел ввиду... Хотя, был бы не против.

- Тогда что вам нужно?!

- Я уже озвучил свое желание – хочу узнать ваше имя.

- Всего-то? – недоверчиво спросила она. – Капитолина... Капитолина Сафроновна Ложкина.

- Вальтер Иванович Шагаль, - ответственно назвал себя новый знакомый...

Весь день Ложкина посвятила тщательному сравнению карты города Лапки с тем посланием, которое ею было случайно обнаружено в дымоходе. Но перед сравнением увеличила масштаб карты-послания и распечатала на принтере. И сделала кое-какие выводы, что приблизило ее к успеху на несколько шагов. От дальнейших умозаключений она себя остановила, как у нее случилось при прочтении увлекательного романа – оттягивала момент развязки, смаковала.

Надо признать, что легкость сделанных выводов ее слегка пугала: нельзя разбить крепкий орех одним ударом, невозможно быстро найти ответ на сложный вопрос профану в незнакомой области. Надо поломать голову, помучиться, вырвать немало волос, ошибиться, вернуться в начало, пойти по другому пути, возможно, снова ошибиться. И снова вернуться. Бог троицу любит – третий шаг будет решающим, правильным.

В личной жизни она до третьего раза не дошла, остановилась на неудачном первом.

Капитолина Ложкина училась на заочном отделении библиотечного факультета педагогического института. Получив дипломы, вчерашние студенты отправились в ресторан. Там, в ресторане, Капитолина познакомилась с Андреем. Позже узнала, что он ее однофамилец. Еще порадовалась – кому так повезет, фамилию менять не надо. О свадьбе они заговорили на следующее утро, когда проснулись в одной постели в доме Андрея. Сначала девушка подумала, что у Андрея вошло в привычку приводить в дом девиц: он играет на бас-гитаре в ресторанном ансамбле, от поклонниц отбоя нет. Но Андрей признался, что после развода с первой женой старался держаться от женщин подальше, раны зализывал. Когда заметил в зале ресторана Капитолину, сразу понял – ради этой женщины он готов на все. Даже жениться во второй раз.

И они поженились через месяц, хотя, родители были категорически против. Даже на свадьбу не приехали. Любовь Андрея к молодой жене прожила в его сердце две недели. Как скоротечно родилась, так скоротечно и скончалась. Капитолина собрала вещи и вернулась в Лапки, к родителям, которые никогда не напоминали дочери о ее неудачном выборе. Будто Андрея Ложкина в ее жизни не было. Капа тоже не жалела о разводе, какой-никакой, а опыт супружеской жизни, пусть и двухнедельный. За ней ухаживали мужчины, но ни один не зацепил. Встречаться встречались, но замуж так и не собралась, хотя, предложения случались. Пять лет назад она рассталась с мужчиной. Он был женат, Капа терзалась, но продолжала тайно с ним встречаться. Возможно, любила, но не требовала уйти от жены. Подруга Юлька предлагала надавить, но Ложкина знала больше, чем она. У дочери любовника было серьезное заболевание, ДЦП. И не со слов любовника, видела девочку своими глазами. Оставить жену это одно, оставить выбившуюся из сил жену с больным ребенком – совсем другое.

Последние пять лет Ложкина ловила на себе заинтересованные взгляды мужчин, но дальше взглядов дело не заходило. Недавно к Денису Бизонову приезжал армейский друг. Бизоновы усиленно зазывали Капитолину в гости, чтобы познакомить ее с другом, пребывавшим на грани развода с женой-стервой, но она не поддавалась на уговоры. Знает, эти грани развода. Домой

вернется, и грани исчезнуть, а ей жить, пережевывать очередное любовное приключение. Лучше пусть этих приключений не будет вовсе...

О новом знакомом, с которым целовалась в машине, Капитолина успешно забыла, несмотря на возникшее желание очнуться от затянувшейся спячки. Пролетит еще пять лет, нагрянет пенсия, и на любовных приключениях можно оставить крест.

Это ее личное мнение. И никакие споры-разговоры ее не переубедят.

Пенсионное удостоверение это пропуск в другую жизнь. Теперешняя не сахар, а после пенсии...

Почему теперешняя не сахар? Всё познается в сравнении. Пока ей сравнивать не с чем, живет спокойно, без эксцессов, пусть не все в жизни устраивает, но в этом надо винить только себя, бесхарактерную и безвольную.

Не гневи Бога, - постоянно выговаривает Владислава своей дочери Зойке, которая постоянно жалуется на жизнь, увеличивает микроскопические проблемы до космических размеров, делает из мухи слона. Капитолина тоже делает из мухи слона, но в отличие от Зойки помалкивает. Ни с кем, кроме подруги Юлии, да и то редко, не делится переживаниями касательно пенсионного возраста. Ведь знает, что у нее бзик на этом возрасте, пунктик, но никак не справится, не пережует втихомолку свою проблему и не выплюнет. Надо выплюнуть и забыть. По-о-одумешь! Что ты себе в голову вбила, женщина? Что после перехода опасной черты, превратишься в немощную старуху? Вмиг состаришься, скукожишься-скрючишься, вырядишься в черные одежды до пят, и начнешь ходить по дворам, исполнять бетховенского «Сурка»? Зарабатывать плаксивым пением на пропитание? Детей Бог не дал: никто стакан воды не подаст, кусок хлеба в руку не сунет. Детей, увы, нет, но есть племянница Зоя, есть любимый ребенок Вовка. Не дадут пропасть тетке и бабушке... Но у Зойки есть родители, у Вовки есть родная бабушка и родной дедушка. Дойдет ли очередь до второстепенного родственника?.. Остается петь «Сурка».

Мелодия с занудной привязанностью заскреблась в голове.

Савояр, ты себе еще шарманку купи, - невесело подумала потенциальная пенсионерка, уже обращаясь к себе, как к уличному музыканту. Хотела

поднять себе настроение, в итоге, совсем расквасилась. И не так будущей пенсией, дамокловым мечом маячащую впереди – все там будем, как предстоящим объяснением с родственниками.

Как только она явится пред их светлые очи, тотчас начнется допрос с пристрастием: кто, когда, где, каковы планы на ближайшее будущее? Неужели решила нас покинуть? Нельзя ли переиграть уже принятое решение? Ах, решение окончательное и пересмотру не подлежит?! А подать-ка нам сюда этого... мужика на немецком авто, с которым ее застучал Петька Шлома! Хотим на него поглядеть, понять, что за птица? Вдруг это Андрей Ложкин номер два – поматросит и бросит. Мы его быстро выведем на чистую воду! Ты без нашей подсказки не проживешь, потому как в людях не разбираешься, тебя охмурить-запутать легче-легкого. А сестра Влада окинет придирчиво-строгим взглядом, скривится и скажет: «Неужели ты могла подумать, что тебя кто-то может полюбить по-настоящему, без задней мысли?» Мне бы уверенно сказать: «Да! Может! И он не пень трухлявый, не слепец, не урод. Нормальный мужик. Влюбился в меня с первого взгляда!... Съела?» Возможно, с «первым взглядом» я перегнула палку – возраст не тот, чтобы с первого взгляда, тут бы с четвертого человека разглядеть, понять, кто он, что у него за спиной, есть ли в голове умные мысли, способен ли поддержать разговор. Или у него голова для того, чтобы в нее есть. Как в известном анекдоте. В нашем возрасте на первый план выступают разговоры... О чем это я? Уже замуж собралась? Тебя кто-то звал замуж? Облобызалась в салоне немецкого авто с ее владельцем, выступила в показательных выступлениях. Спрашивается, кто тебя за руку в салон тянул, кто заставил лобызаться? Тихоня! В тихом омуте, знамо что водится... О последствиях подумала? Могла за ужином робко признаться – пошутила! Или – устала от рабовладельческого ига, возмущению нет предела, решила таким способом напугать. Теперь кое-что изменилось: Петька видел меня с мужчиной. Мы целовались в машине, потому умчались вдаль. Как выпутаться из ситуации, которая сама же организовала? Никак. Снова стану посмешищем, любимые родственники закидают меня камнями. Что ж с того, мне не впервой скрыться в своей комнате и тихо себя жалеть. Огрызнуться не пробовала? Пробовала, не далее, как сегодня утром. И что из этого вышло? Ничего хорошего. Заварила ты, Капочка, кашу, сама ее и расхлебывай. Например, соври что-нибудь. Я не имею врать. Запутаюсь окончательно. Никто не поверит, что мужчине пришлось неожиданно

уехать... навсегда. Мы поругались, он уехал. За этим признанием последует миллион вопросов. Надо знать моих любопытных родственников. Лучший выход - предъявить им мужчину. Естественно, не с улицы – не первого встречного, который согласится за денежное вознаграждение сыграть роль жениха. Не факт, что Петька разглядел водителя, с которым я миловалась, но лучше не рисковать. Да, Капитолина Сафроновна, задала ты себе задачку. Не было проблем, купила баба поросю. Зачем мне эти игры в свадьбу-женитьбы? Решено: скажу – пошутила. С меня и взятки гладки – я не от мира сего, это их изречение, не мое. Я-то всё о себе знаю. Не сказать, что это всё мне нравится или устраивает, но переделывать себе поздно – полтинник уже прожит. Полвека. Большая часть жизни... Нет, объяснение «пошутила» не прокатит. Я скажу, что... он оказался запойным алкашом. Год назад закодировался, сегодня раскодировался и устроил по этому поводу праздник. Машину разбил, еще хорошо, никого не покалечил. Мне алкоголики не нужны. Я попыталась ему это разъяснить, но вряд ли он понял – состояние опьянение перевалило за критическую отметку понимания. Больше никаких кавалеров! И без них прекрасно. Нормальных мужиков давно разобрали, остались одни с отклонениями, тунеядцы-дебоширы-алкаши. Мне это нужно?! Столько лет жила одна, проживу и дальше.

- Пенсия, пенсия, скоро ко мне ты спешишь, - пропела Капа на мотив «Ландышей». – Пенсия, пенсия, на фиг иди...

Юлька Бизонова отличалась способностью находить лучшее в каждом возрасте. И всегда добавляла, что всё зависит от самой женщины, можно и в двадцать быть старухой. Приводила примеры из жизни, когда одинокая пенсионерка выходила замуж за иностранца, счастливо доживала свой век в другой стране, копейки не считала, путешествовала, еще и материально помогала детям и внукам, оставшимся на Родине.

- Это не про меня, я патриотка, - без всякого пафоса заявляла Капитолина в ответ на намеки подруги. – И вообще, меня всё в жизни устраивает. – Опять вспоминала «разобранных и оставшихся» мужчин и добавляла, - чем иметь плохого мужа, лучше никакого не иметь.

– Ты и не имеешь никакого! – в сердцах бросала Юлия и принималась сводничать.

- Не хочу ничего слышать! – затыкала уши Ложкина.
- Боже! С кем я дружу! – закатывала глаза Бизонова.
- С одной очень хорошей девочкой преклонных лет, - подсказывала та.
- Не сиди сиднем дома, сходи куда-нибудь. В театре премьера скоро...
- В одном фильме героиня утверждала, что знакомиться надо на кладбище. Вдовцов пруд пруди, - усмехалась Капа.
- И она была права. Вдовец – это тебе не мужчина в разводе, который вызывает подозрение: если жена с ним развелась, у нее на то были веские причины. Без причины нормальных мужиков не бросают. Советую – сходи на кладбище. Купи четное число гвоздик и поброди среди могил. Вдруг случай подвернется...
- Юля, ты здравомыслящая женщина, а как скажешь иной раз!
- Я умываю руки! Сама разбирайся со своей жизнью. Придет время, и прибежишь за помощью. Рано или поздно, поймешь, что одиночество это...
- Сволочь, - услужливо подсказала Капитолина.
- И сволочь, и скука, и старость.
- Старость?
- Да, старость. Когда не ловишь заинтересованных мужских взглядов, не слышишь комплиментов в свой адрес, не общаешься... тесно с мужчинами, пропитавшимися к тебе любовью, ты начинаешь угасать. Как цветок без полива и без яркого света. Последний раз прошу – иди уже... куда-нибудь, не отворачивайся, не отказывайся...
- Что, сразу соглашаться? Я так не могу, - закапризничала Капа. Хотела назвать себя кактусом, которому не нужен полив и не всегда нужен яркий свет, но не решилась – последует лекция на ботаническую тему с переходом на роль человека в жизни растений.
- Не можешь, или в монастырь. Там тебе и место! – не на шутку разошлась Бизонова.
- Рано. Лет через пять.

- За пять лет многое может случиться.

- Это да. Вдруг в мою жизнь ворвется Мужчина?! Буду идти по улице, а тут Он. Увидит меня и потеряет голову. И представь себе – вполне подходящий экземпляр: холост, в порочащих связях замечен не был.

- Веселится и ликует весь народ, - хмыкнула Юлия, не разделявшая несерьезного подхода к серьезному делу...

Капитолине очень хотелось бы узнать, что о ней подумал Вальтер Иванович Шагаль. Хотя, какая разница, что он о ней подумал: больше она его не увидит. Чему она безумно рада. Лучше забыть о своем безобразном поведении в самом начале, глупых выходках в середине недолгого путешествия по городу и внезапном оступении в самом конце, перед расставанием. Ложкина надеялась, что он не догадался, как она трусит...

О Вальтере она думала в начале рабочего дня, потом окунулась в работу, параллельно занималась картой, обнаруженной в дымоходе, сверяла ее с картой города, ликовала, остывала, мечтала, осуждала. И размышляла о жизни.

В конце рабочего дня, вообще, забыла, что произошло в весеннее утро. И надо благодарить подарок судьбы в виде мумии голубя. Подарок переключил ее мысли. В противном случае Капитолина бы мучилась, вспоминала, взвешивала, оценивала. И пришла бы к неутешительному выводу, не блещущему новизной – она мямля, трусиха, особа, сбрендившая на почве одиночества. Юлька права...

Капитолина Ложкина не кривила душой, она, действительно, выбросила из головы встречу, случившуюся туманным утром. Будто и не было мужчины с редким именем Вальтер или ВальтЕр, с фамилией Шагаль, созвучной с фамилией известного живописца. Капитолине было о чем подумать: на кону поиски клада. Клад практически в ее руках. Даже не верится.

Но мужчина с редким именем Вальтер решил о себе напомнить.

Капитолина очень удивилась, когда увидела знакомый автомобиль неподалеку от входа в здание главной библиотеки города. Главной и единственной, все остальные библиотеки давно закрылись.

Едва Капа появилась на крыльце, Шагаль выскочил из своего авто, прихватив милый букет тюльпанов, и направился к ней решительным шагом.

Не к добру это всё, - подумала Ложкина, но букет приняла с благодарностью, и позволила усадить с себя на то самое место, которое занимала утром. Вальтер устроился за рулем и предложил поужинать в каком-нибудь приличном месте, понадеявшись, что приличных мест в Лапках хоть отбавляй. Капа рестораны не посещала, все праздники они отмечали дома с родными или в библиотеке с коллегами после трудового дня. Но племянница Зоя недавно рассказывала, что сотрудница их хлебобулочного завода уходила на пенсию и сняла для важного мероприятия целое кафе. Кафе называлось «Нимфа». Ложкину еще поразило название заведения, потому и запомнила.

Рассеянно-усталым голосом Капитолина сказала, что знает одно место, где они могут поужинать. Старалась показать, что посещение подобных мест давно вошло у нее в привычку. Ничего нового, не считая смены спутников.

Кафе находилось на главной улице города, улице Садовой, где в одном из старинных зданий располагалась и библиотека, в другом - музей, в котором когда-то давно работала смотрителем тетушка Липа. Кажется, были и какие-то рестораны, но Капитолина никогда не обращала на них внимания, они ей без надобности. Так думалось. Только в кошмарном сне могла привидеться встреча с женщиной с редким именем Вальтер, на немецком автомобиле, похожим на бронетранспортер. Хотя... Почему в кошмарном? Вдруг он – ее судьба? И почему машину сравнивала с бронетранспортером, которого «живьем» отродясь не видела, только по телевизору, во время парадов. Но они были соизмеримыми с машиной господина Шагаля. Самое время рассуждать об автомобилях, тоже мне, знаток. Лучше подумай, как будешь себя вести, что скажешь? Что-нибудь скажу, умом-разумом Бог не обидел, но забыл дать храбрости. К далеком прошлом была совсем другой. Не сказать чтобы дерзким храбрецом, но не такой пугливой вороной, как сейчас... Соберись, Ложкина, соберись. Избавься от томной отстраненности, свойственной молодым блондинкам без ума и фантазии. Чего-чего, а фантазии у тебя хоть отбавляй. Фонтанирует фантазия, но из границ «бассейна» не выливается: никому не интересно, о чем женщина... преклонных лет думает, о чем мечтает. Она сама никому неинтересна. Была неинтересна до сегодняшнего дня. Немаловажное уточнение. Взяла

инициативу в свои руки, набросилась на незнакомца, как снежная лавина в период интенсивного таяния снега. Весна-а-а. Пора пробуждений всех ярких чувств. У кого как, у Ложкиной желание утереть нос родственникам – визуальное подтверждение утренней болтовни, соскочившей с языка. Глупость несусветная. Это о мужском интересе. Скажи честно - мужчина элементарно заскучал в небольшом городишке, который можно несколько раз обойти за день, рассмотреть все неуникальные достопримечательности. Она украсит его командировочную жизнь, поверит рассказам о будущем счастье, он уедет, на время, чтобы потом вернуться и сделать все честь по чести: руку у родителей попросить, колечко на пальчик натянуть, предстоящие планы обсудить. А планов громадье. Свадьба, не пышная, но достойная, свадебное путешествие, достойное. Переезд в другой город... Город Лапки Капитолина видеть без слез не может. Каждую выбоину на дороге знает, каждую щербинку на домах, всех жителей города ни с кем не перепутает. Надоело. Куда угодно готова переехать.

А как же отец с матерью? Сестра, племянница? А Вовка? Кто будет с ним заниматься? Вырастит трын-трава. Потом она будет локти себе кусать.

Но у Вовки есть родители, вот пусть они с ним занимаются...

Ага, они с ним позанимаются. У Петьки одна извилина в голове и та прямая. У Зойки одни шмотки на уме, желание развлечься. Сколько раз говорила Владиславе, поговори с дочерью, ты мать, она тебя послушает. Вышла замуж, так изволь вести себя, как должно.

Пропадут они без меня. Точно пропадут.

Что ж мне теперь, лишать себя счастья?!

Других ты, Капа, коришь, а сама-то... Еще ничего не известно, а ты планы строишь, размышляешь, какой выбор сделать. А тебя-то выбрали?

Выбери меня, выбери меня, птица счастья... неизвестного дня.

- Да, не к добру всё это, - опять подумала Ложкина. А еще кто-то совсем недавно утверждал, что нет никакого желания выходить замуж, видеть одно и то же лицо каждый божий день. И каждый божий вечер, и каждую ночь. Не раздражаться по любому поводу, менять устоявшиеся за пятьдесят лет привычки.

Не мечты это и не сочинительства, не бальзам на одинокую душу и не самообман, чтобы увериться в наличии неувядающей привлекательности. Это самовнушение для успокоения. Совсем не хочется бежать сломя голову от мужчины, который ведет себя подозрительно, играет с ней, как с глупенькой девушкой. Почему не хочется? Ответ лежит на поверхности – любопытно узнать правду! Вот и всё. Капитолина его больше не боится, сто процентов не боится. Девяносто девять и девять десятых, что не боится. Почти как результат анализа на ДНК.

И на столько же процентов не верит, что Вальтер воспылал к ней чувствами или заинтересовался ею. В городе есть более подходящие экземпляры для совместного посещения ресторана, плавно перетекающее в недолгие проводы до дома и долгие, по сравнению с проводами, чаепития с известными последствиями.

И опять почему, очередное почему! Почему она решила, что он напросится в гости? Сама сказала, что муж, дети, внук Вовка.

Допустим, она признается, что живет с родителями. Он? Искренне удивится – значит, ни сном, ни духом, о находке в дымоходе ничего не знает, корыстных целей не преследует. Неискренне удивится (тоже мне, великий физиономист) – значит, цели его ясны. Третий вариант: возрадуется отсутствию мужа, признается, что не хочет с ней расставаться, затащит ее в гостиницу. У него номер-люкс, в котором им будет комфортно... пить чай и разговаривать.

И не допустит мысли, что она ему откажет. Причина в ее страстном поцелуе, которым она его наградила сегодня утром, когда села к нему в автомобиль.

Наивняк, как говорит Зойка.

Пора бы уже мозги включать, пенсия не за горами, а ты все о любви, да о любви.

Так и скажи – произошел сдвиг по фазе от нехватки мужского внимания, мужской ласки. Будешь ждать первого шага от мужчины, незаметно досидишься до пенсии. Почему бы не согласиться на... чаепитие в номере отеля. Не девочка-подросток.

Сдвиг по фазе. Точно сдвиг по фазе. Набросилась с поцелуями на незнакомого мужика.

Дело не в нехватке внимания, дело в удивительной находке. Вот тебе и ответ. Потому устроила утром революционную ситуацию. Потом поцелуечики, разговорчики. Теперь вот... едем неизвестно куда. В кафе. Ужинать. Вести беседу. О чем? Ни о чем. Зачем я согласилась?! Куда меня несет? Хочешь еще одной пощечины? Страдать, рыдать в подушку, уворачиваться от вопросов? Этого хочешь? Не придумывай. Посидите, разойдетесь, забудете. Ничего личного...

Во всем виновата эта ненавистная карта многолетней давности. Надо было выбросить ее и забыть.

Не фрицевская карта тому виною, а Капкино любопытство. Стало любопытно, что у мумии голубя на лапке. Узнала «что» и захотелось приключений. Адюльтер с женщиной – тоже приключение... Да, надо принимать адюльтер как приключение, а не копаться в причине внезапного интереса. Проще надо относиться к поворотам судьбы, благодарить, что не дали раствориться в депрессии, мягким шарфом окутавшей тебя после долгой монотонной зимы...

Разве могла подумать тихая провинциальная женщина, что сегодняшняя выходка с поцелуем это такая мелочь по сравнению с тем, что случится позже.

Но в настоящий момент все мысли были направлены на решение проблемы по имени Вальтер. То ли пускаться в приключения с ним, то ли отказаться от совместного ужина. Прямо сейчас отказаться, выйти из автомобиля, сославшись на безотлагательные дела. Мол, вспомнила – надо срочно уехать.

И... жить дальше, как жила – тихо, монотонно, без мужского внимания. У нее есть целых пять лет до пенсии. Все, что угодно может произойти за эти пять лет.

Пролетят, не заметишь. Бах, и пенсия.

Надо признать, едва начавшееся приключение ее захватило, хотя, есть время всё переиграть. Уже сидит в машине, уже высказалась по поводу

места, где они могут поужинать, не беда. Скользнула в машину, чтобы Юлька не заметила из окна ее встречу с мужчиной. То-то бы началось следствие с не прекращаемыми допросами. Прямо повезло, что подруга задержалась на работе, не стала свидетелем встречи...

Водитель не мешал чужой работе мысли, дефилировал по улицам города, привычно не уточняя маршрут. Головой по сторонам не вертел, надеялся на подсказку. Ложкина помалкивала, у кафе не останавливалась. Нужна была пауза для обдумывания правильности своего поведения. И поведения мужчины со странным поведением. Он и сам был странным. И подозрительным.

Старушка, да ты сама странная, мнительная, с миллионов пунктиков в голове. Не спихивай на любопытство. Любопытно то, что интересно. Тебе Вальтер интересен? Нисколечко. Тогда проси остановить, бухти что-то про срочный уезд и чеши домой, где тебя поднимут на смех твои домочадцы.

Думаешь, попристают и забудут? Скорее всего, но прежде придется вынести миллион насмешек. Вынесешь, не впервой, и еще глубже закопаешься в себе, закроешься на семь замков, а ключи от семи замков выбросишь, чтобы никто не проник в твою кроткую душу. И тогда всё, конец жизни. Ты будешь двигаться, сдержанно отвечать на вопросы, дышать, иногда даже улыбаться, в основном в разговоре с любимой подругой, но не жить – существовать. Сейчас тебе судьба дала шанс выкарабкаться из застенков, которые ты соорудила своим руками. Не без помощи сторонних лиц, это сущая правда. Но основная вина лежит на тебе. Хорошо, что понимаешь. Будто бы знаешь, что надо делать, но ничего не делаешь.

Судьба дала шанс, подбросив старую карту. Вслед за картой тут же появился мужчина. Расставайся со своим приобретенным синдромом трусости, начинай действовать. Не нравится словосочетание? Хорошо, пусть будет синдром трусливой смелости. И не трус, и не смельчак. Серединка на половинку. Это человек, который стремится избавиться от комплекса страха. Боязно идти в чащу леса, но ты собираешься и идешь. Никогда не набрасывалась первой на мужчину, сегодня это произошло. Всё бывает в первый раз...

Внутренние противоречия измучили Капитолину. Желание выскочить из машины, как пробка из бутылки, даже без объяснений, было таким сильным,

что она решила поискать якорь, способный удержать ее на месте. Якорем оказался выставленный в ее сторону локоть Вальтера. Мужчина тотчас разомлел, как кот на теплом солнышке, и, не теряя времени даром, поцеловал спутницу в висок. Спутница дернулась и въехала другим виском в стекло. Мужской локоть успела выпустить из цепких лапок, не создав аварийную ситуацию на дороге.

- Голова закружилась, - призналась Ложкина, потирая сразу оба виска – и поцелованный единожды и ушибленный.

- Вы, наверное, голодны...

- Еще скажите, что у меня голодный обморок сейчас случится и надо поскорее добраться до места.

- Не мешало бы.

- Тогда... - Капитолина хотела сказать, что надо бы развернуться, но повременила - не разобралась с внутренними противоречиями. Необходимо дополнительное время, как в футболе. Может, отфутболить подальше этого мужчину?

- Высаживаем десант в любом месте, - договорил за нее Шагаль, пока не отфутболенный.

- В любом не стоит, лучше в проверенном.

- Как скажите.

Слушай, чучело с синдромом трусливой смелости, пора что-то решать, - мысленно призвала себя Ложкина, наградив «ласкающим» слух прозвищем. – Любопытно, как Вальтер себя поведет, как объяснит свой приезд в захолустный городок Лапки? Надеешься, что обронит неосторожное слово, а ты тут как тут со своими скорыми выводами. Хочется приключений, острых ощущений, и они последуют после сверх идеального вывода: он прибыл по твою душу. Откуда «ноги растут» у такого сверх сумасшедшего вывода? Слишком подозрительна связь между вчерашней находкой в дымоходе и неожиданным знакомством. Столько лет ходила по одной и той же улице, никто бампером к бедру не притирался. Неужели есть взаимосвязь?.. И муж его не напугал, потому что знает всю мою подноготную.

- Не бойтесь моего мужа-ревнивца? – ляпнула она первое, что пришло в голову.

- Как сказал Гоша, он же Гога в фильме «Москва слезам не верит»: «А мужа-то никакого и нет».

- Разве вы, как Гоша, успели побывать у меня дома?

- Увы, нет, даже не узнал, где вы живете, и не успел выпросить номер телефона. Понадеялся, что встречу вас у библиотеки. Не вышло бы сегодня, повторил попытку завтра.

- Тогда откуда? Справки навели?

- По глазам понял, что вы одиноки.

- У меня в глазах тоска не потому, что одинока, а потому что... проблемы... со здоровьем. Не у меня, - опомнилась Ложкина. На кого спихнуть выдуманные проблемы со здоровьем? На близких нельзя – еще беду накличешь.

- Я могу чем-нибудь помочь?

Капитолина решила обойтись без имен.

- Этому человеку уже ничем не поможешь. Поздно... Тем более, он живет далеко отсюда. И виделись мы последний раз сто лет назад. Но мне его все равно искренне жаль.

- Я рад, что мы встретились, - увел от грусти Вальтер.

- Конечно, рады, - процедила сквозь зубы мнительная особа с массой предрассудков. - Чем еще развлечься в командировке, как не закрутить роман с женщиной, которая сама бросилась под машину.

- Заметьте, не я это предложил. У меня в мыслях не было! – наигранно возмутился Вальтер.

Капа скривилась от притянутой театральности. Ее недовольная мимика не осталась незамеченной. И мужчина заговорил на полном серьезе.

- Я к подобным командировочным не отношусь. Потому и инцидентов с чужими мужьями не было... Это я к вопросу о том, боюсь ли мужей-ревнивцев. Зато с чужими детьми без проблем нахожу общий язык.

- Не хитрите, так и скажите, что хотите больше обо мне узнать. Пока не могу понять, зачем вам все это... Но, извольте, мне скрывать нечего. Да, я не замужем. Довольны? – Вальтер кивнул. – Что еще? В моей биографии нет ничего особенного. Была замужем, очень давно, с мужем быстро расстались. Детей нет. Живу в большом доме в кругу многочисленных родственников, одному из которых было адресовано сегодняшнее показательное выступление, как вы его назвали. Родных очень интересуется моя личная жизнь, остро переживают мое одиночество, вот я и решила их успокоить, когда заметила за собой слезку. И не слезка это была, - поправилась Капитолина, - за мной по пятам не ходят, не контролируют, случайно все вышло. Теперь вы!

- Официально был женат один раз, есть сын, уже взрослый, в разводе давно, были еще два гражданских брака, неудачных... Что еще?.. Пятьдесят два года... Я индивидуальный предприниматель. Можно, не буду вдаваться в подробности?

- Тогда я не буду вдаваться в подробности своего возраста, - улыбнулась Ложкина.

- Я вас об этом и не просил. Не слепой, вижу, что вам не больше сорока.

- Хм...

- Я впервые в вашем городе, поэтому выбор питейно-закусывающего заведения за вами. Вы обещали показать...

- Разве я не сказала названия кафе? «Нимфа». Но нам лучше вернуться назад, мы опять почти добрались до выезда из города. Кафе находится на той же улице, что и библиотека.

- Вам нравится кататься на машине? – без всяких эмоций поинтересовался водитель, намотавший за утро немало кругов по городу в угоду мало знакомой женщине. Вечером она решила повторить испытание на выдержку.

- Почему бы не покататься на таком автомобиле.

- Неужели хотите кому-то попасться на глаза? Никогда не поверю.

- И правильно, что не верите. Пускать пыль в глаза не входит в число моих отрицательных черт.

- Мне показалось, вы сотканы из одних положительных качеств.

-...

- Я сказал что-то не то?

- А что вы хотите от меня услышать? Я не сваха, чтобы себя расхваливать. Похвалу люблю, не скрою. Кто же ее не любит.

- Это правда... Капитолина Сафроновна, вы очень... красивая женщина. А в вашем городе живут одни слепцы. Но мне это на руку...

- Вы о чем? – не сообразила Ложкина. Ее атаковали мысленные противоречия: расстаться или продолжить знакомство.

- Мне повезло, что мужчины в вашем городе слепы, никто из них не затащил вас в загс.

- Они не слепы. За мной постоянно ходит толпа поклонников, сегодня я дала им выходной.

Ох, ты и хитрец, Шагаль, или как там тебя зовут на самом деле. Решил мне лапшу на уши красочно развесить, подумал, что я тут же растаю от льстивых слов, отупею, размякну, а он приступит к осуществлению второго пункта плана. Первый пункт – знакомство с обольщением – успешно выполнен. Дудки! Не на ту попал. Да, выгляжу моложе своих лет, спорить не стану, но точно не на сорок. Это он загнул. На сорок лет я выгляжу при плохом освещении и в солнцезащитных очках, что немало важно – морщины менее заметны и безысходность с тоской в глазах не читаема. Никогда не считала себя красавицей из красавиц. Красота, вообще, штука относительная. Для кого и шимпанзе – красатень. Неужели свободный мужик с деньгами не найдет себе более подходящий фигуристый экземпляр с длинными ногами и лет на двадцать пять моложе? Найдет, без сомнения... Что же ему от меня нужно? От меня, забитой тети, пусть и с мозгами. Еще скажи, что дело в мозгах. Эка невидаль! По улицам не одни пустоголовые дамочки расхаживают... Но я занятная особа, так он меня назвал утром... Блин горелый, что ему от меня нужно? Думай, тетя, думай... А если он маньяк-убийца? Гастролирует по городам России, оставляет за собой кровавый

след, на протяжении многих десятков лет. После очередного совершенного преступления возвращается к семье и продолжает жить, как жил. До следующего рецидива... Это возможно? Вполне. Но больно уж машина у него примечательная, любой запомнит, тем более, в небольшом городишке, как наш, где все друг друга знают, если не лично, то в лицо. И номера на машине... А что номера! Номера можно и липовые присандалить, без проблем. Я в кино видела.

Капитолина скосила глаза в сторону водителя, который в очередной раз проехал мимо кафе «Нимфа», не заметив, потому как не изучал вывески, ждал подсказки от пассажирки с видом пойманного разведчика. «Пойманный разведчик» окончательно осознал свою ошибку – не нужно было соглашаться на его предложение! Тем более, Вальтер Шагаль Ложкиной совсем не нравился, ну, ничуть. Бесцветный какой-то. И хитрый. И роста невысокого, немного выше ее, и то, если без каблучков, а с каблучками, вообще, сравниваются.

Это я себя уговариваю оставить лютики-цветочки в машине, а самой двигать в сторону дома, где меня заждались родственники, готовые устроить мне за ужином допрос, уже ручки потирают от нетерпения. А частный предприниматель Вальтер Шагаль пусть ищет себе другую дуру для приятного времяпровождения, - пришла к «общему знаменателю» женщина в возрасте, пусть и выглядевшая моложе своих лет. – Меня на банальный комплимент не поймаете... Приятно, скрывать не буду, давно не слышала о себе лестных отзывов, комплиментов. Только приказы, нравоучения, возмущения. Вот именно! Даже не с кем поговорить нормально, все тебя учат уму-разуму, включая недоразвитых экземпляров, у которых один плюс – развитая мускулатура, необходимая для переноски тяжестей. И то не допросишься картошки купить, на своем горбу приходится таскать. У зятя, у Генки, автомобиль имеется, но на рынок съездить не допросишься. Одни иждивенцы живут в доме, думают, если дают деньги в общий котел, то можно забыть обо всем. Тарелку за собой никогда не помогают. А я обязана безропотно им всем прислуживать! Хочется рвать и метать! Живу, как робот, каждый день одно и то же, скоро с ума сойду. Ну, нашла чужое послание, что с того. Находясь в здравом уме и твердой памяти, со всей ответственностью могу сказать – ерунда всё это! Ничего я не найду... Но попробовать можно, чем черт не шутит. Опять же развлечение с ожиданием

сюрприза. Почти праздник. И сегодня я хочу устроить себе праздник. Почему бы мне не поужинать с мужчиной? Разнообразить, так сказать, свою скучную жизнь, обещавшую в скором будущем неожиданный сюрприз. Пока сюрприз живет в моих мечтах-фантазиях, я могу пообщаться с мужчиной в непринужденной обстановке. Причина проста – выиграло любопытство, захотела превратить синдром трусливой смелости в смешную привычку, применяемую для сдерживания своих тайных желаний. Да, мечтает найти свою вторую половину, пусть звучит это избито, но это так. Мечтает остановить время – не стариться. Паспорт можно «съесть», чтобы забыть о возрасте, а мечту об остановке времени реализовать при помощи любви, которая нагрянет в любой момент. Тусклый глаз загорится, печальные мысли катапультируются из головы, счастливая улыбка прилепится к губам. Благодарь. Кто вспомнит о пенсии по старости?! Кто пенсионерка? Эта молодая подвижная женщина? Вы что-то путаете.

Вдруг Вальтер Шагаль это пропуск в другую жизнь? – подумала Капитолина Ложкина. - Пусть он мне сразу не приглянулся, но это пока. Я не в том возрасте (опять возраст!), чтобы влюбиться с первого взгляда. Мне нужны основания для любви. Надо лишь расстаться с подозрительностью. Рассматривать Вальтера, как потенциального поклонника без задних мыслей. Мужчина приехал в чужой город, случайно встретил на улице женщину, привлекательную женщину, достойную внимания мужчины, и предложил вместе провести приятный вечер. Женщина согласилась, но потом повела себя, как... закомплексованное чувырло, принявшее в штыки любое признание. Надо отбросить сомнения... И разведать его планы. Там будем видно. В случае чего, у меня есть в сумке средство самозащиты, флакон туалетной воды. Прысну в глаза, сработает не хуже газового баллончика. Парфюм мне любимая сестричка подарила, сказала, выбирала по своему вкусу. Со вкусом у нее всегда были проблемы. Одно не ясно – почему я должна страдать? Мне было стыдно вернуть подарок, а ей не стыдно дарить ненужную вещь.

- Где же ваше кафе, мы уже всю улицу Садовую проехали? – напомнил о себе Вальтер Иванович, плотоядно взглянув на пассажирку, растворившуюся в собственных размышлениях, но более-менее пришедшую к согласию с внутренним миром.

- Правда? И куда же оно подевалось? - с позабытым задором произнесла Капа, вдохновляясь новой идеей, которую сочла нужным озвучить, - а может, черт с ним, с кафе. Еще не известно, что там за кухня, накормят какой-нибудь гадостью, и окажетесь на больничной койке, вместо того, чтобы заниматься своими командировочными делами.

- У вас есть другое предложение? Но сразу скажу - легко вы от меня не отделаетесь!

О, как! Уже угрожает, - не сильно беспокоилась Ложкина, но руки судорожно затеребили подаренный букет тюльпанов. Чтобы себя не выдать, она положила букет на сумку, прикрывавшую колени, затянутые в брюки.

- Капитолина Сафроновна, не понимаю, чем я вас так напугал? Я не хочу с вами расставаться, вот и все. А вы что подумали?

- Ничего плохого, - сообщила она дребезжащим голосом, будто промерзла до хрящиков, гуляя по лесу в студеную зимнюю пору.

Пора была весенняя, в салоне автомобиля было уморительно тепло.

Но владельцем автомобиля является подозрительная личность, возможно, маньяк-убийца, от которого исходит волна холода. Так показалось Капитолине. Она с трудом преодолела желание дотронуться до кисти руки, сжимавшей руль. Хотелось проверить температуру тела. Можно было засунуть руку за пазуху... С нее станется. Сначала поцелуй, потом грязные заигрывания.

- Капитолина Сафроновна, так где мы приземлимся?

- Дайте мне минуту... на размышление.

- Время пошло, - улыбнулся бесцветный мужчина.

И не владелец он вовсе, автомобиль числится в угоне, - вновь забеспокоилась женщина, она же Фома неверующий. - Нацепил другие номера, и уже - не в угоне. И документы у него на машину липовые. И назвался чужим именем... Чем дальше в лес, тем глупее идеи, тем выше опасность заразиться сумасшествием, - осудила она себя.

- Знаете что! – на повышенных тонах произнесла Капитолина, возмущенная захватившим ее в плен синдромом бешеной трусости, выпихивающий

синдром трусливой смелости. – Я... я... приглашаю вас к себе в гости! И не думайте отказываться.

- И в мыслях не было, - загорелся желанием Вальтер, чем немало удивил женщину «в плену». Она рассчитывала, что он начнет увилывать: преступные планы не позволяют знакомиться с многочисленными родственниками-свидетелями.

Или он считает себя самым хитро-мудрым, или на самом деле он мне симпатизирует, - подумала Капа. – Назвал очень красивой. До этого - забавной. Она такая же забавная, как Зойкин муж Петька солист балетной группы Большого театра... Что же ему надо? А мне надо... устроить показательные выступления перед родственниками...

Отец стоял у окна, ждал припозднившуюся дочь. Телефонными звонками ее донимали редко, только в экстренных случаях. Капитолина давно отбила желание донимать, и сама не оповещала о своих перемещениях. Только в случае ночевки у подружки Юльки.

Сегодня выпал день волнений, обсуждений. Естественно, цепочка передач действовала молниеносно, об инциденте на дороге все уже знали. Но отложили обсуждение на вечер. В присутствии или в отсутствие одного из главных лиц, все равно. Может быть, еще лучше, если Капитолина припоздаст, поделится своими соображениями, разработают общую концепцию – не все жильцы дома будут согласны с переменами в жизни младшей Ложкиной, например, те, кто не желает терять Золушку. Из ее слов стало понятно, что приводить в дом мужа она не собирается, хотя, и имеет неудачный опыт семейной жизни на стороне. Но покладистую Капитолину иногда невозможно сдвинуть с места, невозможно заставить изменить принятое решение. Это уже не Золушка, не исполнительная тихоня, а Жанна д'Арк. Захочет быть рядом со своим избранником, а не с ними, и чем крыть? Сказать, что некому чистить дымоход, некому готовить завтрак, некому делать генеральную уборку и раскладывать все вещи по местам так, чтобы потом их можно было найти, некому мирить рассорившихся родственников? Не так часто они сорятся, но случается, как без ссоры в большой семье. Капа находит подход к каждому, выказывает дипломатические качества. А к ней никто подхода не ищет. Рубят в лицо

правду-матку. Например, как сегодня утром собственная мать, ехидно заявившая, «и куда ты пойдешь». Капитолина перевела на свой понятный язык «никому ты не нужна, никто тебя не ждет, только родственники готовы терпеть твой невыносимый характер». Можно подумать, она портит всем жизнь, вступает в компромисс, угнетает. Не портит, не вступает, не угнетает, почти всегда со всеми соглашается. Если не соглашается, то ей дают «вольную» - поступай, как хочешь. Она поступит, как хочет, перебесится, затем все возвращается на круги своя. Капитолина снова превращается в Золушку, трудолюбивую и исполнительную, которая пять дней в неделю проводит вне стен дома, бьет баклуши от девяти до шести, чтобы по возвращении засучить рукава...

Ложкина заметила суету за окном. Отец что-то сказал домочадцам, те прилипли к окну, то быстро отпрянули - сестра Влада постаралась. И не потому, что побоялась испортить первое впечатление о семье - много чести! Подумаешь, привела в дом прынца. Как пришел, так и уйдет. Не хватало еще реверансы делать. Они люди простые, прямолинейные, без закидонов. Сначала посмотрят, что за фрукт, потом и подобающий прием окажут. Лично Владиславе и без смотрин понятно, что он за фрукт: нормальный мужик с серьезными намерениями на ее забитую сестру внимания не обратит. Тем более, на таком автомобиле.

По дороге Вальтер и Капитолина заехали в магазин – он настоял: нельзя идти в гости с пустыми руками. Купили бутылку вина, торт, детский конструктор для Вовочки.

Домочадцы выстроились в две шеренги в прихожей. Не хватало только тетушки Липы, бывшей смотрительницы музея. У всех были грозные лица. Капа подумала, что в руках не хватает палок для битья по спине – изощренный способ казни в прошлые времена.

Вальтер вежливо поздоровался со всеми, потом с каждым в отдельности, потрепал маленького Вовку и вручил ему подарок. Любознательный мальчуган схватил коробку двумя руками и уточнил:

- Это мне?

- Конечно, тебе, - ответила за гостя Капитолина.

Когда представления закончились, мать пригласила всех к столу.

- Где тетушка Липа? – спросила младшая племянница.
  - Я заглянула к ней в комнату, она сказала, что сейчас откроет окно и придет, - сообщила тетушка Сима.
  - У нашей Липы есть привычка проветривать комнату каждый раз, когда она ее покидает. Ей нужен свежий воздух, но она боится, что ее просквозит, - пояснила Фекла Мироновна.
  - И где же она? – нахмурилась Владислава. – Для открывания окна трех минут вполне достаточно, а прошло гораздо больше.
  - Кажется, она что-то разбила в своей комнате, я слышала громкий звук непонятого происхождения, - вспомнила Зоя, обладавшая отличным слухом. Слышала даже то, что никто не говорил, за что получила прозвище Сказочница.
  - Я ничего не слышал, - заметил ее муж, кося глазом на жаркое, выложенное на огромном глубоком блюде. – Мы есть сегодня будем или будем разговоры разговаривать?
  - Я пойду к Липе, потороплю ее, - на ходу сказала Капа и двинулась по длинному коридору первого этажа, в конце которого располагалась комната припозднившейся к ужину тетушки.
- Вскоре Капа вернулась. Одна. На лице отразился ужас, будто она увидела привидение, о котором они сочиняли жуткие истории в далеком детстве. Провела глазами по всем сидящим за столом, замершим в немом укоре, и не издала ни звука.
- Что случилось? – первым спросил Вальтер Шагаль.
  - Что с Липой? Что ты молчишь, как рыба об лед?! – возмутилась сестра
- Сравнение показалось Капе глупым. По таким репликам гость сделает неправильные выводы об их семействе. Даже в сложных ситуациях ее коробила чужая необразованность, беспокоило мнение постороннего человека. Вопрос Влады стал ушатом холодной воды. Она немного пришла в себя, язык отклеился от нёба, противный комок, застрявший в горле, протолкнулся глубже.

- Липе... кто-то размозжил голову ее любимым каслинским подсвечником, - монотонным голосом сообщила она. Хватило сил на длинное предложение. Могла ограничиться «Липа мертва», но посчитала важным сообщить, что тетку убили, не скончалась от сердечного приступа или еще от какого-то хронического заболевания, коих было немало в старом организме.

Капитолина смотрела только на Вальтера, на постороннего человека, который никогда не видел тетушку, лежавшую в данный момент на полу в своей спальне в нелепой позе. Убийственное сообщение предназначалось ему одному. Для Капы больше никого за столом не было. На лице гостя – постороннего для них человека - отразились лишь вялые эмоции. Но он зачем-то принялся придирчиво осматривать соседей по столу, словно пытался разобраться в истинных мотивах заявления Капитолины Сафроновны. Тем самым не нарочно уводил от себя ее внимание. Ложкина боялась увидеть лица родных. Прошло всего несколько секунд, ей показалось – прошло минут тридцать. Это время родные взяли якобы для осмысления. И сейчас... начнется. Не началось, Вальтер вскочил и приказал Ложкиной:

- Показывай, где ее комната!..

Подсвечник каслинского литья был очень тяжелым, поэтому у всех не осталось сомнения, что старушка умерла. И не просто умерла, а к ее смерти приложил руку преступник, проникший в комнату через распахнутое окно – для проветривания.

Тетушка Олимпиада лежала на боку, ногами к двери. Капа едва не задела ее дверью, когда входила, привычно стукнув и не дожидаясь позволения. Рядом с телом лежал тот самый подсвечник каслинского литья. Во время уборки в спальне Липы Капитолина с трудом переставляла его с места на место. Подсвечник Олимпиаде Игнатьевне Ложкиной вручил директор музея, когда она уходила на заслуженный отдых в возрасте семидесяти лет. Двоюродный брат посоветовал сестре «стукнуть директора по башке этим подсвечником», чтобы поумнел: это ж надо было придумать, сделать такой памятный подарок хилой старушке, которая тяжелее яблока ничего в руках не держит. Но тетушку Липу польстил дар начальника. При помощи брата и других родственников дар прибыл по месту прописки его новой

обладательницы и был водружен на пианино, за которым никто не музицировал. Пианино было куплено для Капитолины более сорока лет назад, родители мечтали сделать ее знаменитой пианисткой, но ее даже не приняли в музыкальную школу по веской причине – ни слуха, ни способностей у девочки нет! Для начала надо было поступить в музыкальную школу, а потом покупать инструмент, но родители Ложкины нисколько не сомневались, что дочь «возьмут с распростертыми объятиями». Она прекрасно поет и великолепно дудит в детскую дудочку, изводя старшую сестру, которая была безумно рада, что сестру «не взяли с распростертыми объятиями»: битья по клавишам она бы точно не вынесла. С дудкой Влада поступила просто – случайно выбросила ее мусорное ведро, предварительно завернув в старую газету. Чтобы никто ее там не обнаружил и не вернул юной музыкантше.

Когда в дом к Ложкиным перебралась тетушка Липа, пианино решено было продать. Наконец-то! Мертвый груз, обосновавшийся в широком коридоре, всем порядком надоел. И теперь будто бы мешал переезду. Но тетушка предложила компромисс – пианино переедет к ней в комнату. Подходящая подставка для директорского подарка, - пошутила Олимпиада.

Чтобы никто не заспорил, она выкупила пианино за символическую плату – торт, коробку конфет и пачку индийского чая, пусть и второго сорта. Все жильцы дома, кроме главы семьи, было ужасными сладкоежками и чаехлебами. Пианино – мертвый груз - отдали бы и без символической платы, но от сладостей отказываться не стали. Сразу же и устроили чаепитие, дополнив его рябиновой наливочкой, сделанной хозяйкой дома...

- Говорил я ей, а она, красиво, красиво, - вырвалось у растерянного Сафрона Ефимовича. Он присел на корточки у бездыханного тела двоюродной сестры, осторожно коснулся пальцами вывернутой руки, громко застонал, как раненый зверь, не удержался и провел ладонью по окровавленной теменной части головы, принюхался, будто хотел убедиться, что это кровь, не красная краска, и неожиданно расплакался, держа на весу перепачканную кисть руки.

Никто не решился подойти ближе. Все сгрудились у входа в комнату тетушки Олимпиады, только Вовочка остался на кухне, был увлечен новой игрой, поэтому ничего не слышал и не заметил, как кухня опустела.

Тетушка Сима ойкнула, схватилась за сердце и осела бы на пол, если бы ее не подхватил Геннадий.

- Надо вызвать врача, - всхлипывая, произнесла Фекла Мироновна. Она старалась не смотреть на распростертое на полу тело.

- Врач ей уже не нужен, - глухим голосом отозвалась Влада.

- Врач нужен Симе. И мне.

- Капитолина, уведи своих... куда-нибудь. Я вызову полицию и «Скорую», - тихом голосом попросил Вальтер...

«Скорая» приехала быстрее полицейских. Пока врачи оказывали помощь двум старушкам, полицейские приступили к осмотру места преступления. Жильцы дома сгруппировались на кухне и ждали своего часа. Тихо обсуждали слова Симы. То как она зашла в комнату к сестре, как та сказала, что откроет окно для проветривания и придет на ужин.

Крепыш-особнячок Ложкиных стоял в переулке Братском среди себе подобных. Были и не подобные, построенные гораздо позже. На главной улице города Лапки, на улице Садовой, прежние и нынешние власти не решались впихнуть новостройки между историческими памятниками архитектуры, но позволяли себе вольности вдали от центра. Переулок Братский не так был далек от центра, всего в десяти минутах ходьбы прогулочным шагом, но новостроек нежилого фонда здесь было предостаточно. Так между домом Ложкиных и домом Светланы Виленовны Ивашкиной втиснулось неказистое блочное строение в два этажа. Дело было в семидесятых годах двадцатого века. Назвали его звучно «Дом быта». На первом этаже расположился ремонт обуви, куда сразу устроился на работу Сафрон Ложкин, обувной мастер со стажем. Здесь же находилась химчистка. На втором этаже – парикмахерская и ателье. Всё компактно, и в шаговой доступности. Окна у «Дома быта» в форме куба были только на трех гранях. Коммунист Ложкин, стоявший в то время одной ногой на дороге, ведущей в тихую пенсионную жизнь, воспринял новостройку «под носом» нервозно, но затевать вражду не стал, только настоял, чтобы в его окна «никто не пялился». Ему, как будущему пенсионеру всесоюзного значения, пошли навстречу – одна стена новостройки стала «глухой». От этой стены до особняка Ложкиных было всего-то четыре метра. Эти метры обиженные

Ложкины решили использовать по своему назначению, несмотря на то, что земля была общей, частной землей была лишь земля под домом. Одну сторону пролета шириной четыре метра, с задней стороны, они закрыли высоким забором с острыми наконечниками – чтобы не перелезали мальчишки-хулиганы, а с другой устроили въезд на импровизированную стоянку. С воротами, всё как полагается. В этом пролете долгое время стояла черная «Волга» партийца Владислава Ложкина. Когда он скоростно скончался, «Волгу» продали. Остался один «Москвич» Сафрона. Потом к «Москвичу» добавились «Жигули» Геннадия. «Москвич» ушел под пресс, владелец «Жигулей» без сожаления расстался со стареньким автомобилем и купил себе «Hyundai», чему был несказанно счастлив и отмечал сие событие с таким размахом, что прогулял всю месячную зарплату и едва не оказался на улице в обнимку с новым приобретением. Но поклялся жене «завязать» и был прощен.

Без проблем миновав закрытые ворота, злоумышленник попал на стоянку, где в одиночестве дремал Генкин транспорт, а затем - в окно комнаты тетушки Липы. Полицейский предположил, что все вышло случайно. Некий бродяга шел по улице, заметил распахнутое окно и решил чем-нибудь поживиться. Заглянув в комнату, он убедился, что комната пуста, забрался внутрь, а тут за чем-то вернулась старушка. Бродяга перепугался, схватил первое, что под руку попало, и ударил старушку по голове тяжелым подсвечником каслинского литья. После чего скрылся, не успев ничего прихватить. После долгого изучения вещей погибшей все жильцы подтвердили, что в комнате ничего не пропало.

Положение трупа – ногами к двери - и размозженная теменная часть головы - следствие удара пресловутым подсвечником - подтвердили слова полицейского о возвращении старушки и об орудии преступления. Всё это было очевидно и неспециалистам в следственных делах, поэтому главный следователь вызвал у неспециалистов неодобрение с недоверием и несломленное предубеждение: ничего хорошего ждать от такого специалиста не приходится. Убийца будет свободно передвигаться по городу и искать следующую жертву, пожелавшую открыть окно для проветривания.

Тело тетушки Липы увезли в морг для вскрытия, полицейский закончил допрос, переговорил с криминалистом, который прошедшие два часа порхал с одного места на другое, долго исследовал следы на автомобиле Генки, чем

сильно его встревожил. Особенно тщательному осмотру подвергся подоконник и орудие преступления. Последнее он упаковал в большой пакет и забрал с собой. Следователь со «звуковой» фамилией Звонилкин в пятый раз за два часа с явным подозрением взглянул на Вальтера Ивановича, гостя Ложкиных, кивнул всем на прощание, и наконец, выкатился на улицу вслед за криминалистом и другими коллегами. Коллеги устроились в дребезжащем «УАЗе», Звонилкин садиться не спешил. Некоторое время постоял, после чего резко развернулся и спешно зашагал к дому. Без спроса распахнул входную дверь, в три шага преодолел расстояние от входной двери до кухни-столовой и вкрадчиво спросил, словно до этого не прощался и не покидал дом:

- У погибшей есть еще родственники?

- Нет, - в разноречивой ответили Ложкины и не Ложкины, ошалело переглядываясь. Одна тетушка Сима, более-менее пришедшая в себя, промолчала и потупила свои выцветшие синие глаза, похожие на вылинявшую синюю футболку. Будто бы и промолчала тихо-мирно, не показательно, но наблюдательного следователя заинтересовала. Наверное, все дело в потупившемся взгляде. Весь остальной люд взирал на полицейского открыто, с непониманием. В том числе и господин Шагаль, которого с первой минуты появления в доме Ложкиных невзлюбил следователь. Полицейский потребовал у него предъявить документы, изучил их, после чего предложил гостю удалиться. Ненавязчиво так предложил, подразумевая самостоятельный выбор. Шагаль выбрал дальнейшее пребывание в доме, где произошло убийство. Этим подкупил не только Капитолину, но и всех членов семьи. Им показалось, что рядом с этим мужчиной, надежным и деловым, им будет легче совладать с обрушившейся на них трагедией – нашел для всех нужные слова, внушил уверенность, что зло будет наказано. Во время допроса постоянно осаживал Звонилкина, иногда ободряюще кивал или хмурился, если очередной «подопечный» уходил в ненужную сторону. В общем, был вроде адвоката.

- Спрашиваю еще раз - у погибшей были еще родственники? – привязался полицейский, мысленно нареченный Владиславой «банным листом».

Владислава собралась ответить что-то резкое, чтобы следователь закрыл дверь с обратной стороны, передернула крепкими плечами, уже сжала

кулаки – свидетельство вступления в непримиримый бой, но привычно обратила свой взор к молчаливому адвокату, позабыв, что прежде в адвокатах никогда не нуждалась. Сама на себя злилась, но поделаться ничего не могла. Шагаль возымел власть над всеми домочадцами, включая особо непреклонных.

Вальтер Иванович сложил брови домиком и, не мигая, уставился на Владу. Якобы удивился ее дерзкому поведению, которое пока было дерзким лишь наполовину. От следователя не укрылись ее телодвижения и сжатые кулаки. Он приготовился отразить атаку веским словом, присущим «людям при власти», но женщина неожиданно размякла и отвернулась. Чтобы сгладить свое поражение, что-то пробормотала себе под нос. На ее бормотание никто внимания не обратил, тем более слово взял глава семейства.

- Гражданин хороший, что ж вы нас вопросами мучаете?! Вам русским языком было сказано – у Олимпиады нет других родных, кроме нас. Что вам еще нужно?

Полицейский показался Сафрону Ложкину бездарным человеком, халатно относящимся к своим обязанностям. Он почти зевал во время допроса, скучал, сыскного рвения не выказывал. И Сафрон понял, что дело об убийстве его двоюродной сестры едва ли будет раскрыто по горячим следам. И «по холодным» тоже едва ли. При знакомом младшей дочери не хотелось показывать себя с худшей стороны, до поры-до времени терпел этого павлина с пагонами, но все-таки не сдержался.

Полицейский топтался на месте, и дальше не проходил, и не прощался.

- Если у вас всё, то мы бы хотели остаться в кругу своей семьи, - с кратким заявлением выступила Владислава Шахворостова, возвращая себе уверенность.

- У меня еще не всё, есть еще вопросы, - с легко читаемой враждебностью перебил ее следователь, неожиданно расставшийся со своей дремой. Добрался до стула, на котором сидел до этого, и по-хозяйски там расположился. Группа печального народа, не сговариваясь, расселась по углам, подальше от стола.

Между тем, полицейский прицепился к Серафиме, как оголодавший пес к прохожему, покинувшему гастронорм с кружком вкусно пахнущей колбасы.

Сначала попросил пересесть поближе, потом вторично спросил о родственниках Олимпиады Игнатъевны. Родная сестра покойной Олимпиады сослалась на недомогание и хотела удалиться в свою комнату, соседствующую с комнатой сестры, но тот сделал вид, будто не услышал.

- Серафима Игнатъевна, мне показалось, вы что-то скрываете. Так ли это?

- Чего вы привязались к тете! Она потеряла близкого, родного человека. И она не в себе! Неужели не видно?! – возмутилась Влада, которая успешно избавилась от опеки молчаливого адвоката простым способом – показательно села к нему спиной. Благо, на спине не было глаз. Адвокат застрял в дверном проеме, подпирая его плечом.

- Мне врач укол сделал, - с гордостью доложила Сима, - успокаивающий.

- Вот, видите, она полуспит! – зло бросила Влада, уставшая от канители и ненужных допросов: никто из них не виновен в смерти тетки, никто ничего не видел, полицейский сам сказал, что это дело рук бродяги, решившего поживиться в чужом доме с распахнутым настежь окном. Что ему еще надо?! Они похоронят тетку по-людски, не беднота подзаборная. И нет у тетки кроме них никого, все об этом знают... Честно говоря, и Капитолинын поклонник ее раздражал. Сначала, как все, прониклась к нему уважением: не сбежал, остался, поддерживал. Но потом возомнил из себя невесть кого. Подержал руку на пульсе, повыпендривался, пора и честь знать. Слова о желании остаться в кругу своей семьи были адресованы не только следователю, но и господину Шагалю, на которого Капа смотрит, как на божество. Как была девой неразумной, так ею и осталась.

- Чем быстрее вы вспомните, тем быстрее я уйду и оставлю вас в покое, - пронзая взглядом «скрытную» старушку, изрек полицейский. Вспышку Влады он оставил без внимания.

В столовую заглянул еще один полицейский, совсем молоденький мальчишка, незаметно проникший в чужой дом, и спросил:

- Товарищ майор, вас ждать? Или мы поехали, а машину за вами потом пришлем?

- Езжайте, - махнул рукой майор Звонилкин, - я сам доберусь.

Когда мальчишка исчез, Влада возмутилась:

- Мы будем на вас жаловаться! Отец, ты чего молчишь?

- Владислава Сафроновна, вам лучше взять себя в руки, - посоветовал тот, кто весь вечер ее контролировал. Его взгляд скребся по женской спине, но безуспешно.

- Отвали, - ответно посоветовала Влада господину Шагалью. За него никто не вступился, даже Капитолина. Отваливать он не собирался – сидящая к нему спиной Владислава удаляющихся шагов не услышала, как не напрягала слух.

Теперь не отвяжется, - обреченно подумала она, и решила, что разберется с ним позже. В его чувства к сестре не верила. Искала подоплеку. И очень бы удивилась, узнав, что в этом они с сестрой схожи.

Сафрон Ложкин поспешил пресечь назревающий конфликт, но не обратился ни к гостю, ни к старшей дочери. Продолжил разговор с майором полиции, во власть которого попала двоюродная сестра Сима. Сменил гнев на милость.

- Я знаю своих сестер от рождения. И Симу, И Липу. И могу со всей ответственностью заявить, что кроме нас, у них больше никого нет. Зачем бы нам скрывать правду.

- До этого у вас была одна версия – убийство совершил бродяга, - вставила Капитолина, - теперь вы...

- Решили найти убийцу среди нас, - не дала ей договорить старшая сестра.

Следователь сбросил маску. Его первоначальное безразличие имело причину – прикидывался простачком и лентяем, бдительность усыплял. Авось кто-то проговорится, выдаст себя. И Капа загордилась собой – она его раскусила. Вздернула подбородок и, как партизан на допросе, с вызовом заявила:

- Нам не в чем признаваться! Ни раньше, ни сейчас. Тетушку мы любили, другой родни, на которую можно навесить убийство, у нее нет... Так что не обессудьте, придется вам засучить рукава и побегать в поисках преступника, - язвительно произнесла она. - Здесь вы его точно не найдете. И Вальтер Шагаль не убивал тетю, не надо его подозревать. Он впервые оказался в нашем доме. О тете никогда не слышал. Мы с ним... - собралась с духом и призналась, - мы с ним познакомились только сегодня утром, совершенно

случайно. Я сама бросилась под колеса его автомобиля... Дорогие родственники, не переживайте, все обошлось, травм и повреждений нет, не считая синяков. А вам, товарищ майор полиции, надо научиться разбираться в людях. Не первый год в «органах».

- Спасибо за совет, - пробасил полицейский, высверливая во лбу Серафимы дыру с кулак. На Капитолину, как и на Владиславу, он реагировал слабо. «Голодный пес» шел за вожделенным кружком колбасы, которая была в руках у старушки.

- Сафроша... Девочки... Вы не всё знаете, - промямлила Серафима, нервно поглаживая ладонью по столу, словно что-то искала наощупь. Потом сцепила пальцы, расцепила, соединила ладони, после чего приложила слипшиеся ладони к губам – пыталась закрыть рот, сохранить тайну. - Ладно, я скажу, - сказала она, стукнув разлипшимися ладонями по столу. - Раз теперь Липочки моей в живых нет, то и клятва, ей данная, теряет силу... Есть у нее еще родня...

Капитолина, взявшая на себя переговоры между следователем и родственниками, не дала тетушке продолжить.

- Я не понимаю, к чему эти вопросы! Пусть все тайны уйдут вместе с Липой в могилу. Я уверена, что к ее гибели никакие родственники непричастны. – И обратила взор к родным, для поддержки. Все дружно закивали. Кроме Симы. И Влады, которой не понравилось верховенство сестры.

- Так-то оно так, - покачала седой головой Серафима, - но милиции виднее, вдруг... - начала она и осеклась под суровым взглядом брата.

- Если вы будете продолжать упорствовать, то мне придется отвезти вас в участок и провести допрос по всей форме, - обратился к ней одной майор полиции.

Бравый старик Ложкин никогда не давал своих в обиду. Он глубоко вздохнул и приступил к образцово-воспитательному процессу над «сопливым мальчишкой», посмевающим делать опрометчивые намеки. Так и сказал, опрометчивые, еще и скривился, будто случайно проглотил острый перец в борще. Это слово постоянно употребляет в своей речи герой последнего сериала, который они смотрят после вечерних новостей своим узким старческим кругом. Благородное такое слово, интеллигентное. И

доходчивое. Пусть поймет, что незачем приставать с расспросами к людям, которые горюют и хотят остаться одни, без посторонних. От этих посторонних нет никакой пользы, убийцу не найдут, только вид сделают. Или найдут козла отпущения, на которого можно навесить преступление. В их доме все любили Липу, у них дружная семья. А этот...опрометчивый намекальщик пусть катится подобру-поздорову.

Язвительный дедок изложил полицейскому, получившему новое прозвище, свои мысли. О том, откуда почерпнул новое слово, интеллигентное и доходчивое, естественно, не сказал. В заключении свел кустистые брови – решил нанести контрольно-пугающий выстрел. Чтобы полицейского и след простыл.

Родственники бойкого дедка сидели с изумленными лицами, на время позабыв о разыгравшейся в их доме трагедии, а полицейский пятки не показывал, получал от образцово-показательного процесса явное удовольствие, будто пламенная речь была направлена не к нему, истинному нарушителю спокойствия, а к человеку, которого он сам выносил с трудом. Например, к господину Шагалю. На него речь главы семейства произвела неизгладимое впечатление. На щекастой физиономии отразилось изумление, сменившееся натуральной обидой. Даже щеки отвисли. Сначала он водил глазами от оратора к майору полиции, потом оставил ненавистного майора в покое. Как бы к нему не относился, но посчитал правильным урезонить оратора, чтобы ему не вышло боком собственное выступление.

- Сафрон Ефимович, нельзя же так, право слово. Вы имеете дело с человеком, который ночей не спит, который, не щадя себя...

Вальтера Ивановича понесло. Сам понимал, что от его речи за версту разит казенщиной, но не мог ни остановиться, ни найти другие, доходчивые слова для вразумления старика.

В качестве тормоза выступил воспитуемый, еще недавно бывший воспитателем. Он жестко заявил:

- А ты кто такой есть, чтобы мне указывать? Я тебя спрашиваю?! Пришел, понимаешь, морды корчит, нравоучения читает, а я должен это терпеть. Шел бы отсюда, пока тебе бока не намяли.

Вальтеру вдруг сделалось смешно: представил, как дедок ему бока мнет. Лучше бы он покинул этот дом еще в начале разбирательств. Его поддержка и бесстрашие перед полицейскими были благополучно забыты, будто их и не было, а всегда была неприязнь.

- В доме горе, а он ржет, как конь, - неожиданно вступил Петька и вытянулся в сидячую струну. Еще и плечами поиграл, намекая, кто будет кое-кому мять бока.

- Сиди уже, - брякнула его супруга Зоя. Побоялась, что завяжется драка, гость выйдет сухим из воды, а мужа, заговоренного на неприятности, загребут в кутузку.

- Как вам не стыдно, молодой человек, - осудила гостя хозяйка дома, Фекла Мироновна.

- Вальтер, вам лучше уйти, - вежливо попросила Капитолина, в очередной раз пожалев о своей выходке с приглашением. Выходка, никак иначе. Почти не знает человека, а тащит в дом, чтобы подкрепить свое утреннее выступление показом. Смотрите, дорогие родственнички, жених существует, не родился в моем воображении. Так что ведите себя пристойно, а то уйду. Нашла способ вызвать уважение.

- Прежде чем уйти, я хотел бы объяснить...

- Нам и так все про вас понятно, - зловеще прошипел Сафрон. От напряжения и волнения лицо стало свекольно-багровым. – И не смейте приближаться к моей дочери ближе, чем на пушечный выстрел.

- Батя, остынь, - осадил отца Влада. – Из-за всяких... женихов, - с трудом подобрала определение гостю, - тебя еще кандратий хватит. Хорошо, если сразу умрешь, а то парализует и будешь лежать бревном.

- Владислава, что ты несешь! – возмутилась мать. – Это ж надо ТАКОЕ отцу пожелать!

- А я знаю, что говорю, - гнул свою линию несколько не испугавшийся жених. – Много лет в милиции прослужил, ушел по состоянию здоровья в звании подполковника. Сейчас занимаюсь частным сыском.

- Ты же сказал, что частный предприниматель, - выдохнула Капитолина.

- Правильно, я частный предприниматель, сыщик-одиночка с лицензией. Я тебя не обманул.

- Бывший мент, - презрительно подытожил Петька для тех, кто не понял.

- Я бы попросил, - начал закипать бывший мент, но Капа с силой дернула его за рукав пиджака. Осталось удивляться, сколько силы в этом тщедушном тельце: мужчина, успевший оторвать плечо от дверного косяка и устроиться на стуле рядом с ней во время признания тетушки Симы, чуть не съехал со стула на пол. Но удержался, с помощью все той же женщины.

- Петя-я, - с угрозой протянула Капитолина, освобождаясь от рук Вальтера, который нашел повод ее приобнять, якобы для собственной усидчивости на шатком стуле. Тут такое происходит, а этот обниматься лезет, - подумала она о новом знакомом, причислив его «ко всем мужикам, одинаковым во всем».
– Петя! – рявкнула она, позабыв о недавней просьбе, - я не позволю разговаривать с моими друзьями в подобном тоне!

- А я с ним не разговаривал, - резонно заметил бывший фермер и схватил сушку со стола. Прежде чем забросить сушку в рот, напомнил, - а он смеялся.
– Хотел показать недавнему весельчаку язык, но передумал.

- Тебе бы все жрать, - прошипела на него супруга, - скоро в двери не пойдешь.

- Тебе жалко, что ли, - обиделся Петька и собрался покинуть кухню, но майор полиции попросил его остаться. Прямо, как Мюллер Штирлица. Собрался что-то добавить, но его опередил гость, уличенный в веселье во время чумы.

- У меня это непроизвольно вышло, простите. Последствия ранения.

Объяснение и извинение были приняты, никто не указал гостю на дверь. Гость расслабился и мысленно порадовался, что на свете еще есть такие доверчивые люди. Не все. Исключением был майор. По Вальтеру он скользнул ничего не выражающим взглядом - дал понять, что для него он пустое место. О ранениях и последствиях пусть рассказывает кому угодно, только не ему. И адвокаты ему лично без надобности.

Вниманием следователя вновь завладела родная сестра убиенной старушки.

- Вернемся к тайным родственникам Олимпиады Игнатъевны. Серафима Игнатъевна, я вас слушаю, - миролюбиво так сказал, словно не было недопонимания. Их беседу просто прервали некие личности – пустое место.

Старушка повернулась к брату, тот отвернулся, дав понять, пусть поступает, как совесть подсказывает. Совесть подсказала рассказать всё начистоту.

- У Липы был сын, - еле слышно произнесла Серафима.

Ее бредовое признание, по-другому его не назовешь, заставило усомниться в нормальной работе старческого мозга, кто-то из родственников хмыкнул, кто-то вскинул брови, кто-то нахмурился. Но все промолчали, чтобы услышать продолжение, пусть тоже бредовое.

- Да, у Липы был сын, - громче повторила Сима. - Она родила его еще молоденькой девчонкой. Поехала отдыхать в Гагры, там познакомилась с москвичом... В общем, В Гаграх всё и приключилось.

- Что? – не понял Петька-тугодум.

- То! – разозлилась его жена Зоя и отмахнулась.

- Вскоре Липа узнала, что ждет ребенка. В то время было стыдно рожать без мужа, не то, что нынче. Аборт делать не захотела, затягивалась, сколько могла, ходила в широких одеждах, а перед самыми родами уехала в Москву... Там и родила, - еле слышно добавила Сима. – А потом... написала отказ от ребенка... Вот и вся история...

- Ты знала и не остановила ее? – возмутилась Фекла Мироновна.

- Не знала я, - запричитала старушка и ударила себя по груди тощим сморщенным кулачком. – Узнала, когда сын объявился. Лет тридцать прошло. Кажется. Да-да, тридцать, Липка пенсию тогда оформляла.

- Тогда не тридцать, а двадцать, - поправила Капа, - нашей Симе семьдесят пять.

- Правильно, это ее сыну в то время уже тридцать лет исполнилось. Он ее сам нашел и приехал. Захотел мать повидать. Он воспитывался в детском доме. Обо всем я знаю со слов Липы. Зачем ей врать.

- Мать, - хмыкнул Геннадий. – Какая она мать?! Бросила младенца...

- Заткнись, - любезно попросила его супруга Влада. – Давай дальше, Сима. Приехал повидаться и...

- И они стали переписываться. Больше Олег не приезжал, Липа у него несколько раз гостила. Он хорошо ее принимал, и его жена не возражала, хотя, и знала всю историю. Незадолго до первой встречи с матерью Олег женился. Потом сын родился, Игорем назвали.

- Так ему почти двадцать? – спросила Зоя напряженно, будто новоявленный родственник претендовал на любовь всех родных, ранее ее боготворивших.

- Что-то я запуталась, - нахмурилась тетушка, - Липа говорила, что ему двадцать один... Вспомнила, сначала сын родился, потом Олег женился на матери его ребенка.

- А если бы не родился, он бы не женился, - автоматически продолжил словоохотливый Генка. Его супруга и раньше подозревала, что он в легком подпитии, но кроме запаха лаврового листа ничего не унюхала, как ни старалась, а теперь в этом убедилась: Генка был молчуном, лишь после употреблений у него «развязывался» язык.

Она ничего не сказала, ощутимо стукнула его по затылку. Генка Шахворостов сник и тоже схватил со стола сушку – спасение от нанесенной обиды.

- Сыну сейчас пятьдесят, - легко посчитал следователь. - Он проживает в Москве?

- Умер Олежка, пять лет назад. Молодой еще был. Никогда на здоровье не жаловался. Тромб оборвался и конец. Липа даже на похоронах не была, слегла от такого известия.

- А внук?

- Непутевый у Липки внук. Нигде не учится, не работает.

- На что живет?

- На то, что мать дает и бабка присылает.

- Когда же она деньги посылала, если из дома почти не выходила? - резонно заметила Капитолина. - Только на крылечко выйдет, посидит на скамеечке и назад, - пояснила она Вальтеру Шагалю и майору полиции.

- Хороший вопрос, - поддержал ее «жених».

- Так он... сам к ней приезжал. Машина у него... Красивая такая... Я не видела, мне Липа говорила. Я знаю всё с ее слов. В глаза не видела ни внука, ни машину.

- За какие шиши куплена? – поинтересовался Петька, мечтающий о собственном автомобиле.

- Бабушка свою квартирку продала, а деньги ему отдала.

- Какая бабушка, - не сообразил тугодум. Липу в доме называли тетушкой или просто по имени. По имени ей нравилось больше.

- Его бабушка Олимпиада! – внушительным тоном произнесла Владислава Сафроновна, теща тугодума.

- Повезло лоботрясу. Бабка квартиру продала, пенсию ему до копеечки отдает, а сама сидит на шее...

- Заткнись, - нежно посоветовала теперь зятю теща. Зять втянул голову в плечи, зная ее суровый нрав. Не раз попадал под ее горячую руку. Но не обижался. Из любви к жене. Любил он Зойку до умопомрачения.

Петька заткнулся и взял очередную сушку.

- Мы знали, что Липа продала свою квартирку, но никогда о вырученных за нее деньгах не спрашивали, думали, оставила себе на похороны, - сообщила Влада. – Нам ее денег не надо, что ж у нас денег нет. Обидно другое – почему мы о сыне и внуке ничего не знали! Неужели бы не поняли, тем более, столько лет прошло. Уже и Олега на свете нет.

- Стыдилась она своего поступка, - призналась Сима. – Рассказала мне о его первом приезде только потому, что радость переполняла. Хотела с кем-то поделиться.

- Я тоже знал, - скрипучим голосом сказал Сафрон Ефимович Ложкин. – Липа просила никому не рассказывать, вот я и помалкивал. И про квартиру знал...

О том, что всю пенсию отдает, не знал. Если бы знал, то не стал бы отговаривать, ее деньги. Хотела таким способом замолить грех, кто ее за это осудит. Об одном жалею, что мало внимания ей уделял, сидим рядом перед телевизором, а я ее будто бы не вижу. Она мне слово, а я молчу, она мне два, а я молчу. Жаль, не наговорились... Кто же думал, что всё так выйдет. Может, у нее нужда в чем была, деньги нужны были на мелочь какую... Жила у нас в приживалках...

- Неправда, мы ее любили, подарки дарили, - вступила Фекла Мироновна.

- Конечно, любили, - поддержала мать Капитолина и расплакалась, осознав, что тихой незаметной тетушки, милой и интеллигентной, с брошью на белой блузе, они никогда больше не увидят, не сядут за один стол, не будут подтрунивать над ее проветриванием.

К Капе подключились остальные женщины. Громче всех завывала Зойка.

Следователь терпеливо ждал. Когда женщины более-менее уgomонились, спросил:

- А где письма сына Олимпиады Игнатъевны? Вы говорили, Серафима Игнатъевна, что они переписывались? Мать должна была хранить его письма.

- Письма? Письма в шкатулке хранились. Старинная такая шкатулка с замочком. Ключ от шкатулки Липа с собой постоянно носила на шнурке, на шее. Не потому что не доверяла, боялась его потерять. Там и фотография Олега была, и фотография маленького Игорька.

- Шнурок был, но он был порван, ключа не было, - доложил полицейский. Шкатулку на пианино я видел. Решил, что вы ее проверили, прежде чем мне говорить о пропаже вещей.

- Я заглядывала в шкатулку, видела какие-то бумаги, но значения им не придавала, подумала, что это старые счета, - пробормотала Влада. Сорвалась с места и поспешила в комнату тетушки Липы.

Никто за ней не пошел, не хотели лишний раз видеть кровь на полу. Вскоре она вернулась с деревянной резной шкатулкой, отбросила крышку и вытрясла на обыденный стол всё содержимое. Никаких писем и фотографий в шкатулке не было, только вырезки из газет с полезными советами.

- Вот тебе и бродяга-а, - протянул Вальтер Иванович...

После того, как Владислава и Капитолина перебрали все бумаги, вырезки и прочую макулатуру в шкатулке тетушки Липы, надеясь найти хотя бы что-нибудь нужное, майор, терпеливо ожидающий результата, прервал затянувшееся молчание и как бы между прочим спросил у Серафимы Игнатьевны, как фамилия Олега, сына ее сестрицы, который неожиданно появился более двух десятков лет назад. Элементарный вопрос вызвал у старушки затруднение. Она сидела с таким ошарашено-озадаченным видом, словно ей предложили немедленно удавиться без чужой помощи и подручных средств. Потом повела себя довольно подозрительно - начала глубоко дышать, задерживать дыхание, можно подумать, собиралась погрузиться в воду без специального снаряжения. После дыхательной гимнастики выпила холодного чая из своей чашки, услужливо придвинутой к ней Шагалем, предпочитавшим по-прежнему оставаться незаменимым и догадливым. Попивая остывший чай, поглядывала из-под кустистых седых бровей на приставучего майора. Пила чай показательно, будто снималась в рекламном ролике, в довершении почмокала губами, выражая удовлетворение, промокнула губы салфеткой и с явным осуждением покряхтела. Рассчитывала на вмешательство племянницы Владиславы, но та помалкивала – тоже было интересно услышать фамилию родственника, о котором она узнала полчаса назад. Сима собралась продолжить чаепитие, но сидящая с ней рядом Капитолина в очередной раз вежливо забрала полупустую чашку из рук.

- Колись тетя, не тяни резину, - в грубой форме приказала Влада, дав понять, что не намерена выступать защитным щитом.

- А фамилии-то я его не помню, - наконец, призналась тетя. – Липа мне... говорила его фамилию... Кажется, говорила... Нет, точно говорила... Точно-точно... Но память совсем плохая стала. Не помню, что за завтраком ела.

- Как обычно, овсянку, - подсказала Капитолина и недоверчиво на нее посмотрела.

- Ей Богу, не вру. Не помню, и все тут.

- А ты попытайся, - посоветовал ей брат. – Мне Липа его фамилию не называла, мне незачем знать его фамилию. Может, и тебе не называла?

- Называла, - кивнула Сима, но без собой уверенности. – У Олега фамилия... холодная. Правда, правда, холодом на меня повеяло, когда услышала.

Капа взглянула на тетку с недоверием: знала, от кого унаследовала Зоя любовь к сочинительству. Не поверила бы и в существование сына, но отец подтвердил. Отец зря языком не трепет, говорит только то, что наверняка знает. Сима прибегала к разным придумкам, когда хотела обратить на себя внимание. В настоящий момент была центром внимания, что ее безумно ошастливило, даже смерть сестры отступила на второй план. Капитолина ни раз замечала необъяснимую особенность у старых людей – они философски принимают уход человека в мир иной. Ушел и ушел, рано или поздно все там будем. И то, что сестра умерла не своей смертью, погибла от руки злодея, Симу, естественно, сильно опечалило, но она как-то быстро пришла в себя: давно не наслаждалась особым вниманием к своей неинтересной персоне.

Губы, слегка синеватые, жили на старческом лице своей бурной жизнью, вылинявшие синие глаза щупали всех поочередно в ожидании следующих вопросов.

- Надо ей таблетку дать, для восстановления памяти, - предложил Петька Шлома и глупо гоготнул.

На удивление ни теща, ни супруга не отреагировали привычно-агрессивно. Теща хмурилась и поглядывала на тетку, как на врага народа. Зою, вообще, все происходящее вокруг почти не занимало. Она нацепила на палец сушку и медленно ее проворачивала. Капитолина сидела столбом и пыталась не переключиться на собственные размышления. А пораскинуть мозгами не терпелось: поведение родственников казалось ей подозрительным. И не родственников тоже. Майор Звонилкин – понятно, ему положено клещами вытаскивать из людей правду. Но Шагаль... Весь собран, как легкоатлет перед забегом на олимпиаде. Еле удерживает себя на месте. Капе показалось, что ему очень хочется подрыгать ногами, как легкоатлет, а потом взять тетю Симу за грудки и хорошенько встряхнуть, чтобы она перестала валять дурака. Спрашивается, ему-то какое дело до всего происходящего?

- Щас будем играть в лошадиную фамилию, - блеснул своей эрудицией словоохотливый Генка. Глядя на зятя, он тоже осмелел. Чеховские рассказы недавно читала Капитолина своему развитому внучатому племяннику Вовочке, а Генка в это время чинил его велосипед и все слышал.

- Овсов! – выразительно высказался Вовка и снова занялся конструктором.

- У наших ушки на макушке, - с веселым азартом заявил Генка, вспомнил, «про момент», и с печалью добавил без всякого перехода, - вот так живешь-живешь и не догадываешься, что завтра будет.

- Голова у тебя будет болеть, я точно знаю, - пробурчала супруга.

- Тестю тоже надо таблетку... - начал было зять, но Зоя его осадила:

- Петя, грызи сушки.

Петя не нашел ничего лучшего, как стянуть кольцо-сушку с ее пальца и засунуть в рот. Зоя прошептала «бестолочь» и нацепила на палец другую сушку.

- Начнем все дружно вспоминать фамилию Олега, - предложил майор с неким подобием улыбки на лице. Впервые за все время пребывания в доме Ложкиных он сбросил с лица маску злодея.

Все поддержали его предложение. Каждую произнесенную «холодную» фамилию Серафима осмысливала, потом говорила «нет». Так продолжалось минут десять, все выдохлись и призадумались. Занятый своими конструкторскими делами Вовочка, обвел хмурым взглядом взрослых, занятых непонятной ему игрой, потом высказал свои умозаключения:

- Очень холодно, когда сидишь в окопе. Мы играли в войнушку, сидели в окопе и сильно замерзли. Я простудился и заболел. Помнишь, Капочка? – спросил он не у своей матери, а у бабушки, которая уделяла ему больше внимания, чем кто-либо.

- Помню, Вовочка. Это прошлой осенью было. Ты еще наотрез отказывался пить микстуру от кашля.

Вальтер посмотрел на нее с обожанием, будто она сказала невесть что, возможно, о присуждении ей нобелевской премии за доброту. Нет такой, а надо бы.

- В окопе, значит, в земле, но без крыши. Еще холоднее – под землей, когда вместо крыши такая же земля, - замысловато высказался Вальтер. Теперь его взгляд был обращен на юного «воина», некогда подхватившего простуду после недолгих боев и сидения в окопах. – Под землей, - внушительно повторил Вальтер.

- Подземельный, - вторил ему мальчуган, впитывающий все взрослые разговоры. – У нас в группе есть один Подземельный. Я с ним не дружу, он задирается.

- Очень умный ребенок! - искренне восхитился Шагаль, подошел и погладил ребенка по голове. Мужчина был так безмерно рад, словно Вовка, в свои четыре года, без проблем напомнил всем присутствующим теорему Пифагора. Капитолина его безмерной радости не разделяла, в подсказке Владимира не видела ничего экстраординарного.

Через Вовку хочет завоевать меня, - решила она. – Старо, как мир. Мог бы придумать что-нибудь более оригинальное.

- Подземельный, Подземельный, - между тем повторяла Сима на разные лады.

- Что-то вспомнила? – строго спросила Владислава.

- Подземельный, - твердо повторил Вальтер, переключаясь с мальчика на старушку. Капа подумала, что он и ее погладит по голове, но он ограничился легким похлопыванием по плечу – мол, вспоминай, вспоминай.

- Подземельный, - как эхо вторила ему старушка. Но вспоминать пока не спешила. Шагаль выразительно хмыкнул, дав понять, что ранее был о ней лучшего мнения.

- Похоже? – спросил он усталым голосом, словно три дня писал старушкин портрет и теперь не может понять, что ее, несведущего в живописи человека, не устраивает. Он ее ТАК видит, и его видение правильное, не ей его учить. – Похоже? – с ноткой недовольства повторил Вальтер и зачистил, - холодная фамилия, все будто бы сходится.

- Кажется, похоже, - не совсем уверенно согласилась Сима.

- Молодец, малыш! – вторично похвалил мальчика Шагаль, тем самым убирая всякие сомнения. Будто бы все выдохнули, успокоились.
- Молодец, Вовик! - поддержала гостя мать догадливого пацаненка.
- Тетя, ты не ошибаешься? Причем здесь холод? – Оказывается, успокоились не все. Влада не разделяла ни гордости за внука, ни общего согласия.
- Как причем?! - возмутилась ее непониманию тетка. - Я представила, как меня закапывают в сырую землю...
- Достаточно, - прервала ее буйную фантазию другая племянница и тоже начала сомневаться. – Ты ничего не путаешь?
- Конечно, я уже старая и дурная, но совсем из ума не выжила.
- Значит, Олег Подземельный. Об отчестве спрашивать бессмысленно, - пробормотал себе под нос полицейский, чей азарт пошел на убыль. - Чужому человеку письма Олега Подземельного не нужны, следовательно, в комнату Олимпиады Игнатьевны проник или ее новоявленный родственник, или человек, которого он на это подбил.
- Неужели из-за каких-то бумажек надо убивать старушку? – удивилась Капитолина. – Он бы попросил у Липы, она бы ему сама все отдала. Более доброго и отзывчивого человека я не встречала.
- Почему вы решили, что в шкатулке были одни, как вы выразились, бумажки? – заинтересовался Звонилкин.
- А что? Деньги? Наверное, были, но это не та сумма, за которую надо лишать жизни. И все-таки, он... ее внук, - без особой уверенности высказалась Капа.
- Убивают за шапку сухарей, - выдала Владислава.
- Я думаю, что это был Игорь, ее внук. Он испугался, что бабушка расскажет... Что-то о нем расскажет, и его посадят, - высказался гость.
- Кто? Липа? – удивилась тетя Сима. – Если бы Липа и знала что-то нехорошее о внуке, она бы никогда... И что она могла знать? Да, говорила, что он непутевый, но могла в сердцах сказать. И Капа права, в шкатулке никаких сокровищ не было, я-то обязательно знала. Откуда сокровищам взяться? Наследства мы не получали, зарплаты были маленькие, пенсия,

вообще, одни слезы. Воровством не промышляли. – При этих словах Симы Вальтер удивленно вскинул брови, будто она косвенно призналась в постоянных грабежах в составе преступной банды. Сима под его взглядом окончательно осмелела и уверенно заявила, - не верю я, что это сделал Игорь! Не верю и всё! Как же это можно, чтобы внук родную бабушку...

- Еще скажи, что он ее любил, - обронила Влада.

- Не скажу, потому что не знаю, свидетелем встречи и разговоров не была. Вообще, в глаза никого из них - ни сына, ни внука - не видела, только на фотографии. Знаю одно – так как мы относились к Липе, к ней никто не относился. Она об этом знала и ценила... Но Игорь все равно не мог убить свою бабуку.

- Но кому еще могли понадобиться чужие письма и фотографии? - высказал непонимание Вальтер. – И что в них было такого секретного? Неужели преступник полез именно за письмами? - Теперь Влада смотрела на него, как на врага народа. Вальтер пошел на попятный. - Я не утверждаю, что это был внук. Я предполагаю. Сами подумайте, кому, кроме заинтересованного человека, нужна чужая переписка, в которой нет никаких важных сведений?

- Фотографии, - обронила Сима. – В шкатулке были фотографии... Но тогда опять выходит, что это... Игорь? – в вопросительных интонациях рассудила она.

- Может быть, в шкатулке была распiska, он решил ее выкрасть, и тут неожиданно вернулась Олимпиада Игнатьевна. Он запаниковал, схватил первое, что под руку попало, и ударил по голове. Не рассчитал удар...

- Вам бы надо в руки взять подсвечник, тогда бы не говорили: рассчитал-не рассчитал, - посоветовала Владислава.

- Вальтер Иванович, - обратилась к нему Капитолина, - не пойму, почему вам так хочется, чтобы преступление совершил Игорь?

- Вы ошибаетесь, - поспешно затараторил мужчина. – Зачем мне «переводить стрелки» на парня, о котором я впервые услышал. Я просто пытаюсь разобраться.

- Что там разбираться, - высказался Геннадий Шахворостов. - И так всё ясно...

- Что тебе ясно? – с угрозой спросила супруга, дав понять, что любое высказывание, идущее в разрез в общей стратегией семьи, будет расцениваться, как предательство.

- А то и ясно, что... что следователь прав – тут действовал бродяга. Он залез к Липе в окно, она вернулась, он спросил: «Жизнь или ключ от шкатулки?» Она выбрала ключ. Собралась снять шнурок с ключом с шеи, но бродяга не дождался, рванул шнурок... Чтобы она не закричала, приложил ее подсвечником.

- Одной рукой ключ срывал, другой бил подсвечником, - выдохнула Влада. - Сейчас я тебя чем-нибудь приложу, чтобы ерунду не нес.

- Опять не так, - всплеснул руками Генка.

- Серафима Игнатьевна, вы читали письма? – обратился к старушке майор полиции.

- Я чужих писем не читаю. Липка мне кое-что пересказывала. В основном там были новости о его житье-бытье. Ничего особенного.

- Темный лес! – воскликнул гость. - Как во всем этом разобраться?!

- А вам это и ни к чему, - в сердцах сказала Влада. – Вы... зачем-то приехали в наш город, вот и занимайтесь своими делами, а в нашу семью не лезьте, и Капе... мозги не пудрите. А то понаедут всякие москвичи, забьют женщине голову своими обещаниями, а сами вшик, и нет их.

- Что вы такое говорите, Владислава Сафроновна! Да, я приехал в Лапки по делам...

- По каким таким делам? – ухватилась за фразу Влада.

- Помогаю сторожам, - вырвалось у совсем захмелевшего Генки. Жарко было в кухне, вот его и разморило. – Я капусту охраняю, каждый лист оберегаю. - процитировал он отрывок из стихотворения Алексея Крылова «Козел Мефодий». Книжку с его стихами внуку читала, естественно, Капитолина, а он, как обычно, стал невольным слушателем.

- Почему капусту вдруг, а не редьку или лук, - продолжил Вовочка, с трудом закручивая винтик в почти законченной конструкции подъемного крана. Потому у него вышло натужно.

- Дурдом «Ромашка», - сконфуженно пробормотала Зоя. В отличие от матери, гость ей понравился. И тетя Капа, несмотря на постигшее горе, поглядывала на мужчину с интересом. Им-то что за дело – на неделю их любовь или навсегда. Пусть почувствует себя женщиной. Зойка впервые взглянула на тетку под другим углом, не как помещица на крепостную. Конечно, она уважала тетку, та была самой умной в их семье. Но «горло не драла», права не качала, тихо и безропотно все исполняла. И с Вовкой проводила больше времени, чем она, родная мать. Но у родной матери куча забот. К тому же она молода, много других интересов кроме семьи. А тетя уже старая, своих детей нет. Вовика очень любит, ей за счастье занятия с ним.

- Отложим разговор до завтра, - предложил догадливый полицейский, отказался от чая, и ушел в дождь.

Ложкины не заметили, как за окном пошел ливень.

Ливень старательно смыл следы злоумышленника на автомобиле Геннадия, стоявшей в аппендиксе, под самым окном комнаты тетушки Липы. Будто он, ливень, был соучастником убийства.

Но ливень-соучастник опоздал, опытный эксперт-криминалист, мужчина в годах, «съевший собаку» в своем деле, успел всё зафиксировать - замерил, сфоткал, соскреб частицы земли.

Когда следователь, наконец, ушел и остались почти все свои, не считая Вальтера Шагала, Сафрон Ложкин обвел всех внимательным взглядом, словно удостоверился, что все на месте, кроме Липы, и обратился к гостю, прилипшему к стулу.

- А скажи-ка мне, товарищ, чего ты крутишься возле моей дочки? И что тебе понадобилось в нашем городе? Не по ее ли душу прибыл? И не юли, правду говори!

- Что ж вы все такие подозрительные! – пошел в атаку товарищ. – Неужели за Капитолиной нельзя поухаживать? Или она кривая-косая, или старуха с клюкой? Мне она понравилась, я пригласил ее в ресторан, а она затащила меня к себе в гости.

- Я тебя не тянула, пригласила без задней мысли, и ты согласился, - поспешно вставила с обидой «не кривая и не косая», с расстройства переходя на «ты».

- Да, согласился, потому что испугался, что ты выскочишь из машины и убежишь. И я тебя больше не увижу.

- Ты уже переделал все свои дела и возвращаешься домой? - сдержанно спросила она.

- Пока нет, - обреченно произнес Шагаль, будто его насильно удерживают в городе. Понял свою ошибку, попытался улыбнуться, но благодаря «работе над ошибками» окончательно утратил доверие хозяев. Они догадались, что в городе он обосновался давно, город ему порядком надоел, однообразие обрыдло, решил развлечься известным способом - приударить за женщиной. В качестве жертвы выбрал Капитолину, у которой на лбу написано – одинокая и несчастная. Глава семьи хотел что-то сказать, но гость его опередил. – Мне пора... Наверное.

- Давно пора, - пробубнила Владислава. Негромко, но все присутствующие хорошо расслышали.

- Капитолина, я завтра за тобой заеду после работы... Если ты не возражаешь.

- Я завтра на работу не пойду. Позвоню и отпрошусь. Мы будем заниматься похоронами.

- Для начала вам должны дать медицинское заключение о причине смерти. Не факт, что вам выдадут его на руки уже завтра.

- Все равно я не пойду на работу, нам лучше держаться вместе. Вместе легче пережить наше общее горе.

- Я мог бы помочь с оформлением, я же на колесах.

- У нас свои колеса имеются, - поджала губы Владислава.

- Вальтер, спасибо тебе, но мы сами, - по-доброму ответила ее сестра. – Тем более, у нас городок небольшой, за полтора часа можно перейти из одного конца в другой.

- Примите мои соболезнования, - произнес Вальтер на прощание.

С какой целью он приехал в город Лапки, так и не сказал, что послужило поводом для пересудов в семье Ложкиных – не Ложкиных...

Со дня гибели тетушки Липы прошел месяц. Расследование пока топталось на месте. Поиски внука Игоря, увы, не увенчались успехом. Никто из Ложкиных не сомневается, что в Москве людей с фамилией Подземельный, как грибов в лесу в дождливый июль, но очень надеялись на местную полицию, которая обладает достаточными средствами, навыками, связями с коллегами из столицы, вывернутым умом и сообразительностью, поэтому из имеющихся в наличии Подземельных обязательно отыщет нужного Подземельного. Был Олег, теперь остался один Игорь, его сын, он же внук покойной Олимпиады Игнатьевны. Последнее обстоятельство в поисках вряд ли поможет: Игорь Подземельный данную родственную связь не афишировал. Но у Игоря был отец – Олег Подземельный, пусть и почивший пять лет назад.

В конце концов в Москве нашли Олега Подземельного, умершего пять лет назад. Но тот Подземельный скончался в возрасте девяноста лет, под нужного Олега никак не подходил. А жаль: по нему можно было выйти на Игоря, который подозревается в убийстве своей бабки. Как Ложкины не пытались стоять на своем – убийцей является некий бродяга, но постепенно стали приходиться к неутешительному выводу – старушку убил собственный внук, который постоянно тянул из нее деньги. Бабуся, возможно, отказалась быть источником финансирования, он занервничал и стукнул бабуся по голове тяжелым предметом – подсвечником каслинского литья. На подсвечнике не нашлось отпечатков пальцев. Вообще не нашлось ничьих отпечатков, что говорит о хладнокровии убийцы: он не сбегал сломя голову через окно, как и пришел, а удалил свои отпечатки с орудия убийства, открыл шкатулку, исследовал ее, что-то прихватил и был таков. Зачем забрал письма и фотографии? Пожелал обрубить все концы, связывающие его с бабкой. Надеялся, что их родственная связь никому неизвестна: старуха не нашла в себе силы открыть правду родным, даже спустя столько лет. Если бы рассказала, то зазвала бы в гости и познакомила со всеми.

Об этом постоянно думала Капитолина Ложкина. находка в дымоходе отошла на второй план. Женщина решила не спешить. Пролежал клад

фашиста более семидесяти лет, полежит еще. Дождется ее. А не дождется, не беда. Жила Капа без кладов, проживет еще. Не в деньгах счастье. Зять Генка добавляет к известному изречению: «..., а в их количестве». Влада всегда обижается и начинает выяснять «любит – не любит». Ох, уж эти родственнички.

Капитолина почти не жила вдали от них, но почему-то думает, что одной ей будет лучше. Давно мечтает избавиться от ига рабовладельцев, всласть налениться. В любой момент оставить все дела, лечь на диван и просто так лежать, без всякого смысла. Лежать можно и со смыслом – читать, мечтать, анализировать, смотреть в окно и любоваться небом. Что еще можно делать в собственной квартире, где ты живешь один? Можно не отчитываться. Можно, и в этом не стыдно признаться, запросто привести в дом мужчину. Чай не девяностолетняя старуха, ничто человеческое ей не чуждо. О мужчинах она думает в последнюю очередь... Да-да, в последнюю... Просто хочется стать свободной. Делать, что левая нога захочет, а не думать, что о тебе подумают родственники, как они воспримут твой отказ. Или что скажут о твоём поведении. Хочу – валяюсь, хочу – полы драю, хочу – пью чай с конфетами, а обертки бросаю на пол, хочу – мою посуду, хочу – не мою. Веду себя безответственно! Плевать, сама себе хозяйка. Именно хозяйка. Не рабыня, не Золушка, не магнит для притяжения недовольства.

Правильно говорит подруга Юлька: она сама посадила всех на шею, никто ее не заставлял, и теперь кипит от возмущения. Пока паром крышку не сорвало. Но когда сорвет, она будет для всех враг номер один. Не хочет быть врагом, потому катает всех на своей шее. Она физически сильная – всех катать силы есть, и она слабая - скинуть сил нет. Им не совестно ею помыкать, ей совестно напомнить, что не одна с ногами и руками, что вокруг не одни беспомощные калеки, вполне здоровые люди, даже те, чей возраст зашкаливает.

Один раз выступила и что случилось в тот же день? Убили тетушку Липу. На первый взгляд, нет никакой взаимосвязи. Но она считает, что взаимосвязь есть. Глупо, конечно, но ничего поделать с таким умозаключением не может. Потому ведет себя тише воды, ниже травы. По-прежнему безропотно исполняет свои обязанности. Но в тайне мечтает о свободе. Свободу ей предоставит новый брак. Или не брак. Пока не брак. Надо вместе пожить, ближе узнать друг друга.

Или узнать, каково оно на воле. Попробовать, посмаковать, понаслаждаться. А потом или вернуться и жить так, как жила все годы, или жить вдали от рабовладельческого ига. Чем дальше, тем лучше – в плен не возьмут.

А будет ли этой свободой? Вдруг она попадет в новое рабство?

У Горького: рожденный ползать - летать не может. К Ложкиной прицепилась фраза: рожденный слугой – властителем стать не способен. Властителем своей жизни. Так и будет пресмыкающейся, беспозвоночной, земноводной. И это не о существах животного мира, о ней, одинокой женщине преклонных лет, которая старается молодиться, старается показать себя независимой, пытается взлететь, оторваться от земли, но сразу приземляется, бухается на мягкое место. Взлетела бы выше - рухнула бы вниз более ощутимо, больше бы не поднялась, не оправилась, превратилась в моральную калеку.

Рожденный ползать – летать не может.

Ползай, старушка, по земле, не пытайся порхать. Даже не пытайся. Будет хуже.

Или попытаться, а там... будь, что будет. Войди еще раз в бурную реку брака, испытай новые ощущения. На первом этапе расставь все точки над «і», не позволяй мешать себя с грязью. Если почувствуешь желание... поугнетать, быстро улепетывай. Будь инициатором расставания, возможно, будет легче пережить разрыв.

И еще один плюс: оторвавшись от Ложкиных - не Ложкиных с помощью мужчины, который для нее пока никем не стал, но станет, если очень захотеть, есть надежда, что после разрыва отношений с ним Капитолину не затянет сильным потоком воздуха обратно в отчий дом. Она останется в Москве. Зацепится за работу, за что-то еще, но останется.

В голову не закралась мысль, что союз с женщиной - это навсегда, что возвращаться в отчий дом не придется. Почему? Потому что есть привязанность, любви нет. И едва ли будет. Даже если очень-очень захотеть. Где это видано, чтобы любовь рождалась от желания полюбить? Кто у нас на горизонте? Один Вальтер Шагаль? Ладно, сойдет и он, раз других нет. Но для начала надо его полюбить. Надо! Смех, да и только. Понимаю – надо

постирать белье, надо погладить, надо обед приготовить, надо гвоздь забить, в конце концов! Но надо полюбить... Это для нормального ума еще та задачка. Срочно нужно накрапать диссертацию на тему... на тему: «Связь острого одиночества с тупым желанием полюбить первого попавшегося мужчину»...

Капитолина не видит Вальтера несколько дней и совершенно не скучает. Не сказать, что не вспоминает, но не мучается от разлуки, в подушку не рыдает, ногти нервно не грызет, локти не кусает, фотографию не целует, мысленно с ним не разговаривает. И не потому что она неэмоциональна: ни рыба, ни мясо, как говорит о ней мать, и напоминает, что мужчинам такие «ни рыбы, ни мясо» не нравятся. Возможно, и так. Но Капа считает иначе: мужчина должен ее заинтересовать, тогда и эмоции появятся.

Не сказать, что Шагаль совсем не тронул ее сердце, слегка задел, но дальше дело не пошло. Капитолина поостереглась прививать себе любовь, пусть мужчина углубляет, расширяет, превращает ее в рыбу и в мясо. Он не торопится, застыл на месте, более-менее дружеские отношения с места не сдвигает. Ложкина решила - он к ней присматривается. Ей показалось, что он устал от прежних взбалмошных отношений, и теперь мечтает о тихой гавани. Тихая гавань это она, Капитолина Ложкина. И он это будто бы понял, будто бы не до конца. Сомневается. А что она, женщина пятидесяти лет, женщина с комплексами, которые тугим узлом стянули душу, сердце? Она ждет, но делает вид, что не ждет ни-че-го, ей все до лампочки. На самом деле, мужчина ей совсем не до лампочки, хочется перемен, движений-перемещений. И свободы. Свободу он ей предоставит, если углубит... и так далее. И если избавит ее от подозрений. Подозрения-недоверия гирями держат на земле, не позволяют улететь.

И хорошо. И правильно. Рожденный ползать...

Сто лет она ему сдалась!

Он преследует свои цели. И это ее бесит. Все бесит: и его скрытность, и его бездействие, и его непунктуальность, и искусственно поджигаемый к ней интерес, который он выдает за натуральный. Скажем прямо – неумело, раз она заметила ненатуральность.

Если бы любил или хотя бы стоял в начале пути к большому чувству, то вел себя, как молодой парень – оббивал бы порог ее дома, таскал охапками цветы, долдонил о чувствах, лез с поцелуями, куда-то приглашал, все равно куда, лишь бы побыть с ней наедине. Из всего вышесказанного к немолодому человеку, увы, необремененному чувствами, можно приложить только обивание порога, да и то нерегулярного. Наедине-то толком не бывают, лишь по дороге от ее работы до ее дома. Сколько времени занимает поездка, она же уединение, если автомобиль едет со скоростью шестьдесят километров в час, а расстояние приблизительно... один километр: он круги наворачивает, будто бы время растягивает. Ответ – шестнадцать минут и шесть в периоде. Если учесть, что совместные поездки случаются пару раз в неделю, то имеем тридцать три минуты с «гаком». Вот тебе и вся любовь, вот тебе и узнавание. Возникает дополнительный вопрос, для понимания: за каким чертом он таскается в наш дом? Что ему он меня (от нас) надо? Уточнение не лишено смысла. Вдруг все гораздо проще: никакого умысла у Вальтера нет, его вниманием завладел кто-то другой. Методом исключения приходим к единственной подходящей кандидатуре – Зоя Шлома, любимая племянница.

Капитолина Ложкина тайно приглядывалась, и ничего подозрительного не заметила. Вальтер Зою не выделял, Зоя смотрела на Вальтера, как на Деда Мороза, задержавшегося в гостях на полгода. Раз целью нерегулярных визитов не является Зойка, но у Шагалья есть другой интерес, не из крови и плоти: ему что-то надо выпытать. Как подступиться, как заслужить безграничное доверие, чтобы Ложкины отвечали правду и только правду на любой вопрос, по всей видимости, Шагаль пока не придумал, потому ведет в их доме ничего не значащие беседы, больше занимается Вовкой.

Пошлю его на небо за звездочкой, - однажды решила Капитолина, устав от предположений. Тут же одумалась и скорректировала решение, - нет, не Вальтера, свои подозрения пошлю на небо за звездочкой. Проявлю инициативу, надеюсь, он не смоеется от моего не бешеного напора. Брошусь в реку новых отношений, авось не утону. Надеюсь, на пути появится отмель. Отдышусь, наберусь сил, доберусь до берега. Начну жить дальше, иначе... сойду с ума.

Чтобы начинать, надо что-то прекращать...

Прекращать быть паинькой, прекращать быть ни рыбой, ни мясом.

А если нет желания? Нет желания, медленно сходи с ума. Причина сумасшествия кроется в возрасте. Осталось пять лет, потом наступит конец. Успей вскочить на подножку уходящего поезда, и пусть это поезд мчится в ненужном тебе направлении. Другого-то поезда нет. Или есть?..

Все чаще и чаще и без того расплывчатый образ Шагаля затмевает... майор полиции Звонилкин. Следователь, который ведет дело об убийстве тетушки. Сопливый мальчишка, как его назвал в пылу гнева отец Капитолины.

Сколько ему лет? – в который раз подумала Ложкина. - Зачем мне знать его возраст?! Сто лет он мне сдался! Пусть занимается своими служебными обязанностями, а не... приглашает немолодых женщин в кино. Юлька как узнала, что меня пригласил в кино офицерик, чуть со стула не грохнулась. Я поначалу даже обиделась: можно подумать, меня нельзя никуда пригласить. Очень даже можно. Но не офицерам полиции, у которых молоко на губах не обсохло. Главное – не профессия, главное – его возраст. Сразу прицепилась фраза: не расстанусь с комсомолом, буду вечно с молодым. Юлька ответила туманно:

- Кипит наш разу возмущенный!

Охота петь о комсомоле и молодых сразу отпала. Юлия Бизонова подошла к серьезному вопросу со всей ей присущей серьезностью.

- После работы двигаем к нему!

- К кому?

- К твоему майору. Хочу смотрины ему устроить.

- Станьте в фас, станьте в профиль, разрешите послушать ваш пульс, покажите язык, - с умным видом проговорила Ложкина.

- Всегда бы ты была такой разговорчивой и остроумной. А то язык засунешь в одно место и сидишь «моя твоя не понимай».

- Я только с тобой такая, разговорчивая и остроумная, - согласилась Капитолина. – Не знаю, почему происходят такие метаморфозы. Может, мне к психологу сходить?

- Если денег куры не клюют, то сходи, - язвительно произнесла подруга. – Чего сидишь? Рабочий день окончен, пошли к майору в гости.

- Домой?

- Вот же дал Бог подругу! На работу к нему пошли! Сидит она...

- А что мы ему скажем? – по дороге спросила Ложкина и сама же предложила, - Юль, давай ничего не будем спрашивать, ты в его кабинет заглянешь, рассмотришь, как следует, а потом скажешь – ошиблась дверью.

- Больше мне нечего делать, как заглядывать! Я потребую отчета о ходе расследования. Имею права – я твой ближайший друг... подруга ближайшая.

Капа напонила:

- Так я была у него накануне, он сам меня вызывал, в очередной раз хотел покопаться в отношениях родственников погибшей Олимпиады Игнатъевны.

- А ты?

- А что я? Ничего нового ему не сказала. Собиралась уходить, а он ляпнул... про кино. Честно говоря, я сразу не поняла, подумала, ослышалась, он повторил. Повторил с наглой улыбкой на устах.

- А ты? – еще раз спросила Бизонова, но о другом.

- Хотела указать неожиданному поклоннику свое место...

- Ты... хотела указать?

- Хотела, но передумала. Сказала, что мне некогда по кино ходить, дел полно. И вообще – в нашей семье горе, нам не до развлечений.

- Ага, будто он не знает о горе, не разобрался, на ком в семье воду возят. У «водовоза» времени нет на личную жизнь, а у всех есть. Угнетенный ты элемент, Ложкина, и слепцу это ясно.

- Думаешь, он меня пожалел? Или проверял реакцию: если не соглашусь, он поймет, что я что-то от него скрываю? Боюсь проводить с ним время, боюсь что-то сболтнуть? Или он нашел родственную душу – сам такой же угнетенный. Был или есть. Скорее, был, но комплекс остался.

- Как всё запущено, - пробормотала Юлия. – Не накачивай себя, не ищи подвоха! Мужик ПРОСТО пригласил тебя в кино. ПРОСТО!

- Просто? – хмуро, переспросила Капа.

- В том смысле, что ты ему понравилась... А я-то всё думаю, зачем он тебя к себе постоянно приглашает? Теперь поняла - использует служебное положение в личных целях.

Что-то с ним не так, - все-таки не изменила своего мнения о майоре Ложкина. Она не призналась подруге, что в конце неслужебного монолога о занятости, несвоевременности, извинительно-намекаяще добавила: «Может быть, в другой раз».

В кино сходят в другой раз. Когда-нибудь. После дождичка в четверг. Когда рак на горе свиснет. Больше ему делать нечего, как второй раз закидывать удочку, поговорчивее найдутся. И покрасивше...

Но я его все-таки не отшила, - успокоила себя Капа.- А могла бы вылететь из кабинета, как торпеда из пусковой установки... Договорились созвониться...

Капа вежливо попросила ее звонками не донимать. Сама ему позвонит, как время выберет.

В душе не было ликования – на нее обратил внимание мужчина, симпатичный, молодой, умный, с хитрецей, но это не та хитреца, как у Шагаля. У майора детская лукавость. Молодой мужчина с детской лукавостью... Сопливый мальчишка по сравнению с зрелой женщиной, у которой внутри запущен обратный отсчет времени.

Выходя из кабинета следователя, уже знала, что никогда не перезвонит. С сопливым мальчишкой в кино не пойдет.

Некто умный сказал: надо иметь страшненькую подругу, чтобы на ее фоне выглядеть выигрышно. Надо иметь поклонника, возрастом старше себя, чтобы выглядеть молоденькой девочкой. Пусть не девочкой, молодой женщиной. Рядом с мальчиком Капитолина вернет свои искусно спрятанные годы...

Как Ложкина не уговаривала Бизонову повернуть назад, та настояла на своем. Они уверенно двигались по направлению к следственному управлению города Лапки. Вернее сказать, уверенно двигалась Юлия, Капитолину она тянула за собой. Капа находила любую причину, чтобы отвлечь подругу: то указывала на цветущие первоцветы, то советовалась, надо ли обратиться к отцу, чтобы тот сменил набойки на полусапожках, то предлагала полюбоваться белыми ватными облаками, бегущими по темнеющему небу. Юльке было не до первоцветов, о полусапожках она высказалась жестко – им давно пора в утильсырье, бегущие облака, вообще, оставила без комментариев. До облаков ли, если на кону стоит личное счастье Капитолины Ложкиной. Юлька всегда бежала впереди паровоза: Звонилкин лишь пригласил сходить в кино, а она уже выдает за него замуж свою близкую подругу, которая и в кино-то отказалась с ним идти, мягко отказалась, оставив надежду...

Капе безумно повезло - майор был на выезде. А она боялась, что Юлька с порога заявит, как обычно при сватанье: «У нас - товар, берите, дорогой товарищ купец, не пожалеете. Не смотрите, что товар залежалый, бывает и хуже. Для вас и этот сгодится». Пусть не совсем так скажет, не так жестко и доходчиво, но что-то в этом роде. Шebutная Юля может!

Перед входом Капу начало слегка потрясывать от страха, даже зубы клацнули, чуть язык не прикусила. Юлька психанула, встряхнула ее, как следует, и приказала держать себя в руках. Капу еще сильнее начало трясти, словно она провела целый день на морозе. Расслабилась только тогда, когда дежурный сообщил радостную новость – Звонилкин на выезде, и когда он вернется, никто не знает. Юлька в сердцах заявила:

- Черт знает что у вас творится!

Дежурный одарил ее суровым взглядом. Подруги выкатились на улицу, перебежали на противоположную сторону, собрались расстаться, но тут к зданию следственного управления подкатил знакомый автомобиль. Из него горным козлом выскочил майор, махнул рукой сидящим в салоне, и автомобиль, дребезжа и фыркая, укатил в неизвестном направлении.

Капитолине опять повезло – майор не сразу скрылся в здании, накоротке переговорил с коллегой, что позволило Юлии Бизоновой оценить новоявленного поклонника своей близкой подруги. Она не стала настаивать

на возвращении в здание, охраняемое вредным и суровым дежурным. Когда Звонилкин скрылся, Юлька хорошо поставленным голосом произнесла:

- Мне всё понятно.

- Что именно? – расслабленно поинтересовалась Ложкина, в тайне надеясь, что майор не понравился подружке, а она закроет тему сводничества.

- Ему сорок два года! - понизив голосом, сообщила всезнайка.

- Три месяца и два дня, - хмыкнула Капа.

- А ты не смейся, я тебе точно говорю, что ему не меньше сорока.

- Что это меняет? Мне-то...

- Сколько тебе, я знаю. И не смей напоминать мне о возрасте! – театрально вспылила Юлька. Она забыла, что собиралась вернуться в библиотеку, где ее терпеливо поджидал любимый муж Денис. Потуже затянула пояс на плаще, четко обозначив талию, взбила косынку, завязанную кокетливым бантом на шее, и потянула подружку обратно. Успокоенная было Капа обалдела от такого натиска, но быстро пришла в себя. Видеться с майором ей совершенно не хотелось, тем более в таких своднических обстоятельствах, поэтому она уперлась, как осел. Осел значительно превосходил в силе женщину средней упитанности и средних же лет.

- Я... никуда... не пойду, - с паузами, объявила Ложкина-осел. – Ты его увидела? Увидела! Что тебе еще надо? Хочешь попроситься в кино третьей?

- Почему бы нет, - передернула плечами Бизонова. – Кто-то должен ему рассказать о тебе? Ты о себе и слова доброго не скажешь.

- Во-первых, мне рекомендации не нужны, я не работу поступаю. Во-вторых, ни к какое кино я не пойду. Сто лет мне сдался этот... сопливый пацан.

- А чего глаза прячешь? Он тебе понравился? Так и скажи – понравился. Но смущает разница в возрасте. Наплюй и размажь! Давненько не видела у тебя таких горящих глаз. – Юлька изогнулась, чтобы рассмотреть горящие глаза подружки – намек на сердечную влюбленность в майора. – Капа, ты дура или прикидываешься?

- Я дура, - легко призналась Капа. Достала из сумки леденцовую конфету, развернула и отправила в рот – нашла для себя занятие.

Юлька безмолвно протянула вывернутую ладонь – дала понять, что негоже бы и ее угостить. Что Капа незамедлительно и сделала. Сначала они ожесточенно гоняли по рту леденцы, сверля взглядом здание управления. Потом, смакуя конфетку, Юлия спросила без всякой угрозы:

- Значит, ты отказываешься идти к нему?

- Значит, отказываюсь, - также смакуя, и без угрозы, ответила Капитолина.

- Ну-ну.

- Что «ну-ну»?

- Ничего «ну-ну».

- Нет, ты уж договаривай, раз начала.

- Не я начала, он начал, - Бизонова кивнула в сторону места, где недавно стоял майор, испарившийся в недрах здания. – Он начал, когда пригласил тебя в кино. Следующий ход за тобой.

- Я должна согласиться? Ты понимаешь, что мне предлагаешь?

- Я предлагаю тебе принять предложение симпатичного мужчины, который немногим моложе тебя. Немногим. В этом нет ничего предосудительного, тем более учитывая то, что ты выглядишь на сорок. И заметь – пока он пригласил тебя в кино. В кино! Никто тебя в койку не затягивает.

- А он выглядит на сорок два, а на самом деле ему тридцать пять.

- Да хоть, двадцать пять. Что это меняет, если он тебе нравится!

- Кто это сказал? Лично я этого не говорила. Оказывается, не одна племянница Зойка сказочница, ты, Юлечка, тоже.

- Еще скажи, что ты влюблена в своего Шагалья-могалья! – взвилась Бизонова, будто Шагаль был или рецидивистом, или бездомным нищим, или кровным родственником.

- Его зовут Вальтер.

- Да, хоть, пень березовый пусть его зовут. Он мне не нравится. Скользкий тип. А ты, Капка, в людях ни черта не понимаешь. Кто тебя пальчиком поманил, с тем и идешь.

- Это переходит все дозволенные границы! – вспыхнула Ложкина. – Еще подругой называлась. Не хочу иметь с тобой никаких дел.

С места она не сдвинулась. Не впервой они перебрасывались «любезностями». Пусть инициатором всегда была Юлька, но Капитолина на нее не обижалась, даже благодарила, что та позволила ей выйти из своей раковины отрешенного спокойствия.

- Кипит наш разум возмущенный, - без эмоционально пробормотала Бизонова, второй раз за вечер.

- Ну, что, расходимся, - с лучезарной улыбкой спросила Ложкина. – Мне домой пора. Вовка приболел, надо его полечить, книжку почитать.

- У Вовки родители есть.

- У Зои сейчас много работы, она постоянно задерживается, а Петр... сама всё понимаешь.

- Это подтверждение моих слов о том, что замуж надо выходить по любви, иначе будешь искать приключения на стороне и называть это загруженностью на работе.

- Юль, ты о чем?

- Видела твою Зойку с мужиком. Сидели в трактире «У Миши». За столиком у окна пристроились и мило ворковали, а мы с Денисом мимо проходили. Темно было, она нас не заметила, - опередив вопрос подруги, сказала Бизонова. – Странный ты человек, Капитолина Сафроновна! Тебя больше беспокоит не то, что мы ее заметили, а то, чтобы она нас не увидела. Думаешь, она бы застыдилась? Как бы не так. Ваша Зоя... - Юля попыталась подобрать мягкие слова для характеристики племянницы своей подруги.

- Юлька, не надо. Не суди, да не судим будешь. Значит, у Зои есть веская причина так себя вести.

- Да, в детстве ей не докучали моралью строгой, - Юля вставила в свою фразу пушкинские строки, так ею любимые. – Чего не скажешь о тебе и о Липе. Вы

обе - белые вороны в семье Ложкиных. Все-то вам совестно, все-то вы живете с оглядкой на других. А другие живут, как им хочется, чужим мнением не интересуются.

- Только Липу не надо трогать.

- Надо—не надо, а погибла она по своей же...

- Юля!

Юля продолжила, как ни в чем не бывало:

- Призналась бы, может быть, ничего бы и не было. Все Ложкины долгожители, еще бы лет двадцать... носила свои блузы с жабошками.

- Не с жабошками, а с брошками. А у меня не такая уж безупречная репутация, ты знаешь, как никто.

- И слава Богу! Хотя бы какое-то разнообразие в жизни.

- Еще скажи – луч света в темном болоте, непроходимом.

- Не хочу рассуждать о прошлом. Прошлое – это прошлое, оно случилось. Его не изменишь. Личное прошлое, как история целого народа – не терпит сослагательных наклонений.

Бизонова потянула подругу в сторону библиотеки. Капа попыталась снова упереться, как осел, но смирилась – все-таки Юля отказалась от желания познакомиться с майором и стать третьей не лишней. Просто поболтать с Бизоновой – это бальзам на израненную душу. С кем еще, кроме подруги, Капа может на время забыть о своих обязанностях, проблемах, обидах. Юлька тоже не сахар: не упустит случая потерроризировать, потыкать носом, но делает это беззлобно, для Капкиной же пользы. Тем самым закаляет подругу, напоминает, что она женщина, молодая и красивая, что в любом возрасте можно начать новую жизнь, только не надо застревать в зале ожидания. Надо быть наготове, успеть на поезд, идущий в нужном, не абы каком, направлении.

Капа снова напомнила о Вовке. Но сама же себя успокоила: не настолько болен, слегка сопливит. Подождет. Время ожидания займет любимым конструктором, который ему подарил Шагаль в первый день визита в их дом. В тот злополучный день.

Ложкина тотчас перенеслась мыслями к Липе, забыв о кавалерах и грядущих переменах. При условии, что она захочет этих перемен.

- Почему беда пришла в наш дом с появлением Вальтера? – без перехода спросила она у Бизоновой.

- Ты попала под его обаяние, хочешь освободиться, поэтому ищешь у него недостатки, выискиваешь причины для разрыва ваших отношений? Для начала было бы неплохо разобраться в своих чувствах. Сначала он тебе понравился, потом его начал отодвигать более молодой и симпатичный майор, и ты потерялась. Лично мне кажется, что...

- Что Шагаль не мой мужчина, - договорила за подругу Капа. – Ты ошибаешься – я, напротив, ищу в Вальтере положительные черты, которые меня зацепят за живое. Я его люблю... Я устала быть одна.

- Если устала быть одна, то надо хватать первое, что под руку попало?!

- Я не хватаю. Пока я думаю.

- Думаю и одновременно ищу в нем положительные качества! Найду самое ценное и люблю это качество, но не мужчину. Оно, качество, будет существовать от мужчины отдельно, потому что все остальное в нем дико раздражает.

- Ты доводишь до абсурда первоначально здравую мысль.

- Какую мысль считаешь здоровой? Ту, что хочешь привязать себя к мужчине, которого ты заинтересовала? Или ту, что устала быть одна?

- Одно вытекает из другого.

- Бред сумасшедшего, - поставила диагноз Бизонова. – Я могла бы понять, если бы ты сказала: Вальтер ко мне клеится, но я пока не знаю, как к этому отнестись – сразу послать его подальше или проверить свою нервную систему, заодно разобраться не только в самом мужчине, но и в его истинных намерениях.

- Другие варианты ты не рассматриваешь?

- Какие? Он мерзкий и противный, я его с трудом выношу, но терплю, потому что хочу выйти замуж. И обязательно выйду за него замуж, как

только до меня дойдет, какой у него... необыкновенный... нос. Таких носов ни у кого нет...

- При чем здесь его нос?

- Ты права – пример так себе... Будет лучше: никто, как он, не умеет так красиво ухаживать. Этим он меня и подкупил. Неудобно отказывать... Тебе все и всегда неудобно!

- Шагаль хороший человек, он с добротой и любовью относится к Вовке, - монотонно проговорила Капитолина.

- Давай, зомбируй себя. Что только не сделаешь, чтобы убежать из дома, где постоянно кто-то гогочет, ругается, требует.

- А что плохого в том, что я хочу спокойствия, тишины и уюта, созданного своими руками и никем не разрушаемого спустя пять минут. Да, Шагаль – это способ превратить мечту в реальность. Я кардинально изменю свою жизнь, уеду из Липок... Если что-то пойдет не так, вернусь.

- Можно остаться в Липках. Предложи ему такой вариант, - с ехидцей предложила Юлия.

- Что Вальтеру делать в глухой провинции? Все его клиенты живут в столице, - сказала Капитолина, прикинувшись недогадливой дурочкой. Хотелось позлить Юльку. Принялась дальше рассуждать вслух. – Конечно, я привыкла жить здесь. Мы можем купить небольшую квартиру, и жить на два дома – и в Липках, и в Москве. Как тебе такой вариант? Небольшая квартирка меня вполне устроит: устала от домов со множеством комнат, с чердаками, подвалами, секретами.

Бизонова зацепилась за последнее слово, откинув и вопрос, и рассуждение.

- Еще скажи, что Липу убил ваш предок-привидение. Чем-то она его сильно разозлила.

- Привидений в нашем доме нет. По крайней мере, меня они не беспокоили. Но тайн... Тайн достаточно...

Тайны старого дома Ложкиных Бизонову не трогали. Больше занимала судьба подруги, которая может уехать далеко-далеко. Капа для нее больше, чем подруга, больше, чем сестра. Она – часть ее самой. Конечно, мешать ее счастью никогда не будет. Счастью! Капа правильно предугадала ее мысль: Шагаль – не ее человек. Все понимает, но ведет себя глупо. Искала повод оторваться от корней, нашла его в виде невзрачного мужичка с щекастой физиономией. Такое чувство, что он прячет за щеками съестные запасы. Юльку он сразу начал раздражать, хотя, представлены друг другу не были, она составила о нем мнение со слов подруги, и пару раз видела издали. Особенно бесило его желание казаться секретным агентом, который всё знает, видит всех насквозь. Один плюс – наличие классного автомобиля. Но Капитолину, как и Юлию, никогда не интересовала материальная сторона. За убогого-нищего-безродного замуж бы не пошли: жалость – не способ возгорания любви. Но и деньги, виллы, престижные авто – тоже не толчок в спину перед входом в загс. Так считают обе подруги, в этом их мнение сходится. Расходится в другом: Капа решила, что мужчина обязан быть старше женщины. Поэтому сразу отвергла майора, зомбирует себя частным сыщиком. Пока любви нет, но надо постараться, притянуть любовь за уши, с именем избранника вставать, с его же именем ложиться... Чуть полная.

Как может появиться и вспыхнуть любовь к мужчине, если мужчина с самого начала вызывает вяло текущее отвращение. От него пока не тошнит, и это уже показатель надежды на вспышку. Вальтера рядом нет, Капитолина о нем не вспоминает, возможно, даже радуется в душе, что его нет. Был бы рядом постоянно, точно бы стошнило. А так – дает передышку.

Капитолина сама говорила, что ведет себя частный сыщик подозрительно: когда приезжает в Лапки, околачивается в их доме, вдвоем никуда не ходят. Будто бы он привязался не к Капитолине Ложкиной, а к среде ее обитания. Капа считает, что он проводит собственное расследование убийства Липы, параллельно с официальным расследованием, которым рулит небезызвестный майор, неожиданно пригласивший Ложкину в кино. Может быть, причина не в самой женщине, в том же расследовании. Сообразил, из кого «можно веревки вить», в смысле, понял, что имеет дело с одиноким человеком, который легко откликнется на любой знак внимания. Решил заговорить, притвориться, притупить бдительность, а потом... вытянуть из нее тайны мадридского двора.

У каждого свои цели. Капка с помощью Шагалья мечтает обрести свободу. Цели Шагалья пока не ясны, но его поведение опровергает любовный интерес, отсюда неприязнь к нему Юлии – нельзя использовать беззащитную подругу в корыстных целях. Допустим, майор тоже с хитринкой: с помощью Капки пытается выйти на след преступника. Ложкина сама того не ведает, что много знает. Необходим опытный психолог для «раскрутки»... Но к майору Юлия неприязни не испытывает, верит в искренность желаний. Хватило одного взгляда, чтобы понять – на него можно положиться. Настоящий мужик, надежный... Или она ошибается, потому что хочет, чтобы Капка бросила своего заезжего гастролера и переключилась на майора. Ключевое слово – переключилась на местного жителя. Если ошибается, то получается... майор полиции притупляет бдительность Капитолины Ложкиной ради конкретной цели – найти злодея, который расправился со старушкой. И так выходит, что Капа была его сообщницей. Тогда майору Звонилкину надо провериться у психиатра.

А Юлии надо приложить все силы, чтобы защитить подругу...

Ложкина рассказывала, что следователь с первой минуты невзлюбил Вальтера. Спрашивается, почему? Воспылал с первой минуты чувствами к Капке, увидел в Шагале соперника. Или... заподозрил обоих в соучастии в преступлении. Капитолина рассказала Вальтеру о привычках тетушки Липы, о... ее богатствах. Они сговорились, наняли киллера, который уколошил бабуся, забрал ее богатства. О богатствах мало кто знал. Капа знала. Не будучи сребролюбивой, давно забыла о тайне тетушки. Пока не появился мужчина - способ всё изменить. Чтобы его заинтересовать и привязать, похвасталась, нехоти вспомнив о богатствах, не совсем чужих. Что это за богатство? Некая старинная вещица, которая стоит столько же, сколько весь дом Ложкиных плюс соседний Дом Быта... Этой вещицей могла быть брошь, с которой Олимпиады никогда не расставалась. А шкатулку вскрыли для отвода глаз. Конечно, Капитолина не была соучастницей и наводчицей. Она одинокая женщина, мечтающая о счастье. Шагаль получил информацию и начал действовать. Каким-то образом сошелся с Игорем Подземельным. Он и убил старушку. А Вальтер подстроил всё так, чтобы оказаться в доме Ложкиных сразу после убийства. Во-первых, надо держать руку на пульсе; во-вторых, чтобы продолжить дружбу с Капитолиной, которая знает другие тайны. Опять же следователь не заподозрит: редкий преступник обладает

наглой храбростью. Это только в детективах уверяют, что преступника тянет на место преступления. Конечно, Вальтер не убивал, но мог подчистить следы, пока родственники убитой старушки пребывали в смятении. Из чего следует – Игорь в таких делах неопытен. Зато весьма опытен организатор, который расписал всё по нотам.

Собственные предположения Юлии не понравились. Не все, а лишь косвенное участие Капитолины Ложкиной.

Лучше так. В день убийства Шагаль подстроил свою встречу с Ложкиной. Если бы она не пригласила его в дом, он бы сам напросился. Она бы не отказала – лишний повод утереть нос родственникам, которые превратили ее в прислугу без личной жизни.

Надо выяснить, где брошь Липы, - подумала Юлия Бизонова.

Она не собирается становиться сыщиком, искать преступника, пусть этим занимаются профессионалы, но не позволит спихивать убийство на Ложкину, которая не имеет за себя постоять. Пусть все знают, что есть люди, которые горой встанут на ее защиту. Бедная, наивная, ранимая Капа стала пешкой в чужой игре. Сразу в двух чужих играх...

Подруги расстались пять минут назад. За эти пять минут Бизонова сделала ужасающее ее самое открытие: Ложкиной грозит опасность!

Денис давно занял свое водительское место, а его супруга покачивала рукой пассажирскую дверцу и пристально разглядывала молодую пару, стоящую неподалеку на тротуаре. Пара мирно беседовала, лица девушки и парня светились счастьем. Ничего подозрительного, тем более, не вызывающее пристального интереса у постороннего человека. Денис присмотрелся. Молодых людей он по именам не знал, но встречал в городе Лапки.

- Юля, что-то не так? – склонившись в ее сторону, поинтересовался супруг.

- Нормально всё, - буркнула жена, с трудом выкарабкиваясь из своих невеселых дум. На влюбленную парочку она смотрела невидящими глазами. До парочки ли ей было, если жизнь Капитолины под угрозой. Как ей помочь, Юлия пока не придумала, но знала, что начать нужно с броши тетушки Липы.

- Чего ты на них вылупилась? Неудобно, - провел короткую воспитательную работу Денис Бизонов.

- Сам ты... вылупился. Слова подбирай. Я не на них смотрю, просто задумалась... Погоди, сейчас Ложкиной позвоню и поедем.

- Вы же с ней только что расстались. Уже соскучилась?

- Отвяжись.

- Грубо.

- Но справедливо. Не надо мне указывать, что делать, с кем общаться.

- Я и не указываю, - извинительно пробормотал Денис Бизонов и собрал нос в гармошку. Тряхнул рыжими волосами и потер ладонями веснушчатые щеки, словно попытался удалить веснушки «стирательным способом». Юлька в таких случаях всегда начинала веселиться, подтрунивать над рыжиком, предлагать купить стирательную резинку. На этот раз супруга, погруженная в себя, никак не отреагировала, взялась за телефон и начала выяснять у Капитолины, куда делась брошь Олимпиады. Динамики у мобильного подружки были хорошие, супруга не ушла далеко, потому Денис отчетливо слышал ответы, а вопросы – тем более.

Капитолина рассказала, что нашла теткину брошь под пианино. Видимо, она умудрилась туда залететь во время нападения на Липу. Капа обнаружила брошь случайно, во время уборки – вытянуло потоком всасывающего воздуха из пылесоса. Насадка с узкой прорезью не дала броши проскочить в мусоросборник. У броши сломана застежка. Капа не собирается ее носить, потому и чинить не будет. Оставит брошь себе на память.

- Кто-нибудь интересовался пропавшей любимой вещью тетки? – спросила Юля, с трудом справляясь с негодованием: умиротворенно-покладистое спокойствие Ложкиной ее бесило.

- Странно, но никто, - расслышал Денис ответ Капитолины. – Наши женщины украшениями не интересуется, не считая Зою. Но Зоя предпочитает золотые украшения, бижутерка ей даром не нужна.

- С чего ты взяла, что это бижутерка? – Юля повторила нераспространенное название бижутерии за подругой.

- Что же еще, - без всяких эмоций произнесла Ложкина. - У Липы пенсия была с гулькин нос, до этого мизерная зарплата. Сколько может получать смотрительница музея? Сущие копейки. За них дорогую вещь не купишь... Брошь могла быть подарком поклонника, но сие мне неизвестно. О ее поклонниках я вообще никогда не слышала. И не мудрено - Липа была сдержанным и скрытным человеком. Ее сестра Сима, напротив, всегда была болтлива. Но с переездом в наш дом она сильно изменилась. В редких случаях покапризничает, а так больше помалкивает.

- С чего вдруг такие перемены? – вырвалось у Юлии. Обсуждать живую Симу она не предполагала.

- Думаю, моя решительная мать сразу объяснила, кто в доме хозяйка.

- Для тех, кто не понял с первого раза, пришлось повторить.

- Мать всегда недолюбливала двоюродных сестер моего отца. Она его постоянно ревнует, даже к телеграфному столбу, - хмыкнула Капитолина. – Но отца не сломят ни бури, ни ураганы.

- Дай Бог ему здоровья, - подхватила Юлия. – Но вернемся к броши. Ты напомнила, что Липа всю жизнь проработала смотрительницей в местном музее...

- Юля, мне твои намеки не нравятся, - резко пресекла развитие темы Капа. Впервые за весь разговор вышла из монотонно-печального образа.

- Я еще ничего не успела сказать...

- Мне дополнительные разъяснения не понадобились... Сама подумай, какой дурак будет носить на груди вещь, которую выкрал из музея?! Это все равно, что своим флагом размахивать на вражеской территории.

- Дурак – будет, умный перепродает в три дорога и разбогатеет, исполнит мечту всей жизни – отправится в теплые страны. Брошь могла оказаться у Липы случайно.

- Это как?

- Брошь могла потерять заезжая экскурсантка. Вспомни, в прошлые годы к нам в город часто приезжали на экскурсии. Не то, что сейчас. В музей наезжали даже иностранцы. Помнишь?

- Помню, - упавшим голосом подтвердила Ложкина. – Мы с тобой еще детьми были. Нам было удивительно, что старушки-иностранки носят брюки. В ту пору у нас в Союзе женщина в брюках была редкостью. Советские женщины носили кримпленовые платья... Кстати о брюках! - воскликнула Капа, перепрыгивая с кримпленовых платьев на редкий в то время для женщин «низ». – Кто нацепит брошь на неподобающую одежду? На вечернее платье, я еще понимаю. Но в вечерних платьях в музее не ходят. Это не театр. – Она быстро нашла детско-наивное объяснение.

- Липа могла в театре эту брошь притырить, - неслась по своей волне Бизонова. Наконец, ей удалось высказать свою мысль, не удивившую новизной. На другом конце провода послышался звук, отдаленно похожий на пофыркивание лошади. – Я не считаю Липу воровкой, - зачастила Юлька, - Она могла найти кем-то потерянную брошь и... никому об этом не сказать. Помнишь во втором классе...

- Избавь меня от воспоминаний, - буркнула Капа.

- Не хочешь воспоминаний, не надо, - миролюбиво высказалась Юлия. – Я Липу хорошо понимаю – вещица симпатичная, бегать по музею и орать во все горло, выискивая владелицу-растяпу, ей возраст и воспитание не позволили.

- Сама себе противоречишь: то притырила, то воспитание не позволило.

- Ложкина, как с тобой сложно! – возмутилась Бизонова.

- А с тобой легко и просто, - поехидничала подруга. – Если ты высказала все свои умные мысли, то до свидания, белый город с огоньками на весу, - промурлыкала она слова из старой песни «Бирюсинка».

- Твое притянато-радостное настроение внушает опасение.

- Почему не восторг?.. Юля, я уже пятнадцать минут мнусь на пороге дома, никак не могу войти, а у меня ноги озябли. И Вовка...

- Он сопливит, я помню... И опять о броши...

- Сдалась тебе эта брошь! Никакой ценности она не представляет.

- А ты узнала ее ценность, носила к ювелиру-оценщику?

- Я и без специалистов знаю, - без особой уверенности произнесла Ложкина.
- Ты знаешь, я – нет. Ты не будешь возражать, если я возьму у тебя брошь и покажу специалисту?
- Бери, пожалуйста.
- Тогда мы с Денисом сейчас заедем. Заходить я не буду, припаркуемся за Домом Быта. Я тебе перезвоню, когда прибудем на место.
- Юля, нельзя отложить всё до завтра. Я проголодалась...
- Много будешь жрать, раньше состаришься.
- Не буду жрать вообще, умру голодной смертью, - резонно заметила Капитолина.
- Хорошо, завтра мне отдашь брошь, - смилостивилась Бизонова...

Город Лапки переживал конец апреля. Второй по очередности весенний месяц раздел жителей, покрыл их слоем лени, проник внутрь и растеребил задремавшие зимой чувства. Народ потянуло на улицу, где с пафосом цвели плодовые деревья, где по земле стелился мягкий зеленый ковер, в котором появились желтые проплешины – одуванчики. Тихий городок стал бурлящим водоворотом. Народ бессмысленно совершал круговые прогулки по улицам городка. Все друг другу улыбались, по несколько раз здоровались. Солнце играло с горожанами в прятки: скроется за легкой тучкой, та прольется быстрым и игривым дождиком, и небо снова цвета вымытой лазури, с неизменным золотым шариком. И всё-то людям по нраву – и солнце, и дождь, и урчащие коты, и воркующие голуби, и свежий зеленый чистый ковер на газонах, и необыкновенной красоты цветы на деревьях, и сережки на березе. Сказка, весенняя сказка. Народ поверил, что все неприятности остались в прошлом, впереди их ждет только радость и счастье. Для этого совершенно ничего не надо делать – только слоняться по улицам и улыбаться. Все дело в любви. Не обязательно к конкретной личности, ко всем сразу. Так кажется. На самом деле, среди толпы народа есть один избранник или одна избранница, ради которого или которой стоит сойти с ума.

У Капитолины внутри происходили непонятные процессы. В основном в районе левой части груди, где обязано находиться сердце, и в голове – соображение буксовало. На время забылись страхи, обиды. Волнение осталось, но это было волнение иного сорта. Отступила на второй план и находка в дымоходе – до нее ли сейчас, если голова одурманена всем подряд. Воспоминание о тетушке Липе накатывает волнами. Во время «прилива» Капу поедает тоска, она прячется в своей комнате и тихо плачет. Перед глазами стоит живая тетушка и с укоризной смотрит на нее. В очередной раз Ложкина обещает себе «найти сволочь, у которой поднялась рука на старушку». Слезы мгновенно высыхают, Капа пытается сосредоточиться на расследовании, но как сосредоточится, если мысли куда-то убегают. Один плюс - женщина пятидесяти лет на время забыла о возрасте.

Безумный апрель со своими сюрпризами ее околдовал, покрыл не только слоем лени, но приснул в глаза некое волшебное средство, способствующее улучшению зрения. Она увидела то, чего ранее не замечала. Особенно ее удивили заинтересованные мужские взгляды. Однажды утром ее остановил молодой мужчина – хотел познакомиться. И что она? Высокомерно вздернула подбородок и ответила: «У меня дочь ваша ровесница!» Мужчину женский взбрык не заставил бежать без оглядки, он ощупал ее некорректным взглядом и вбросил фразу, которая, по его мнению, обязана устранить недоразумение: «И что с того?» Расшифровывалась фраза просто – любви покорны люди разных возрастных слоев. Но несовременная Капа осталась верна своим моральным принципам, даже в месяце апреле. Чтобы не завязать знакомство тугим узлом, тем самым изменив себе и своим принципам, припустила к своей библиотеке, как оголодавший бомж к накрытому волонтерами столу. Выбросила молодого человека «без комплексов» из головы, переключилась на Вальтера Шагаля, привычно «притянув за уши» свой интерес к нему, одновременно удаляла пятновыводителем прилипчивое пятно неприязни, пусть и не въевшейся, но имевшей место быть. Судорожно выискивала «прекрасные черты», но облик Вальтера растворялся в тумане. Потому как был он невзрачным мужчиной. Невзрачный для Ложкиной – значит без особых примет, за которые можно зацепиться. Например, у него... у него красивая ушная раковина. О чем это говорит? Какая разница – красивая и все тут. Ни у кого такой «раковины» нет... Однако, потягивает сексуальной озабоченностью...

Капитолина состроила рожицу – «мне противно» и по пути продолжила размышлять о приобретенной в процессе долгих поисков привязанности к мужчине. Привязанность обязана со временем превратиться в загадочное чувство, нареченное в народе любовью. Загадочное и непознанное для женщины пятидесяти лет от роду, которая никак не может для себя решить, что это чувство означает и «с чем его едят». Теоретически способна легко прочитать лекцию на любовную тему, способна произнести правильные и доходчивые слова. И изобразить понимание – дескать, давно любима и люблю, с этим чувством и помру, поэтому имею полное право... Но читать лекцию никто не просит. А жаль: могла бы вынести из собственной болтовни что-нибудь разумное, пусть и глубоко концептуальное.

А ведь знает, что мужчина может понравиться без всяких прицепок-зацепок, с одного случайно брошенного взгляда. Потом симпатия развивается, выливается в другую форму. Не обязательно этой формой будет любовь, возможен противоположный вариант – полнейшее разочарование. До других форм Ложкиной далеко. Она пока не вступила на начальный этап. Топчется у двери и никак не решится ее открыть. Потому что понимает – притянутый за уши интерес ни к чему хорошему не приведет. Втолковывает себе и втолковывает, будто отговаривает от шага в ненужном направлении. Пусть дверь останется закрытой, ей по ту сторону двери не надо. Ей и здесь, по эту сторону, хорошо.

Всё познается в сравнении.

Чтобы найти подтверждение – здесь хорошо – нужно побывать там. Но для начала надо за что-то зацепиться, чтобы возникло желание открыть дверь. Кажется, всё элементарно... И уродливо по смыслу.

Шагаль ей не нравился, ни сколечко, ни капелюшечки... Но на безрыбье, как говорит Юлька... Говорит с ехидцей... И пусть себе болтает... Надо сыграть на интересе Вальтера к ней, к стареющей женщине Капитолине Сафроновне Ложкиной. Она ему небезразлична. Это факт. Давно никто не смотрел на нее влюбленными глазами... Что дальше? Это его проблемы – пусть смотрит какими угодно глазами, ей до лампочки Ильича... Но в жизни надо что-то менять. В этом ей поможет Вальтер Шагаль... Фамилия у нее звучная, красивая. Не всем известный Марк Захарович Шагаль, но похоже –

разделяет всего одна буква... Сдалась мне его фамилия. Ему бы способности художника Шагала.

Ложкина задумалась: как же мне влюбиться в Вальтера? Можно поверхностно, без корней в сердце. Вырвется на волю, осмотрится, а там будет видно. Можно и не влюбляться, сыграть на любопытстве, которое появилось в первый день знакомства. Очень хочется разобраться в истинных причинах его ухаживания. Это уже кое-что, пусть и родилось в противоречии самой себе – еще пять минут назад утверждала, что Вальтер питает к ней чувства. Пусть осторожные, сдержанные, но питает.

Любопытной Варваре в одном шумно-торговом месте оторвали нюхательный аппарат.

Помянув недобрым словом нюхательный аппарат, проще говоря нос, Капка вспомнила про недавний разговор с подругой Юлькой, которая предлагала использовать нос выше упомянутого Шагала в качестве приманки: сосредоточиться и привить с помощью носа любовь к его обладателю. Да, Юлька знатная шутница. Знала бы какие героические мысли посещают голову подруги, посоветовала сидеть дома и не играть в игры для взрослых, потому что ее любопытство ничем хорошим не закончится. Потому что она трусиха, но... с синдромом трусливой смелости. Боится, а лезет туда, где опасно. Из любопытства... Но почему отношения с Шагалем опасны? Потому что от него веет опасностью. Ой, не прост он, ой, не прост. Хотя и хочет казаться рубахой-парнем. И глаза... Любовь в них какая-то черствая, жесткая. Больше злости, чем любви, будто не рад, что с ним ЭТО произошло. И теперь раздумывает, что ему предпринять: излечиться путем устранения объекта любви или пустить всё на самотек, авось само собой рассосется. От любви до ненависти, как известно, путь недолог.

Что я себе напридумала, - попыталась успокоить себя Капитолина. – С такими прицепками-зацепками не то, чтобы влюбиться, а будешь обходить мужчину десятой дорогой. Нормальный Шагаль мужик, серьезный, в серьезном возрасте, потому тоже боится перемен. Не трус в своих профессиональных делах, но трусит в личной жизни. Ему тоже не всегда везло с женщинами. Ошибался, обжигался, каменел, в итоге сроднился с одиночеством. Встретил женщину (это я о себе), ни на кого непохожую. Его к ней, ко мне значит, безумно влечет. И ничего с этим притяжением

поделать не может. Противоядия от меня найти не способен, как не способен смириться и отдаться внезапно нахлынувшему чувству. Подождутка я дальнейшего развития событий. Пусть Вальтер делает первый ход. Сделает ход и выдаст себя. А я пойму, что у него на уме, что на сердце...

За прошедший месяц Вальтер Шагаль несколько раз покидал город на короткий срок. А Ложкина думала: «Всё, прошла влюбленность, завяли первоцветы». Но Вальтер каждый раз возвращался. Постепенно родные Капитолины перестали принимать его в штывы. Он не сильно изменился, по-прежнему важничал, увивал от вопросов или отвечал так мудрено, что сам путался. Но признался, без имен, зачем приехал в город Лапки. Его наняла ревнивая супруга для слежки за своим мужем. Хочет узнать, зачем супруг постоянно наведывается в этот захудалый городишко. Подозревает, что завел себе любовницу. Договор они заключили немногим больше месяца назад. Что самое удивительное – неверный муж сразу исчез, будто узнал о происках супруги, разобиделся и решил не возвращаться. Без всяких объяснений: письменных в виде смс или переговоров на расстоянии в виде телефонных звонков. На связь не выходит, ни с кем из общих знакомых не общается. Мобильник отключен, чтобы не запеленговали. Вальтер уверен, что мужчина находится в городе Лапки, отсиживается у своей дамы сердца, а с женой вознамерился расстаться, но пока собирается с силами, чтобы ей об этом сказать. Его супруга особа стервозная, нервическая, способна сотворить что угодно. Муж надеется, что она поостынет, легче примет его предложение о разрыве. Или он передумает, вернется к ней, расскажет трогательную историю о своем похищении, наплетет в три короба, и мир в семье восторжествует. Любую стервозу легко превратиться в клушу и разжалобить, она готова поверить фантастическим небылицам, лишь бы милый был рядом. Бывают исключения: стервоза поняла - супруг и даром не нужен, поднадоел ей порядком. Чаша весов с разводом перевесила чашу весов с счастливым воссоединением после тревожной разлуки. Временно отсутствующий супруг не догадывается, что жена рукой на него махнула, только желает знать, жив ли он, ничего ли с ним не случилось. Время разлуки стало временем размышлений, в итоге пришла к выводу: любовь давно ушла, вместе им гораздо хуже, чем вдали друг от друга.

Поисками занимается не только частный сыщик, но и полиция. И так же безуспешно. Среди погибших мужчина не значится, как и среди людей, потерявших память.

Параллельно сыщик занимается расследованием убийства Олимпиады Игнатьевны Ложкиной, за что ему все Ложкины безмерно благодарны, потому как ждать новостей от полицейских не приходится. Следователя они со дня трагедии ни разу не видели, исключение – Капитолина. Он ей несколько раз звонил и приглашал к себе в управление. Зачем, сам черт не разберет. Ничего нового не сообщил, только копался «в грязном белье». По словам Капитолины, никаких остросюжетных фактов биографии погибшей Липы она не рассказала. Не потому что тщательно скрыла – рассказывать особо нечего. Родилась Олимпиада, жила-работала, ушла на пенсию, жизнь сбавила обороты. О том, что у тетки родился ребенок, Капа не знала. Как не знал никто, кроме Симы и Сафрона. Сафрона волновали визиты дочери в управление. После возвращения он уединялся с ней в ее спальне и требовал отчета. В заключении разводил руками и каждый раз говорил одно и то же: «Ничего не понимаю». Капитолина начала что-то понимать после последнего визита к следователю, когда получила приглашение в кино. Но отцу, естественно, не открылась. Только глаза потупила, как в случае с Юлькой. Но Юлька более догадлива и наблюдательна, чем отец. У Сафрона были поводы для волнений. В первую ночь после убийства Липы ему приснился нехороший сон с участием младшей дочери. Будто бы она стала соучастницей убийства. Исполнителя он видел смутно, кажется, молодой парень с длинной челкой. Во сне был и заказчик. Один в один Вальтер Шагаль. Отличие в росте: мужик, похожий на Шагалья был высоченный, где-то под два метра. Но с очень узкими плечами. Ширина плеч равнялась выступающим ушам. Уши у двойника-шпалы были большими, летучими. При ветреной погоде могли поспособствовать полету над землей. Что мужик и сделал без долгих раздумий – улетел в неизвестном направлении. Но прежде похлопал по плечу чубастого парня - исполнителя, чувственно прижал к себе Капу, на голове которой красовался большой красный бант, как в детские годы. Только в детстве у дочери были густые длинные волосы. Во сне она была с теперешней короткой стрижкой, потому бант держался на честном слове и при каждой движении головы покачивался, как неваляшка. Капа была серьезна и собрана, как октябренок перед вступлением в пионеры. И постоянно кивала головой во время

нашептывания – соглашалась с инструкциями, приводя в движение красный бант по голове. Покончив с нашептыванием, мужик-шпала разогнул согнутую в три погибели спину, а Капитолина запоздало потянулась к нему губами. У нее ничего не вышло с поцелуем-благодарностью, пришлось вцепиться мужику в плечи двумя руками, подтянуться, как на турнике. Проведя целовательное мероприятие, спрыгнула вниз, отцепив пальцы от мужика-шпалы. Мужик тотчас замахал своим ушастыми ушами и взлетел ввысь. Чубастый парень тщательнее замаскировал волосами лицо, в довершении прикрыл руками голову, как советуют стюардессы при экстренной посадке лайнера. Но не промолчал: «Думаешь, я мужчина? А вот и ошибаешься!» И гаденько захихикал. Скорее всего, обращение было адресовано Капе, но она почему-то его проигнорировала. Или не услышала. Капа провожала глазами «Икара», приложив ладонь к губам, где запечатлелся поцелуй. В глазах девочки-женщины с бантом не было тревоги или трагической безысходности, только торжество от удачно выполненной работы.

Сафрон не знал, почему решил во сне, что эта троица сговорилась и убила его двоюродную сестру. Ладно бы эти двое – чубастый и ушастый, но Капа... Как она могла... Несколько дней после этого Сафрон не находил себе места, ни с кем не разговаривал. Родные его не беспокоили, ясно – переживает, чувствует себя ответственным за гибель Липы. Ложкин отказывался от завтрака, в столовой появлялся когда все домашние разбежались по своим делам. Но потом отошел, сначала заговорил с Вовкой, после - с Капой, затем – со всеми остальными. С Капой он особенно был нежен и заботлив. Таким он никогда не был.

Сафрон сам себе сказал, что он старый дурак. Его сон можно трактовать иначе. Мужик с ушами, возможно, Вальтер, долго добивался от Капитолины взаимности, дождался, что было подтверждено поцелуем, мужик от счастья воспарил к небесам. Чубастым парнем может быть сын Вальтера от первого брака, который не желает видеть рядом с отцом другую женщину. Ревнует. Ну, и Бог с ним. Не маленький, как-нибудь переживет. Почему пытался запутать со своей половой принадлежностью? Кто его знает, вполне вероятно, что кроме сына у Вальтера где-то растет внебрачная дочь. Рано или поздно они встретятся, Капа не станет препятствовать их сближению. Теперь что касается красного банта. Красный бант – это показатель

праздника. Скоро в их дом придет праздник, на смену тому горю, что внезапно обрушилось на них. Вот так вот.

Расшифровать сон помогла одна знакомая. Только ей мог довериться Сафрон Ефимович. И будто бы он успокоился, но тут следователь со своими звонками-приглашениями. Неужели майор подозревает его дочь в убийстве тетушки? Быть такого не может... Надо бы сходить к следователю, объяснить. Завтра же пойдет и потребует оставить дочь в покое. Тоже моду взяли – хватать невинного!..

Однажды вечером всё семейство попивало чай в кухне-столовой и посматривало в телевизор, по одному из каналов транслировали легендарный фильм Юрия Озерова «Освобождение». Вовочка загорелся идеей нарисовать танк, к чему незамедлительно приступил под руководством дедушки Гены, который проходил военную службу по призыву в танковых войсках. Все остальные, за исключением Серафимы Игнатьевны, внимательно следили за развивающимися на экране событиями, несмотря на то, что видели кинофильм много раз.

Сима пила чай и на экран почти не смотрела. За последнее время она сильно сдала, смерть сестры пошатнула и без того слабое здоровье.

Когда на экране появился лейтенант Васильев в исполнении Юрия Каморного, Фекла Мироновна не удержалась от восклицания:

- Каков красавец!

Тетушка Сима непроизвольно взглянула на экран телевизора и выронила из рук чашку. Благо, она была пуста, и горячий чай не облил ей колени. Чашка благополучно миновала колени, приземлилась на пол, и перестала быть единым целым. Капа забегала вокруг Серафимы засыпала вопросами: не поранилась ли она, как она себя чувствует, не болит ли голова. Тетя часто жаловалась на головные боли. Зоя собирала с пола осколки чашки.

- Все хорошо, просто мне почудилось... - пробормотала в ответ тетушка извинительно.

Петька хотел что-то сказать, но жена Зоя пресекла поползновения суровым взглядом и процедила:

- Скажи спасибо, что у меня руки заняты.

Мать цыкнула на нее, и совсем неласковым голосом обратилась к Серафиме:

- Ты можешь внятно объяснить?

- Мне показалось, что это... Олег Подземельный.

- Кто? – не поняла Фекла Мироновна.

- Актер этот, в танкистском шлеме.

- Юрий Каморный, что ли? – уточнила Фекла.

- Да, этот, симпатичный.

- У вас галлюцинации, - поставил диагноз Геннадий, лихо вырисовывая на танке пятиконечную звезду.

- Может, и галлю... галлюнации, - согласилась тетушка, не совладав со сложным словом. – Возраст, что ж вы хотите. Липа ушла и мне пора.

Родные хотели включиться в общий хор, ор, осудить, возразить, пожелать, но их опередил Вальтер Шагаль:

- Э, постойте! Кое-что я начинаю понимать, - задумчиво протянул он, внимательно изучая старушку с «галлюнацией», которая дала ему подсказку. Теперь дело за ним. – А ведь что-то подобное я подозревал.

- Что ты подозревал? – не поняла Капа, поглаживая плечи тетушки, успокаивала.

- Я с самого начала не верил в эту историю с сыном. Олимпиада все выдумала!

- С чего бы ей выдумывать! Эта история ее только порочила.

- Существовала другая история, которая очернила бы ее сильнее, - загадочно произнес сыщик.

Если сказать, что Ложкины смотрели на него настороженно, это ничего не сказать. Можно подумать, что гость признался в убийстве их близкой родственницы, расследованием которого он занимался «для отвода глаз», а теперь предпочел сообщить, что в его планы входит устранение всех Ложкиных в очередной последовательности. Тайм-аут взят преступником с

определенной целью – не знает, какую методику выбрать: то ли исходить из возраста, то ли из личной неприязни. Не сговариваясь, Ложкины и не Ложкины, воззрились на Капитолину, которая привела за ручку в дом убийцу. Во взглядах не было осуждения или злобы, одно сочувствие, будто всё уже решено - Капа обязана стать следующей жертвой, им очень ее жаль, но иного выхода, чем жертвоприношение, нет. Капитолине стало неуютно под взглядами родственников, решила, что дело дойдет до рукоприкладства. Уже месяц все взвинчены, предел терпения настал. Капа не думала, что объектом нападения будет она, ее никто пальцем не трогал. Объектом станет гость, с появлением которого начались неприятности. Конечно, Вальтер приземистый крепыш, свалить его с ног будет не просто, но если навалиться скопом, то...

Капитолина обязана помочь Шагалью: все-таки не исключила его из немногочисленных рядов потенциальных мужей. Из совсем немногочисленных рядов, прямо скажем. Шагаль – путь к свободе.

На всякий случай Капитолина Ложкина отошла подальше от тети Симы и на всякий же случай взяла в руки сковороду. Орудие защиты так себе, но дело не в выбранном орудии: Капа никогда не умела драться. Тем более, никогда не вступит в потасовку с ближайшими родственниками. Конечно, хочется осуществить свою давнюю мечту – врезать по загривку Генке Шахворостову, и недавнюю мечту – огреть по головочке тупицу Петьку Шлому, который смеет ею помыкать. Хочется, но не будет бить и тем самым унижаться, переходить к методам физической расправы. Выберет момент, соберется и спокойно, без криков и эмоций, выскажет все свои недовольства. Обязательно выскажет, если не уберется из этого дома... Обязательно выскажет, обязательно уберется – выскочит замуж за москвича, который не успел застраховаться от физических увечий. Как следствие – бегство из дома Ложкиных, расставание с Капитолиной, родные которой ужасно невоспитанные люди, дикари. За свое счастье надо биться, - банально решила пятидесятилетняя интеллигентная женщина со сковородой в руках. На ее лице отразился такой страх, будто она попала в руки жестоких бандитов. И не только страх, что немаловажно, еще и отчаяние: будет биться до конца, уйдет из жизни героем.

Зоя шумно бросила осколки разбитой чашки в мусорное ведро, но на нее никто не обратил внимания. Напряжение звенело, как порванная струна.

Глава семьи запоздало вздрогнул от громкого звука, решил сграбастать инициативу в свои руки, но инициатор возникшего недоразумения – тетушка Сима - снова выделилась из общей массы, выразительно произнесла: «Ну, надо же!» Ее пристальным вниманием завладел кинофильм, который по-прежнему транслировался по федеральному каналу. Серафима Игнатьевна внимательно наблюдала за развитием событий, с завидным пристрастием, словно ей поручили посмотреть и написать рецензию. Актера Каморного видно не было, но это обстоятельство ее не расстроило, она точно знала, что его фотографию ей показывала сестра, и она же выдавала его за своего сына, якобы оставленного в роддоме. Именно, припозднившееся изречение относилось к фортелю, выкинутому сестрой.

Пока все отвлеклись на Серафиму, Зоя приблизилась к тетке и забрала у нее сковороду со словами:

- Капа, не дури.

- Зоя, ты... совсем умом двинулась? – так же шепотов возмутилась тетка. – ты что подумала? Что я... кого-то ударю этой сковородой?

- А то, нет?

- Я... вымыть ее хотела, только и всего.

- Ага, вымыть. Я так и подумала. Взяла с полки чистейшую сковородку и решила перемыть – нервы успокоить, а перед этим зачем-то ее приголубила.

- Эта сковородка мне дорога, как память, - нашлась Капитолина. – Мне ее... подарил...

- Мой папашка тебе ее подарил на восьмое марта, а ты его чуть не стукнула этой сковородкой. И поделом ему – дарить женщине кухонную утварь глупо.

- Еще как глупо, лучше крохотный букетик цветов подурить, менее затратно, но гораздо приятнее...

- Капитолина Сафроновна, Зоя, - цыкнул на них осмелевший гость, который понял, что удалось избежать физической расправы и очередного выдворения из бывшего купеческого особняка. Цыкнул миролюбиво, чтобы не перегнуть палку и не потерять поддержку. – Девочки, вы потом обсудите свои важные дела.

Капа изобразила поддержку и понимание, Зойка хмыкнула и оставила тетку в одиночестве у шкафа, перебралась за стол.

- Друзья, - вступил с ответным словом Шагаль. - Я догадываюсь, что моя версия вам совсем не понравится, и нисколько не удивлен – кому же захочется узнать о близком человеке горькую правду. Но правду узнать необходимо, чтобы разобраться в причинах, побудивших преступника убить Серафиму Игнатьевну, в прошлом которой были не одни светлые пятна.

- Допустим, - обронила Капитолина, взявшая на себя переговоры с правдолюбцем. Поддержка от родственников не последовала, пришлось осадить оратора. – Но почему мы должны безоговорочно доверять твоим словам? Где найти доказательства, что у тети были темные пятна в жизни, из-за которых она выдумала себе сына? Твои слова это всего лишь неподтвержденные догадки, не более того. Их, как говорится, к делу не пришьешь.

- Я еще не успел ничего сказать, а вы на меня набросились!

- Не мы, а я, - уточнила она.

- Да, высказалась ты одна, но другие смотрят на меня, как на врага народа.

- Ничего удивительного, - насупилась Капа. – Кому понравятся нехорошие намеки в адрес близкого человека, который ушел из жизни и не способен ничего сказать в свою защиту. Мы знаем тетушку Липу, как...

- Думаю, Олимпиаду Игнатьевну польстила бы положительная характеристика, данная тобой, - перебил ее Шагаль. – Или она бы не выдержала и во всем призналась.

- В чем бы она призналась? Мы всё о ней знаем! Почти всё, - поправилась Капка, вспомнил о тетушкином сыне. Её саму раздражали официально-бесчувственные слова, потоком лившийся из нее: «знаем, как...». Даже лучше, что Вальтер ее перебил, неизвестно, до чего бы она договорилась. Но молчать и выслушать обвинения в адрес тети, глотать эти обвинения, тоже нельзя. - А ты... а ты никогда ее не видел, в живых не видел, и рассуждаешь...

Капитолина разошлась не на шутку. Она вознамерилась и дальше перечислять положительные качества тети Липы, чтобы не дать гостю

возможности вставить слово, способное ее очернить, способное открыть им глаза. И пусть меняет о ней мнение, на здоровье... Но куда деть любопытство, поселившееся внутри одинокой-неодинокой женщины, которая еще недавно жила своей закрытой жизнью, не лезла в чужую жизнь. Никогда не любопытствовала, не сплетничала, не завидовала. Жила себе и жила. Однажды поллюбопытствовала – прочла записку на лапке мумии почтового голубя, и жизнь круто переменялась. Тихая замкнутая женщина сначала «призналась», что у нее есть жених, потом и вовсе привела жениха в дом. И в первое его посещение дома случилось несчастье. Возможно, даже вполне вероятно, что эти события никак между собой не связаны. А если связаны? Не надо лезть туда, куда не надо, не надо ворошить давно похороненное прошлое. Несчастье с тетей могло случиться и без странной находки в каминной трубе, но оно почему-то произошло после злосчастной записки в дымоходе. Как это объяснить? И что пытается им внушить Вальтер? Человек, которого она для самоутверждения привела в дом, потом из любопытства продолжила с ним знакомство и, наконец, услышала его странное заявление. По какой-то причине на этот раз она будет его выслушать? И будет ли? Лучшим выходом из ситуации, искусственно созданной руками частного сыщика, будет очередное выдворение его из дома. Как говорили в прежние времена – Шагалью откажут от дома.

Милостивый государь, извольте выйти вон, - мысленно проговорила про себя Капиталина Ложкина. Наверное, при этом непроизвольно шевелила губами. Поэтому гость, пока не выставленный за порог, внимательно следил за живущими собственной жизнью женскими губами, словно он глух, но способен читать по губам.

Капа сложила руки калачиком на груди и с вызовом воззрилась на Вальтера. Тот ступешевался, чем ее несказанно порадовал. Впервые она выиграла «зримый» бой с мужчиной. И впервые решила не прятать голову в песок. Ладно, пусть говорит, а они послушают и тогда решат, что делать и с оратором, и с его заявлением.

Капиталина не успела предложить гостю высказаться, он сам взял слово без приглашения.

- Не буду ходить вокруг, да около, - скороговоркой вступил он, чтобы его никто не перебил в очередной раз. Ложкины напряглись в ожидании, но

Вальтер не высказался со всей прямоотой, решил расшаркнуться. – Заранее извиняюсь, потому что не всё мною сказанное вам понравится...

- Короче! – рявкнул Геннадий Шахворостов и неожиданно сломал красный карандаш, который вертел в руке в перерывах между художествами.

Хозяин карандаша, Вовка Шлома, задержал дыхание от обиды - слишком велика была потеря, а потом закатился плачем, от которого у присутствующих заложило уши. Чтобы разжалобить местное население, малыш способен показательно убиваться по любому пустяку. Ради собственного спокойствия, жалость не единственная причина, местное население идет на любые уступки и обещания. Да-да, забота о себе любимых тоже немаловажна, потому как Вовкин рев мгновенно вызывал жуткую мигрень у всех без исключения, но в разной степени. В минуты бесконечного детского горя на главного участника никто не шипел-не кричал, все старались угодить-задобрить. И Вовка снисходил – успокаивался, слегка всхлипывал и изображал нескончаемую печаль. На этот раз всё было иначе: потеря карандаша была мизерно-несущественной по сравнению с сообщением всезнающего гостя. Вовка никак не ожидал, что взрослые, включая любимую Капочку, потребуют от него немедленно замолчать. А сидящий в непосредственной близости дед Генка еще и стукнет по заднему месту, благо коленная поза малыша позволяла ощутимо приложиться. Вовка замер с открытым ртом, потом хотел продолжить сольное пение «заткни уши», но дед уже тянул к нему руку, чтобы приложиться вторично. Защита в лице бабушки Влады не пришла. Вовка закусил губы и обиженно засопел, что осталось без внимания взрослых.

- Вальтер, продолжай, мы тебя внимательно слушаем, - обратилась к гостю Капитолина.

- Я еще раз хотел бы...

- Короче! – рявкнул на него Петька Шлома, чем заслужил поддержку кивком головы от жены Зои.

- Хорошо, буду краток, - понял приказ по-своему Шагаль. - Олимпиада Игнатъевна отдавала все деньги... шантажисту. – Последнее слово он произнес с плохо скрытым торжеством, но Ложкины были так ошарашены заявлением, что голосовые оттенки их мало интересовали. - И чтобы никто

из вас не догадался, она выдумала себе сына. Якобы хочет помочь ему материально, так сказать загладить свою вину перед ним. Когда «сына» не стало, его дело продолжил его внук.

- Ее внук, - поправил ничего непонимающий Сафрон Ложкин.

- Его внук. Шантажистом был, действительно, Олег Подземельный. Тот старикан, который скончался пять лет назад в Москве. Как вы понимаете, сыном Олимпиады Ложкиной он быть не мог. А вот сволочью был редкостной, - виртуозно закрутил Шагаль. - На всякий случай я покопался в его биографии. Предчувствовал, что он как-то связан с Олимпиадой Игнатьевной.

- Что накопал? – голосом, не сулившим ничего хорошего, спросил Сафрон Ефимович.

- А накопал я следующее. В блокадном Ленинграде Подземельный имел доступ к продовольствию. Воровал продукты и обменивал их на ценности. Уж не знаю, почему ему срок не впаяли. А надо было не только впаять срок, к стенке гада поставить без суда и следствия. Люди получали сто пятьдесят блокадных грамм хлеба, голодали, погибали, а эта гнида жировала. После войны Подземельный исчез из Ленинграда. Не сбежал на край света, а повел себя нагло - обосновался в столице. И на дно не залег, завел дружбу с криминальными элементами, параллельно налаживал знакомства и контакты в среде коллекционеров антиквариата. Вскоре стал для коллекционеров незаменимым человеком. Пополнял их коллекции редкими вещами, за которые получал большие деньги. Не гнушался ничем дабы выполнить заказ. По всей видимости, при выполнении очередного заказа Подземельный каким-то образом вышел на Олимпиаду Игнатьевну Ложкину, посулил ей кругленькую сумму, чтобы та вынесла из музея некий раритет. Она вынесла, денег ей не заплатили. Подземельный с самого начала не собирался ей платить, он за копейку готов был удавиться. И не только не заплатил, но сообразил, что может на ней заработать - начал ее шантажировать. Держать на коротком поводке людей, манипулировать ими - еще одно любимое занятие подпольного миллионера. Забавы у него такие были. Но расплата рано или поздно приходит. И к Подземельному пришла. С ним жестоко расправились его же подельники. Перед смертью долго пытали, хотели узнать, где старик хранит свои богатства. Старик хотел купить

себе жизнь, все рассказал. Подельники обчистили бывшего благодетеля до нитки, а потом зверски убили... Его сын в то время отбывал наказание за изнасилование несовершеннолетней. Отсидеть успел всего пару месяцев, потом совершенно неожиданно скончался - заключенных с такой статьей на зоне не уважают. Там же, на местном кладбище, его и похоронили. Еще на этапе расследования супруга с ним развелась и перебралась на свою родину, во Владивосток. После смерти бывшего свекра вернулась в Москву. По завещанию Подземельный все свое движимое и недвижимое имущество оставил внуку Игорю. Ни денег, ни безделушек, которые обожал старик, не нашли. Игорь получил нормальное образование - мать продала кое-что из недвижимости свекра, но яблоко от яблони... В общем, хотел по-быстрому срубить денег, и едва не оказался в колонии. Мать откупила, продала отличную дедову квартиру. Вскоре мать Игоря скоропостижно скончалась, а Игорь остался без поддержки и без жилья, но быстро женился на дочери олигарха. Но и тут ему не повезло, олигарх решил влезть в политику, и оказался в тюрьме. Его дочь стала Игорю не нужна. При разводе отхватил хороший кусок пирога. Снова женился, естественно, не на дочери дворника. Новый тесть не олигарх, высокопоставленный чиновник в мэрии. Его дочь, супруга Игоря, успешная бизнес-леди. Чего не скажешь о самом Игоре Подземельном, авантюристе и лентяе.

- И все-таки, внука зовут Игорем, - ошалело протянул Сафрон Ложкин, вытащив не ту информацию, на которой обязан был сконцентрироваться.

Шагаль скривил рот в пренебрежительной усмешке и посмотрел на Капитолину. Во взгляде отчетливо читалась оценка умственных способностей ее отца. Пока только ЕГО способностей, остальные члены семьи помалкивали и сосредоточенно смотрели на главу.

- Внука Олега Подземельного на самом деле зовут Игорь, - снисходительно подтвердил Вальтер. – Олимпиада Игнатъевна называла настоящие имена своих врагов, будто мечтала, что настанет время, и они ответят за все...

- Твари, - вырвалось у Владиславы Сафроновны.

- Твари, - подхватил новое слово Вовка и покосился на деда Генку, который взялся за синий карандаш и увлеченно вертел его между пальцами.

- Я хорошо узнал вашу семью, и кое-что понял, - сказал Шагаль таким тоном, будто собрался огласить приговор всем Ложкиным за групповое хулиганство. – И могу понять поведение Олимпиады Игнатьевны. У вас всех незапятнанная репутация, вы все глубоко порядочные люди. А она...

- Была бельмом на глазу, - разговорился Петька Шлома, вспомнив одно из высказываний своей матери, которое было направлено на сельскую девчонку-шалавку из якобы благополучной семьи.

- Сам ты... бельмо, - парировала Зоя.

- Я не говорю, что ваша родственница была непорядочным человеком. Мало ли какие обстоятельства заставили ее пойти на... нарушение закона. Оступилась, но быстро раскаялась. Ей всегда было стыдно за свой поступок, который очернил бы всех вас. Потому молчала и исправно платила дань. Сначала Олегу Подземельному, а когда его убили, его внуку. С виду он вполне нормальный молодой человек. Симпатичный, вызывает доверие, и у женщин пользуется популярностью. Смазливый в общем, и умеет баки забить молоденьким девчонкам.

- Ты так о нем говоришь, будто хорошо его знаешь, - с подозрением пробормотала Капитолина.

Новость ее шокировала. Но словам Вальтера она сразу поверила. Потому как знала, что двадцать лет назад в музее странным образом исчезло несколько ценных экспонатов одновременно. Это были цветные фигурки, обнаруженные археологами в одном захоронении на окраине города Лапки. Удивителен тот факт, что ранее такие фигурки находили только в Китае. С их помощью супруга военного начальника должна была заслужить расположение духов. Каким образом фигурки оказались в России, так и осталось загадкой. Благодаря сохранившимся историческим документам, было установлено, что в склепе был погребен известный в городе купец Парамонов. Высказывались предположения, что цветные фигурки покойный себе присвоил, когда с торговыми делами был в Китае. Скорее всего, китайские фигурки принесли ему одни беды, и его родственники решили от них избавиться, похоронили вместе с купцом. Липа не любила говорить на эту тему, Ложкины не удивлялись - ее беспокоило исчезновение экспонатов из музея, в котором она проработала многие годы. Оказывается, не просто беспокоило, она приложила руку к исчезновению фигурок, перекочевавших

к коллекционеру через посредника. Но как она могла пойти на сделку с преступниками?! Кажется, что знаешь человека всю жизнь, а оказывается... не знаешь.

Капа задумалась и пропустила самое важное. Сама задала вопрос и отключилась.

- Вальтер, извини, я задумалась...

- Я говорю, этот Игорь Подземельный тот самый мужчина, которого я разыскиваю в вашем городе по просьбе его супруги.

- Как всё завязано. А ты не видел, встречался ли он с тетушкой?

- Я приехал в ваш город вечером, накануне гибели Олимпиады Игнатъевны, выяснил, в какой гостинице остановился мой подопечный. Когда он появился, «сел ему на хвост». Подземельный без спешки пообедал в ресторане «Центральный», потом пошатался по магазинам. Я решил, что он убивает время до встречи с женщиной. После прогулки вернулся в гостиницу, но долго там не задержался. Вышел, сел в свой автомобиль, а я – в свой. Но он резко передумал ехать на машине, пошел пешком. Долго крутился возле вашего дома, ровным счетом ничего не предпринял, кроме того, что зашел по соседству, в Дом быта. Я не рискнул последовать за ним. Когда вновь появился на улице, опять стал прохаживаться возле дома. Постоянно зыркал по сторонам, несколько раз брался за мобильный телефон, но позвонить не решился. В очередной раз взглянув на наручные часы, прибавил шагу и потопал к гостинице. Я пришел к выводу, что он ждал каких-то условных знаков от любовницы, та знаков не подала, значит, свидание переносится. Оказывается, ошибался, Подземельный хотел получить очередную дань. В одном не ошибся - условным знаком было открытое окно. Или что-то еще. Вы говорили, что Олимпиада Игнатъевна распахивала окно постоянно? В этом случае, окно не может быть условным сигналом.

- Так нас казалось, - монотонным голосом произнесла Капитолина. – Мы могли ошибаться.

- Могли, - кивнула Зоя, - нам больше делать нечего, как следить, сколько раз на дню Липа открывала и закрывала свое окно.

- Может быть, дело в портьере, – предположила Владислава. – Она ее то отдергивала, то задергивала. Я сама видела.

- И постоянно крючки отрывались, - снова вставила свое веское слово Зойка. – Еще меня просила взять стремянку и прикрепить портьеру к крючкам. Я крепила, за Липу переживала – сама ползет, ломает шейку бедра. Для стариков это убийственный диагноз.

- Может быть, дело в портьере, - согласился Шагаль. – Сейчас это уже не так важно. Задержим преступника, обо всем узнаем, - с угрозой в голосе добавил он.

- В тот вечер, накануне убийства, у тетушки Липы поднялось давление, она к ужину не выходила. Я весь вечер просидела у нее в комнате, - вспомнила Капа.

- Поэтому она не открывала окно, и не подавала условных сигналов, - заключила ее сестра. Сыщик кивнул и сказал:

- Я-то думал, что Подземельный приезжает в Лапки к любовнице, а он - мерзкий шантажист, дань собирал. Вполне возможно, что таких «дойных коров» у него было несколько, по наследству от деда получил, и все исправно платили за молчание. Чтобы жена ничего не заподозрила, называл только один город. Будто бы у него здесь затевается важная стройка. У него и, правда, был строительный бизнес, весьма неудачный. Его супруга более успешная бизнес-леди. Это еще одна причина, почему он с ней не разводился.

- Ты же утверждал, что бывшая жена сына Подземельного вернулась в Москву после смерти старика. Как бы он передал по наследству... «дойных коров», как ты выразился? А? Как? – с торжеством спросила Капитолина, уличив Шагалья в несоответствии озвученных им же фактов. - Лично мне подобное определение не нравится. Не хочу, чтобы мою покойную тетку называли «дойной коровой»! – Капа притопнула ногой.

- Мне тоже, - вставила Зоя. – У вас, Вальтер Иванович, есть ответ на поставленный вопрос? – с ехидцей поинтересовалась она.

- У меня на все вопросы есть ответы, самодовольно парировал Шагаль. – Когда Игорь учился в старших классах, связался с дурной компанией, мать увезла его в очередной раз...

- Подальше, в Китайскую Народную республику, - подражая сыщику, изрек Геннадий.

- Нет, вмешалась Зоя, - от Китая до Владивостока рукой подать. Она его перевезла...

- Довольно, - осадил бурную фантазию отца и дочери дед Сафрон.

- Зря вы насмехаетесь, - укорил сыщик. – Мать, действительно, увезла сына... в Петербург.

- Для переезда, для обустройства нужны были немалые деньги, - рассудила Владислава. – У невестки что, денег куры не клюют? Она тоже была успешная бизнес-леди?

- Сведения о ней весьма скудные, - ответила Вальтер. – Наверное, у нее были какие-то сбережения, опять же квартиру во Владивостоке продала, ей от матери досталась. Зачем нам ее материальное благосостояние?!

- Материальное благосостояние может быть и ни к чему, но неувязочка в ваших словах проскользнула, - высказалась все та же подозрительная Зойка, обменявшись с теткой Капой многозначительными взглядами. – Так как дед передал своих... тех людей, - поправила она, - своему внуку Игорю?

- Наверное, внук связался с дедом, когда ему понадобились деньги, - вновь высказала свои предположения Шагаль.

- Думаю, так и было, - удовлетворилась ответом Капитолина. И нет бы промолчать, но она вдруг заговорила о похищенных из музея цветных фигурках. Поделилась своими воспоминаниями, теткиними переживаниями, которым теперь нашлось объяснение. - От этой истории дурно пахнет, - в заключении сказала она.

- У нас нет доказательств, что к краже из музея каких-то там фигурок приложила руку наша Липа, - защитила Олимпиаду Игнатьевну Зоя Шлома. Народ посмотрел на нее, как на ребенка с испачканным вареньем ртом, который заявил, что не он опустошил банку.

- Влада, ты помнишь, что наша Липа всю свою жизнь вела дневник? - спросила сестру Капитолина. – Мы тоже в детстве следовали ее примеру, и тоже вели личные дневники...

- Но быстро сдулись, нам надоело описывать скучные события прошедшего дня. Сначала писали каждый день, потом раз в неделю, потом раз в месяц, потом забыли, куда делся дневник. Жаль, сейчас бы почитали, вспомнили, поплакали или посмеялись.

- А Липе не надоело. Надо найти этот дневник, вдруг она только ему одному доверила правду.

- Также вспомнила, - хмыкнула мать взрослых девочек. – Наверное, Липа давно сожгла дневник в камине.

- Мы с Липой дневник в камине не жгли, - протянул умный Вовочка, вырисовывая снаряд, вылетевший из дула машины боевой. Сосредоточенность на важном деле не отвлекала его от споров родственников.

Ложкины переключились на мальчугана.

- А что вы сожгли с Липой в камине? - вкрадчиво поинтересовался добрый дядя Вальтер, который никогда не приходил в гости без подарка для малыша.

- После нового года мы сожгли старые письма и фотографии из шкатулки, - монотонным голосом сообщил Вовка, и от художественного усердия закусил губу.

- Почему ты раньше об этом не говорил? – поинтересовалась бабушка Владислава.

- Меня никто не спрашивал... И Липочка сказала, что это будет нашей тайной.

- Теперь мне почти всё понятно! - воскликнул гость и хлопнул ладонями по столу, от чего зазвенели чашки. – Липа в указанный день передавала свою пенсию Подземельному, который проник в ее комнату через окно. Видимо, она устала «сидеть на игле», заявила шантажисту, что больше денег не даст, тот разозлился и ударил ее тяжелым подсвечником по голове. Увидел ключ на шнурке, сообразил, что это ключ от шкатулки, которая стояла рядом

с подсвечником на пианино. Ключ, действительно, подошел к замку. Но в шкатулке ничего ценного не оказалось. Подземельный автоматически засунул ключ в карман или куда-нибудь забросил, после чего покинул место преступления. И пустился в бега. В тот же вечер он неожиданно выписался из гостиницы, хотя, гостиница была оплачена еще на три дня. И это доказательство того, что убийство Олимпиады Ложкиной совершил он. Когда я вернулся от вас в гостиницу, меня ждал неприятный сюрприз – мой подопечный испарился.

- Это тебе... почти всё понятно, - хмуро заметил Сафрон Ложкин, в точности повторил слова гостя, - а нам вот ничего не понятно. Допустим, этот парень крутился накануне убийства возле нашего дома. Что с того? Может, его интерес... женского полу... живет неподалеку, а с нашей стороны лучше просматривается ее дом. У нас тут невест полна улица. Некоторые хоть и замужние, но все равно невестятся. Например, та же Варька вихрастая! Вихрастой ее кличут с малолетства, всегда лохматая-косматая ходила. Это сейчас она нос задирает, гордо себя несет...

- Было бы чем гордиться, - вставила его супруга Фекла Мироновна. – Ни ума, ни совести. Все знают, что она мужу изменяет. Он дальнбойщик. Только за порог, а у нее уже очередной кавалер в гостях.

- Мама, не надо наговаривать на Варю Верблюжину, - вступилась за соседку Капитолина. – Она любит своего Васю, и он ее безумно любит, все у них хорошо, а люди завидуют и клеветают на нее, хотят с Васькой ее рассорить. И я знаю, откуда ветер дует.

- Ясно, наговаривают, - поддержала сестру Влада. Варя Верблюжнина, в девичестве Конева, была дочерью ее подруги детства, которая погибла вместе с мужем несколько лет назад, оставив дочь сиротой. – Элка Осадчая и наговаривает. Злыдня каких поискать. Элка как с мужем развелась, так на Ваську перекинулась. Еще неизвестно у кого ни ума, ни совести. И Варя нос не задирает, она девушка хорошая, только необщительная. А вам нравятся такие, как Элка, которые рта не закрывают... Еще подругой называется! – в сердцах добавила она. – То Варю грязью поливает, то мою Зойку.

- Какая она нам с Варей подруга! - возмутилась Зоя. - Сто лет она нам сдалась. Трепачка! – Вальтер следил за пересказом бразильского сериала, раскрыв рот. Зоя решила донести до него правду. – Элла Медведева, то

есть Осадчая, Медведева – ее девичья фамилия, я ее по привычке так называю, еще в школе на Ваську вешалась, а он на Варю женился, вот она и бесится до сих пор. Вышла замуж за Осадчего, он от нее быстро сбежал, она за Ваську ухватилась, клеветает на Варю. Варька мужа любит. Мечтает от него ребеночка родить, но пока не получается. Так что не надо, бабушка, понапрасну людей оговаривать.

- За что купила, за то и продаю, - не смолчала бабушка Фекла, применив свое излюбленное выражение, которое снимало с нее ответственность.

- А эта Элла Осадчая где живет? – проявил заинтересованность сыщик, запутавшийся в сложных отношениях жителей Липок.

- Элка Осадчая живет на нашей улице, через четыре дома от Вари Коневои, тьфу, Верблюжкиной. На противоположной от нас стороне. Ее дом левее. Работает приемщицей в обувной мастерской, в Доме быта. С Варей, Василием и нашей Зоей училась в одном классе, - доложила Влада.

- Не хило живет молодежь, в роскошных собственных домах, - не удержался от замечания сыщик, вспомнив, какой домик расположился на противоположной стороне.

- Им, вернее Варю, принадлежит лишь половина дома, вторую половину занимают другие люди. Входы у них разные, - пояснила Зоя.

- И дом не такой большой, как наш, - добавила Владислава. – У нас несколько домов на два хозяина.

- У Эллы целый дом, пусть не двухэтажный особняк, но все же свой дом, ни с кем делить не надо. Раньше у них была большая семья, потом все поразъехались, осталась она одна. До недавнего времени она жила с мужем, потом развелась, - повторилась Зоя. – Ее мать по-прежнему живет в нашем городе, на окраине в небольшой квартирке, в старом доме, но к дочери перебираться не спешит.

- Где им вдвоем ужиться! Две змеи в одной бочке не уживаются, - мило охарактеризовала соседок Влада.

- Хватить толочь воду в ступе, надо искать тетушкин дневник, - констатировала Капитолина. - Раз они с Вовкой его не сожгли, то есть вероятность, что мы его найдем. Он должен быть в доме.

- Легко сказать – найдем, - вздохнула Влада. - Конечно, дневник многое бы объяснил...
- Кажется, я догадываюсь, где его искать! – перебила сестру Капа. - В старом сундуке, где хранятся семейные реликвии.
- Какой-такой сундук? - не сдержался Шагаль.
- У нас на чердаке стоит старый сундук, в нем хранятся всякие вещи, которые дороги нам, как память о наших предках. Ничего особенного – подвенечное платье моей прабабушки, костюм-тройка моего прадедушки. Старые коммунистические газеты, которые оказались в сундуке по чьей-то инициативе...
- Известно чей, по инициативе нашего деда-коммуниста, в честь которого меня назвали Владиславой. Спасибо, дорогие родители!
- В газетах есть статья о вашем родственнике Владиславе Ложкине? – уточнил Вальтер Шагаль.
- Кто бы их читал, - скривилась Влада. – Лежат себе и пусть лежат, каши не просят. А вещи мы сушил каждую весну, чтобы моль не поела.
- До лета еще далеко, никто в сундук не сунется, вот Липа и спрятала в нем свой дневник, а потом... перепрятала бы в другое место, - поникшим голосом произнесла она.
- Или собралась с силами и сожгла бы свой дневник, - предположила Влада.
- Может, и сожгла бы, - кивнула Капа. - После нового года она не решилась его уничтожить вместе с другими доказательствами своего вранья. Все-таки стало жаль расставаться с прошлым, не все в нем было грустным и темным.
- Липа... Олимпиада Игнатъевна могла попросту вырвать листы с информацией, не предназначенной для чужих глаз, - со знающим видом констатировал Вальтер.
- Надеюсь, дневник сохранил ее тайны, - сдержанно прокомментировала Капитолина. Ее раздражал этот мужчина, чем дальше, тем сильнее. У него на все вопросы были ответы, а его самоуверенность подразумевала близкое знакомство с Олимпиадой, которая консультировалась с ним по любому поводу, даже по самому безобидному. При посторонних еще мог

бахвалиться своим всезнайством, липовым, но при близких людях погибшей лучше бы фильтровал свою гениальную речь.

Видимо, раздражение накатило не только на Капитолину, терпение Владиславы тоже лопнуло. Некоторое время назад она беспрекословно приняла заявление Вальтера, теперь вдруг взорвалась:

- Все равно я не верю, что Липа нам врала! - При этом Владислава с укоризной поглядывала не на источник информации, бурлящий новыми гипотезами, больше похожими на аксиомы, а на сестру, которая легко ему поверила.

- Мам, ты забыла, чью фотографию Липа предъявляла Симе? – спросила Зоя. – Сама подумай – зачем ей показывать физиономию актера, если можно показать настоящий снимок? О чем это говорит?

- Что у нее не было фотографии, а очень хотелось, чтобы она была, что сын простил свою непутевую мать, что у них наладились отношения, - речитативом выдала свои соображения Владислава Шахворостова.

- А на самом деле? – недовольно спросила ее дочь, подталкивая к другой догадке.

- Отвяжись, - отмахнулась от нее несообразительная мать. – Надо искать дневник, вот что я вам скажу!

- И я о том же, - взвилась Капа, уставшая от пустопорожних разговоров.

- С дневником еще не все ясно, - вмешался Сафрон Ложкин. – Вовка мог не заметить, что вместе с фотографиями и письмами они с Липой сожгли дневник.

- Дневник мы не сжигали, - уперся малыш без отрыва от своего занятия.

- Допустим, не сжигали, - согласился Сафрон. – Но в нашем большом доме миллион потайных мест, куда Липа могла спрятать свою тетрадку. Уж не на чердаке, это как пить дать.

- И я думаю, что не на чердаке, - поддержала мужа Фекла, зыряка на младшую дочь. Хотела до нее донести, что в присутствии постороннего читать дневник не стоит. Для начала надо выпроводить этого постороннего, потом приступить к поискам дневника Липы. Без сомнения, дневник на

чердаке. Как не тяжело было подниматься на эту верхотуру старушке Липе, все домочадца знали, что она с удовольствием взяла на себя заботу о старых вещах предков. И каждую весну отказывалась от помощи.

- Проблем-то, - протянула недогадливая старшая дочь. – Сейчас поднимусь и проверю.

- Сама проверю, - подхватила Капитолина, соревнующаяся с сестрой в соревновании по смекалке. Сегодня обе сестры находились в арьергарде участников соревнования.

Когда затихли лестничные скрипы, Владислава снова принялась рассуждать.

- Сима могла ошибиться, когда назвала известного артиста сыном Липы. Да, Липа коллекционировала черно-белые открытки со знаменитыми советскими актерами кино. Но это ничего не значит. Открытка и фотография – разные вещи, любой нормальный человек найдет отличия. Странно, что тетя Сима не заметила различий, ничего не заподозрила, когда сестра показала ей фотографию своего уже взрослого сына, от которого она отказалась в роддоме.

- Вот именно! – воскликнул Геннадий Шахворостов. – Спрашивается, почему молчала столько лет?! Молчала, молчала, потом проболталась.

- Давайте исходить из того, что Липа всё сочинила, - более уверенно произнесла Влада, почувствовав поддержку.

- Давайте! – в очередной раз воскликнул ее супруг, причем с таким оживлением, словно ему предложили стопку водки.

- Чего ты разорался, как на базаре, - возмутилась дочь.

- Как же мне не орать, если... если нам мозги пудрят... некоторые личности.

- Полностью согласна с Генной, - удивила мужа Владислава. Тот едва не сломал очередной карандаш. - Незачем навешивать на Липу разные кражи из музея, незачем искать связь открытых окон с шантажистами и тому подобное. Это продолжалось столько лет, что любой из нас мог что-то заметить, что-то услышать, что-то заподозрить. В одном доме живем, не на разных планетах. Так ведь?

Родственники помалкивали: не поддерживали и не отрицали. Один Геннадий неопределенно повел головой – то ли согласился, то ли шея затекла от долгих художеств.

Влада разошлась не на шутку.

- Меня псих берет, что мы все дружно согласились с обвинениями, которые выдвинул человек, который Липу не знал. Мы сами его толком не знаем! Чья-то жена наняла его для слежки за своим мужем! Он сам так сказал. Если наняла, то следи, не лезь туда, куда тебя не просят... Мы вас, господин Шагаль, не наняли. И не просили ни о чем. Пусть полиция занимается поисками убийцы Липы. Если бы всё было так, как вы сказали, они бы давно накопили компромат на тетю и довели до нашего сведения. Капитолина из кабинета следователя не вылезает.

- Ты зря не болтай, - осадил дочь отец. – Когда майор Звонилкин ее приглашает, она является по требованию, но так чтобы не вылезать... ты хватила.

- И о чем же они разговаривают? – с ноткой пренебрежительного удивления поинтересовался Шагаль.

- Ну, ты глянь на него! – всплеснула руками Влада. – Как с гуся вода!

- Не как с гуся вода, - засуетился Вальтер. – Мне не все равно, что женщина, которой я симпатизирую, проводит время наедине с мужчиной.

- Совсем сбрендил, - охнула Фекла Мироновна. – Ему про Фому, а он про Ерему. Ты лучше скажи, у тебя есть доказательства вины Липы?

- Будут!

- Вот когда будут, тогда и говори... Не пойму одно – тебе-то какая выгода? Денег мы не заплатим, не надейся.

- Мне ваши деньги не нужны, - прорычал Шагаль, сбавил обороты и высокомерно донес до слушателей. – Ваши претензии мне ясны, я их принимаю, но не понимаю, зачем закрывать глаза на очевидные вещи.

- Кому очевидные, кому не очень.

- Чего только люди не придумают, лишь бы в доверие втереться, - громким шепотом высказалась Серафима Игнатьевна. – На то и существует милиция, чтобы преступника искать.

- Полиция, - поправила ее Зоя. – Не пойму, чего вы разошлись. Сейчас Капа найдет дневник, мы все узнаем.

- Еще одна наивная девочка, - хмыкнула бабушка Фекла, поигрывая седыми бровями: делать знаки вошло у нее в привычку. Но кто бы на эти знаки реагировал. Каждый считает себя умнее других, и пытается показать себя во всей красе перед чужаком. Свои-то все о друг друге знают, их не обманешь. – Делать нечего Липе, чтобы на себя компромат оставлять. Если не сожгла дневник, то в нем ничего интересного нет!

- Не сожгла, - в очередной раз пробубнил Вовка.

- Сожгла! - взорвался его прадед Сафрон.

- Все ж таки любопытно почитать старые записи сестры. О сыне и не только, - мечтательно пропела Серафима, заварившая сегодняшнюю кашу.

- И мне любопытно, - согласилась с ней Зоя. – Может, сами преступника вычислим, без помощников.

- Преступника! Ха! – повысила голос Владислава. - Какой-нибудь попрошайка или бродяга! Шел мимо, заметил распахнутое окно, влез в дом через это окно, а тут открывается дверь и входит старушка-божий одуванчик... Все гораздо проще, чем вам хотелось бы, господин сыщик. Никаких шпионских страстей с раскрытыми окнами, портьерами или цветами на подоконнике.

- Сима, ты чего молчишь?! – накинулся на безответную старушку Сафрон, позабыв, что она высказывалась минуту назад. – Сидит, понимаешь, и в ус не дует.

- Здрате - пожалуйста, я во всем и виновата! Сейчас Капа найдет дневник... - снова затянула она старую песню на новый лад.

- Не найдет, - оборвала ее песню Фекла Мироновна. – Нет больше дневника, был и весь вышел.

- Откуда ты знаешь? – насупилась старшая дочь.

- Нашла в камине несгоревшую часть зеленой обложки, - сообразила мать. Вот она шла в авангарде соревнований по смекалке, потому что боролась за честь семьи Ложкиных. – Какого цвета была обложка на дневнике? Зеленая, - сама же и ответила хозяйка дома.
- Почему раньше не сказала? – с недоверием поинтересовалась Зоя.
- Забыла, а сейчас вспомнила, - нашлась бабушка.
- Забыла она, - пробурчала Серафима. – Еще на меня нападает! Головой дырявой называет.
- Ты и есть голова дырявая! Это же надо опознать в артисте Каморном Олега Подземельного, сына Липы?! Что только люди не придумают!
- Зачем мне придумывать?
- Затем! - не угомонилась Фекла.
- Зачем?
- Затем, что денег тебе заплатили, чтобы ты подвела разговор под этих Подземельных!
- Кто заплатил? Ты думай, что говоришь! Люди добрые, где же это видано, чтобы сироту так обижать! – завопила тетка Сима.
- У ну, тихо! – рявкнул старик Сафрон зычным голосом кадрового военного.
- Палата номер шесть, - прошептала Зоя.
- Не буду я молчать, - сдержанно заспорила Серафима Игнатъевна, двоюродная сестра хозяина дома. – Почему я должна молчать, если меня оговаривают. Я его узнала. Артиста этого узнала. Своими глазами фотографию видела, мне Липа показывала. И не раз. И не открытка это была вовсе.
- Вообще-то, в то время открытки были, как фотографии, но с обратной стороны всегда перечисляли все кинофильмы, в которых актер снимался, - вспомнила Владислава.
- Липа мне в руки фотографию сына не давала, на расстоянии показывала, - доложила Серафима Игнатъевна.

- Симка у нас глазастая, несмотря на возраст, - перешла на трагический шепот Фекла Мироновна. То ли осуждала, то ли хвалила.

- Конечно, глазастая, - подхватила Симка. – Я ничего не перепутала, артист это был. Этот, Каморный. В руки открытку не брала, врать не буду. Как не буду утверждать, что это была настоящая фотография. Может быть, и открытка. Влада же говорит, что открытки были, как настоящие черно-белые фотографии.

– Если вместо сына Липа показала фото Каморного, то это уже о многом говорит... Как ни крути, а выходит, что она замешана в краже, - выдохнула Фекла Мироновна.

- Получается, - еле пошевелил синеватыми губами старик Ложкин. Внезапно сник, но также внезапно распрямился, глаза загорелись яростным огнем. На кого был направлен гнев главы семейства, всё семейство догадалось после следующего заявления. - - Что за люди! - всплеснул руками Сафрон, - у самих денег видано - не видано, а у старухи последние копейки забирают! Своими руками задавлю гниду!

- Ты о проданной квартире забыл, - вяло отозвалась Фекла. – Вырученные за нее деньги тоже небось Подземельные забрали.

- Я же вам говорил, что Олег Подземельный за копейку удавится, его внук далеко от деда не ушел. Тем более сейчас, когда все накопления умыкнули убийцы его деда, - напомнил Вальтер. И зря, лучше бы помалкивал. Влада снова набросилась на него:

- Враль! Больше ты никто! Рассказывал нам всем трогательную историю о знакомстве с Капитолиной, а мы и уши развесили. А что оказалось? Он заприметил ее у дома, возле которого крутился... тот тип, за которым он следил. С раннего утра «разбил лагерь» у нашего дома и стал терпеливо ждать. Вспомните, первой в тот день вышла Капа. Недолго думая, он двинулся за ней на своем автомобиле. Надо знать мою сестру, она вокруг себя никого и ничего не замечает, а в тот день, вообще, была странной, будто ей сообщили, что она вскоре получит кругленькую сумму по завещанию... Ну, что, вывели мы тебя на чистую воду?

- Это неправда! – с пионерским азартом заявил Шагаль.

- Так мы тебе и поверили! Признайся, выследил Капитолину, нашел повод познакомиться с ней, стал наводить справки о проживающих вместе с ней людях. Естественно, в качестве любовницы молодого человека по имени Игорь Подземельный он ее не рассматривал. Хоть, и выглядит неплохо, но никак не подходит. А вот заказчица, супруга Игоря, очень подходит сыщику. Женщина она обеспеченная, он сам обмолвился. Одна беда – ее муж. Любит она его. Но муж не стена, можно и подвинуть. Убрать на время, засадив за решетку. Для примера. Окружить убитую горем супругу участием, забить мозги так, что она забудет, как зовут мужа-убийцу. И зачем он ей, если рядом такой заботливый мужчина, подполковник. Кому какая разница, кто настоящий убийца?! Преступник должен сидеть в тюрьме, и он сидит. Все улики против него. Никому в голову не придет, что улики сфабрикованы умелым сыщиком. Взять нас. Мы не заметили, как повелись на его оговоры. А Капа? Смотрит ему в рот, ловит каждое слово, всему верит. Понимаю, замуж хочется, кто ж осудит. Но надо идти замуж за достойного человека, а не за человека, у которого ни стыда, ни совести.

- Как вы быстро диагнозы ставите! – с ноткой напускного восхищения произнес гость.

Ложкины легко переметнулись на сторону Влады, позабыв, что некоторое время назад согласились с сыщиком. Теперь они взирали на него с величайшим презрением.

- На-до-е-ло! – оповестила всех о своем состоянии Зоя Шлома, по слогам, чтобы дошло даже до тех, кто малообразован.

- Всем надоело, - обронила мать, на щеках которой ярким огнем горели два пятна помидорного цвета. – До новых нескорых встреч, товарищ! – напутственно пожелала она сыщику, распахивая перед ним входную дверь...

Каждый раз чердачное помещение вызывало у Капитолины Ложкиной странную дисгармонию. На чердаке она задыхалась – воздух был спертым, и мечтала поскорее покинуть неприятное место. Нехватка воздуха, скажем честно, была не основной причиной бежать без оглядки: Ложкина никогда не отличалась бесстрашием, на чердаке ей было безумно страшно, сердце в груди исполняло ритмичный танец. Да что там сердце, ее всю трясло, как

будто ее продержали пару часов в морозильной камере. Но надо отдать должное – с боязнью чердачного помещения боролась, от посещений места страха не увиливала, тем более причина для посещения всегда находилась. Сама ее придумывала.

Поиски клада ее занимали не в той мере, как сестру Владу. Капитолина мечтала увидеть... привидение. Отсюда и двойкость чувств – и боится задержаться на чердаке лишние полчаса и горит желанием встретиться с привидением. Капа уверена, что старые дома кишат привидениями, однако не все привидения желают вступить в контакт с обитателями дома.

Потому Капа и пыталась избавиться от страха. Чего не сделаешь ради исполнения мечты.

Всё в прошлом, но мелкая дрожь ее была по-прежнему. И нервировала: тетке лет под самое не хочу, а она трясется от страха в собственном доме, как заяц в лесу с волками. На чердаке женщина забывала о возрасте, возвращалась в детство, вспоминала, как забивалась в угол, набиралась терпения и ждала, затаив дыхание. А сердечко выпрыгивало из груди, и казалось, что громкий набат выдаст ее местонахождение, привидение почувствует присутствие живого человека и не выйдет... из стены, для примера. Когда-нибудь ей воздастся за терпение, за храбрость, и она увидит незримого обитателя дома, старожилу этого дома. Привидение прислушается, попытается уловить посторонние звуки, Капитолина свернется, обхватит колени руками, чтобы приглушить биение сердца. Обманет старожилу. Старожила успокоится, подойдет к маленькому круглому окошку, полюбуется яркой круглой луной, проплывет по запыленному помещению, посидит на сундуке, подумает о своем, о привиденском, затем отбросит крышку сундука, переберет старые вещи, Полюбуется подвенечным платьем, приложит его к себе, улыбнется, вспомнив былое, аккуратно сложит вещи обратно в сундук, опять полюбуется золотым блином луны, и уйдет так же, как пришло. В стену.

А Капа? А Капа умрет от страха. Сердце не выдержит нагрузки.

А может быть, молодое сердце выдержит. И Капа выдержит, в первую встречу не скажет ни слова. Оценит привидение с точки зрения агрессивности, так сказать. Мало ли что у него на уме? Вдруг оно, привидение, недаром бродит по дому: душа никак не успокоится. Причина

в поведении при жизни. Капа уверена, что привидение женского пола, с женщинами легче найти общий язык. Женщина, женщина, потому представляет, как привидение прикладывает к себе подвенечное платье, перебирает одежду в сундуке. Мужчины и при жизни не любят красоваться, примерять, после жизни тем более не будут этим заниматься. Привидение мужского пола обязано пакостничать в доме. Никаких пакостей в доме не замечено, следовательно, привидение женского пола. Железная логика! Вернемся к причине... Женщина могла сотворить что-то нехорошее, теперь пытается загладить вину... Как? Она удерживает обитателей дома от проступков, обитатели дома ее участия как будто не замечают. Все идет своим чередом, пока.... в доме не происходит убийство.

К мысли, что у предка, ставшего привидением, подмоченная репутация, Капитолина Ложкина пришла позднее, уже после того, как вернулась в Лапки после неудачного замужества. И то не сразу. Воспитав в детстве кое-какую храбрость, приступила к осмыслению предстоящей беседы с привидением. Встречу считала почти случившимся фактом. Значит, первый раз промолчит, оценит, потом вступит в разговор. Ей интересно узнать о своих предках. Как жили, чем жили, что чувствовали. И в кого она такая уродилась. Невезучая рохля. Вдруг унаследовала свою невезучесть, свой характер от кого-то из предков. Интересно, что с ним произошло? Как он выбрался из несчастливого болота? Повествование о жизни родственника-двойника послужит ей примером для подражания. Сама она не знает, как стать другим человеком. Мысль о замаранной репутации пришла неожиданно, после чего Капка передумала общаться с привидением, которое способно вытворить что угодно. Лучше оставить его в покое. Ходит-бродит, никого не трогает, и ладно.

Но посмотреть на него одним глазком-то можно!

Желание затаиться и ждать никогда не пропадало, оно было в детстве, было в молодости, было в зрелые годы. В зрелые годы даже усилилось, потому что с возрастом ничего в ее жизни не изменилось. Как была рохлей невезучей, так рохлей невезучей и осталась. Все ее учат, все ее гнобят, а она знай себе молчит, в споры не вступает. И мучается.

Капа резко меняла свое отношение к привидению, прыгала из крайности в крайность: то складывала негативное мнение, то считала родственной душой. Неприкаянность вытекала из обоих мнений.

В случае с родственной душой, привидение приобретало черты самой Капитолины Ложкиной. Она видела себя в белых одеждах, с белым лицом, совершенно несчастным. Придумывала очередные причины, побудившие покойную прародительницу задержаться в доме: с ней расправился муж или жених. Она возложила на себя миссию по защите Капитолины, ее же двойника, от... мужчин. Не всех, конечно, а потенциальных мужей. Лучше быть одинокой – живой и здоровой, чем пожить в браке короткий период и упокоиться на кладбище. Потому нашептывает на ухо всякие несуразности о кавалерах, закладывает в голову собственные мысли – защищает.

Что у Капы за привычка - перекладывать с больной головы на здоровую! Кто виноват во всех ее бедах? Привидение женского пола, нашедшее приют на чердаке после того, как с ним (с ней) жестоко расправился муж-злодей.

Если бы подобные несчастья случались в семействе Ложкиных, об этом бы помнили, передавали из поколения в поколение... Зачем бы они стали передавать?! О плохом лучше забыть, вытереть из памяти, чтобы больше такое не повторилось: повторяя вновь и вновь, накликаем беду.

Все придумки-сочинилки вертелись в голове при каждом появлении Капитолины на чердаке. Годы идут, бегут, что самое ужасное, но ничего не меняется. Взрослая женщина осталась девочкой с предрассудками, со страхами, с переживаниями, с глупыми мечтами.

Жаль внешность претерпела изменения...

Когда тетушка Липа уединялась на чердаке, Капитолина старалась ей не мешать, пусть пообщается с привидением. Нисколько не сомневалась, что общается. Потому с трудом преодолевает ступеньки, прикрывается разборкой вещей в сундуке. То еле-еле ходит, то вдруг забывает о хворях и карабкается по лестнице, не без помощи Капы, конечно. Никто Липу не заставлял, сама взяла на себя обузу. Мать давно предлагала выбросить на помойку «эту рухлядь», но отец одним видом дал понять, что вещи в сундуке вовсе не рухлядь, а некоторым лучше прикусить язык...

После смерти Липы Капа ни разу не поднималась на чердак. За дневником, впервые. Так была ошарашена заявлением Вальтера, что о привидении и думать забыла. Еще и на сундуке посидела, и дневник полистала. И осмыслить слова сестры тоже успела. Да, она слышала весь разговор. Не сказать, что заявление Владиславы ее не задело, зацепил за живое лепет Вальтера, который явился подтверждением слов сестры. Конечно, неприятно узнать, что тебя кто-то использовал в своей закулисной игре. Но лучше об этом узнать раньше, не тогда, когда ты дошел до определенного рубежа, решающего рубежа. Пока все можно вернуть в начальную точку, без крови и горьких слез. В ту точку, где она была счастлива в кругу своей семьи. Да-да, счастлива. Больше ей никто не нужен. И пусть на ней ездят все, кому ни лень, она смирилась. Сама виновата, подставила спину.

Любопытство не порок. Полюбопытствовала и довольна. Сейчас узнает правду, любую правду, они обсудят правду на семейном совете, взгрустнут, посочувствуют Липе, осудят свою невнимательность, и буду жить, как жили. Но теперь без тетушки Липы...

За время отсутствия Капитолины людей в столовой поубавилось – дом покинул по принуждению Вальтер Шагаль.

Когда припыленная Капитолина с паутиной в коротких волосах появилась на кухне без старой общей тетради в руках, Ложкины – не Ложкины поначалу нахмурились, напряглись. Влада улыбнулась и развела руками – на нет и суда нет.

- Вот и хорошо, вот и ладно, - заключил Сафрон Ефимович. – Будем считать инцидент исчерпанным.

- А Липа... - пробормотала Сима, - Липа ведь сама мне показывала фотографию сына, сама призналась, что родила. И не знала, что ребенок выжил. Что с этим делать? Если сын, правда, выжил, тогда зачем показывать чужую фотографию? Если сын умер сразу после рождения, то зачем его воскрешать? Или Вальтер... - Продолжать Сима не стала.

- Кто же теперь узнает, зачем она это сделала, - хмыкнула Фекла Мироновна и с неприязнью покосилась на родственницу мужа.

- Крыша поехала у нашей Липы, вот и весь сказ, - вынес вердикт бывший фермер, пристально оценивая стол с яствами, которых значительно поубавилось благодаря его стараниям.

- Папа, ты дурак? – заинтересовался его умственными способностями Вовик. Как мальчик Сережа в одноименном кинофильме у дяди Коли, предложившем ему один фантик, без конфеты.

- Круглый, - ответила за папу мать Вовика и показательно отвернулась. Через пару секунд подскочила и отошла к окну, чтобы не сидеть рядом с полоумным обжорой.

Капитолина смотрела на родных честными глазами, чтобы никто не усомнился в ее словах. Обсуждать «личное дело» покойной тети Липы она посчитала неправильным. Пусть ее признания, если они есть в дневнике, уйдут вместе с ней в могилу.

Обнаруженный на чердаке личный дневник перекочевал с чердака в спальню Капитолины. Поздним вечером она займется его изучением более тщательно. А потом уничтожит дневник. У нее, в отличие от тетушки, рука поднимется.

- Доча, на тебе лица нет, - забеспокоился отец. Провести наблюдательного родителя всегда было сложно.

- Привидение на чердаке увидела, - юморнул Генка. – И как привидение? Симпатичное?

- Пойди, посмотри, - предложила ему Капа. Генка понял, что сморозил глупость, и приступил к изображению еще одного танка, друга предыдущего, бойко «стреляющего» снарядами, «произведенными» Вовкой.

Ложкина задумчиво смотрела на деда и внука, увлеченных рисованием, потом неожиданно начала излагать свои мысли вслух:

- Фамилию Подземельный Шагаль услышал в первый визит в наш дом, когда... когда все и произошло. Сима долго не могла вспомнить фамилию якобы сына своей сестры, ей помог Вовочка. Но Вальтер в тот день промолчал, ничего не сказал о заказчице, о ее муже, однофамильце якобы сына... Прошел месяц, - трагическим голосом сообщила Капитолина, как будто за месяц случилось еще одно печальное событие. – После слов

Вальтера, я решила, что он «рыл носом» землю – докапывался до истины. И была ему благодарны, что, несмотря на занятость, нашел время для нас. Если полиция бездействует, то другой человек, профессионал, вознамерился узнать правду. Узнать и рассказать нам, родственникам погибшей Олимпиады Ложкиной...

- Что дальше? – заинтересовалась Зоя, когда Капитолина надолго замолчала.

- А дальше все ясно, - ответила за сестру Владислава. – Трепач этот Шагаль. И хитрец. Решил, что он умнее всех нас, навешает лапшу на уши, заслужит уважение отца и всех нас. Отца – особенно: быстро сообразил, кто имеет влияние на Капитолину. Вспомните, отец сразу принял жениха дочери в штаны. Что оставалось делать жениху? Изображать из себя гениального сыщика, который готов забросить свои важные дела в угоду всей нашей семье. Он умен, сообразителен, ловок, не то, что некоторые полицейские. Он больше подходит красивой женщине, к тому же образованной, скромной, нетребовательной.

- Что я слышу! - не удержалась от восклицания ее сестра, которую все домочадцы считали лентяйкой-тунеядкой. Ее внешность, вообще, никто не обсуждал. Только отец мог восхититься, и то в минуты ее особого разочарования жизнью. Малообразованный старик был еще тем психологом.

- А то и слышишь – ты у нас очень красивая! – поддержала свою мать Зойка. – И этих шагалей у тебя будет, как дров в поленнице.

- Без сомнения, - хмыкнула Капа. – Еще скажите, что мне двадцать пять лет.

- Немного больше. – усмехнулась племянница. – Поэтому не нужно кидаться на первого встречного.

- Можно подумать, я на него вешаюсь... И давайте не будем обсуждать мою личную жизнь. Я сама решу, как мне поступить.

Присутствующие обомлели от такого резкого заявления тихони, но вида не подали. Один Петька от удивления выронил из рук вилку, а Вовка затаил:

- Я гениальный сыщик, мне помощь не нужна, найду я даже прыщик на теле у слона...

- Пылесос, - оборвала песнопение его мать, намекая на то, что ее сын заглатывает в себя любую информацию, иногда не всегда нужную.

Мечущаяся по столовой Капа подошла к ребенку-пылесосу и чмокнула его в макушку.

- Хороший рисунок, - похвалила она.

- Ты от разговора не уходи, - с вызовом произнесла Владислава. – Мы твоя семья, мы должны знать, что ты решила. Что будешь делать с Шагалем?

- Признавайся, - грозно посоветовал Вовка. И завыл, как ветер в дымоходе при сильной непогоде.

- Кое кто сейчас отправится спать, - пригрозила Зоя. Ее сын вернулся к своему занятию.

- Не думайте, что меня так просто обмануть! Не считайте меня безмозглой дурой! – возмутилась бывшая тихоня, она же рохля, она же бессловесное существо.

- Иногда женщину заклинивает на одиночестве, она готова сойтись с негодяем и подлецом, - влезла со своим философствованием Фекла Мироновна.

- Мать права, - хмуро заметила Влада. - Шагаль ведет себя очень подозрительно. Крутит-вертит-сочиняет на ходу. Как узнать, где правда, где ложь?

- Найти доказательства невинности Липы, - пробормотала Капа, раздумывая предъявить дневник родственникам или изучить его тайно и сжечь в случае плохих новостей.

- Был бы дневник, - протянула сестра, как будто прочла ее мысли.

- Влада, забудем про дневник. Возможно, в нем и нет ничего заслуживающего внимания. Если даже Липа стала сообщницей преступников, она бы не стала доверяться бумаге. Мало ли что... Мы это уже обсуждали.

- Но в дневнике есть сведения о сыне. И о внуке. Мы бы нашли внука, Игоря, и всё бы у него выяснили. Жаль, что у Липы не было доверенного лица, которому она призналась в том, в чем не могла признаться нам.

- Ее доверенным лицом был Вовочка, - напомнил Геннадий. – Они вместе уничтожили улики – сожгли письма и открытки. Но не дневник! – Он поднял вверх указательный палец. Поэтому надо перетрясти весь дом и найти дневник.

- Как себя вел Вальтер, когда я ушла на чердак за дневником? Он был спокоен? Что-то еще говорил? – поинтересовалась Капитолина, снова прикинувшись честной пионеркой.

- По потолку не бегал, это точно, - ответила Владислава. – Когда мы начали его атаковать, заявил, что он может ошибаться. Доказательств соучастия Липы в краже из музея у него нет.

- Это всё одни ЕГО предположения, - вставила Зоя с презрением. – Просто все сошлось: и фамилия Подземельный, и пропавший Игорь, у которого постоянные денежные проблемы.

- Вот значит как, - обомлела Капа. Очередное признание Шагали она не слышала, скрылась на чердаке. - А я-то решила, что у него есть веские доказательства, и он вскоре нам их представит. Получается, что... между Липой и старым Подземельным нет никакой связи. И не было никогда. Тем более, Липа не занимала высокую должность в музее, всего лишь смотритель. Как мы сразу об этом не подумали?!

- Говорю же - в доверие втирается, - со злорадством бросила Зойка. – Может, «глаз положил» на тетку, может, какие-то другие цели преследует, но очень ему у нас нравится. Ему на дверь указали, а он сидит и не уходит. Это нормально? Другой человек извинился бы и ушел, а этот упирается.

- А ведь правда, - сузив глаза, согласилась Влада. – Уходить ему очень не хотелось. Время тянул, ждал, когда Капа вернется. Надеялся узнать, что написано в дневнике... Написано в дневнике, - кося глазом на сестру, повторила она.

- Что-то не так? – вскинула брови Капитолина.

- Ты... не хочешь ничего сказать?

- Замуж пока не вышла, и в ближайшем будущем не собираюсь. Наверное, после выхода на пенсию созрею на брак.
- Как смешно!
- Ничего смешного я не нахожу, - резко отреагировала на слова сестры Капитолина.
- Я тоже, - поддержала тетку племянница Зоя.
- Спелись, - резюмировала Влада. – Я хотела от тебя, Капа, услышать умные мысли о твоём... прости... о Шагале. Чего он тут вертится, что ему от тебя надо? Каким боком здесь Игорь Подземельный, которого он разыскивает в нашем городе? Ты с ним случайно не знакома?
- На что ты намекаешь?! Что я дошла до ручки, кручу любовь с мальчиками, которые мне в сыновья годятся?!
- Кручу, кручу, кручу педали кручу, с горы, с горы, с горы, как птица лечу, звонким голосом запел песню кота Леопольда умник Вовочка.
- Навстречу радуге-дуге, - подхватил дед Гена.
- Ты пропустил: спешу, спешу, спешу налегке, - поправил деда внук.
- С меня хватит! – закатила глаза Зоя, оторвала зад от подоконника и направилась к сыну. – Быстро собирай свои рисунки и иди в свою комнату.
- Я спать не хочу! – голосом прилежного ученика сообщил Вовка.
- Зоя, чего ты на ребенка набросилась! – пошла в атаку прабабушка Фекла.
- Мне адвокаты не нужны!
- Тебе не нужны, твоему сыну очень даже нужны, - вставил прадед Сафрон. Голос не сулил ничего хорошего, внучка присмирела. Сафрон примирительно сказал, - с какой стати мальчик будет сидеть один, если вся семья здесь, в столовой.
- Этот мальчик рисовал бы и молчал, а он влезает в разговор взрослых. Некрасиво. И вообще, лучше ему не слушать...
- Он член семьи.

- Он еще мал, - продолжила пререкания с дедом внучка Зоя.
- Разговор на эту тему закончен, - подвел черту Сафрон.
- Что за воспитание получится, если...
- Я сказал – довольно!

Вовка склонился над рисунком, его мать вернулась к подоконнику, Петька глупо загыгыкал, теща огрела его по затылку. Все как обычно.

Капитолина первой прервала затянувшееся молчание.

- Я думаю, что Вальтеру нужны какие-то сведения, которыми обладала только Липа. Теперь он знает, что убийца дневник не забрал... В шкатулке не были ни писем, ни фоток, ни дневника. Вовик сказал, что всё, кроме дневника, они с Липой сожгли в камине.

- Эй, помощник-сжигатель, - обратилась к внуку Владислава, - ты ничего не путаешь? Такой толстой зеленой тетради не было среди бумаг?

- Я ж не папа, - авторитетно заявил четырехлетний вундеркинд, хитро покосившись на мать. Мать не сдержалась и хмыкнула.

- Никакого уважения к отцу, - возмущенно процедил сквозь зубы Петька. – Сейчас отлуплю и в угол поставлю.

- Только попробуй, - осадил отца-воспитателя Зоя, не удосужившись повернуться в его сторону. Вся ее поза говорила о презрительном отношении к супругу.

Супруг, Петька Шлома, не поддался ни обиде, ни угрозам, ни общей грусти, его терзал интерес: хотелось узнать, чью фотографию в качестве внука предъявила Липа своей сестре. Недолго думая, он озвучил свой вопрос, причем адресовал его не Симе, а Капитолине, потому как считал ее самой умной. То, что она никогда ему не грубила, тоже считал немаловажным.

Капитолина поначалу вопроса не поняла. А когда поняла обратила взор к Симе, которая узнала в артисте Каморном «сына» Олимпиады.

- Каморный умер еще молодым, - вместо тетки заговорила Влада. – Я передачу о нем смотрела. Кажется, он умом тронулся, то ли убил кого-то, то ли пытался убить. Но Липа его обожала. Помнишь, Капа?

- Да, он был красавцем из красавцев. Жаль, судьба у него такая.
- А кто выступил в роли внука? – не унимался Петька.
- Сима, что Липа рассказывала о внуке? – спросила Влада.
- Что ж она говорила? Писанный красавец, говорила. Утонченный интеллигент, говорила. Но без царя в голове.
- Это уже кое-что, - без иронии протянула Капа. – Намекнула, что внук способен на выходки-подлости.
- Не делай поспешных выводов, - урезонила сестру Влада. Раньше она лепила ярлыки без долгих рассуждений, теперь за нее это сделала всегда рассудительная Капитолина.
- Еще говорила, что... женщины от него млеют, - вспомнила Сима.
- Какая нам разница, на кого похож этот внук–не внук, - поморщился Сафрон Ефимович. – Полиция найдет убийцу, и этим убийцей точно не будет этот парень. Шагаль всё выдумал. Пока не знаю, зачем он это сделал.
- Тебе хочется, чтобы он все выдумал, - вставила младшая дочь.
- А тебе? – спросила сестра.
- А мне хочется узнать правду. И о Липе, и о Вальтере. И о так называемом внуке. Зачем-то Липа показывала фотографии своей сестре. Зачем-то рассказала о сыне, о внуке. Столько лет молчала, а потом открылась.
- Я тоже знал, но фотографий не видел, - напомнил о себе Сафрон.
- Надо Симу посадить перед телевизором, пусть смотрит всё подряд, вдруг увидит знакомое лицо, опознает внука, - сообразил Генка. Думал, что его похвалят за сообразительность, но не тут-то было.
- Шел бы ты, Гена, спать, - посоветовала ему супруга. Остальные ее поддержали.
- Рано еще,- обиженно пробубнил Геннадий, повторив слова внука. – Светло на дворе... И что я такого сказал?! Уж, и сказать ничего нельзя! Мы должны знать, как выглядит это злодей-внучок, чтобы вовремя сориентироваться. Вдруг он появится возле дома или начнет ухлестывать... за кем-нибудь?

- Например, за мной! – выдвинула свою кандидатуру его супруга, подбоченившись.

- Что за бред! – не сдержал эмоций Генка. Его возмущение чрезвычайно рассердило супругу, считавшую себя неотразимой.

- Получается, я ни на что не гожусь?! Что меня можно списать в утиль?!

- Не заводись, - урезонил старшую дочь отец. – Цыц, я сказал! – повысил он голос, заметив, что дочь униматься не собирается. Та скривилась, но промолчала.

- Мы не будем вспоминать любимых теткиных актеров, - вставила свое веское слово Капитолина, запоздало отреагировав на предложение Геннадия. – Это бессмысленно: так называемый внук не будет иметь никакого сходства с выбранным Липой актером. Взяла от фонаря черно-белую открытку и показала подслеповатой сестре. Не брату! Почему? Потому что брат обладает отличным зрением, несмотря на уважаемый возраст, и бывает иной раз прилипчиво-любопытным.

- Совсем я не подслеповатая, - не без обиды вставила Сима, сестра Липы. А их брат промолвил:

- Ни один я такой – прилипчиво-любопытный, кое-кто из нас от меня недалеко отстал. – И подмигнул младшей дочери. Той осталось только глубоко вздохнуть и покачать головой - дескать согласна, знаю за собой такой грех...

Разговоры-обсуждения будто бы прекратились, обитатели дома вновь уставились на экран телевизора. Начались вечерние новости. Зойку новости не интересовали, она забралась на подоконник и принялась изучать улицу, по которой перемещались жители городка Лапки. Жителей на тихой улочке было не так много, но Зоя с поста не уходила.

Владислава поглядывала одним глазом в телевизор, другим – на сестру, которая с видом английской королевы пила чай.

- Капа, - обратилась сестра к ней, - почему твой... прости... почему Шагаль нам не сказал, как выглядит его подопечный?

- Ты у меня спрашиваешь? – резким тоном произнесла Капитолина, хотела продолжить гневную речь, но быстро сникла. - Слушайте, а почему он не показал нам фотографию своего подопечного? Фотография у него должна быть, сыщик не работает без фотографии.

- Действительно! – поддержала Капитолину Зоя. – Фотка так называемого внука, Игоря Подземельного, у него точно есть. Спрашивается, почему он не стал показывать?

- Может быть, не успел, - вставил Сафрон Ложкин. – Мы его выставили.

- Ага, не успел. Месяц прошел, а он не успел! – высказалась все та же Зойка, кося глазом на улицу. Вдруг резко спрыгнула с подоконника, спряталась за портьеру и испуганно сообщила, - возле нашего дома остановилась полицейская машина. Не ломитесь к окну, - прошипела она. - Всем оставаться на своих местах... Я говорю, стойте, где стояли, а то еще подумают, что мы перепугались, что нам есть, что скрывать... Фух, - выдохнула Зоя, выглядывая из-за портьеры, - они не к нам. Пошли в Варьке вихрастой.

- А ты-то чего переполошилась? – удивилась ее мать.

- Ничего я не переполошилась. Приехали и приехали, мне-то что.

- Нет, переполошилась.

- Я спокойна, как удав. Просто интересно.

- Нашли время пререкаться, - не дойдя трех метров до окна, осадил спорщиков Капитолина. – Зоя, что там происходит?

- Ничего не происходит, - с недовольством, обращенным к тетке, заметила Зоя.

Наплевав на ее приказ всем оставаться на своих местах, Капитолина осторожно приблизилась к окну. Успела заметить майора, исчезающего в соседнем доме, где проживала Валька вихрастая с мужем Василием, о которых еще недавно заходил разговор.

- Неужели Васька застал с кем-то Варю и уколошил обоих, - поникшим голосом протянула Зоя.

- Типун тебе на язык, - взвилась мать...

В последнее время Зоя Шлома с Варварой Верблюжкиной общались редко: у каждой свои заботы. Но бабушка Фекла была права – Варька мужу изменяла. Не так чтобы поставила измены на поток, но любовник у нее был. И Зоя об этом знала. Зою называли сказочницей, болтушкой, но, когда надо, она могла держать язык за зубами. В случае с одноклассницей Варварой – помалкивала. Она сболтнет о Варе, та сболтнет, в отместку, про нее. Не столько негласная договоренность, сколько подтверждение «с кем поведешься...»: раз у тебя подруга честная-непорочная, то и ты такая же. В маленьком городке Лапки народ жил старыми понятиями, включая современную молодежь.

Зоя и Капитолина сосредоточились у одного окна, все остальное население дома, невзирая на грозное требование Зои, – у другого. Раз майор Звонилкин скрылся в соседнем доме, то теперь можно и полюбопытствовать, посудачить. В числе нелюбопытных оказались Геннадий с внуком Вовкой, продолжавшие заниматься своим делом, а параллельно озвучивать танковое сражение, тетушка Сима, уставшая от долгих разговоров и потихоньку ускользнувшая в свою комнату, и Петр Шлома, который намазывал толстый кусок хлеба клубничным вареньем и при этом причмокивал от нетерпения.

- Капа, а этот следователь ничего так себе, - тихим голосом сказала Зоя. Тем самым внесла сумятицу в душу одинокой женщины, сделавшей определенные выводы для себя - он молод, потому ей не подходит.

- Его зовут Григорий Никитович Звонилкин, - напомнила тетка, впервые за глаза назвав его по всей форме. А то всё полицейский, майор или следователь – официальное лицо.

- А я и забыла, как его зовут. Это ты постоянно к нему бегаешь...

- Не бегаю, он меня вызывает, - уточнила Ложкина.

- Ну, вызывает... И о чем говорите?

- О расследовании.

- Значит, ты знала... о Липе? Для тебя не было новостью, что сказал Вальтер Шагаль? Ты только вида не показала, нас не хотела расстраивать?

- Ничего подобного Звонилкин о Липе не говорил. Может быть, это тайна следствия. Задержат преступника, тогда всё и узнаем.

- А если не задержат?

Капа промолчала: в профессиональных способностях следователя она сомневалась с первого дня. Потому что он руководствуется чувствами, а этого делать нельзя. Сразу невзлюбил Вальтера. Надо убрать предвзятое отношение к человеку: если у него рожа крива, то он убийца? Или все дело в сложных отношениях официального лица и частного сыщика? Причина в обыкновенной зависти: «лицо» зарабатывает во много раз меньше, чем «вольный стрелок», опять же, у него, у «вольного стрелка», «руки не связаны». Можно лишиться лицензии, но это в крайнем случае. Но нелюбовь Звонилкина к Шагалью родилась до того, как он узнал, чем тот занимается. Из чего следует: это не причина неприязни. Можно предположить, что они были ранее знакомы, и их общение оставило в душе одного из них неприятный осадок. Скорее – у Звонилкина, чем у Шагалья, именно следователь тихо рычал и прожигал взглядом сыщика.

- Капа, он на тебя запал, - трагическим голосом изрекла племянница, будто запоздало осознала, что тетка находится под подозрением. Тут же сменила трагичность на возбуждение. – О, смотри, смотри, «Скорая» подъехала! Это очень хорошо: значит, Варюха жива... Тетечка, ты бы сходила к соседям, разведала, что и как. Тебя твой Звонилкин не прогонит. Наверное, им нужны... эти как их...

- Понятые, - подсказала тетечка с суровым лицом: намеки-догадки Зои её нервировали. – Никуда я не пойду... Пригласят – пойду, а так... И не клейте мне женихов. То Вальтера моим окрестили, теперь... майора.

- А он женат? – безразличным тоном поинтересовалась Зойка.

- Разведен.

- Сам признался?

- Случайно разговор зашел. Сказал, что были проблемы на прежнем месте работы, перевели с понижением в звании в наш город. Супруга отказалась ехать за ним в трущобу, как она выразилась. Заявила, что декабристкой быть никогда не мечтала.

- А то у нас край света, - разобиделась Зоя. – Мы живем и радуемся. Хороший тихий городок... Чем же твой... чем же майор, - быстро поправилась она, - проштрафился, что его с прежнего места турнули? Вдруг убил кого-то?

- Не думаю. Если бы убил, завели уголовное дело. Он что-то говорил о недопонимании с начальством. Возможно, начальник нашел, к чему прицепиться, убрал неугодного.

- А я знаю, - похвасталась Зоя, ей надоело строить из себя несведущую, чтобы разузнать, о чем известно тетке.

- Откуда? Сорока на хвосте принесла?

- Ага, сорока. И зовут эту сороку Вальтер Иванович Шагаль.

- С чего вдруг он с тобой разоткровенничался? И зачем было прикидываться, вопросы задавать?

- Хотела понять, знаешь ты ли нет? Вальтер мне рассказал под большим секретом. – Зоя закатила глаза, дав понять, что сыщик преследовал другую цель. – Слышал, как вы все меня называете, вот и поделился. Хотел, чтобы я стала передаточным звеном – тебе доложила.

- И что произошло на самом деле? Был у Звонилкина конфликт с начальством?

- Еще какой! Звонилкин твой... прости, вырвалось... В общем, Звонилкин застукал начальника со своей женой. И врезал ему по физиономии. Тот, недолго думая, пришел ему превышение полномочий. Естественно, о конфликте речь не шла, он его элементарно подставил. Подробности не знаю. Но раз майор оказался в нашем городе, да еще с понижением в звании, то начальник нашел способ избавиться от подчиненного, который набил ему физиономию, и который может растрепать о его измене жене.

- Не уверена.

- Я тоже считаю, что майор на такие низости не способен. Каждый думает в меру своей распушенности. В общем, начальник предложил следующее: «Или пишешь раппорт об увольнении, или отбываешь в глушь лесную». Он

выбрал глушь лесную. Хотя... не глушь вовсе, опять же тетеньки симпатичные по улицам гуляют.

- Этим тетенькам скоро на пенсию. А сосланным майорам лет сорок не больше.

- Сорок пять, - снова озвучила Шлома свои глубокие познания в вопросах холостых следователей. – Шагаль доложил.

- Если Шагаль все выяснил о Звонилкине, то есть вероятность, что Звонилкин тоже времени даром не терял. Я поговорю с майором. Если у Шагалья репутация подмоченная, если он применяет... неправильные методы, но можно сделать вывод, что про Липу он сочинил. – Хотя Ложкина и употребляла подчинительный союз «если», но в ее голосе слышалась уверенность: сыщик в своей работе применяет неправильные методы, и майор об этом не только наслышан, но и лично осведомлен. Вот где «собака зарыта»!

- Но это легко проверить. Я не себя имею в виду, и не тебя. Найдутся умные люди, которым очень захочется урыть некоторых притких ухажеров. Ты на меня круглыми глазами не смотри, я не думаю, что следователь станет закапывать соперника любыми способами. У Звонилкина на лбу написано – порядочный человек...

- И честный работник, - хмыкнула Капа, вспомнив фразу из известной комедии Гайдая.

- Честный, порядочный, что ты так ценишь в людях.

- Можно подумать, он последний из могикан.

- Не последний, но строим мимо нашего дома подобные личности не ходят, пороги не обивают, а этот...

- А этот... мне не подходит. И давай оставим тему, совсем не подходящую случаю. Тут такое творится, а ты занимаешься сватовством.

- И в войну люди женились. Это жизнь, тетечка.

Капитолина посопела, повздыхала, поскребла ногтями щеку, взяла себя в руки и вновь заговорила на болезную тему.

- О старике Подземельном Вальтер Шагаль, скорее всего, сказал правду. Такие ничтожества рода человеческого в годы войны имели место быть. Яблоко от яблони недалеко падает: вероятно, и сын у него был еще тот отморозок... И то, что Подземельный-старший приложил руку к краже из нашего музея, я не могу отрицать. Но не факт, что старик Подземельный действовал через Липу... А Вальтер... Вальтер закопался в своем расследовании и...

- И, - поторопила тетку Зоя, ловившая каждое ее слово.

- Вальтер, действительно, ищет внука, следы которого затерялись в нашем городе.

- Тоже мне, Америку открыла, - обидчиво произнесла племянница, рассчитывавшая услышать громкое заявление умного человека.

- Я запуталась, - честно призналась Ложкина. - В голове вертится здравая мыслишка, а ухватить ее за хвост не могу.

- Я вот о чем подумала: вдруг фамилия сына Липы вовсе не Подземельный? Кто первый ее назвал? Мой Вовик. А Сима его поддержала. А у нашей Симы что? Склероз! Она постоянно забывает названия лекарства, которое постоянно принимает три раз в день за полчаса до еды. Почему я об этом сразу не подумала?!

- Но Вовик назвал именно фамилию Подземельный, не Морозов, не Заморозков. От них тоже холодом веет.

- Вот это и показалось мне странным – четырехлетний мальчик выдал такую сложную фамилию.

- Наш мальчик развит не по годам, - напомнила Капа.

- Да, на родителей он совсем не похож.

- Ты себя не принижай, если бы не твоя лень, училась бы на «хорошо» и «отлично». Башка у тебя неплохо варит. О его папеньке говорить не стану.

- Не сыпь мне соль на рану, - вздохнула Зоя.

- Вижу, как он тебя раздражает. Лучше развестись, чем мучиться.

- Не хочу быть матерью-одиночкой. Подвернется кто-то приличный, разведусь.
- Странная у тебя, Зойка, философия.
- Какая есть, - развела она руками. – А ты, дорогая тетушка, гони этого Шагала в шею. На фиг он тебе сдался.
- Уже выгнали.
- Мы выгнали, не ты. Раз ему что-то от тебя нужно, он просто так не отстанет.
- Ты тоже думаешь, что ему что-то нужно?
- Не обижайся, женщина ты, конечно, видная, полюбить тебя можно, не спорю, но в серьезные намерения этого сыщика не верю, хоть режь меня на кусочки.
- Я и сама не верю.
- Остается просить помощи у майора. Думаю, он все о Шагале знает, но тебе пока не говорит. Не хочет, чтобы разрыв между вами случился по его инициативе. Ты должна сама разобраться. Значит, ни тебе, ни нам всем, ничего не угрожает, в противном случае, он бы отсек этого гостя от нашего дома.
- Из сказанного тобой я могу заключить, что Шагаль безвреден, но хитер, и он попросту набивается ко мне в женихи... с определенной целью, - с явным неудовольствием заключила Капитолина. Можно догадаться, что набивание в женихи она приветствует, не приветствует «определенную цель», которая рушит все понимания о высоком чувстве.
- Надо признать, набивается странным способом – рассказывает небылицы о нашей родственнице-тихоне, - поддержала тетку племянница, вернув диалог на правильные рельсы.
- Хочет показать свои незаурядные сыщицкие способности. Или я дура и ничего не понимаю, или он глупее, чем кажется... Не по-ни-маю. Хоть режь меня на кусочки, - повторила Липа слова Зои.
- Да-а-а, с чего бы ему наговаривать на Липу, - протянула Зоя. – Но как бы мне не хотелось признавать, но придется – он не глуп.

- Не глуп, но о себе слишком высокого мнения – решил, что нас легко облапошить. Раз провинция, то здесь одни недоумки живут. Понадеялся, что мы поверим, проглотим его признания и не заметим подвоха.
- И мы не заметим, и старушка Сима – доверенное лицо своей сестры, подхватила мысль тетки племянница.
- Все побежали, и я побежал, - вздохнула Капа, в очередной раз вспомнив советскую кинокомедию.
- Да-да, Серафима уши развесит, и согласиться – да, Липа была причастна к краже из музея, сама мне говорила. Старики доверчивы, как малые дети.
- Это ты к чему?
- Это я к тому, Капочка, что Симе оказали высокое доверие – выдвинули в центр внимания, теперь ей это доверие надо оправдать.
- Я всегда говорила, что ты умело придуриваешься. Зачем изображать из себя дурочку?
- Так жить легче.
- И мужчины таких больше любят. Но недолго, - усмехнулась Капитолина Ложкина, по-прежнему не отводя глаз от дома Варьки вихрастой. Зоя тоже зорко следила за любыми перемещениями у дома подруги.
- Что они там так долго! – всплеснула она руками. – Если Варька жива, дай-то Бог, то пора ее в больницу отправить... Теть, может ты...
- Сказала – не пойду. Закрыли тему.
- Ладно, подождем, - пробормотала Шлома, а ее тетка вернулась к прежнему разговору.
- Шагаль так уверенно говорил, что у нас не появилось ни тени сомнений в его словах. Мы были заморожены его речью, уже после пришли в себя, очистились от гипнотического внушения.
- Что ж ему от нас нужно?

- Что хотел Шагаль, то и получил: узнал, что Липа кому-то отправляла или передавала деньги. Кому? Шантажисту? Сначала Олегу Подземельному, потом – его внуку, Игорю?

- Бредовая мыслишка.

- Сама понимаю. Давай сначала. Ни сына, ни, тем более, внука у Липы не было. Твоя мать права – были бы, мы бы об этом обязательно узнали. Зачем они их придумала? Чтобы объяснить свои, так сказать, жертвования? Сыну давала деньги, чтобы вину замять, внуку – потому что он шалопай. Шалопай – не шалопай, а жаль кровиночку.

- Серафима сказала о деньгах, мы ни о чем другом не подумали, только о шантаже. Шагаль нам эту версию подкинул... Допустим, всё так и было. Но столько лет прошло, наверное, уголовное дело давно закрыто. А Липа...

- Зоя, замолчи, - шикнула на нее тетка. – Забудь об участии Липы в краже. Чего ты опять начинаешь повторять чужие слова... Не было никакого участия, ты сама говорила, что не веришь.

- А ты меня не путай, - окрысилась Зойка. – Если такая умная, то скажи, куда-кому Липа деньги сплавляла?

- Пока не знаю, - вздохнула Капитолина и загадочно произнесла, - уголовное дело закрыто, ты права, но... у кого-то желание отыскать китайские фигурки не пропало. В музей их не вернули. Значит, так и не нашли.

- Кому они нужны, - отмахнулась Шлома, хотела еще что-то сказать, но выпучила глаза, округлила рот, будто собралась распеваться, позыркала по сторонам и прошептала, - Капа, вдруг кто-то решил заслужить расположение духов? Сейчас таких придурков пруд-пруди. Все неудачи пытаются исправить глупыми суевериями.

- Зоя!

- А что? Так легче переживать неудачи. Просишь помощи у языческих богов и ждешь... Неужели тебе моя догадка не нравится?

- Надо подумать, - сдержанно произнесла Капитолина. – Но уже сейчас могу согласиться, что придурков у нас, действительно, пруд пруди. И с суевериями ты не погорячилась.

- Вот! Подумать и переварить мои умные мысли ты можешь и потом, а сейчас...
- Зойка, твое загадочное начало меня пугает.
- Не волнуйся: кто о чем, а вшивый о бане. Я снова хочу поговорить о... майоре. Хочу поднять тебе настроение.
- С чего вдруг такая забота, - хмыкнула Ложкина. – И с чего ты взяла, что мое настроение находится в прямой зависимости от обсуждения этой персоны с погонами?
- Потому что он...
- Я помню, что он «ничего так себе», - повторила слова племянницы тетя.
- Ты так и будешь меня перебивать? Или послушаешь, о чем я...
- Красавицы, нашли время секретничать, - вмешалась в их разговор Владислава. Зойка выразила свое возмущение глубоким выдохом. – Я уже успела на улицу сбегать, новости узнать, а они знай себе, щебечут и щебечут, будто сто лет не виделись.
- Какие новости? – спросила у нее дочь, сменив гнев на милость. И сразу высказала свои соображения. - Васька жену отмутузил, она в сердцах вызвала полицию и «Скорую». Теперь Ваську заберут в участок, потом отпустят - жена отзовет свое заявление. И будут дальше жить-поживать, добра наживать.
- А-то ты не знаешь, что Васька жену не мутузит... Ой, смотрите, Варьку на носилках выносят! – воскликнула Влада. - Значит, сильно ее покалечили. А соседка сказала, что ничего страшного, что Варька не хочет ехать в больницу.
- Что случилось-то?! – спросила Капитолина.
- Варька с работы вернулась, а дверь не заперта. Ей бы к нам бежать, мы бы полицию вызвали, а она в дом вломилась. Вор был внутри, притаился, стукнул ее по голове, и сбежал. Она сознание потеряла. Хорошо, что к ней заглянула Элка Осадчая. Может, просто мимо проходила, таких тонкостей я не знаю, и ни к чему мне они. Одним словом, Элка оказалась в доме и увидела на полу Варвару с разбитой головой. Кругом кровищи-и-и. Решила, что ее убили, сразу в полицию позвонила, верещала, как резаный поросенок.

Странно, что мы ничего не слышали. Полиция приехала, медик к телу, а тело... дышит. Вызвали «Скорую».

- Да, странно, что мы ничего не слышали, - поддержала сестру Капитолина.

- А то вы, девоньки, не знаете, какой толщины стены в нашем доме. А окна все закупорены, - нашел объяснение отец.

- Шагаль нас заговорил, - обиженно добавила тетушка Сима, вернувшаяся в столовую.

Зоя и Капа переглянулись. Зоя кивнула – дескать, давай, не дрейфь.

- Тетя, а ты ничего не перепутала? Липа тебе точно называла фамилию Подземельный? – вкрадчиво поинтересовалась выдвиженка Капитолина.

- Конечно, - выдержав паузу, прокряхтела Серафима Игнатьевна. – Почему ты спрашиваешь?

- А ты почему глаза прячешь?

- Девчата, если честно, то я начала сомневаться.

- Эх, ты, память девичья! - возмутился Сафрон Ефимович. – Да, Сима, заварила ты кашу.

- Это всё Вовка, - сняла с себя вину старушка.

- Вовик, иди-ка сюда, - позвала мальчика Капитолина. Тот сразу к ней подбежал и забрался на руки.

- Книжку считаешь? - поинтересовался он с очаровательной улыбкой.

- Конечно, но сначала ответь: ты сам придумал фамилию Подземельный?

- Мне дядя подсказал. Он рядом присел, когда я конструктор собирал и... подсказал шепотом. Я вспомнил, как мы в войнушку играли, сидели в окопе, я замерз и заболел. Помнишь, Капочка? – спросила он точно так же, как в тот раз.

- Помню, милый... Все понятно – Шагаль втирался к нам в доверие, у него заранее была приготовлена легенда.

- Но разговор о других родственниках Липы завел не он, а следовательно, - вспомнила Фекла Мироновна. – Значит, они заодно?

- Они не могут быть заодно, - уверенно заявила Зоя и обратилась к сыну, - а не врешь ли ты, милый ребенок?

- Я не вру, я шучу. Ведь Капа хотела, чтобы я плохо сказал о дяде, вот я и... пошутил.

- Откуда ты знаешь, чего я хотела? На самом деле я хотела узнать правду.

- Если правду, то... я сам назвал фамилию, без подсказки. Но сначала... сначала я сказал «под землей».

- Правильно, он сказал «под землей», а Шагаль ввернул - Подземельный. Потом и Вовка подхватил, - вспомнила Зоя. – Шагаль еще несколько раз повторил – Подземельный, Подземельный. Прямо, как внушение.

- У меня в группе тоже есть Подземельный, - напомнила Вовик. - Он мне не друг! – со злостью добавил он.

- Мы это поняли, - кивнула Капа и спустила мальчика с рук.

- Теперь дело за Симой, - с угрозой в голосе произнесла Влада. – Тетя, колись, какую фамилию тебе называла Липа?

- Давайте оставим тетю в покое, она и без того разволновалась, всё равно ничего сейчас не вспомнит, - заступилась за нее Капитолина. - Надеюсь, завтра мы будем знать правду.

- А что изменится завтра? – поинтересовалась Зоя, поглядывая на Капитолину.

- Поживем-увидим, - уклончиво ответила Капитолина. Она очень надеялась, что дневник Липы раскроет все тайны.

Но тетушка Сима не стала отмалчиваться:

- Девчата, я совсем запуталась.

- Давай мы тебя распутаем, - усмехнулась Зоя. - Что надо делать? Только скажи. Хочешь, начнем заново холодные фамилии перебирать.

- А может и не было никакой холодной фамилии, - пробормотала Сима. – В тот момент думала о сестре, о том, как будем ее хоронить... - Старушка шмыгнула носом. – Вот и взбрела в голову эта... фамилия, от которой холодом веет. Вы уж простите.

- И что теперь? – озадачилась Зойка. – Как нам узнать...

- Зачем? - осадила ее Капитолина. – Был бы сын - была бы настоящая фотография. А что видела Сима? Открытку, весьма схожую с черно-белым фото, на которой изображен актер Каморный. Значит, всё это выдумки, бред больного воображения. – Она строила выводы не на пустом месте, кое-что успела узнать из дневника.

- Но Липа сама мне призналась, - проскрипела Серафима Игнатьевна, смахивая платочком бегущие по щекам слезы.

- Тетушка, успокойся. Мы обязательно во всем разберемся, - повторила Капа.

- Сами? Без посторонней помощи? – хитро поглядывая на нее, спросила Зоя.

- Там видно будет...

Все-таки Ложкина не сдержалась и вышла на улицу, когда из дома напротив показался майор полиции Звонилкин. До этого некоторое время провела у окна, на страже, по приказу племянницы. Возражать не стала, самой хотелось еще раз увидеть майора. Зойка с удовольствием бы к ней присоединилась, то сын требовал материнской заботы. Когда молодая мать и малыш протопали по лестнице на второй этаж, Капа взяла стул, придвинула его к окну, заступив на пост. Стоять устали ноги.

А еще изображаю из себя молодую девушку, - с упреком подумала она. – Девушка-бабушка села у окна, девушка-бабушка никому уже не нужна, - мысленно выдала она собственное сочинение.

Чтобы не погрязнуть в печали по поводу своего одиночества, принялась любоваться вечерним, еще светлым, небом с неотчетливой пока луной и пока единственной звездой, которую можно принять за инопланетный корабль. Капа представила сидящих в корабле инопланетян, которые

смотрят на нее через обычную с виду подзорную трубу. Отчетливо видят земную женщину, которая печальна и задумчива. И решают...

Капитолина отогнала ненужные фантазии. Фантазиям, мечтам нынче не время. Им на смену пришли воспоминания о тетушке Липе. И неизвестно, куда бы завели воспоминания, но тут из дома пострадавшей Варвары выскользнул майор. Ложкину сдуло ветром со стула.

Как ни пыталась Капа усмирить свой торопливый бег, у нее ничего не вышло. Майор заметил и ее торопливость, и заискивание в глазах, и нервозность. Ложкина «подобрывечерилась», получила надменный кивок в ответ, покраснелась, как матрешка, зачем-то извинилась, поинтересовалась здоровьем Варвары Верблюжкиной, будто стоящий перед ней в независимой позе мужчина был лечащим врачом. Больше всего она боялась, что мужчина оставит ее без ответа, тем самым унизит. Но он ответил, пусть и механическим голосом бесчувственного робота.

- У Верблюжкиной черепно-мозговая травма, но ее жизнь вне опасности.
- Неужели на Варю напал тот же человек, что и на тетю Липу?
- Пока не могу сказать ничего конкретного, - деловым тоном произнес следователь, порываясь уйти.
- Что-то в доме пропало? - прицепилась к нему одинокая женщина, надеясь получить объяснение холодному отношению или... услышать очередное приглашение в кино. Куда угодно, если честно сказать. И понимала, что сейчас не самое подходящее время для установление личного контакта, для объяснений, но продолжала упорствовать, вести себя, как брошенная жена, которую бывший супруг не желает ни видеть, ни слышать.
- Ничего. Все на месте. Преступник явно что-то искал, но ему помешала хозяйка. Он ее оглушил и сбежал.
- Мог бы и убить. Как тетю.
- Хотел бы – убил, - сделал странное заявление Звонилкин.
- Преступник ее пожалел? Это вы хотите сказать?
- Я сказал всё, что мог сказать на данный момент.

Это «всё» осталось без внимания женщины, понимавшей, что выглядит жалко. Осуждавшей себя, ругавшей себя последними словами, убеждающей себя развернуться и уйти, чтобы никогда-никогда...

- А чем он... ударил Варю? – продолжила она допрос, наплевав на уговоры-убеждения мысленного характера.

- Вам это интересно? - без тени удивления брякнул следователь.

Но удивление появилось, когда он опустил глаза и заметил глубокие калоши на ее ногах. Впопыхах Ложкина сунула ноги в первую попавшуюся обувь. Лицо «матрешки» окрасилось с малиновый цвет, руки затеребили старенькую шаль, в которую «матрешка» куталась.

От его взгляда Капу бросило в жар. Она непроизвольно растянула концы шали в стороны, словно собралась пуститься в танец. Смутилась, накинула шаль на голову и закрутила концы на шее. Но перед этим успела уловить слабый интерес в мужском взгляде. Отчего занервничала сильнее, хотя, могла что-то додумать и успокоиться. Замотанная голова, увеличившаяся в размере шея – никак не сочетались с милым легким платьем в цветочек, без рукавов и длинную до колена. Легкомысленное платье пришло на смену черным брюкам и водолазке после посещения запыленного чердачного помещения. Когда поняла, что Шагаль покинул их дом, приняла решение переодеться в домашнюю одежду. Потом забыла и во что одета, и что надо на себя накинуть перед выходом на улицу для встречи с майором. Что бы не говорила Зойке, как бы с ней не спорила, но желание встретиться, поговорить ее не оставляло.

- Не надо на меня так смотреть, - случайно обронила Ложкина, с трудом стягивая с головы шаль, которая после стягивания легла воротником на плечи. Нисколько не испугалась случайности, напротив, порадовалась и понадеялась, что завяжется дружески-обнадеживающая беседа с далеко вытекающими последствиями. Хотя была в состоянии нервного стресса, но соображалка работала, пусть и не с первого запуска.

Но Звонилкин ее сдержанно-игривого тона не поддержал. С безразличной легкостью оторвал взгляд от круглых женских коленок, свел брови на переносице, выражая недовольство в смеси с возмущением, после чего напряженно поинтересовался:

- Вы что-то спросили, Капитолина Сафроновна?
- Я? Да, спросила. Или попросила...
- Мы говорили о нападении на Верблюжкину, - напомнил он, отрезав ненужные разговоры о важном личном.
- Я? – совершенно по-идиотски вбросила умная женщина. – А-а-а, ну, да, - опомнилась она. - Я спросила, чем ударили по голове Варю?
- Не подсвечником каслинского литья.
- Очень остроумно, - хмуро заметила Капитолина. Решила развернуться на сто восемьдесят градусов и показательно уйти, предоставив возможность полюбоваться ее стройными ногами... хм... в калошах, ровной спиной и... шеей, упакованной в вязаную шаль, но бессердечный майор ее опередил. Нет, он не сказал приятных слов, не озвучил никакого предложения, но начал весьма интригующе.
- Капитолина Сафроновна, - с заметным осуждением растянул он. А она изобразила гордую неприступность, которая обязательно падет от одного завуалированного намека или неизбитого комплимента. – Прощайте, Капитолина Сафроновна! – дерзко обронил он и исчез в громко стрекочущем автомобиле.

Ложкина дернулась, едва не упала на мягкое место, но удержалась на ногах. Захотелось скрыться в доме, взлететь по лестнице, и затаиться в своей спальне, но она посчитала это позорным бегством. Вдали стояли группой любопытные соседки, в их сторону дружно смотрели, не скрываясь. Еще хорошо, что ничего не слышали. А со стороны их разговор казался обычной перебранкой слов. Если Капа рванет с места, как спринтер, то точно заподозрят неладное. Чтобы укрепить «дружеское» расставание с майором, хотела помахать рукой в след удаляющемуся автомобилю, но одернула себя – опять же пойдут ненужные пересуды.

Делать мне больше нечего, как переживать о всяких... о всяких посторонних мужиках, - подумала она. – Не хватало голову забивать глупостями... Но ведет он себя странно. Вчера в кино приглашал, сегодня в мою сторону и не смотрит. Обиделся. Или что-то узнал такого, что изменило ко мне отношение. Интересно, что? И от кого? Неужели господин сыщик

расстарался? А пошли вы все, женихи неудальные! Без вас жила, и дальше проживу.

Капитолина развернулась на пятках и медленно потянулась к своему дому.

За ее коротким общением с Звонилкиным наблюдал отец. Он решил, что следовательно все-таки подозревает его дочь. Если так, то он олух царя небесного. Никак иначе. Чтобы Капка – тихоня из тихонь – была как-то причастна к убийству любимой тетушки, до этого мог додуматься только человек без мозгов. Хотелось пойти в полицейский участок и высказать этому тупоголовому следователю всё, что на душе накопилось, но... не пойдет. Вдруг он окончательно уверует, что младшую Ложкину пытаются всеми силами отмазать родственники, которые... в сговоре. А что? Этот идиот при погонах способен на глупые догадки. И на гадкие выходки, тоже способен. Очень неприятный тип. Мерзкий тип. Еще неизвестно, как выбивает показания у подсудимых. Глаза злющие. На Серафиму в день убийства так смотрел, что мурашки по коже побежали... От испуга и наговорил ему «нежностей»... Зря Симка рассказала о сыне Олимпиады. Зря...

Сафрон Ложкин давно заметил, что сестра Липа немного не в себе. Когда рассказала о сыне, решил, что всё - сестру пора лечить. От одиночества выдумала сына. Оказывается, сын был, родила его Липа в тайне от всех, а потом написала отказ. И Симка подтвердила. Кто же знал, что и Серафима узнала о сыне своей сестры не полвека назад, не «по горячим следам». Наверное, Липа очень переживала, осуждала себя за поступок, потому и странности в поведении появились. Когда же это началось?

Капитолина как-то призналась, что тетя Липа прячет еду в самых неподходящих местах. То в шкафу найдет полугнилое яблоко, то засохший кусочек сыра в вазочке среди конфет. Капа поделилась тайной только с отцом. Он болезненно воспринял высказанные наблюдения. Дочь перепугалась, поправилась: не прячет, кладет и забывает. Провалы в памяти у тетки. Неизвестно, какой я буду в ее годы...

Провалы бывают не у всех, - мысленно рассудил старик Ложкин.

Он слышал, как вернулась Капитолина, как она сопит носом, как тяжело поднимается по лестнице на второй этаж. Хотел затронуть, разговорить, но не сдвинулся с места. Еще не сдержится, перескажет свой глупый сон, а она мнительная, запаникует, разнервничается. Еще захворает. Жаль дочку. Все при ней, и умом Бог не обидел, а несчастна.

Из раскрытой форточки слышалась громкая женская речь.

На противоположной стороне, левее дома Варвары вихрастой, собралась кучка женщин разных возрастов. Знамо дело – нашлась очередная тема для обсуждения, тем более, сенсационная. Солировала, конечно, Элла Осадчая, которая обнаружила Варвару почти без признаков жизни. Сафрон без труда узнал ее по истеричному голосу. На улице стемнело, но кучка женщин стояла у столба освещения, поэтому Ложкин, обладатель отличного зрения, отчетливо видел, как Элка кружит руками, как хмурит брови, как прикладывает большие пальцы к вискам и вращает ладонями с растопыренными четырьмя пальцами. Одновременно что-то говорит ехидное. По глазам видно. Ясно, что говорит, дает характеристику своей подруге, пострадавшей по собственной глупости. Сафрон открыл окно и услышал продолжение обличающей речи Эллы:

- ...Надо ценить мужа, а не таскаться по мужикам. Но разве Варька понимает, как ей в жизни повезло?! Откуда ей понимать, если у нее мозги куриные! Завела себе очередного хахала, он решил пожить в ее доме. Если бы я пришла немного раньше, то он и меня бы по башке огрел. Мне невероятно повезло!

- Варьке тоже повезло, - вставила Владислава Шахворостова, старшая дочь Сафрона Ложкина, любительница перемыть косточки соседей. – Если бы ты не пришла, она благополучно скончалась. Муж ее, Васька Верблюжкин, когда должен из рейса вернуться?

- Через два дня, - сообщила Элка, поглядывая на Владу преданными глазами – очень понравилась фраза о ее, Элкиной, роли в спасении Варвары.

- За два дня к ней, конечно, кто-то наведалься, но когда жизнь идет на минуты, можно говорить о чудесном спасении, - с умным видом заключила Шахворостова, в девичестве Ложкина. – Элла, ты скажи нашей Капке, пусть

намякнет полицейскому, чтобы тебя премировали. Все-таки, совершила героический поступок.

- Почему Капке? У нее что, шашни с этим симпатичным следователем? А я думала, что с другим, который на красивой машине к вам приезжает.

- Тот, что на красивой машине, нам не нравится. Следователь тоже не ахти какой, но получше.

- Вас не спросили, - вмешалась Светлана Виленовна, подруга Феклы Мироновны Ложкиной. Недавно ей отметили юбилей – семьдесят стукнуло, но ее резвости и здоровью могли позавидовать молодые.

- Много ты понимаешь, - с недовольством заметила Влада. – Что мы скажем, то и будет. А то ты Капку не знаешь.

Сафрон не выдержал и грозным голосом крикнул, высунувшись из окна:

- Владислава, а ну быстро домой!

- Папа, мне не семь лет, - пробурчала в ответ старшая дочь.

- Мне все равно, сколько тебе лет. Если заслужишь, можешь и по заднице получить. Быстро домой, я сказал!

- Ладно, девочки, я пошла, - с натянутой улыбкой пропела Влада и посеменила к дому, где ее ожидала трепка от родителя...

Но родитель только сказал, чтобы она не обсуждала с соседями свою сестру и ее личную жизнь. После чего погрузился в себя. Владислава поспешила скрыться с родительских глаз, от греха подальше.

Сафрон снова вспомнил свой странный сон, приказал себе не заикливаться на нем. Это всего лишь сон. Капе ничего не угрожает. Все-таки следователь не такой дурак, как кажется. Разберется и с убийством Липы, и с нападением на Варвару. Вполне может быть, что эти злодеяния совершил один и тот же... бродяга.

Зря Элка наговаривает на Варьку вихрастую. Не было у нее никого. Владислава бы точно знала. Знала бы и мозги ей вправила. Все-таки с матерью Вари дружили много лет...

На улице продолжала разоряться Элла Осадчая.

- ... Полиция нашла следы от мужских ботинок. Уж не знаю, какого размера, по мне так... не меньше сорок пятого. – Элла показала руками длину мужского следа от ботинок. Получилось не менее полуметра. – Владислава рассказывала, что на их машине, в день убийства Олимпиады Игнатьевны, тоже остался мужской след. И тоже во-от такенный. – Она снова показала размер следа. На этот раз он был еще больше. А это значит, что это был один и тот же человек. Человек громадного роста, - женщина посмотрела вверх, указав приблизительно-заоблачный рост злоумышленника, посетившего два дома на одной улице, с разбежкой в месяц.

- Примечательный человек, - обронила Виленовна. Ее дом и дом Ложкиных разделял Дом быта. – Выше двух метров, точно. Кто-то должен был его заметить.

- Полицейские обошли все дворы, - доложила Элла Осадчая, будто никто об этом не знал.

- А что мы могли им сказать? Ничего, - развела руками Эмилия Водкина, делившая один дом с молодой четой Верблюжковых.

- Не надо оправдываться, - перебила ее Элла. – Так всегда бывает – никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Человека убьют среди белого дня, а соседям и дела нет. Взять вас, Эмилия Константиновна. Вы у нас женщина еще не совсем дряхлая, десять лет как на пенсии, должны обладать хорошим слухом и хорошим зрением, не то что... некоторые старушки, - язвительно добавила Элла, намекая на Виленовну. – Живете с Варварой в одном доме, а рассказать нечего. Я так перепугалась, когда увидела Варьку всю в крови, так кричала, что меня на другом конце города должны были услышать. Никто не отреагировал! Во народ! Моя хата с краю, я ничего не знаю!

- Элла, ты мне не даешь договорить, - обиделась Эмилия Водкина. – Когда всё случилось, меня дома не было. Я вернулась, и сразу полицейская машина подъехала. Потом «Скорая» примчалась. Удивляюсь, почему Ложкины не отозвались на твои крики.

- У Ложкиных всегда все окна закупорены, у них Вовка часто простужается. Они при жаре камин топят, - со знанием дела заявила Элла Осадчая. - И у них всегда в доме гомон стоит, народу много живет.

- Что ты брешешь! - прикрикнула на нее Виленовна. – Они мирно меж собой живут. И камин только при сильных морозах топят. Как было в этом феврале.

- Да, лютые морозы были, - вспомнила еще одна соседка.

Элку не устраивал переход на климатические условия февраля. Погоду надо обсуждать в том случае, если больше обсуждать нечего. Тут такая сенсация, а они о морозах.

- Полицейский... этот... как его... криминалист... Везде снимал отпечатки пальцев. Потом сказал, что надо снять отпечатки у Варвары и у ее мужа, потом сравнить найденные отпечатки с имеющимися в доме. У меня тоже взяли отпечатки, - гордо заявила Осадчая. – Но не думаю, что они найдут что-то интересное. Варька была хорошей хозяйкой, постоянно все чистила, драила.

- Почему была, она и есть хорошая хозяйка, чего ты ее списываешь раньше времени, - возмутилась Виленовна.

- Не списываю я ее, с чего вы взяли. Вот так и слухи рождаются.

- И им и рождаться не надо. Все знают, что ты Ваську к себе постоянно зазываешь. То полку прибить, то кран починить.

- По-соседски, - уточнила Элла. – У меня в доме мужика нет.

- То-то оно, что и нет, а ты хочешь чужого утащить.

- Больно он мне нужен, - скривила губы Элла.

- Ладно вам гавкаться, - осадила их Водкина. – Элка, лучше расскажи, что главный полицейский сказал? Подозревают они кого? Или всё будет, как с Липой Ложкиной?

- Ага-ага, приехали, уехали и забыли, - поддержала ее еще одна соседка и снова стала ожесточенно щелкать семечки.

- Пока у них подозреваемых нет, - с умным видом сообщила Осадчая. – В доме ничего не пропало. Вор не успел ничего унести, я помешала. Когда постучала в дверь, он ноги унес через окно. След остался еще и на подоконнике, - вспомнила она. – Через то окно выпрыгнул, которое выходит на параллельную улицу. Там везде асфальт, следы, конечно, оборвались.

- А тебе бы хотелось, чтобы следы отпечатались на земле и привели к дому твоего бывшего муженька, который счастливо живет в новом браке, а тебя это сильно огорчает, - выдала догадливая Виленовна, всю свою жизнь проработавшая в школе учителем физкультуры. Она имела разряд по легкой атлетике, чем сильно гордилась. Благодаря спортивному прошлому, сохранила до старости осанку, бодрость и желание посостязаться в любом виде «спорта». В данном случае, в красноречии.

- Светлана Виленовна, я бы попросила без намеков.

- Элла, ты нормальная женщина, молодая, симпатичная. Живи своей жизнью, что ж ты в чужую лезешь. Будь добрей, тогда люди к тебе потянутся.

- Виленовна правду говорит, - поддержала соседку Эмилия Водкина. – Ладно бы никаких перспектив на лучшую жизнь не было, а так-то все в твоих руках. Идешь по улице – улыбайся. На душе кошки скребут – все равно улыбайся. Никому не завидуй, тебе же лучше будет.

- Мы сами виноваты – загнобили девчонку, навешали ярлыков, она и окрысилась, - пошла на попятный Светлана Виленовна.

- А до этого была доброты душевной, - съязвила любительница семечек. – Желчью затопила весь организм, скоро печень откажет.

- Что вы несете?! – мигом взвилась Эллка.

- Тихо, - усмирила ее Виленовна. – Задумайся над моими словами пока не поздно. Ладно мы, старики, пожилы, а тебе-то жить и жить. Сама себя в горб загоняешь ненавистью. Нельзя, Элла, всех ненавидеть.

- Нельзя всех любить!

- Никто тебя не заставляет всех любить... Жаль, не дошли до тебя мои слова... Пойду я. Поздно уже...

За Виленовной потянулись и остальные.

Может, старуха права? – задумалась Элла. – Все меня раздражают, всё меня бесит. Иногда такое творю, что потом сама удивляюсь. Надо брать себя в руки, а то недолго в психушку угодить... Или еще куда-нибудь...

Ложкина боялась, что спрятанный под кроватью запыленный дневник тетушки Липы волшебным образом исчезнет. Почему так подумала? Все события последнего времени казались ей нереальными. Всё хорошее – новые знакомства, находки, собственные изменения – казались полусказкой. Все плохое – смерть Олимпиады, грустные мысли и душевные терзания, нападение на Варвару Верблюжкину – кошмарным сном. Стоит только проснуться, вырваться из лап кошмариков, и ты попадаешь в полусказку, в которой добро победит зло. Откуда взялась приставка «полу», ответа Капа не нашла. И не искала. Полусказка и все тут.

Дневник лежал на месте, ждал, когда его очистят от пыли. Что Капа и сделала, воспользовавшись влажными салфетками – не захотелось покидать комнату. Между делом усмехнулась: тоже мне, нашла подходящее место, где дневник никто не найдет – подкроватный сейф.

Капитолина положила начищенный дневник в зеленой кожаной обложке «под крокодила» на стол, отошла на пару шагов и вздохнула, как перед выполнением сложного и ответственного задания – с силами собиралась. После чего решительно села на стул и взялась за чтение. Поначалу никак не могла сосредоточиться, сердце трепетало, голову обстукивали молоточки, губы так горели, словно их обсыпало герпесом. Ложкина не удержалась и посмотрелась в зеркальце, чтобы убедиться – с губами все в порядке. Герпеса никакого не было, но губы горели, как и девицы, которая два часа провела в объятиях возлюбленного.

Пришлось распахнуть окно и подышать свежим вечерним воздухом, уморительно наполненным запахом цветущей весны. Молоточки исчезли, но голова начала кружиться, как после качелей. Капитолина захлопнула окно и улеглась на кровать, свесив ноги. «Соберись – приказала она себе. – Прошное не перепишешь, всё уже случилось, осталось только узнать правду и принять ее».

Ложкина спрыгнула с кровати, снова устроилась на стуле, положила руки на стол, как прилежная ученица, и тихим голосом объявила в пустоту:

- Я приступаю...

В положенные даты, когда у Олимпиады должны были состояться роды, было скупое написано, что родился мальчик. Вес, рост. Спустя три дня

мальчик умер, у него была врожденная патология сердца. Липа приписала в конце: «Значит, так было угодно Богу». Холодно, безразлично. Чтобы душу не травить? А на самом деле, сердце распадалось на осколки, понимала, что на этом жизнь окончена. Далее следует полубессознательное существование.

После трагедии с сыном шли серые наблюдения, без ярких всплесков, будто тянулась длинная нескончаемая осень с проливными дождями. Надо заметить, о сыне не было ни строчки. Совершенно никаких воспоминаний. И вот в музее произошла кража, похищены те самые цветные китайские фигурки. Будь они неладны. Кража для Липы была сродни ядерному взрыву, унесшему много жизней. Таких переживаний у Липы не наблюдалось во времена личной драмы. Две страницы пропитаны страданиями и предположениями, как будто фигурки принадлежали ей и стоили целое состояние. Но о своей роли в этом темном деле тетка не упоминала. Через месяц вдруг всплыл сын. Оказывается, врачи роддома над ней сжалились, сказали, что сын умер. На самом деле, он выжил. Сначала находился в доме малютки, потом его перевели в детский дом. И опять никаких эмоций по случаю воскрешения сына. И вывод: теперь она обязана оказывать материальную помощь детскому дому, в котором воспитывался сын. Будет переводить все заработанные деньги на банковский счет детского дома. Приезжал к ней сын, не приезжал – ни слова.

Что же получается? Кто-то обманул Липу? – задумалась Капитолина, проштудировав дневник тетушки. – Кто знал о рождении сына, тот и наплел о чудесном выздоровлении. А на самом деле, деньги перетекали ему в карман. И как теперь узнать правду? Если история о сыне – ложь неизвестного, то почему тетя ему поверила? Потому что была доверчивой до невозможности. А почему она не написала в дневнике о том, что рассказала Симе? О встречах-расставаниях с сыном или внуком, который якобы часто приезжал к ней на хорошей машине. И внук - невидимка, и его машина – невидимка: никто из родни и соседей не заметил. И что интересно - никаких фамилий, в том числе и Подземельный. Слабое утешение, но все же.

В последнее время Липа, вообще, не делала заметок в дневнике. Заканчивается дневник записью прошлого года, апрелем месяцем. Какая-то глупость и белиберда. Если бы она не общалась в тетей до последнего времени, то решила, что у нее явные проблемы с головой...

Наутро невыспавшаяся и от того злая на весь свет Капитолина накормила всех домочадцев завтраком, сама на ходу выпила кофе и убежала на работу. Сделала вид, что очень спешит – не хотела слышать наставлений и вопросов. Сама проговорила, что завтра узнают правду. Но день только начался.

И начался с неожиданной встречи.

Исчезнув с глаз Ложкиных – не Ложкиных, Капа замедлила шаг и неспешно двинулась в сторону улицы Садовой, где находилась библиотека. Не пройдя и десяти метров, столкнулась с Вальтером Шагалем.

- Привет, - бодро произнес он, прихватил под локоток и потянул к своему автомобилю.

- Я хочу прогуляться, голову проветрить, - не ответив на приветствие, призналась Ложкина.

- Давай прогуляемся, - согласился Шагаль, хотя, стать компаньоном ему никто не предлагал. Он щелкнул брелоком, авто подмигнул, а пара пошла по тротуару прогулочным шагом никуда не спешащих людей.

- Капитолина, извини меня за вчерашнее, - с чувством произнес Вальтер и крепче сжал ее локоть. – Я высказал свои догадки, никаких доказательств вины Олимпиады Игнатьевны у меня нет. Но ее... убили. Вот я и подумал...

- Что ты подумал? Что моя тетя, этот божий одуванчик, согласилась украсть из музея экспонаты и передать их преступникам, которые ее потом начали шантажировать?

- Ты нашла ее дневник? - не обратив внимания на упрек, спросил мужчина. Запоздало сообразил, что выдал себя, и тут же отвесил комплимент. – Ты сегодня прекрасно выглядишь.

Капитолина скривилась, словно услышала нелестный отзыв о своей внешности от человека с заметными изъянами, что подтвердилось хмыканьем и его визуальным изучением с головы до ног. Пристальный осмотр заставил Шагалья смутиться и оценить себя. Отвисшие щеки пришли в жележное движение, а Капитолина утвердилась в непредвзятости своего отношения к этому человеку – он ей глубоко несимпатичен, в связи с чем, не

стоит притягивать за уши сомнительное чувство. Ранее думала ответить на его заинтересованность ею, теперь поняла, что нет никакой заинтересованности. Сыщик идет по следу, использует для этого все способы-приемы, даже запрещенные. Хотя, кто сказал, что ложная любовь к женщине продолжительностью в месяц (для примера) - запрещенный прием? У некоторых беспринципных личностей, таких, как Шагаль, для достижения цели все способы годятся.

Отвратительный тип, - поставила диагноз Ложкина. - Послать бы его куда подальше... Но пока не время. Пусть думает, что имеет дело с дурочкой, уставшей от одиночества и готовой ради него на всё. Вон как заливается соловьем, комплиментами сыпет, как в старину хлебород семена пшеницы. Ага, так я и купилась на твои комплименты. Уже завтра семена, тобою посеянные, дадут всходы безумной любви, я превращусь в твою ярую помощницу. Надейся и жди.

-... Таких глаз...

- Ты что-то спросил? – перебила поток лживой лести Капа. – Кажется, о дневнике тетюшки Липы?

- Люблю деловых женщин.

Ложкина пропустила мимо ушей пристрастия немолодого мужчины и сообщила:

- Так вот, на чердаке дневника не оказалось. Очень жаль. А я была уверена, что дневник в сундуке. Никто из нас не проводил столько времени на чердаке, сколько проводила там Липа. Говорила, хочет надышаться духом старины. Её обязанностью было перетряхивание старых вещей, просушка, легкая уборка. У других все переборки-уборки быстро заканчивались – одолевало аллергическое чихание. А Липе ничего, дышит пылью и не реагирует. В прошлом апреле она последний раз поднималась на чердак, недолго задержалась, плохо себя почувствовала. Я хотела ее сменить, заняться старыми вещами, но она меня пожалела, сказала, что ничего с этим старьем не случится, если один раз их не проветрить. Я согласилась.

- Ты хорошо все осмотрела? Может...

- Не может! – резко осадил мужчину Капитолина, мысленно обозвав его противной липучкой. Но потом поняла, что слишком много чести для него – именоваться созвучно главной реке города Лапки, реке Липучей, и скорректировала обзывание – Вальтер просто противная приставучка и обманщик. – Кто заявил, что дневник не был сожжен в камине? Вовочка! Ему всего четыре года!

- Мне он показался очень смышленным ребенком.

- Очень смышленный, - с иронией поддержала Капа, - особенно, если его направить в нужное русло.

- Не понял, - пробормотал Шагаль и затряс головой, приведя щеки в очередное мерзкое потрясывание. – Что ты имела в виду?

- Не важно, - отмахнулась Ложкина. – Будем считать, что тетя сожгла свой дневник в камине вместе с другими бумагами.

- И все-таки, что ты имела в виду? – впился в нее мужчина-клещ.

Внутри Ложкиной полыхнул пожар возмущения, захотелось выплеснуть всё, поддающее быстрому воспламенению.

- Подземельный – вовсе не фамилия сына тети, - с вызовом произнесла она, не думая о последствиях. Слишком долго она молчала и глотала красноречивые «признания». – Вчера, после твоего ухода, тетя Сима засомневалась в своих прежних заявлениях. А я еще удивилась ее памяти, неожиданно проявившейся. То Вовку разными именами кличет, то фамилию... сына своей сестры запомнила. И мы дружно пришли к выводу, что она повторила фамилию... по... по твоей подсказке.

- Капитолина Сафроновна...

- Я уже... много лет Капитолина Сафроновна, - выкрутилась Ложкина из сложного положения, в которое сама себя и загнала, чтобы спастись от внутреннего горения. - Зачем-то тебе было нужно, чтобы... сын носил фамилию Подземельный. Спрашивается, зачем? Это первый вопрос. Вопрос номер два: у тебя есть фотография человека, которого ты разыскиваешь в нашем городе и который, по совместительству, будто бы является внуком Олимпиады Игнатьевны?

- Почему будто бы?
- Я задала конкретный вопрос!
- Есть фотография, конечно, но не при себе. Дома, в Москве. Зачем мне ее с собой таскать?
- Для того, чтобы предъявлять людям, которые могли встречаться с ним в нашем городе, - выказала глубокие познания в следственных делах Ложкина.
- С кем поведешься, - ухмыльнулся Шагаль.
- Это ты на Звонилкина намекаешь?
- Ты ставишь не на того человека. Он неудачник. И в личной жизни, и по службе.
- Я не играю в азартные игры. Ни в личной жизни, ни в... по служебной заинтересованности, - коряво выразилась Капа, но в тон своего визави. Видимо, он опять захотел уточнить, но понял – ему или резко ответят, что приведет к разрыву, или примутся сравнивать с неудачником Звонилкиным.
- Мы ходим сегодня вечером куда-нибудь? - неожиданно предложил Шагаль, напустив театральной томности. - Куда бы ты хотела...
- Никуда! Я не желаю общаться с человеком, которым меня обманывает, - вырвалось у Капитолины.

Лучше бы я помалкивала, изображала доверчивую дурочку, - подумала она. – Но поздно махать кулаками после драки.
- Я не обманываю... Ты мне нравишься, - признался после недолгого перерыва Вальтер, причем в голосе не было намека на чувства, лишь обескураженность от неожиданного заявления и озабоченность от упущенного первенства.
- Поэтому тебе не нужно знать правду, - тем же озабоченным голосом продолжила Ложкина. Обескураженности не было, проскальзывала злость на него, на себя, на весь белый свет.
- Если ты ставишь вопрос ребром, то пожалуйста... Один человек нанял меня найти китайские фигурки, похищенные из музея много лет назад, - неожиданно признался Вальтер. – Я выяснил, что в то время посредником

между заказчиком и похитителем был Олег Подземельный. Личность известная в криминальных кругах. Подземельный вернул аванс, с процентами, после того, как похититель пропал вместе с украденным добром. У Подземельного этих фигурок нет и не было, он в таких делах дока – знает, чем для него это может закончиться. Репутация надежного...хм... помощника в щекотливых делах тоже немаловажна. Эдак можно растерять всех щедрых благодетелей... Из всего выше сказанного следует, что фигурки застряли у похитителя, у человека из музея, или он передал их какому-то третьему лицу.

- Может быть, это не одно лицо – похититель и работник музея, - задумчиво пробормотала Капитолина. - Почему это должно быть одно и то же лицо? Вор действовал самостоятельно. Зашел в музей под видом посетителя, выбрал подходящий момент и свистнул фигурки. Не думаю, что они хранились под семью замками – не та ценность. А моя тетушка посчитала себя косвенно виновной в краже – не усмотрела. Хотя, ее никто не обвинял... Потом... потом похититель... передумал передавать фигурки Олегу Подземельному, случайно подвернулся более выгодный покупатель.

За все время задумчивого монолога Капитолины Шагаль смотрел на нее, как на вещателя судьбы – замороженно и ошарашенно. После чего нахмурился, закусил губы, пожевал их. Чужие победы, пусть и не явные, его никогда не радовали: всегда хотел быть на высоте, быть лучше других, догадливее и прозорливее. У кого-то синдром смелой трусости, у кого-то синдром отличника. Поэтому следующая его фраза была насквозь пронизана недовольством.

- Эти фигурки, так сказать, на любителя. Не всякий коллекционер захочет купить их за большие деньги. В них нет ничего особенного, больше суеверий, чем истиной ценности.

- И что ты хочешь этим сказать?

- Только то, что они остались в городе Лапки, - уверенно ответил Вальтер и с важным видом добавил. – Все мои поиски вновь и вновь приводят в ваш город.

Его заносчивость Ложкину не затронула за живое, напротив, она загордилась, что поиски «по всему земному шару» обернулись пустышкой, а

все дороги ведут в славный град Лапки. Можно подумать, теперь это будет столица государства Российского. Пусть милый сердцу городок немного прославится. Пусть не кражей полотна Рембрандта, а каких-то китайских фигурок «на любителя»... И на любителя ли? Раз сыщика некто нанял для поисков этих самых фигурок, то это о чем-то говорит. Например, о том, что он самый настоящий любитель. Или о том, что фигурки – вещь редкая, можно сказать, уникальная. А Шагалью верить нельзя!

- Мне пришла в голову гениальная мысль, - без ложной скромности заявила Капитолина Ложкина, жительница «столицы государства Российского».

Все-таки признание визави царапнуло беспокойную женскую душу. Не известно, что царапнуло больше – заносчивость или недоверие: не впервой он выдавал желаемое за действительное, причем весьма убедительно, в своих корыстных интересах. Скрытная борьба двух противоположностей вступила в решающую стадию. Капа загорелась желанием «макнуть» заносчика. Прямо, безумно захотелось «макнуть», тем самым обрести уверенность в себе, расстаться, пусть на время, со своими положительно-уничижительными качествами.

Вальтер себя не контролировал, Капа без труда уловила на его физиономии приторно-кислотное пренебрежение: разве ЭТА женщина способна мыслить? В ее голове одна извилина, пульсирующая желанием выйти замуж за кого угодно. О какой гениальности может идти речь? О генеральной уборке, еще понятно. Игра слов, родившаяся в мужской голове, с явными признаками гениальности, вызвала на устах легкую усмешку.

Молчаливую и сдержанную Капу снова понесло - злость тому причина: никто ее так откровенно не разводил. Обижали, да, унижали, да – действовали открыто, пусть и убийственно.

Надо бы придержать свои гениальные мысли при себе, чтобы их не присвоили аутсайдеры, мечтающие вырвать победу, но где тут совладать с эмоциями, много лет сидящими взаперти.

- Китайские фигурки у наследников купца! – с вызовом объявила она. Сама не сообразила, с какой стати это сочинилось. Наверное, захотелось ответно запудрить мозги, пустить по ложному следу. Разница в одном – у нее не было личной заинтересованности. Или была? Найдутся фигурки, наружу

всплывет правда. Без сомнения, правда нужна, чтобы очистить имя тетушки Липы от грязных намеков-предположений. Жаль, дневник не помог, а Капа так надеялась.

- Какого еще купца?! – возмутился Вальтер, при этом с физиономии вытерлось приторно-кислотное пренебрежение. Равной с ним эта женщина не станет никогда, но элементарно-влюбленной быть перестала.

– Купца, в могиле которого были обнаружены те самые китайские фигурки.
– Капитолина одним ответом не ограничилась, решила блеснуть эрудицией. - В 1810 году началась история Церкви Всех Святых в нашем городе. Рядом с церковью находилось православное кладбище, которое упразднили в конце девятнадцатого века. Церковь была разрушена в тридцатых годах прошлого века. На первом плане города и церковь, и кладбище отмечены пунктирной линией. Но никто не удосужился свериться с картой, затеяли строительство завода по производству химических удобрений. Жители города выступали против, проводили митинги. Зачинщиков беспорядков, как выражались власти города, задержали, но опасаясь народного гнева быстро отпустили. Неизвестно, чем бы дело закончилось, но во время проведения копательных работ были обнаружены старинные захоронения. Строительство завода хотели перенести, потом и вовсе отложили, потом забыли.

- И на том старом православном кладбище обнаружили останки купца?

- Он был погребен в склепе. Склеп был выложен из кирпича грубой формы, кустарного обжига.

- Зажиточный был купец.

- На старом православном кладбище хоронили выдающихся, по местным меркам, людей города Лапки: градоначальников, военных, врачей, купечество. Из истории известно, что указом от первого октября 1891года было выбрано новое место для кладбища, далеко за городом. Территория была обнесена деревянной оградой, после ее заменили каменной стеной. До сей поры там сохранились старинные надгробия. Местные жители водят туда приезжих на экскурсию. Там, действительно, есть на что посмотреть. И теперь это старое кладбище находится от города не так далеко, границы города расширяются.

- Кладбище закрыто?

- Для избранных особ делают исключения, неизбранных хоронят на новом кладбище, которое разделено со старым березовой рощей, а от коттеджного поселка отгорожено смешанным лесом и садовыми участками простого люда.

- Сколько километров до старого кладбища?

- Километров пять, не больше.

- Надо бы съездить, посмотреть.

- Да, стоит съездить. Надгробия - произведения искусства, хотя, время над ними властно.

- А что с православным кладбищем?

- Когда специалисты завершили работы, ценности вывезли, кладбище сравнивали с землей, но не забыли. Охотников что-то построить не появилось. Нельзя возводить строения на человеческих останках. Десять лет назад на том месте высадили хвойные деревья. Получился хвойный лес. Желающих срубить под новый год елочку тоже не находится.

- Суеверный у вас народ.

- Какой есть, - развела руками Капитолина.

- Что ты можешь рассказать о китайских фигурках? – уважительно спросил Шагаль.

- Легенда вытекает из мифа о сотворении мира. В далеком прошлом Земля была опустошена Великим потопом, который уничтожил всякую жизнь. Уцелели только бог-герой Фу Кси и его жена. Они забрались на гору Куньлунь в центре Китая и спаслись. Вознесли молитвы Небесному Императору, чтобы он им помог быстро увеличить народонаселение. Что тот и сделал – даровал Фу Кси силу сотворять из мягкой глины, осевшей после потопа, людей. Фу Кси лепил фигурки и обжигал их на солнце. Фигурки оживали, становились его подданными. Оживали не все, но Фу Кси их не выбрасывал. Его жена с их помощью выпрашивала у духов расположение.

Ложкина думала, что Шагаль поднимет ее на смех, но этого не случилось. Теперь ей бы возгордиться, что «макнула», что утерла нос важной персоне, но у нее, как и в предыдущий раз, началось самобичевание.

Дура набитая! – «ласково» обозвала она себя. – Прежде чем болтать, надо думать! Зачем у тебя голова на плечах?! Ты дала сыщику подсказку. Или наводку, как говорят в известных кругах. Надо как-то исправлять ситуацию. Как ее исправить, если слово – не воробей...

- Иной раз меня заносит, - строго глядя на тротуар, бегущий перед ногами, произнесла Капа извинительно. – Что с меня взять – провинциалка с заквашенными мозгами.

- Не скажи, - отрицательно покачал головой мужчина. – В твоих словах есть...

- Ничего в них нет, - беспечно отмахнулась женщина. – Не бери в голову. Сам подумай, зачем наследникам фигурки, от которых с большим удовольствием избавились предки. Ведь поговаривали, что фигурки приносят несчастье. Наверное, были реальные подтверждения.

- Кому-то - несчастье, кому-то - счастье, - монотонным голосом проговорил Шагаль. – Кто знает правду?

- Только тот, у кого китайские фигурки. Были или есть. Если после их долгожданного получения у него пошла черная полоса, и он понял, что стало тому причиной, то вырыл глубокую ямку и похоронил пресловутые фигурки. После чего стер из памяти и фигурки, и место их погребения, чтобы не возникло желания еще раз попытаться счастья с их помощью.

- Ты... о наследниках купца?

- Не знаю... Может, о них, может, о неизвестном человеке, который... был...

- Был и дальше? Капитолина, ты уснула, что ли?

- Я же иду, а не лежу на тротуаре, подоткнув кулачок под щеку, - парировала Ложкина, мысленно ругая себя последними словами – опять чуть не выболтала свои гениальные мысли. А мысль была следующего содержания: нынешний обладатель китайских фигурок стал случайным свидетелем похищения. Когда вор справился со своим воровским делом, он его подкараулил за углом и прижал к стенке. Так прижал, что вор отдал фигурки без долгих уговоров, лишь бы сохранить жизнь. Или не захотел оказаться в местах лишения свободы. Еще бы узнать, что произошло с тетушкой Липой? Почему она вспомнила о сыне? Случился стресс? С чего бы вдруг. Вряд ли

кража из музея повлияла на ее умственные способности. Или повлияла? Олимпиада всегда была болезненно впечатлительной.

- Капа! Да что с тобой? Ты меня слышишь?

- Слышу, слышу, – пробормотала Ложкина автоматически, но из гениальных дум не выкарабкалась.

- Пора, красавица, очнись, - попытался пошутить Вальтер, вышло не очень. – Капитолина, у тебя было такое выражение лица, будто ты вспомнила, что забыла выключить утюг.

- Я никогда и ничего не забываю, - с намеком произнесла Капитолина. – Я... задумалась... о наследниках купца, - вывернулась она и повторила более уверенно, чем ранее. На это раз речь шла о наследниках купца, а не о тайном обладателе фигурок, которые этот обладатель зарыл и забыл. – Наследники вернули себе фигурки, потом произошла ужасная трагедия - они на горьком личном опыте убедились, что фигурки делают свое грязное дело и избавились от них... традиционным способом.

- Каким... традиционным?

- Скончался их близкий родственник, будто бы без всякой явной причины. Был здоров, как бык, и вдруг умер. Они решили – причина в фигурках и похоронили их... вместе с ним.

- Ты знаешь, кто это? Знаешь, где они сейчас живут? В Лапках? - засюсюкал Шагаль.

- Знаю, - коротко брякнула здравомыслящая особа. Жаль, здравомыслие замешкалось.

Вальтер сразу понял, что этим «знаю» она и ограничится. Не произнесет больше ни слова, будет молчать, как партизан на допросе. Так и вышло, Капа натянула на губы улыбочку, весьма загадочную, а мужчина покряхтел от возмущения, и снова предложил провести вечер вдвоем. На этот раз голос звучал искренне – на повестке дня стоял серьезный вопрос по выкачиванию нужных сведений.

Вальтер катился по своей волне, Капитолина – по своей.

- Скажи правду - наша встреча в тот злополучный день была неслучайной?

- Совершенно случайной. И в вашем доме я оказался по твоему приглашению. Потом убили твою тетушку, я услышал фамилию Подземельный, и закрутилось.

- А Игорь?

- Игорь Подземельный, действительно, исчез. Параллельно с поисками фигурок я занимаюсь поисками Игоря...

- Который накануне убийства моей тетушки крутился возле нашего дома, - напомнила Капитолина.

- Крутился, - сразу согласился Шагаль. – Все сошлось - и следы Игоря здесь затерялись, и следы китайских фигурок.

- Вчера кто-то проник в дом нашей соседки Варвары Верблюжкиной. Она неожиданно вернулась домой и получила удар по голове. Злоумышленник скрылся, Варю госпитализировали с черепно-мозговой травмой.

- Вот это новость! Ты разговаривала со следователем? Он что-то сообщил?

- Ты меня используешь в качестве осведомителя, который с полицией на дружеской ноге? Зря стараешься. С чего бы майору со мной откровенничать?

- Он на тебя глаз положил еще в день убийства. Я сразу понял. Теперь пускает пыль в глаза, рассказывает какой он расчудесный специалист, как быстро он раскроет дело.

- Ты не путай Звонилкина с собой. Это ты специалист по пусканию в глаза пыли.

- И я этого не отрицаю. Внешность у меня неказистая, - легко признался Шагаль, - надо как-то повысить интерес к своей персоне у женщины, к которой я неравнодушен.

- Опять врешь и не краснеешь. Это я о неравнодушии, - пояснила женщина. – Теперь о твоих намеках. Не понимаю, зачем валить всё в кучу – и Игоря Подземельного, и фигурки, и тетушку Липу, а теперь и Верблюжкину. Ты все усложняешь. Игорь скрывается от жены, от фигурок избавились наследники купца традиционным способом, сомневаюсь, что ты получишь разрешение на эксгумацию. А, может, могил несколько – столько лет прошло после

кражи из музея, наследников могли уморить эти фигурки, они умирали друг за другом... Тетушку Липу убил бродяга! – уверенно заявила она.

- А нападение на Верблюжину? – заинтересовался Шагаль. Не сказать, что он поверил словам Капитолины, захотелось узнать, насколько у нее развита фантазия.

- А Верблюжину ударил по голове тот же бродяга.

Шагаль сделал кислую мину – фантазии Капе не хватило.

- Нет, Верблюжину ударил по голове Игорь Подземельный, - запротиворечила себе Ложкина. - Ты сам говорил, что он крутился возле нашего дома. Ты ошибся, сыщик. Его интересовала Варвара Верблюжнина. Они любовники. И как бы Зойка не утверждала обратное – будто бы ее подруга Варя ни с кем и ни за какие коврижки – я-то знаю, у меня глаза есть. И вчера Игорь был у Вари, они поругались, он ее толкнул, она упала и ударилась головой. Он испугался и сбежал. К Варе заглянула Элла, увидела подругу с разбитой головой и позвонила в полицию.

- Откуда ты знаешь? Звонилкин рассказал? И теперь вся полиция Лапок разыскивает Игоря Подземельного?

- Кто мне рассказал, я умолчу. Но сведения достоверные! – правдиво глядя в глаза Вальтеру, заявила Капа. При этом подумала: с волками жить, по-волчьи выть. Ну, что? Запутала я тебя, сыщик?

- А о наследниках купца? Твои гениальные мысли или сведения, полученные из достоверного источника?

- Или! – бухнула Капитолина. Поди, пойми, что следует за «или» - вторая часть вопроса Шагаля, а, может быть, что-то еще.

Вальтер Шагаль не стал глубоко копать, принял «или» Капитолины за ответ на свой вопрос, отчего так расчувствовался, что едва не сгреб женщину в охапку. Он не надеялся, что она оправдает его ожидания, а она оправдала. Не зря он вокруг нее крутился целый месяц. Но для расставаний пока время не пришло.

- Мы встретимся вечером? - протянул он, поигрывая бровями.

- Дай мне время подумать.

- Сколько?

- Не дави, я сама тебе позвоню. Сегодня точно не позвоню, - искренне порадовала она мужчину. - Думаю, у тебя дел выше крыши: наследники купца, Игорь Подземельный, подозреваемый в нападении на Варвару Верблюжину.

Она не глупа, - подумал Шагаль, - особенно старается показать себя во всей красе в присутствии мужчины, который рассматривается как потенциальный муж: ведь знает, что у каждого представителя мужского пола на первом месте «самолеты, а женщины потом». Неужели мое первоначальное мнение о ней было ошибочным? Не телка безмозглая. Перестаралась чуть-чуть – побоялась превзойти меня в уме, прикинулась туповатой. Значит, влюблена, но как всякая провинциалка, воспитанная в строгости, старается не показать вида.

- Ты права – дел выше крыши. Но я нетерпением буду ждать твоего звонка. – Шагаль попытался изобразить горечь расставания на неопределенный срок. Понадеялся, что надобность в этой женщине отпадет сама собой. Надоели и этот провинциальный город, и Ложкины со своими подозрениями...

А Ложкина тайно ликовала. И как было не ликовать, если обвела сыщика-профессионала вокруг пальца...

Капитолина Ложкина нарочно заранее отправила Вальтера восвояси, не дала проводить себя до дверей библиотеки: возле входа маячила Юлия Бизонова. Вид у нее был рассерженный и одновременно озадаченный, словно она узнала, что Наполеон до сих пор жив и готовит очередное наступление на Россию.

Как было не сердиться, если самая близкая подруга прячет своего поклонника, залетного москвича, обладателя редкой профессии. Хотелось бы узнать, зачем затеяла игры в прятки? Вот и сейчас они вывернули из-за угла, тотчас спрятались, а через две минуты появилась Ложкина в гордом одиночестве. Издали поняла, какой прием ее ждет, и так заулыбалась, будто у подруги несколько месяцев отказывали ноги, и вдруг случилось чудо – она вновь пошла на своих двоих.

- Доброе утро! – не доходя до Бизоновой нескольких метров, воскликнула Капитолина.

- Кому доброе, кому – не очень.

- Что? - кратко спросила Капа, изогнув дугой бровь.

- Не что, а кто, - не позволила увилывать от темы Юлия. - Кто! – повторила она и указала на стоящую перед ней женскую фигуру, не решившую преодолеть несколько ступенек. – Один очень близкий мне человек ведет себя неподобающим образом.

- А как подбает? – преданно глядя ей в глаза, спросила Ложкина. Наконец, пролетела по ступенькам и попыталась затянуть подругу в здание, но та упорно стояла на одном месте, словно ее к этому месту приклеили суперклеем.

- Видела-видела, - проговорила Юлька с обидой. – Мы с Денисом мимо вас проехали. Думаю, свершилось, сейчас мы познакомимся с этим засекреченным агентом. Ан, нет.

- А где Денис? – спросила Капа, как будто его присутствие было основным для знакомства с засекреченным агентом.

- Специально его отослала, чтобы со мной не пересечься?

- Кого? Дениса?

- Кончай валять дурака.

- На фига тебе с ним знакомиться. Он скоро уедет в свою Москву, а я забуду, как его зовут.

- Забудешь ли?

- Не вижу смысла обсуждать эту тему... Когда есть более серьезные проблемы, - добавила Ложкина обреченно. Юля сразу забыла о ее тайном дыхателе и приказала:

- Пошли в мой кабинет!..

Сначала Ложкина завела разговор о вчерашнем происшествии с Варварой Верблюжкой. Не забыла упомянуть Звонилкина, который обошелся с ней

неучтиво – так ей показалось. Юлька не обронила ни слова, позабыв, как накануне мусолила тему очередного Капкиного поклонника, с которым загорелась желанием познакомиться. Тема поклонников весьма важная, но что-то ей подсказывало, что это всего лишь вступление, завязка сюжета. Хотелось поторопить подругу, между тем приступившую к краткому пересказу кинофильма с участием артиста Каморного, но вновь промолчала, только подошвами повозила по полу под начальственным столом.

- Что же получается – не было у тетки никакого сына? Все выдумки? - втиснулась Юля с вопросом, когда речь плавно перетекла на тетю Симу, признавшую в Каморном сына Олимпиады Ложкиной.

- А я не знаю! – дерзко ответила запутавшаяся Ложкина. - Думала, найду в дневнике...

- В каком дневнике?

- Я нашла на чердаке дневник тети Липы, который она вела всю жизнь. Но об этом никому! Не о том, что вела дневник – об этом все знают, а о том, что я нашла дневник.

- Короче, Склифосовский!

- Тетя записывала короткие заметки, когда было что записывать. Своим я ничего о дневнике не сказала, потому что боялась, что они потребуют отчета. Мне не хотелось рассказывать убийственную правду. Признаю – я поначалу согласилась с обвинением в адрес тетки, и рассчитывала найти в дневнике подтверждение.

Юлия внезапно забыла русский язык, на котором говорила подруга. Так показалось самой подруге. Брови Юлии все выше и выше улетали к тому месту, откуда начинают расти ее каштановые волосы, лоб при этом складывался в гармошку.

- Я тебя запутала? – опомнилась Капитолина. - Потому что начала не с того. Забыла сказать о самом главном. Представь, вчера Шагаль заявил, что Липа...

Капитолина обстоятельно передала обличительный монолог Вальтера Ивановича.

- Он с дуба рухнул! - возмутилась Бизонова, когда подруга выдохлась. – Чтобы Липочка-цветочек что-то украли? Да никогда! Скорее свое отдаст.
- А я про что, - вдохновилась ее поддержкой Капа, позабыв про недавнее сбивчивое признание. – Ему заказали найти китайские фигурки, вот он... и изощряется.
- Придурок.
- Кавалер придурашный, - скорректировала Ложкина. – Теперь знаю, почему он начал за мной ухаживать. Еще пять минут назад заверял меня в обратном, на свидание приглашал.
- А ты?
- Не поверила.
- А на свидание согласилась?
- Пока нет. Попридержу коней, а там видно будет. Может, все само собой рассосется – узнаем правду без его помощи.
- На фиг он тебе сдался, - повторила недавние слова подруги Юлия Бизонова.
- Пока рано посылать его... на небо за звездочкой, - усмехнулась Ложкина. – Хочу понять, что у него в голове происходит, какую цель преследовал, когда обвинял Липу, зачем сказал, что Подземельный ее шантажировал... Никто из нас ему не поверил, отец его из дома выставил... Одна я повелась, но быстро раскаялась. Липа не могла украсть фигурки!
- Правильно твой отец сделал, что выгнал Шагалея! И ответ на твои вопросы у меня один: Шагалею эти чертовы фигурки нужны, вот он и решил, что вы что-то знаете. Вдруг Липа кому-то из вас призналась, спустя годы, или случайно проговорилась. Вы внимания не обратили – мало ли что старушка болтает, заговаривается, а после слов Шагалея вспомнили бы и обронили словечко, за которое он мог бы зацепиться и тянуть, тянуть, распутывая клубок.
- Я рассчитывала, что Липа в дневнике обо всем напишет. О краже есть кое-что, но не существенное. Больше охов-ахов, переживала тетушка, это ясно. Странно, что таких переживаний не было в момент смерти сына.

- Все-таки черное пятно в биографии. Грешным делом, подумала, что так даже лучше.

- Значит, так было угодно Богу, написала она в дневнике. Обычно в дневнике душу выворачивала, а тут одни сухие слова, без эмоций и рыданий. Другое дело – кража.

- Очень подозрительно. С чего бы ей рыдать по фигуркам? Ну, украли эти чертовы фигурки, и Бог с ними. Подумаешь, великая ценность.

- Вот-вот, для обычного человека, не коллекционера и не повернутого на мистике, китайские фигурки ничего не значат.

- Ты забыла упомянуть несчастных людей, которые не могут решить свои проблемы без чужой помощи. Один такой несчастный что-то прослышал о фигурках, тихо стырил и ушел. Тем самым опередил потенциального похитителя, нанятого Олегом Подземельным, дедом растворившегося в нашем городе Игоря, на которого Шагаль усиленно навешивает убийство Липы.

Капитолина затрясла головой.

- Юля, не так быстро, я не могу ухватить за хвост твою быстро летящую мысль.

- Лучше я помолчу, тебя хочу послушать, ты лучше знала свою тетку, Царство ей Небесное.

- Юля, ты что-то говорила... Произнесла какое-то слово...

- Вряд ли я воспроизведу все выше сказанное в точности... Капа, что с тобой?! Не выспалась, плохо соображаешь?

- Не выспалась, почти всю ночь провела в обнимку с дневником тети... И получается, зря время потратила.

- Но что-то ты вынесла из ее писанины?

- Мне показалось, с Липой что-то произошло после кражи из музея. Был один человек, стал другой. Если бы не почерк, я вообще бы решила, что за нее кто-то другой излагает свои рассуждения на бумаге. Вдруг вспомнила сына, который умер много лет назад, спустя три дня после рождения...

Оказалось, что не умер он вовсе, а воспитывался в детском доме... Симе она рассказывала о встречах с сыном. В дневнике об этом ни слова. Только то, что он жив, и она обязана оказать детскому дому материальную помощь.

- Значит, она деньги от продажи квартиры туда отдала, и свою пенсию переводила на счет детского дома?

- Понятия не имею. Но как бы она это делала, если из дома почти не выходила? Только на скамеечке посидит, и домой. Возможно, за нее это делал кто-то другой? Но почему нас не попросила? И что это за детский дом? Доходили ли до него деньги? Или застревали в чьем-то кармане? Нашелся мошенник, который знал о сыне, наболтал тетке разной чуши, она поверила и начала через него «переводить» деньги на счет детского дома. Никаких квитанций не требовала, доверяла. Сама была честной, считала других честными людьми.

- Каким образом она получала пенсию? Ей переводили на банковскую карту?

- Все наши пенсионеры: отец, мама, обе тетушки получали пенсию дома, им на дом приносили в определенное число месяца. С Липы никто денег в общий котел не требовал. И с Симы тоже. Они обсуждали между собой, что собирают деньги на собственные похороны, но мы в эти разговоры не лезли. И не требовали отчета, сколько они накопили.

- И после смерти Липы никаких денег у нее не нашли?

- Была какая-то мелочь, хотя, пенсия была за пару дней до этого. Куда она ее дела? Кому-то передала? Кому? Внуку-мошеннику? Сестре говорила, что помогает ему материально, в дневнике написала, что переводит деньги детскому дому, в котором воспитывался ее сын. Где правда?

- Правда в том, что сын умер в роддоме через три дня после рождения, - подсказала Юлия.

- Якобы умер, потом воскрес и появился у матери, спустя многие годы. Причем появился, что странно, сразу после кражи из музея китайских фигурок. И сын вылитый артист Каморный.

- У меня голова пошла кругом, - закатила глаза Бизонова.

- Представляешь, что происходит с моей головой. И как узнать правду? Я так надеялась на дневник.
- Если Липа получала пенсию дома, и деньги куда-то исчезали, то, как пить дать, до детского дома они вообще не доходили. Кто их забирал? Эта сволочь, которая убила старушку? Так называемый внук Игорь, которого разыскивает сыщик Шагаль?
- Он такой же внук, как я артистка балета, - суровым голосом высказалась Капитолина. – Игорь – внук Олега Подземельного, этого выродка рода человеческого, который разбогател в блокадном Ленинграде.
- Ты говорила.
- Юля, что мне делать?
- Кажется, я знаю, что делать... Только дай мне слово, что не станешь отнекиваться.
- Не говори загадками. Давай, излагай, а там посмотрим.
- В общем так. К нам... не к нам лично, в наш город приехала одна занятная особа. Моему Денису она приходится сводной сестрой. Они по отцу брат и сестра. Последний раз виделись в далекой молодости, Денис был еще холостой-неженатый, а она под сто пешком ходила. Особых родственных привязанностей не наблюдается, но после смерти моей свекрови, которая была категорически против их общения, отношения между сестрой и братом наладились. Больше разговаривали по телефону. Мы ее в гости приглашали, и она нас зазывала, но не срослось. Не было бы счастья, да чужое несчастье помогло встретиться. Приехала наша Оленька по приглашению одного известного в городе человека, остановилась в гостинице, вчера была у нас в гостях. С виду обычная молодая женщина, около сорока.
- Зачем мне сводная сестра Дениса?
- Дослушай сначала. Знаешь, кто она? Экстрасенс! Самый настоящий. ТАКОЕ может, ты даже представить себе не можешь.
- Может, можешь... Что за бред, - скривилась Капа.
- Я так и знала! Все-то тебе понятно, ты у нас самая умная, и помощники, советчики тебе не нужны.

- Лейте, лейте бальзам на мою истерзанную душу, - попыталась отшутиться Ложкина. – Особенно понравилось место про умную.

- Блин горелый! Вот дал Бог подругу!

- Умную подругу! Тебе, Юлька, повезло. Раз умная, то не лезет с советами.

- Это намек?

Ложкина промолчала.

- Капа, с тебя что, убудет, если ты обратишься к Ольге за помощью? - поостыла Бизонова. - Денег она с тебя возьмет...

- Дело не в деньгах, не верю я всяким экстрасенсам.

- Не всяким, а проверенным. Я тебе авантюристку подсовывать не буду.

- Она... Ольга... может помочь? Но как...

- Как, как... просто. Возьми с собой теткин дневник и приходи к нам.

- Уже сегодня?

- Я ей позвоню и договорюсь. Может, ей удобно, чтобы ты к ней в гостиницу пришла или... в каком-то другом месте.

- Домой я ее приглашать не хочу, - сразу заявила Ложкина.

- А то я не понимаю. Устраивать шоу перед многочисленными зрителями не нужно. Надо вам пообщаться тет-а-тет.

- Без тебя? Я одна боюсь.

- Она тебя не съест. На ведьму-колдунью она не похожа. На улице встретишь, никогда не подумаешь, что у нее магические способности.

- А что я ей скажу?

- Ничего не говори, она сама тебе все расскажет.

- А ты к ней обращалась с какими-то проблемами?

- У меня нет проблем, - легкомысленно призналась Юлия. – А о том, что будет, я знать не желаю!

- Странно, почему ты мне о ней раньше не рассказывала?
- Я сама о ее способностях недавно узнала. Из Дениса информацию клещами не вытянешь, он о сестре, вообще, не распространялся. Есть где-то сводная сестра, и ладно. Поболтают по телефону, как дела, как отец, и на время друг о друге забудут. А недавно мой дражайший супруг заявляет: «Приезжает Ольга!» Я позвонила свекру, чтобы узнать, что она любит, чем кормить, как привечать. На самом деле, проверяла.
- Неужели приревновала?
- Боже упаси! – нагло соврала Юлька. – И что я узнала! Таких чудес мне свекор о ней порассказал, у меня волосы дыбом встали. – Она пропихнула пальцы в свои длинные каштановые волосы и начала тянуть их в разные стороны, изображая вставание дыбом. Получилось живописно-бешено. – Знала бы о его пристрастии к преувеличениям, не поверила бы ни одному слову. Но он у нас мужик серьезный. Пришлось принять слова на веру.
- А крыша на старости лет не того?
- Не того, не этого, - взбрыкнула Юлия. – Крыша на месте. Доказательством его рассказов о невероятных способностях дочери является приглашение одного известного гражданина города Лапки.
- Кто таков?
- Небезызвестный тебе Арсений Владиславович Петрушенькин. Владелец отеля «Саквояж», в котором остановилась наша Ольга, трактира «На Врубовой», и еще много чего он выкупил у разорившихся бизнесменов нашего города. Петрушенькину экономические кризисы нипочем, казна не скудеет.
- Есть проблемы и нешуточные, раз экстрасенса к себе пригласил из самой Москвы.
- А кто тебе сказал, что Ольга в Москве живет? Я не говорила.
- Разве? Сама не знаю, как вырвалось... Юль, со мной сегодня что-то происходит...
- Ко мне мой старый друг не ходит, - вспомнила Бизонова слова стихотворения Евгения Евтушенко.

- Я говорю, не думая... Кажется, что это я не я говорю, а мною кто-то руководит. Я правды не знаю, а он знает. Такого Шагалю наболтала, самой стало неловко. Предложила провести эксгумацию могил всех наследников купца, который привез из Китая фигурки, - немного присочинила Капитолина и подумала: Вдруг попала ли в точку со своей болтовней Шагалю? С Ольгой-то попала, в Москве живет... Точное попадание. Случайное ли?

- Кстати, о купце, - опомнилась Юлия, до этого вновь сидевшая с видом «моя твоя не понимай», как незадолго до этого. - Я тут в архивах покопалась... И выяснила, что фамилия купца была Парамонов. И что ему принадлежал мукомольный завод на берегу реки Липучей. Сейчас этот завод в ужасающем состоянии. Разруха полная. Местные власти собирались его с землей сравнять, но историки встали за завод горой. Заявили, что завод надо реставрировать, что это историческая реликвия. Выставили мукомольный завод, вернее то, что от него осталось, на торги. И кто думаешь купил эту разрушенную реликвию?

- Петрушенькин, - немymi губами произнесла Капитолина.

- Что с тобой? Тебе нехорошо? Ты бледная, как смерть... Давай я окно открою. Лучше чаю налью. Тебя всю трясет. Горячего чайку выпьешь, и всё пройдет.

Бизонова засуетилась, а Ложкина отстраненно наблюдала за ней. Юлия не переставала щебетать.

- Зачем же так расстраиваться, никто твою Липу в краже не подозревает. И ее убийцу майор обязательно найдет. Знаю, ты натура впечатлительная, как и твоя тетка, на всё реагируешь. Не обращай внимания на этого заезжего индюка. Сама сказала, сегодня он здесь, завтра там. Скажу тебе честно: он мне не понравился. Ты у нас красавица, он - ни кожи, ни рожи. Чего не скажешь о майоре Звонилкине. Он мужик что надо. Сразу видно – МУЖИК! Надежный, ответственный. Понравилась женщина, он ее в кино пригласил. Не к себе в койку, а в кино. Значит, у него серьезные намерения.

Как бы Ложкиной не было худо, она хмыкнула - отреагировала на связь похода в кино и серьезных намерений. Юлька тут же взбодрилась и затараторила на другую тему.

- Сдалась тебе эта Верблюжкина. Жива осталась и то слава Богу. Не надо на сторону смотреть, тогда по голове не получишь... Капусик, всё будет хорошо. – Юля заметила, что подруга вывернула коромыслом губы и ускорила темп успокоительной речи, которая напоминала Ложкиной перечисление всех бед, обрушившихся на ее голову. - Да, твою тетю мне безумно жаль. Хорошая была старушка. Хоть немного с приветом... Вот! На лице румянец появился, а то сидела, как с креста снятая.... Еще замуж сходишь, какие твои годы. Майор вполне подходящая кандидатура... Ты чай пей, пей пока горячий... Как же ты меня напугала! Губы синие, лицо белое, глаза стеклянные. Нельзя расслабляться. Ты девушка сильная. Трусливая малость, но это от врожденной робости. Тебя с детства затюкали. Потом пошли предательства. То Генка, нынешний муж Влады, то гитарист этот чертов. Кое о ком, вообще, промолчу, ты на него только время зря потратила... И не спорь... Вот сходишь к Ольге, пообщаешься с ней. Не стесняйся, все у нее выясни. Не только о Липе. Сама понимаешь, что я имею в виду... Наверное, будет лучше, если назначить встречу в «Саквояже». На ее территории. Хочешь, к нам пойдём? – Капа покачала головой. – Не хочешь, дело твое. Пусть придет в библиотеку. Уединитесь в моем кабинете, вам никто мешать не будет. Я посижу в читальном зале... Хочешь? – Капа утвердительно кивнула. – Правильно, дома и стены помогают. Наша библиотека нам почти как дом родной. Здесь мы проводим времени больше, чем на своих законных квадратных метрах.

- Я пойду, - хриплым голосом сказала Ложкина. – Работать надо.

- Я не предлагаю тебе вызвать «Скорую», знаю, как ты к медикам относишься.

- Я сама себе врач.

- Молодец, - похвалила ее Бизонова. Вслед уходящей Капитолине проговорила, повысив голос, – Кап, так я Ольге звоню? Слышишь меня? Сейчас же позвоню и...

Договорить не успела, услышав встревоженный «ох» подруги, почти прикрывшей за собой дверь начальственного кабинета. Бизонова пулей подлетела к двери, и вlepила дверь по спине своей любимой подруге.

- Что случилось? – испуганно проблеяла Юлия, переводя взгляд с Капы на пожилую женщину, чье лицо ей показалось смутно знакомым. – Вы ко мне?
- Нет, я к Капочке. Прости, милая, что тебя напугала.
- Это наша соседка Светлана Виленовна Ивашкина, - представила женщину Капитолина, потирая ушибленную спину.
- Я только к двери подошла, а тут Капа выходит, - извинительно пояснила Виленовна.
- Нашей Капе надо нервишки подлечить, - посоветовала Бизонова. – Так закричала, я думала, ее убивают. У меня сердце в пятки ушло.
- Светлана Виленовна, что вам нужно? – резко спросила Ложкина, изменив своей выдержке.
- Книжку одну ищу. Решила к тебе обратиться, а тебя нигде нет. Валя Медведева, уборщица ваша, посоветовала поискать тебя в кабинете начальницы. – Виленовна зыркнула в сторону упомянутой начальницы, прихватила Капу под руку и повела по коридору...

К обеду Капитолина окончательно пришла в себя. Даже смогла заняться своими непосредственными обязанностями. Юлька несколько раз заглядывала в архив, где Ложкина проводила ревизию старинных печатных изданий. Здоровьем не интересовалась, чтобы не злить подругу. Будто бы давала дельные начальственные советы, мало похожие на приказы. Между делом сообщила, что ровно в семь вечера Ольга Бизонова прибудет в библиотеку. Ее доставит до места сводный братец, который попытался узнать, что Ольге здесь понадобилось, но супруга попросила его не вмешиваться в женские дела.

Ближе к вечеру Юлька снова зашла в архив, чтобы пожаловаться на уборщицу Валентину Потаповну Медведеву, которая разболтала Виленовне, где искать Капитолину.

- Задолбала меня своим жалобами. До нее работала тетка Дуня, все было в порядке... Видишь ли, у нее ведра пропадают. До этого ведра не пропадали, теперь стали пропадать. И жалуется, и жалуется. И нос везде сует. Всё обо

всех знает, как справочное бюро. Указателей не надо, Медведева укажет, кто куда пошел.

- Это я виновата, не надо было ей протекцию составлять. Но Элка очень просила за мать, мол, на одну пенсию прожить тяжело. А тут как раз тетка Дуня уволилась, вот я и подумала. Юля, если она тебя раздражает, то не мучайся, увольняй без разговоров. Найдем другого мастера чистоты, более спокойного, не доставучего. Если не найдем, то я могу, на полставки.

- Еще чего! И не стану я ее увольнять, придраться не к чему, работает она хорошо, зря наговаривать не буду. У нее характер такой – болеющий за дело, ничего с этим не поделаешь.

- Чересчур болеющий за дело, - усмехнулась Капа. Улыбка вышла жалкой.

- Не грусти. И не переживай. Ольга из тех магов, которые не будут пугать правдой. Если что и увидит нехорошее, тебе не скажет, но постарается горе увести подальше. Как она сама говорит, поработает с тобой. Ты ничего и не заметишь.

- Зачем ее Петрушенькин вызвал? И о мукомольном заводе мы не договорили. Это он, Петрушенькин, купил завод? Зачем ему одни старые стены?

- Не понимаю, почему ты в лице меняешься, когда речь заходит об этом давно разрушенном заводе. Его еще во время Отечественной войны разбомбило. Помнишь мы в детстве там играли в фашистов и коммунистов. Мы с тобой были санитарками.

- Почему его до сих пор не восстановили?

- Никому был не нужен. Когда речь зашла о сносе, тогда вспомнили, что мукомольный завод купца Парамонова представляет из себя архитектурно-строительную ценность. И купил эту дырявую ценность господин Петрушенькин. Не представляю, как реконструировать практически полностью разрушенное здание. Крыши почти нет, стены в дырах.

- Юлька, сменим тему. У меня... нехорошие воспоминания, связаны с мукомольным заводом купца Парамонова.

- Какие воспоминания? Что-то я ничего такого не припомню.

- Я жутко перепугалась, когда мы с пацанами играли в войнушку.

- Кого или чего перепугалась?

- Показалось, что фашисты вернулись. На стены падали огромные тени. Потом догадалась, что это мальчишки нас пугали.

- Сорок лет молчала, а сейчас вдруг вспомнила... Что-то ты темнишь, подруга... Не хочешь, не рассказывай, дело твое.

В кармане пиджака Бизоновой зазвонил мобильный телефон.

- А вот и Денис. Наверное, Ольгу доставил, меня ищут... Да, слушаю, - громко сказала Юля, будто собралась докричаться до мужа без средства связи. – Как в больнице? Что ты там делаешь?..

Капитолина прислушивалась к телефонным переговорам супругов Бизоновых. И поняла следующее: Денис жив и здоров, проблемы у его сводной сестры. Подробности озвучила подруги после того, как телефон оказался снова в кармане пиджака.

- Денис приехал в «Саквояж» за Ольгой раньше на два часа, хотел ей город показать, это была моя инициатива. Они договорились, что Ольга будет его ждать в холле отеля. Ольги в холле не было. Он узнал, в каком номере она остановилась... Не смог достучаться, разволновался, почувствовал недоброе – Ольга отличается пунктуальностью, в этом они с братом схожи. Обратился к администратору. Она сказала, что номер постоялица не покидала. Заказала легкий обед, ей его принесли... По настоянию брата дверь номера открыли, и сначала решили, что постоялица крепко спит. Но Денису не удалось ее разбудить. Вызвали врача. Врач заподозрил, что она приняла лошадиную дозу снотворного.

- С...самоубийство? - слегка заикаясь, спросила Капитолина.

- Она же не идиотка.

- Ольга жива?

- Как говорится, помощь подоспела своевременно. Брат спас сестру. Сама не пойму, почему я уговорила на экскурсию? Заставила Дениса выехать на два часа раньше. Как чувствовала.

- Ты тоже экстрасенс. Но почему Ольга, обладающая такими удивительными талантами, не прочувствовала беду? Ей в пищу снотворное подсыпали?

- Наверное. Еще повезло, что поела немного. Аппетита не было. Не делай круглые глаза, к тебе это никак не относится. Не та величина. Вот Петрушенькин – это величина. Кто-то очень не хочет, чтобы Ольга ему помогла.

- В чем помогла?

- Откуда я знаю. Ольга о своей... деятельности не любит распространяться. И свекор не в курсе, - опередила Бизонова следующий вопрос подруги.

- Но он же тебе рассказывал...

- Он все знает со слов людей, которым дочь помогла. О ее прошлых победах осведомлен, о планах на будущее ничего не знает. Ольга сказала, что отправляет в Лапки по делам, этим все и ограничилось.

- Что свекор тебе еще занятного порассказал?

- Много чего, что ж я все пересказывать буду. Думаешь, почему я, не верующий во всякую муру человек, беспрекословно поверила рассказам свекра?

Капа на вопрос не ответила, но мысли, терзающие ее весь день, озвучила:

- Для тебя он свекор, для Ольги – любящий отец, который способен преувеличить способности дочери.

- Способен, но не настолько. Я поверила, потому что Ольга не ведет себя, как чумные колдуньи, вещающие одно и то же, но удивительным способом, касающееся всех и каждого. В общем, несут бредятину, а люди слушают, открыв рот. И деньги немалые платят за прием и разные снадобья и обереги.

- А Ольга? – поторопила подругу Ложкина.

- Ольга не любит, когда люди ей с порога начинают жаловаться, пытается сама разобраться в причине обращения к экстрасенсу. Общими фразами не разбрасывается. И этим сразу завоевывает доверие.

- Неужели она увидела бы дневник тетушки Липы и смогла бы мне все рассказать?
- Проколы в работе тоже бывают, скрывать не буду. В чем причина проколов, тоже не скажу. Возможно, если вмешалась другая мистическая сила, более могучая, чем сила медиума Ольги, то ей с ней не справиться.
- Откуда такие глубокие познания в мистической сфере, которая тебя так же интересовала, как меня научная фантастика. Грешна, люблю любовную муристику.
- Я тоже. Но перед приездом Ольги решила подковаться, чтобы не ударить в грязь лицом. Но мы тему ее занятий не затрагивали. Я не пыталась задавать вопросы. И признаюсь, в ее обществе чувствовала себя неуютно, словно боялась, что она скажет что-то страшное. Но это потому, что я о ней многое услышала от свекра. Если бы не слышала, то и вела бы себя раскованно. Говорю же, она выглядит, как обычная женщина. Никаких магических штук в руках, на лице практически нет косметики. Светло-русые волосы до плеч, серые выразительные глаза. Остроносая, скуластая. Худощавая, среднего роста. С Денисом они совсем непохожи. Он рыжий веснушчатый здоровяк.
- Зато вы с ней похожи. У тебя только волосы каштановые. А так... И нос, и скулы. И глаза серые.
- И Дениска об этом сказал.
- А он не сказал, когда можно с Ольгой пообщаться?
- Завтра она выписывается из больницы, значит, будет в порядке. Но завтра у нее назначена встреча с Арсением Петрушенькиным. Кто-то очень не хочет, чтобы они встречались, - повторилась Юлия. – Из чего следует - есть причина бояться известного мага из Москвы.
- Интересно, Петрушенькин в курсе, что случилось с Ольгой в его отеле?
- Не сомневаюсь. Денис сказал, что Ольгу положили в отдельную палату, сам главврач над ней порхает. И Петрушенькин так этого не оставит. Найдет злодея. Или злодейку. Что более вероятно. Но не думаю, что пищу сдобрил снотворным повар из ресторана или сдобрила официантка, которая принесла в номер обед.

- Конечно, ни он и ни она. Но они могут многое рассказать, если их не остановить, не закрыть рты.

- Капа, у тебя на нервной почве преувеличение опасности. Неужели ты считаешь, что злоумышленник перетравит полгорода?

- Нет, конечно... Но все может быть, если на кону его собственная жизнь.

- Забудем о поварах и официантках, Петрушенькин не даст в обиду своих людей.

- Где это видано, чтобы крупный бизнесмен заботился о нанятых работниках. Его интересует только прибыль. Люди для него, так, мелочь под ногами.

- Какие глубокие познания в мире капитализма!

- И все-таки, зачем Петрушенькин вызвал Ольгу Бизонову?

- Мне тоже очень хочется узнать...

Порассуждать подругам помешала уборщица Валентина Потаповна Медведева, которая смело отбросила от себя дверь в архивное хранилище, будто входила к себе домой. И не теряя даром времени, затащила:

- Юлия Мартыновна, что же получается?! Вчера мне выдали два метра тряпицы для мытья полов, сегодня этим двум метрам кто-то ноги приделал? Думала, здесь работают приличные образованные люди, а они... тряпки половые воруют! Ну, воруют же! - Пожилая женщина, которой на самом деле было не так много лет – всего-то пятьдесят восемь, от возбуждения и нахлынувших чувств бросила на пол швабру.

- Валентина Потаповна, зачем вам половые тряпки, если вам выдали специальную швабру и специальные к ней насадки. С такой шваброй гораздо проще работать.

- Не привыкла я к этим специальным штукам, мне по-старинке проще. И я вас хочу спросить: куда делись два метра половой тряпки?

- Я сейчас ее убью, - прошептала заведующая библиотекой, ее услышала только подруга...

Ложкина и Бизонова расстались у здания библиотеки. Юлия собралась в больницу к Ольге, где у ее палаты на страже сидел сводный брат, а Капа домой. Юля вдруг вспомнила о броши тетки Липы, которую Капа должна была ей отдать для консультации у специалиста. Ложкина торжественно вручила подруге брошь, тщательно упакованную в бумагу и окончательно завернутую жгутом в целлофановый пакет.

- Ты бы еще в ларец ее положила и закрыла ларец на семь замков.

- Боялась, что от брошки что-то отвалится и потеряется, - объяснила Капитолина, не поменяв своего мнения: брошь – простая бижутерия чешского производства. Почему именно чешского, она сама не знала, но в годы Капкиной молодости было модным носить чешскую бижутерию, которая выглядела очень симпатично. Но брошь у тетушки Липы появилась очень давно, в ту пору еще не знали о существовании чешской бижутерии, смахивающей на настоящее ювелирное украшение. Конечно, для людей несведущих в ювелирных тонкостях. Любому знатоку было ясно – крупное изделие из драгоценного желтого или белого металла с белыми камнями не может стоить... аж рубль пятьдесят. Но любители чешской бижутерии не заморачивались ценностью: украшает простой наряд, и ладно; вызывает зависть у подруг, хорошо; приковывает взгляды на улице, прекрасно. Что еще надо женщине-моднице?

- Узнаю новости, сообщу, - сказала Бизонова и спрятала замотанную в сто одежек брошь в свою сумочку.

- Голый номер, - не сдержалась Капа от замечания, проводив взглядом брошь.

- В нашем деле ничего нельзя заранее отрицать, всё требует серьезной проверки: если брошь – великая ценность, то именно за ней явился преступник. Брошь отлетела и куда-то спряталась, а преступник поискал-поискал и ушел ни с чем... Ты сразу домой или...

- Без всяких или! Мы уже всё обсудили...

Как бы Капитолине Ложкиной не хотелось добраться побыстрее до родного дома и растянуться на кровати – целый день сворачивалась челюсть от зевоты, все-таки решила для начала сделать кое-какие дела, прежде чем растянуться на кровати.

Идея к ней пришла, когда она слушала грозное возмущение уборщицы Валентины Медведевой, которая приходилась Элле Осадчей родной матерью.

Элла была четвертым ребенком в многодетной семье Медведевых. После трех мальчиков родилась долгожданная дочь. По неизвестной причине отец Медведев ушел из семьи, когда мальчишки окончили школу и разлетелись по всей нашей необъятной стране. Один осел в Петропавловске-Камчатском, другой – в Мурманске, третий – в Астрахани. «Пораскидало моих сыновей по всей стране, но все пристроились у большой воды», - шутила мать. Пока Элла не вышла замуж за Осадчего, мать и дочь жили вдвоем, на одной улице с Ложкиными. Старший Медведев проживал у своей матери, в небольшой квартирке на улице Величко. Это была окраина города Лапки. Можно сказать, новостройки. Новостройкам было лет по шестьдесят. Собой они представляли двухэтажные вытянутые строения веселого цыплячьего цвета. Цвет постоянно обновляли. Неизвестно, что творилось внутри, в каком состоянии была коммуникация, но снаружи дома выглядели, как молоденькие едва вылупившиеся цыплята. Поэтому стоимость квартир была немалой, по ценам Липок. Капитолина интересовалась ценами на жилье, но быстро поостыла в желании приобрести свои квадратные метры.

Наверное, Медведев материально помогал жене и дочери: Элла всегда была модно одета, Зойка и Варвара Конева, нынешняя Верблюжкина, ей всегда завидовали. У родителей Зои, Владиславы и Геннадия, денежки водились, но они считали баловством тратить их на тряпки. Зойка было одета не хуже своих одноклассниц, в классе выделялась одна Элла Медведева, четвертый ребенок в многодетной семье. Как выяснилось позже, девочку баловал не только отец, отличный каменщик, но и братья.

Через пять лет после расставания Медведевых скончалась бабушка Эллы. Отец остался один. Со слов Валентины, она предлагала ему сойтись, но он отказался. Чем она ему насолила, осталось для всех загадкой. Но все знали, что она всегда была склочной бабенкой, всегда всем была недовольна. Мужа постоянно пилила, как фанатичный дровосек бескрайнюю тайгу. Народ решил, что Медведев устал от жены. Лучше жить одному, чем с женой, пусть и народившей ему четверых хороших детей. Дети и правда были хорошими. В школе учились средне, но не хулиганили, матери всегда помогали. Валентина в декретах не засиживалась, через полгода выходила

на работу, а детей устраивала в ясли. Несмотря на ясельное и детсадовское детство, выросли они крепкими и здоровыми. Все высокие, красивые. Непонятно, в кого уродились. Валентина уверяла, что в ее отца. Отца Валентины никто не видел, впрочем, как и мать. Валентина была приезжей, Медведев служил в армии на Дальнем Востоке, оттуда привез невесту. Фекла Мироновна часто говорила: «За таким добром не надо далеко ездить, в Лапках получше невесты». Добро – это Валентина. Непонятно, почему так о ней отзывалась: в молодости она была симпатичной хрупкой березкой. И с соседями никогда не цапалась. С годами превратилась в зловредную особу. С зятем сразу не ужилась. Но Элле не перечила – хочет выйти замуж за просто паря-работягу, пусть выходит. Но разве о таком муже для своей ненаглядной дочери мать мечтала! Элла мягко намекнула матери, чтобы не лезла в их молодую семью. Мать разобиделась и ушла. Обустроилась в квартире бывшей свекрови, к тому времени уже скончавшейся. Медведев так вдохновился воссоединением, о котором не помышлял, что... отправился вслед за своей матерью. Валентина говорила, что у него была какая-то тяжелая болезнь, о которой никто не знал, включая его самого. Знатоки решили, что умер Медведев от привалившего «счастья». Оставил дочери в наследство квартиру ее бабушки, где обосновалась бывшая супруга, невлюбившая зятя. Правда зять надолго не задержался, слинял, чему порадовалась бывшая теща. Но к дочери не вернулась, пусть строит свое счастье без свидетелей. После развода характер у Эллы испортился, народ решил - пошла по стопам своей матери. Но еще не все потеряно, считали соседи, найдет себе мужа, полюбует. Вот взять ее мать: со всеми цапается, а в подруге дочери, Варьке вихрастой, души не чает. Называет ее дочкой. Элла ревнует мать к Варваре, но разорвать их родственно-близкие отношения никак не может. Наверное, злость на подругу заставила снова вспомнить о Ваське, чужом муже. Сто лет он ей был не нужен, а тут решила досадить Варе. Но Варьке и дела нет, знает, что Васька от нее никуда не денется. Мать пилит Эллу, возмущается, но та знай, вертит хвостом перед Василием Верблюжковым.

Получившая именно сегодня экстрасенсорные способности Ложкина, причем потратившая эти способности в ненужное время при ненужных обстоятельствах и в присутствии ненужных людей, сообразила, кому ей нанести визит. Причем нанести визит в отсутствие хозяйки. Медведева, старательный работник, еще драила вестибюль, когда работники библиотеки

покидали здание. Капа знала, что еще некоторое время Валентина будет приводить себя в порядок, после чего отправится в больницу к Варваре, о чем сама говорила. И пустила слезу – очень жаль сиротку. Поэтому у Капы времени предостаточно.

Ложкина уверенно шла по Садовой улице, размахивая сумочкой и привычно не глядя по сторонам. Весь ее вид говорил о праздности и беспечности. По едва она свернула за угол, темп ходьбы ускорился. Начинаящий экстрасенс, он же шпион-разведчик, направленно шел на явочную квартиру, совершенно уверенный в успешном исходе. Капе вспомнился кинофильм «Семнадцать мгновений весны», момент, когда профессор Плейшнер шел на явочную квартиру. Сейчас тоже была весна, апрель. Капа тоже шла, как Плейшнер, который упустил наставления Штирлица. Профессор не заметил горшка с цветком на подоконнике, а Капа не смотрела по сторонам. Вдруг за ней «хвост»? Шагаль дал понять, что все события крутятся вокруг их семьи, недаром он к ней прицепился. Он утверждает, что она ему нравится. Нравится... Детский сад, штаны на лямках... Так она ему и поверила. Нашел дурочку.

Бегущая марафонскую дистанцию Ложкина замедлила шаг, потом и вовсе остановилась, будто раздумывала, куда ей податься молодой и красивой. Молодая и красивая знала, куда ей идти. Но желала узнать, нет ли за ней «хвоста». Впервые за полвека жизни появилось такое желание. И куда делась привычная беспечность? Но сегодня был особый день, день появления неожиданных желаний и необычных способностей. Думала, тычет пальцем в небо, заговаривает зубы Вальтеру, уводит его мысли в неправильном направлении, но запоздало сообразила, что в ее болтовне есть четкие подсказки. Надо быть умнее и хитрее.

Умная и хитрая женщина выронила из рук сумочку. Нагнулась, чтобы ее поднять и скосила глаза. В десяти метрах от нее к тротуару прижалась машина Шагалья. Он беспечно решил, что женщина продолжает витать в облаках, и за ней можно нагло следить, не заморачиваясь с заменой транспортного средства. Впервые Капа сменила ротозейство на осторожность и собранность. Практически, на манию преследования.

Ложкина подняла сумку, выразительно оценила ее, потянула молнию и аккуратно достала упаковку влажных салфеток. После чего принялась

вытирать испачканную в пыли сумочку. Женщину-«электровеник» бесила собственная заторможенность, но это нужно было для дела: она раздумывала, как ей оторваться от «хвоста». Время катастрофически таяло, надо всё успеть до возвращения Валентины. Капа выбросила салфетку в урну и двинулась далее. Свернула за угол в очередной раз. Это была улица Врубовая, на которой располагался трактир господина Петрушенькина, по приглашению которого прибыла в город Ольга Бизонова. Не раздумывая, Ложкина вошла в трактир. Все столики были заняты – видимо, заведение пользовалось популярностью. Было модным, как сейчас говорят. Капа вспомнила, как зовут владельца заведения и обратилась к официантке:

- Арсений Владиславович, назначил мне здесь встречу.

- Его пока нет... И честно говоря, я не знаю, когда он придет. Лучше вам поговорить с директором. Он у себя в кабинете.

Автомобиль Шагаля маячил неподалеку, привычно прижавшись к тротуару. В этом убедилась Капа, выглянув в окно, после чего уверенно направилась через служебный вход в кабинет директора. Кабинет она благополучно миновала, проследовал далее. Дверь на кухню, где парилось-жарилось, она тоже миновала. Ее целью была еще одна дверь, расположенная строго в конце коридора. Она беспокоилась, что дверь заперта, и ей придется вернуться назад, в зал, затем снова оказаться на улице, под зоркое око сыщика. Не успела она дойти до заветной двери, как она распахнулась. Пугливая, но иногда решительная, женщина с синдромом трусливой смелости удержала себя от желания припустить в обратном направлении. Взяла себя в руки и решительно спросила у двух поварят в поварской униформе:

- А там у вас что?

- Внутренний двор.

- Понятно.

Ложкина выглянула во внутренний двор, заметила ворота. Выступы на воротах обвивала цепь, на цепи висел замок, закрывавший все надежды на свободу. Но Ложкина все равно вышла во двор, поварята потянулись за ней. Здесь она лучше их рассмотрела. Это были вовсе не поварята-ученики. Одному было под тридцать, другому на пару лет больше. Несмотря на

выбранную профессию они были тощими, как некормленные бездомные котята, с худенькими шейками и выступающими из-под поварской формы ключицами. Оба были низкорослыми, почти одного роста с невысокой Капитолиной.

- Где ключ от ворот? – строгим голосом спросила она у «котят».

- У меня, - проблеял тот, что постарше.

- Открывай! – приказала Ложкина, продолжая приближаться к цели. Парень исчез – видимо, ключи при себе не носил. Но быстро вернулся со связкой ключей. Вставил ключ, провернул два раза и стянул замок с цепи. Другой парень услужливо распахнул ворота.

- Отлично, отлично, - пробубнила себе под нос Капитолина. Взрослые мальчики дружно кивнули – согласились, что все отлично.

Ложкина взялась рукой за одну из воротных створок, покачала, послушала зубодробильный скрип, нахмурилась и строго произнесла:

- И чтобы больше не нарушать!

Парни кивнули и проводили ее ничего не понимающими взглядами. Но облегченно выдохнули, когда она отдалилась на несколько метров. Один сказал:

- Задолбали эти проверяющие.

- Согласен, - кивнул другой...

Оказавшись на свободе, Ложкина припустила по улице, параллельной улице Врубовой, где располагался одноименный трактир. Не отдавая себе отчета, но действуя по наитию, двинулась в обратном направлении тому, где располагался нужный ей дом, в котором в настоящий момент проживала Валентина Медведева.

Раз ноги меня туда несут, значит, так надо, - подумала начинающая сыщица, она же начинающая экстрасенша, понадеявшись на чутье. Женщина снова ликовала – опять перехитрила профессионального сыщика Шагала, улизнула у него из-под носа благодаря своей сообразительности и пинком подгоняющему страху, больше похожему на отчаянную смелость. Синдром трусливой смелости проявил себя в полной мере. Но синдром трусливой

смелости все же лучше, чем синдром страха любого вида. У Капы не патология, не намек на невроз разной степени тяжести. Не болезнь. Она точно это знает. Просто она тихая, безответная, привыкла быть незаметной. Благодаря сложившимся обстоятельствам пытается измениться. Иногда у нее это получается, как сейчас, иногда совсем ничего не выходит. Как в случае с картой фашиста, которую она обнаружила на лапке мумийного голубя в своей каминной трубе. Сегодня утром одно упоминание разрушенного мукомольного завода едва не лишило ее чувств. Она испугалась. Бешено испугалась. Чего? Пока сама еще не разобралась. Наверное, что клад уведут, и ей ничего не достанется. Капа прислушалась к себе. И поняла, что думает не о кладе, который уведут, ее волнует что-то другое. Именно сегодня появилось чувство опасности. И хочется найти клад, и боязно. Это ли не классический синдром трусливой смелости.

Но сейчас надо думать о другом. И не шастать по городу. Капа замерла у кромки тротуара. Улица была какой-то заброшенной. Ни тебе прохожих, ни тебе машин. Женщина поежилась, не так от вечерней сырости, как от страха, сопровождаемого сгущающимися сумерками. Город Лапки окутывал апрельский вечер, не похожий на привычный ласковый весенний вечер, располагающий к праздности. Ложкиной захотелось домой. Захотелось сидеть в кругу своих близких, ужинать и слушать безобидные перепалки. Хорошо-то как! А она еще мечтала об одиночестве! Разве может выжить один-одинешенек человек, до этого проживший пятьдесят лет в густонаселенном доме, в котором постоянно кто-то что-то требует, где ссорятся и тут же мирятся, где тебя критикует, где тебя постоянно контролируют. И где тебя любят, заботятся, контролируют от любви.

В очередной раз Ложкина поняла, как любит всех своих родственников, и кровных и самозванцев. Включая Петьку. Очень сильно потянуло к родному очагу. Но... Надо сделать дело, потом гулять смело до своего дома.

Капитолина, которая еще минуту назад помышляла свернуться, спрятаться, закрыться, исчезнуть, чтобы ее никто не заметил, чтобы не достал, чтобы не обидел, не напугал, расправила плечи, вздернула подбородок, вызывающе хмыкнула - выказала презрение недавней трусости, и решительно подняла руку. Благо вдали показались два большим светящихся глазка.

За рулем сидел очень пожилой мужчина в очках с толстыми диоптриями, отчего его глаза казались нереально большими. Машинка отечественного производства, которая сошла с конвейера в то время, когда Капа ходила пешком под стол, снаружи напоминала гоночный автомобиль, попавший в переплет. Но двигатель урчал вполне нормально для отечественного старичка, и внутри салона было не слишком зашарпано. Мне здесь не жить, - решила женщина и плюхнулась на пассажирское место. Только после этого объяснила, куда надо ехать. Водитель крикнул и нажал педаль газа.

Ложкина думала, что старик начнет болтать безумолку, но он всю дорогу молчал. И дорога заняла всего-то десять минут. Капа постоянно оглядывалась, боялась слезки. Вальтер Шагаль окончательно потерял ее из вида, не подумал, что она способна выкинуть фортель, что вообще способна вертеть головой, замечать что-то вокруг, исключая пробуждающую по весне природу.

Старик затормозил возле нужного дома, Капа протянула ему сто рублей, он беззастенчиво их принял.

Ложкина была у Медведевой всего один раз, когда по просьбе двух заядлых подруг - Варвары и Эллы - пришла предложить заскучавшему трудоголику Валентине Потаповне работу уборщицы в городской библиотеке. Всю жизнь Валентина проработала на заводе по производству керамических изделий, в том числе и керамической посуды. Постепенно завод нищал, сменялись собственники и направления, в последнее время завод начал процветать, желающих устроиться на работу, где постоянно выплачиваются зарплаты и пособия, стало хоть отбавляй, а с пенсионерами, опытными и заслуженными, легко расстались. Не привыкшая сидеть без дела Медведева заскучала, нашла у себя массу болезней и начала чахнуть. Ей пришла на помощь дочь, которая обратилась за советом к Варваре. Варвара, добрая, отзывчивая, общительная, подключила всех своих знакомых. Так Валентина Медведева пополнила ряды работников городской библиотеки, чему не всегда была рада начальница, которой новая работница постоянно докучала возмущениями.

Окна нужной квартиры не светились. Капа знала, что у Вали две комнаты, небольшие, квадратные, и крохотная кухня. Ей показалось, что в квартире

работает телевизор – едва заметен мелькающий свет. Валентина опередить ее не могла.

Возле входа в подъезд на скамейке сидел мальчик лет семи, болтал ногами и лузгал семечки. Неподалеку суетилась собачка в ошейнике. Рядом с мальчиком на скамейке лежал поводок.

- Привет, твоя собачка? – вступила в разговор Капитолина.

- Моя, - обреченно подтвердил пацан и пояснил, - прожорливая, ужас. Вчера мамкину туфлю погрызла. Мне влетело... А я вас не знаю.

- Я в гости. К тете Вале Медведевой. Знаешь ее?

- Конечно. Она меня вкусными булками угощает, сама печет. Мамке некогда булки печь, она на двух работах работает. Одна меня поднимает.

Ложкиной непроизвольно захотелось погладить мальчишку по голове, но она воздержалась от неуместной ласки.

- Тетя Валя вернулась с работы?

- Еще нет, сам ее жду. Обещала мне мороженое купить.

- Жаль, что ее дома нет, хотела с ней повидаться. – Ложкина не боялась, что мальчик ее продаст с потрохами.

- А вы ее в квартире подождите.

- Так ее же нет.

- Зато племянник дома. Игорем зовут. Он давно у нее гостит. Наверное, больше месяца. Свою машину в гараж поставил, а по городу разъезжает на машине бывшего мужа тети Вали, Медведева. Вы его, наверное, знали? Умер он, еще не совсем старый был, - повторил он явно чужие слова.

- Знала.

- Странно, правда?

- Ты о чем?

- Меня Валею зовут. Мы с тетей Валею одноименцы.

- Тезки, - поправила его Ложкина.

- Я о том, что Игорь ездит на старой медведевской машине, а свою в гараже держит. Странно же?

- Наверное, бережет.

- Вот я вырасту, тоже себе машину куплю, и буду мамку катать.

- Значит, Игорь сейчас дома?

- Где ж ему еще быть, - удивился Валька.

- И вчера вечером он тоже дома был?

- Вчера? Конечно, был. У него же ангина, - сказал мальчик таким тоном, будто все жители города обязаны знать, что Игорь, племянник Медведевой, болен ангиной. – Я зашел к тетке Вале в гости, чтобы телевизор вместе посмотреть, а тут Игорь с ангиной. Я помогал тетке Вале Игорю температуру сбивать. У него температура была тридцать девять и одна. Но сегодня уже получше, разговаривать начал, а то вообще молчал. Температура утром еще была, а сейчас абсолютно нормальная, я сам проверял, и тете Вале звонил, докладывал. Она к Игорю относится, как к родному сыну. А он всего лишь племянник. Тетя Валя очень добрая. Меня тоже любит.

- Да, она добрая, о чужих людях заботится, - со скрытым подтекстом произнесла Капа. – Ты меня не проводишь до квартиры тети Вали. Вдруг Игорь не захочет открывать дверь незнакомым людям.

- Провожу, почему не проводить. Яшка, домой, - окликнул он вертлявую собачку непонятной породы. Собачка никак не отреагировала. При приближении хозяина отбежала в сторону и настороженно на него уставилась глазами-бусинками.

Капитолина поняла, что догонялки могут продлиться долго. Нашла в сумке карамельку, развернула, присела на корточки и позвала Яшку. Хитрец тотчас направился к ней, по дуге оббежав хозяина, чтобы его не перехватили...

На звонок в дверь квартиры Медведевой никто не отозвался. Ложкиной показалось, что едва различимое бубнение телевизора моментально прекратилось. Тогда мальчик громко объявил:

- Это я, Валик, открывай.

Видимо, «племянник» Валентины неслышно приблизился к входной двери, потому после слов мальчика сразу зашурудил в замке.

В прихожей вспыхнул яркий свет. Перед Капитолиной предстал молодой человек среднего роста, щуплый, с русыми волнистыми волосами, с тонкими девичьими чертами лица. На щеках алели два ярких пятна, что свидетельствовало о повышенной температуре тела. Шея была обмотана теплым шерстяным платком, а сам болезный был облачен в спортивный костюм, на ногах красовались шерстяные носки, вывязанные умелицей Валентиной. Тусклый свет на лестничной площадке не позволил Игорю рассмотреть женщину, стоявшую рядом с мальчиком и собакой Яшкой. Наверное, он принял ее за мать Валика.

- Горло болит? - деловито спросил Валентин и втиснулся в прихожую вместе с песиком. Ложкина замешкалась, но мальчик подбодрил ее призывом, - вы проходите, а то Игоря продует, в подъезде ветер гуляет... Так горло болит или уже получше? – вновь обратился он к «племяннику» хозяйки.

- Получше, - хрипло протянул тот, начиная прозревать. – А вы кто?

- Меня зовут Капитолина Ложкина, я соседка Варвары Верблюжкиной.

- Она вас прислала? Что-то случилось?

- Случилось. Но вы не переживайте, жизнь Вари вне опасности. Валентина Потаповна сейчас у нее в больнице...

- Мне тоже надо идти. – Он начал разматывать теплый платок на шее.

- Пойдете, но прежде мы с вами побеседуем, - голосом, не терпящим возражений, заявила Ложкина, дама с синдромом трусливой смелости. – Валик, спасибо тебе за содействие, можешь идти домой, я сама позабочусь о... племяннике тети Вали. Оказывается, мы с ним заочно знакомы.

- Заочно – это как?

- Я тебе потом объясню. И мороженое куплю.

- Не хочу я мороженого, еще ангиной заболею, как Игорь.

- Как знаешь. – Капа выставила пацаненка из квартиры...

Валентина Потаповна Медведева готова была разорвать на кусочки любого, кто подвернется под руку. Хотя, праведный гнев был направлен на дочь, которая в последнее время с азартом и увлечением пила у нее кровь. Собравшаяся было вернуться в родной дом мать резко передумала воссоединяться с дочерью, чей характер стал отвратительно-вздорным. Последней каплей в море материнского терпения стало нападение на Вареньку, милейшую молодую женщину, которая и мухи не обидит. Осуждать её за измены мужу Валентина Медведева не вправе: у самой нос в пушку. Тем более не станет осуждать, потому как вина полностью лежит на Ваське Верблюжкином – нельзя надолго покидать молодую супругу. Всегда так случается, и Варя не исключение, если мужа нет дома по три недели в месяц. Хочешь сохранить семью, будь добр найти себе другую работу. Обзаведутся детьми, у жены голова будет занята ребенком, тогда и путешествуй по родному краю, зарабатывай деньги на безбедное существование, а Валентина всегда подсобит-поможет с ребетенком. Потому как Варя ей не чужая, пусть и не родная кровь.

Много лет назад согласилась выйти замуж за Медведева, мечтала уехать из своей глуши. Мужа так и не полюбила, но относилась к нему с уважением, заботилась о мальчишках, считала свою жизнь нормальной. Как у всех. А потом... На вечеринке по случаю нового года лихо отплясывала с соседом Котовым. В ту далекую пору он был совсем молоденьким, только женился на девушке Милке с параллельной улицы. Была Милка невидной, можно сказать – страшненькой, но характер у нее был покладистый, добрый, всех жалела, всем помогала. Милка тайно любила Котова многие годы. Для всех их женитьба стала большим сюрпризом. Поговаривали, что Милка ждала от Котова ребенка. Когда на свет появилась Варвара, все соседи легко посчитали – да, Милка выходила замуж на сносях, но ее родители уверяли, что Варенька родилась семимесячной, а Конев женился на страшненькой Милке по нереальной любви. Реальная была любовь или нереальная, но через три месяца после бракосочетания, во время новогоднего веселья зажал в укромном уголке Валю Медведеву, мать троих детей, и начал осыпать страстными поцелуями. Валя обалдела от неожиданности, потом принялась вертеться ужом, но разве от такого гиганта, как Котов вырвешься. Тем более, выкручивалась зацелованная Валентина для вида, тотчас

обомлела от мужской ласки. Никогда она не испытала такой страсти, с ума сошла на почве неожиданно навалившейся любви к мужчине, который был на десять лет ее моложе.

Утром мысленно заклемила себя позором - у нее трое пацанов, муж, какой-никакой... Вот именно, что никакой. Был бы таким бешеным, как Котов, и она, Валя, полюбила бы его всей своей душой, потому что поняла бы, какой он настоящий мужик: сильный, крепкий, знает, чего хочет, и прямо об этом говорит.

После жарких поцелуев в уголке долго сторонилась Котова. А он пытался заговорить. Где там – бежала от него, как от чумы. Он не настаивал, за руки не хватал, потому как люди кругом, зачем репутацию замужней женщине портить. А однажды нагрянул к Медведевым вечерком, якобы нужна дрель – у него сломалась, а требуется срочно просверлить дыру в стене. Прямо, срочно, несмотря на неурочное для сверления время. Медведев скрылся с кладовой, отсутствовал всего-то несколько минут, но за это короткое время Котов успел шепнуть Валентине, где будет ее ждать завтра, после работы.

Никогда сердце Вали не выписывало такие феруля в таком бешеном ритме. Все чувства отразились на лице. Конев на лету поцеловал ее в шею, а она едва не лишилась чувств. После чего вернулся Медведев с дрелью, вручил ее соседу, странно покосился на супругу, после чего выпроводил гостя из дома. На пороге мужчины покурили, обсудили политическую обстановку в стране и в мире, а Валентина успела запихнуть неожиданные эмоции обратно в себя.

Всю ночь промаялась без сна, утром решила, что ни на какое свидание не пойдет. А вечером летела на крыльях к Котову. Он ждал ее в условленном месте. Ничего не сказал, ничего не спросил, взял ее за руку, как маленькую девочку, и потянул за собой. Валентине хватило бы и прогулки за ручку – сама себя обманывала. От одного безобидного его прикосновения у нее кровь прилиwała к голове, ноги заплетались и язык гаденько облизывал сухие губы. Шли они недолго, путь лежал по узким улочкам. Изучить маленький город за много лет проживания в нем Валька так и не смогла. Не до изучения было – дети, работа, домашние заботы. И ни любви, ни ласки. Скучно, противно. А эмоции и чувства зрели и зрели внутри, разбухали и разбухали, норовили и норовили выплеснуться наружу, но не в том виде, в

каком положено: Валя уже с трудом сдерживалась, чтобы не наговорить мужу, никакому, обидных обличительных слов. А потом взять детей в охапку и к родителям на край света. Ради детей сдерживалась – все-таки город, от Москвы не так далеко. Вот встанут дети на ноги, потом... будет видно, как ей поступить. Может, стерпится-слюбится? Внутренний взрыв не случится, всё само собой как-то рассосется. Не она одна так живет.

И так бы все и было, если бы не Котов. Мужчина-детонатор.

Здравомыслящей, до сей поры, женщине, матери троих детей, было все равно, куда идти с этим мужчиной-детонатором. Только был бы рядом, только бы был...

Первое любовное свидание могло стать первым и единственным. Валентине хватило его с лихвой. Как казалось. Но уже через день начали одолевать... нет, ни муки совести, странные мысли, несвойственные ей, матери трех мальчишек, и желания. Боже, как хотелось оказаться в объятьях чужого мужа!

Так нельзя себя вести, - корила себя Медведева, мать троих замечательных деток. И думала, думала о чужом муже. Вспоминала, блаженствовала. Страдала, переживала. Надеялась, ждала. Могла замечтаться до умопомрачения, если бы не новая встреча, наедине, в той же квартирке его друга. В заброшенной квартирке, казавшейся ей другой планетой.

Вскоре Валентина поняла, что ждет ребенка. Естественно, от Конева. С самого начала их отношений всякие отношения с мужем прекратились. Он и не настаивал. Сказано - никакой. А казалось, что любит.

Заполненной под завязку домашними заботами женщине посчастливилось узнать, что такое настоящая любовь.

Она скрыла от любовника, что ждет от него ребенка. Милка ходила по улице с пузом выше носа. На время их свидания прекратились. Потом родилась Элла, вылитая мать, ничего общего со своим отцом. Милка в ту пору уже гуляла по улицам с коляской, в которой мирно посапывала Варюшка, точная копия своего отца-красавца.

Послеродовая депрессия сказалась на характере Валентины. В сердцах она ляпнула мужу, кто настоящий отец Элочки. Медведев долго на нее смотрел,

будто она сморозила глупость из глупостей, после чего подошел к кровати, где дрыгала ногами глазастая девчонка, пристально ее изучил и посоветовал жене не болтать ерунды. Некогда терпеливой супруге «вожжа под хвост попала». Вывалила на мужа всё, что наболело за долгие годы совместного проживания. Он молча собрал вещи, перебрался к матери. Но материально помогал, не только мальчишкам.

А любовные свидания с Коневым продолжались вплоть до его гибели. Валентина чуть с ума не сошла после случившейся трагедии. Более-менее оправилась от потери, но характер стал невыносимым, сама понимала, но ничего поделать не могла.

Варюшку любила, как родную дочь – все-таки воспоминание о любимом мужчине.

И вдруг Валентину едва не лишили единственного материального воспоминания. И кто бы мог подумать, что это злодеяние способна совершить ее дочь Элла, которая люто ненавидит Варвару, мечтает увести у нее мужа Ваську. Нужен он ей! Индюк замороженный! А Варюшка вся в отца, живая, чувственная, с сумасшедшинкой. Вышла за Ваську будто бы по любви, но любовь растаяла, как мартовский снег. Случайно познакомилась с приезжим из самой Москвы. Поболтали, пошутили, вместе поужинали, обменялись номерами телефонов. Варька и думать о нем забыла, а он возьми и объявись. Признался, что вспоминал, скучал. Опять пошутили, поужинали, выпили кофе у Вари дома – муж Васька по обыкновению был в командировке.

Василий - здоровенный бугай с бычьей шеей и с кулаками-кувалдами. А любовник – его полная противоположность: ростом не выше Варвары, тонкий-звонкий, завораживающий, притягивающий, раз увидишь и никогда не забудешь. Есть такие мужчины – будто бы не красавцы, но с морем обаяния. Возможно, где-то свыше predetermined совместимость двух людей противоположного пола. Можешь целую жизнь прожить и не поймешь, что тебе что-то недодали, что в твоей жизни половинчатость, а потом столкнешься с незнакомым человеком и быстро расставишь все по местам. Одна жалость к супругу, ставшему чужим, заставляет вести двойную жизнь: никогда не обижал, любил по-своему, баловал подарками. Не заслужил резкого разрыва. А предательства заслужил? Лучше рвать-

резать по живому, не дожидаясь перитонита. От двойной жизни, от обмана пахнет гнильцой, чем-то гадким и зловонным.

Варя советовалась с Валентиной Потаповной, которую всегда называла тетей Валею. Не знала, как поступить с Васькой. Любит он ее. Не заслужил. И нрав у него суровый, за словом в карман не лезет – если что не так, сразу в ухо. Не жене, конечно, Варьку он и пальцем никогда не трогает, пылинки с нее сдувает. Любит до безумия, хотя, выразить чувств не может – косноязычен. И без чувства юмора. На шутки супруги-юмористки вообще не реагирует или реагирует запоздало, не всегда уместно. Варю бесят слова-паразиты, которым он скрепляет свою речь. От нецензурной брани она Ваську с трудом отучила, в ее семье никто не позволял себе употреблять мерзкие слова. Мерзкими их называл отец Варвары, который окончил факультет журналистики и вернулся в родной город, который не мог дать ли славы, ни денег. Отец не гнался за славой и за деньгами, получал удовольствие от работы в местной газете, выходившей смехотворным тиражом. Чтобы обеспечить семью, подрабатывал и дворником, и грузчиком, и строителем. Всегда был позитивно настроен, доброжелателен. Дочь Варвара пошла в него. И не только характером, но и увлечениями на стороне. Но об этих увлечениях отца Варя не догадывалась.

Да, Игорь Подземельный был полной противоположностью Василию Верблюжину. И бешено востребован у женщин. Болтун – язык подвешен, но бабы верят каждому слову. Варька купилась не сразу. Его глаза жили своей безразлично-обособленной жизнью, не подтверждали произнесенных чувственных признаний. Со временем в глазах появился огонь, от которого Варвару бросало в жар, и почему-то в холод. Наверное, от боязни совершить то, о чем ранее и подумать не могла. Игорь затмил всех и всё. Предлагал выйти за него замуж. Конечно, надо предварительно развестись с Василием, но Варя боялась. Она верила Игорю, и боялась за него. Васька расправится с ним одной левой, просто так жену не отпустит. Игорь предлагал бежать. Варя раздумывала. В душе давно поселилась жалость к Ваське, вцепилась клещами и уходить не собиралась.

А потом убили старушку-соседку, Олимпиаду Игнатьевну Ложкину. Варвара прознала, что в убийстве подозревают Игоря Подземельного, будто бы он приходился убитой старушке внуком. Естественно, Игорь всё отрицал – и родство, и совершение преступления. Варя ему опять верила. И не верила.

Люди-то не всегда врут, тем более, вся улица гудит, и этот приезжий сыщик, Капитолинын кавалер, докопался до истины. Но разве Игорек, милый, родной, любимый, способен убить человека? И мало ли что сыщик болтает – себе зарабатывает очки, чтобы Капку завоевать.

Варвара Верблюжкина посоветовалась с тетей Валей Медведевой, единственным человеком, который знал о ее связи с Игорем Подземельным. Тетя Валя предложила спрятать Игоря у себя – кто догадается? Следователь – мужик мурый, сразу видно, спец в своем деле, обязательно найдет настоящего преступника. Главное – переждать. А то схватят невинного, и ручки сложат. Или к задержанному свои ручки приложат, он во всем и сознается. Варька спросила тогда у тети Вали:

- Вы верите, что Игорь не убивал бабу Липу?

- Где ему, - хмыкнула Медведева в ответ, - кишка тонка. И хилый он – статуэтку эту, которой старуху по голове треснули, он в руках не удержит.

Довод показался Варваре не уничижительным, весомым. На предложенную помощь согласилась, и Игорь тотчас перебрался из съемной квартиры, в которой прожил некоторое время после гостиницы, в квартиру на окраине города Лапки. По улицам перемешался в основном в вечернюю пору, на стареньком автомобиле покойного Медведева. Молодые люди заезжали в какой-нибудь тихий дворик, разговаривали, целовались, мечтали о будущем.

И никак не ожидали, что жизнь Вари окажется в опасности.

Валентина Потаповна тоже не могла подумать, что ее дочь способна убить свою тайно-сводную сестру. Напрямую у Вари не спросила, долго виляла кругами: может, видела кого, что-то успела заметить перед ударом. Никого и ничего. Входная дверь была по обыкновению закрыта на замок. Варя вернулась с работы, открыла дверь, вошла в прихожую и сразу получила сильный удар по голове. В чувство ее привели приехавшие на «Скорой» медики. Элла толклась рядом и голосила, как сирена. Почему-то просила прощения.

За эти мольбы и уцепилась Валентина. Простившись с постепенно выздоравливающей Варюшкой, направила стопы к дочери. На пути встала вездесущая Эмилия Водкина, устроила допрос по всей форме. Ехидно так напомнила, что ключи от дома Верблюжкиной были только у Эллы. Не ей,

ближайшей соседке, доверили ключи, а Элке Осадчей. Вся улица знает о ее большой «любви» к школьной подруге. И скоро придется Элке отбывать в края глухие. Как бы Медведева не была настроена против дочери, но встала на ее защиту горой, к ней присоединилась Виленовна, человек уважаемый и справедливый. Виленовна нашла неопровержимые доказательства невиновности Эллы, кажущие даже непрофессионалу примитивно-притянутыми, но Валя и за них была благодарна пожилой женщине. Сама не могла подобрать правильных слов, только послала язвительную Водкину по «экзотическому маршруту» - припечатала нелитературным слогом, а в заключении добавила:

- Еще неизвестно, где ты была во время нападения на Варю. А то прикидываешься овечкой, а сама волк – зубами щелк.

Эмилия Водкина после таких намеков и правда с силой свела челюсти и взвыла от боли – прикусила язык.

- Бог шельму метит! - порадовалась Медведева и скрылась в своем доме.

Элла Осадчая самозабвенно покрывала лаком длинные ногти и смоктала леденец. Рядом стояла чашка какао, время от времени девушка к ней прикладывалась. Она была так погружена в заботу о своих ногтях, что не заметила, как мать встала перед ней столбом.

Чтобы не скрутить дочь в бараний рог, Валентина Потаповна решила совладать с бешеным волнением, охватившем ее ранним утром, когда дочь позвонила, чтобы поделиться последними новостями. В перечне последних новостей на последнем месте стояло покушение на жизнь Вари Верблюжковой. Не известно, что вывело из себя больше - безразличие дочери к бедам не чужого человека или само покушение, благо неудавшееся. Обсуждать далее тему не стала, перезвонила Варе и немного успокоилась, пообещала навестить ее вечером. Было бы девочке совсем худо, наплевала бы и на новую работу, и на свою ответственность, побежала бы к ней в больницу, не раздумывая. Весь день была как на иголках. Размышляла о поведении дочери, в итоге пришла к неутешительному выводу...

- Мам, ты меня напугала, - выдохнула Элла. – Подкралась незаметно... Что-то случилось?

- Случилось. Это ты чуть не убила Варю?
  - Ты сбрендила? – протянула дочь. Отставила лак подальше и принялась рассматривать свои ногти с ярко-красным лаком.
  - Ты как с матерью разговариваешь?! – окончательно взвилась Медведева и врезала дочери крепкий подзатыльник. Элла не ожидала нападения – мать ее никогда пальцем не трогала, и припечаталась лицом к столешнице. Из носа потекла кровь.
  - Ты мне нос сломала, - захныкала Элла.
  - Красивее будешь, - брякнула мать, не выразив сочувствия. – Еще раз спрашиваю...
  - Это не я! – тут же отреагировала по-военному дочь. – Клянусь, не я.
  - Где ключ от дома Варвары?
  - Где ключ? Где обычно, в прихожей на полочке, в коробке из-под печенья. Круглая такая, жестяная.
  - Сейчас проверим...
- В жестяной коробке из-под печенья нужных ключей не нашлось. Имелись старые ключи от давно смененных замков, поломанный значок члена ВЛКСМ, принадлежащий старшему сыну Валентины и непонятным образом оказавшийся в коробке, разнокалиберные булавки, насаженные на одну большую булавку, одинокая прищепка, странный ключик, слегка покрытый коррозией, непонятно от какого замка, но понятно, что не от дверного. Одним словом, всё, кроме искомого.
- И где ключи?
  - Понятия не имею, - беспечно отозвалась Элла, усердно размазывая по лицу одинокую кровавую каплю, дабы вызвать у матери жалость. Жалость пока не появилась, но и бешенство мало по малу сменяла злость не так на дочь, как на саму себя.
  - Я спрашиваю последний раз – где ключи от дома Вари?
  - Повторяю для особо непонятливых – не знаю!

- Не груби, - сквозь зубы посоветовала мать. – А то добавлю и... мало не покажется.

- Убьешь что ли? Родную дочь готова убить из-за этой...

- Варя твоя сводная сестра. Ее отец был твоим отцом тоже, - выпалила, не задумываясь о последствиях, Валентина Потаповна. Именно сегодня ее тайна передумала оставаться тайной. До сей поры только она и покойный Медведев знали о родстве Эллы с Коневым. Но Валентине казалось, что до последних дней Медведев не верил словам бывшей жены. И тему не поднимал, и к жене не возвращался, хотя, она ему предлагала сойтись. Он отказался, а она после поняла, что чуть не совершила очередную глупость, и благодарил его за отказ. Лучше быть одной, чем существовать бок об бок с чужим человеком, который тебя раздражает любой мелочью. Стоя у гроба усопшего, мысленно попросила у него прощения, на том и успокоилась. Бывшего мужа почти не вспоминала, а любовника – постоянно. Дня не проходило, чтобы не горевала, мысленно к нему не обращалась, не представляла, как бы сложилась жизнь дальше. С ним ли, без него, лишь бы был жив.

Валентина не заметила, как вывалила свои тайны, переживания на голову дочери. Та поначалу слушала, нахмурив брови, потом обронила слезу и поспешила ее незаметно смахнуть. Но слезы потекли бурным потоком. Закончился признательный монолог матери взаимными извинениями, рыданиями и уговорами успокоиться. Потом мать и дочь выпили валерианы, пошмыгали носом, и принялись рассуждать на тему: куда мог подеваться ключ от дома Варвары Верблюжкиной?..

После разговора с Игорем Подземельным Капитолина Ложкина чувствовала себя победителем - самостоятельно, без чужой помощи, вышла на засекреченного «агента», чье имя обросло домыслами. В основном домыслы высказывал Вальтер, а она ему ограниченно верила. Не могла допустить мысли, что некий Игорь Подземельный, внук и сын нехороших, и это мягко сказано, людишек, имеет родство с тетушкой Липой. Какой бы закрытой на все пуговицы не была тетушка, о ее тайне, которой несколько десятков лет, Ложкины узнали бы со временем. И каким бы не был внук – раздолбай и

лентяй, Липа со временем ввела его в дом Ложкиных. Ключевое слово – каким бы не был – все-таки, родная кровь.

Шила в мешке не утаишь, если шило в мешке есть.

Капитолине Игорь не показался раздолбаем-разгильдяем, нормальный парень с живыми глазами и с длинными ресницами – мечта девушек. Худощавый, невысокий. Утонченный и ранимый. Происшествие с Варварой воспринял болезненно. Постоянно переспрашивал, все ли с ней нормально, вне опасности ли ее жизнь, не обманывают ли его. Потому на вопросы Капитолины отвечал сбивчиво, не с первого раза. Капе не затруднительно повторить. Один раз Игорь вышел из себя, когда речь зашла о дедке и отце. Резко заявил, что ни того, ни другого почти не помнит – был совсем мал, когда мать развелась с отцом и увезла его подальше от злых языков. Вернулись в столицу, когда дед скончался. Капа заметила неувязочку – дед умер пять лет назад. На что Игорь ответил так: когда он подрос они с матерью переехали в Питер. Дед уговорил, предоставил свою квартиру, обещал не докучать и в родственники не набиваться. Но тайно от бывшей невестки денег внуку подкидывал. Тот материальную помощь принимал. На обличительные речи матери – кто таков его дед, не реагировал: не хотелось считать последние копейки.

Когда обосновались в Москве, удачно женился. По расчету. Вел разгульный образ жизни, пока не встретил Варю. Решил начать жизнь заново. Только собирался «порадовать» жену предложением о разводе, как убили старушку. Пришлось лечь на дно, так как сообщили, что подозрение в убийстве пало на него. Старушку он, может быть, и видел, Варя говорила, что та часто на скамеечке у дома сидела, но лично знаком не был. Родственную связь с ней отрицал. Очередные вопросы о прародителе и родителе пресек: «Сын за отца не отвечает». Возможно, он не самый лучший представитель рода человеческого, но на отвратительные поступки не способен. Взять для примера отношения с женой. Она не виновата, что полюбила несерьезного и расчетливого мужчину-обманщика. Переживает, волнуется. А он объявится и треснет ее по голове «радостной» новостью. Очень надеется, что ей всё надоест, она его возненавидит, с легкостью согласится на разрыв. Или сама станет инициатором развода.

Капа призналась, что в полиции не служит, хотя, Игорь поначалу решил, что она ведет дело об убийстве, что не является помехой жить по соседству и с Варварой, и с убиенной старушкой. Догадка родилась не случайно - Капитолина Сафроновна искусно подражала майору Звонилкину. Все тихони отличаются наблюдательностью, которую складывают на полку памяти, авось пригодится. Пригодилось, но роль свою не доиграла, имели место эмоции. Наверное, причина в том, что дело касалось близкого ей человека, тетушки Липы, которую какая-то сволочь отправила на тот свет.

Узнав, кем она приходится старушке, Игорь выразил искренние соболезнования. И снова заявил, что не виновен. В тот злополучный вечер хотел встретиться с Варей, но к ней пришла подруга Элла и просидела в гостях до ночи. Варя не могла ее выставить, не хотела, чтобы та что-то заподозрила.

- А накануне убийства вы тоже бродили по нашей улице? – уточнила Ложкина. Она постоянно держала в голове рассказ Вальтера Шагаля, который утверждал, что видел Подземельного накануне вечером, когда у Олимпиады Игнатъевны разболелась голова, и Капа провела в комнате тетушки весь вечер.

- И накануне бродил, - не раздумывая ответил Игорь. – Мы с Варей созвонились и договорились встретиться у нее в семь вечера, когда стемнеет. Я уже свернул на вашу улицу, когда мне снова перезвонила Варя и начала нести какую-то чушь о пригоревшем пироге, советовалась по каким-то кулинарным вопросам и называла Верой. Я догадался, что ее муж, который должен был укатить в рейс, неожиданно передумал. Я прямо спросил об этом Варю, но она отключилась. Все равно стал прогуливаться мимо дома Варюши, чтобы разобраться. Час шатался по переулку, потом увидел, наконец, в окне физиономию ее Васечки... И ушел.

Капитолина утвердилась в словах Шагаля. И одновременно пришла к выводу, что у него к ней «шкурный» интерес. И как-то успокоилась - ранее считала неудобным игнорировать чужие чувства. Глупышка.

Окрыленная отсутствием обязательств перед заезжим сыщиком, предложила Игорю вернуться в день убийства, поинтересовалась, не помнит ли он, когда Элла Осадчая пришла в гости к Варваре? Оказалось, что незадолго до гибели Липы. Время убийство было установлено точно, без

всякой помощи полицейского медика. Сима позвала сестру к ужину, вскоре появилась Капитолина со своим сопровождающим. Капа тотчас пошла к Липе напомнить, что все ее ждут за накрытым столом. В это самое время Элла уже сидела у Вари Верблюжковой. Игорь догадался, что Капа подозревает в убийстве подругу своей возлюбленной, и заметил:

- Она, конечно, злыдня каких поискать, но убить человека не способна. Варя говорила, что у Элла от одного вида крови начинается истерика.

- У нее по любому поводу начинается истерика, - парировала Ложкина. – И с чего вы взяли, что я подозреваю в убийстве Эллу Осадчую? – слукавила она...

Подозрение появилось у нее в день нападения на Варю, когда Элка проводила на улице пресс-конференцию. Понятно, не каждый останется безучастным, став свидетелем преступления, но Элла была на диком взводе. В голосе слышались нотки разочарования, сменяющиеся попеременно бешенством или унынием. Перепады настроений случаются после неудачно выполненной работы, недовольствия собой, когда долго к чему готовился, прорабатывал план, думал, что всё «на мази», а всё сорвалось, и причина в тебе, в гениальном руководителе и исполнителе в одном лице. Так бывает у Капы. Но она злится на себя мысленно, в душе. Редко высказывает вслух недовольство кем-то, тем более, собой. Живет по принципу – о себе думай про себя, не клейми себя позором перед другими людьми, которые не всегда к тебе благосклонны. Но эти думы укрепляют мнительность, задвигают синдром трусливой СМЕЛОСТИ. Смелости, которая только начала давать слабые ростки. Капа называет себя мнительной трусихой. Способна довести себя до белого каления. Мысленно себя успокаивает – эдак дойдешь до того, что выпьешь обычного чая с лимоном, внушишь себе, что в чае был крысиный яд и очуришься. Внушение – страшная сила. Надо внушить себе, что молода, хороша собой, что в жизни обязательно... произойдет чудо.

Произошло убийство в их доме. Цепочкой потянулась череда странных событий, не всегда плохих, были и хорошие моменты. Например, знакомство с молодым и симпатичным майором Звонилкиным. Молодость можно опустить, чтобы не заикливаться на разнице в возрасте... Черт, сама себя наградила массой комплексов... Вернемся к знакомству. Майор обратил на нее внимание, выдержал паузу и пригласил в кино. Она

отказалась, внимание улетучилось. Что она? Она решила вернуть себе его внимание, превратившись из тихой библиотечарши в решительную сыщицу.

И очень захотелось реанимировать чувство собственного достоинства. Попытаться хотя бы... Удастся ли попытка, зависит от ее способностей.

Желание дало свои плоды – она вышла на лже-подозреваемого в убийстве Игоря Подземельного. Убедилась, что он не убивал старушку. И что Элла Осадчая тоже не виновна: пораскинув мозгами, согласилась с Игорем. И была безумно рада, что самолично сняла с Эллы подозрение. Конечно, Элла всегда была неуправляемым ребенком, пакостила всем подряд, но была привязана к Олимпиаде Игнатьевне. Могла часами сидеть с ней на скамейке и беседовать. У молчаливой старушки в ее присутствии развязывался язык, как у Капитолины в присутствии подруги Юльки, в этом они были с тетушкой схожи. Именно это обстоятельство – долгие беседы на скамейке – подтолкнули Ложкину к нехорошим выводам о причастии Эллы к гибели тетушки. Липа могла что-то сболтнуть. Например, о краже из музея. Сообразительная Элка быстро поняла, как можно поживиться на этом деле. Или Липа могла выдать желаемое за действительное – рассказать о богатствах, о которых знает она одна. Элка нашла повод перетянуть к себе Ваську Верблюжкина – богатство разве не повод? – и вознамерилась овладеть чужим добром. Откуда она могла знать, что богатство существует в богатом воображении старушки. Кто осудит старого человека, который хочет привлечь к себе внимание сочинением сказок...

Всю дорогу до своего дома Ложкина размышляла. Времени было достаточно, шла пешком. Скорее не шла, а еле-еле переставляла ноги, как тяжелобольная – давил груз ответственности за дело, которое она взвалила на себя. Но внутри бурлила радость от предвкушения новых открытий, которые не замедлят случиться. Если везет, то по полной. Надо только знать, за какую ниточку потянуть. В итоге Капа решила, что ниточкой станет Элла Осадчая, с которой сняты все обвинения. И к покушению на жизнь Варвары Элла не имеет отношения. Рукоприкладство Элке не свойственно, у нее другое орудие поражения – острый язык. И от вида крови она, действительно, впадает в ступор, если кровь появляется у нее самой, или начинает верещать, как пожарная сирена, если кто-то из ее друзей по уличным играм разбивает коленку или локоть в кровь. Не странно ли?

Верещать от собственной боли, еще понятно, чужие страдания резоннее переживать иначе.

Элка верещала и накануне, когда увидела Варю с разбитой головой. Удивительно, что никто из соседей не услышал ее воплей.

Добравшись до переулка Братского, где стоял купеческий особняк Ложкиных, Капитолина сначала выглянула из-за угла, желая удостовериться, что автомобиль Шагаля не маячит у дома или чуть дальше. Потому и еле волочила ноги, чтобы сыщик устал ждать и ретировался. Переулок был пуст, время было позднее. Только у дома Светланы Виленовны Ивашкиной местная достопримечательность - кот Франтик, полное имя Франт, рыжая бестия размером с новорожденного теленка, о чем-то яро спорил с котом Эмилии Водкиной, забиякой и драчуном Мурзиком. Он был таким же милым котиком по кличке Мурзик, как если бы грозную гладкошерстную овчарку назвали Пушистиком. Не кличка, а издевательство. Но когда котенок появился в доме Водкиной, ни она, ни кто-либо еще, не знали, какой драчун и шkodник вырастет из маленького комочка с несчастными глазами. В каких только переделках не побывал «милейший» Мурзик, все похождения отражались на его бандитской внешности. Одно обстоятельство оправдывало кличку: кот всегда был перепачканным в чем угодно – замурзанным. Мурзик уважал свою хозяйку и кота Франтика, хозяйкой которого была Виленовна, обожавшая свое сокровище завидного размера. Один раз Мурзик попытался выяснить отношения с Франтом, но хозяйка не позволила своему любимцу подходить близко к «этому беспородному животному». Франтик был не против немного растрясти жирок и вступить в схватку с Мурзиком: и спину выгнул, и взъерошился, и завел пугающую песнь на своем, на кошачьем, но хозяйке преуспела, огрела противника веником. С тех пор Мурзик сдружился с Франтиком, а Виленовну обходил десятой дорогой. Виленовна давно почивала, потому Мурзик спокойно беседовал с Франтом у его дома. После содержательного «разговора» взобрался по стволу раскидистого орехового дерева, а потом перебрался на крышу дома Виленовны. Стоя у края громко мяукнул – подначивал Франтика. Франтик передернулся от возмущения, оценил высоту, после чего лениво уцепился за ствол и проделал то же упражнение, что и приятель. Коты уселись на крыше рядышком, а Капа решила покинуть свое укрытие. Не успела добраться до своей двери, как на улице появилась Валентина

Потаповна Медведева. Даже издали и при ограниченном уличном освещении Капитолина заметила припухшее лицо женщины. Сначала не хотела вступать в разговор, но потом испугалась, вдруг что-то случилось с Эллой или с Варей, которую Валентина собиралась навестить после работы.

- Запоздалая реакция на стресс, - пояснила Медведева в ответ на озабоченность Капитолины ее внешним видом. – А ты чего так поздно?

- Я... на свидании была, - брякнула Капа, едва не проболтавшись о своем визите в нынешнее жилище Медведевой, где нашел пристанище Игорь Подземельный. Хотелось блеснуть умом и сообразительностью, но вспомнила о своем обещании Игорю помалкивать. В ответ Игорь обещал самолично явиться в полицию. Будто бы по собственной инициативе.

- Это правильно, - безразлично констатировала Валентина - отреагировала на заявление о свидании. Тишину переулка разорвали кошачьи «разговоры». – Капитолина, ты гляди, куда эти два чуда забрались. – Валя указала на котов, увлеченно «беседующих» о своем мужском.

Ложкина вскинула голову, прикинулась несведущей и удивленно протянула:

- И Франтик туда же.

Перекинувшись еще парой фраз о домашних животных, вышедших из-под контроля хозяев, женщины расстались...

Разные мысли, нужные и ненужные, всю ночь соревновались на выносливость в голове Капитолины Ложкиной. Несмотря на мыслительный раздрай, на душу лился целительный бальзам. В грязь лицом не ударила: от слезки ушла, Игоря вычислила, удостоверилась в его непричастности к преступлению. Отсутствие родственной связи между Подземельными и Олимпиадой тоже успокоило. Но не все ответы получены, вопросов еще уйма. Зачем тетя «вернула» себе сына, а потом «приобрела» внука? Кто ее надоумил? Почему возвращение случилось после кражи из музея? Если в голове еще не старой в ту пору женщины произошел сдвиг по фазе, незаметный на первый взгляд, то что стало тому причиной? Фамилию Подземельный можно забыть – это были уловки Шагаля, который решил

связать поиски Игоря и поиски статуэток с Олимпиадой Игнатьевной Ложкиной, павшей от руки злодея. Станный способ докапываться до истины. Но Капе до его способов ведения следствия нет никакого дела. Впрочем, как и до него самого. И это еще одна причина возрадоваться. Не нужно притягивать за уши интерес к неинтересному человеку. О таких мужчинах подруга Юлька говорит: ни ума, ни обуви. Про ум понятно: не смог завладеть вниманием женщины - глупец. Про обувь Капа так до конца и не выяснила. Иногда Юлька утверждает, что речь идет о чистоте – невычищенная обувь это неуважение к окружающим, а иногда заявляет, что истрепанная обувь говорит о лени. Ленивый, значит, без гроша в кармане. Сначала расстанься с ленью, заработай, потом ухаживай за понравившейся женщиной. Конечно, деньги портят человека, но их отсутствие портит его еще сильнее. Так считает Юлия Бизонова. Капитолина Ложкина с ней не спорит, бесполезно. Но спрашивает, в некоторых моментах виртуозно вкручивая:

- Если у мужчины обувь... неподходящая, а душа к нему стремиться, как быть?

- Футбол «Динамо»! – резво высказывается Юлька, дав понять, что женщина обязана динамить мужчину, у которого на ногах... неподходящая обувь. - Обязана накидывать петлю на рвущуюся душу, потому что у мужчины ни ума, ни обуви, - добавляет она, намекая, что между умом и обувью есть тесная связь.

Конечно, Юлька шутит. Сама развлекается и развлекает приунывшую подругу, которая, по ее личному мнению, страдает филофобией – боязнью любить. Искореняет фобию шутками, весельем и смехом. Странно, что объектами шуток становятся люди противоположного пола, в которых необходимо выискивать положительные черты, а не поднимать на смех. Юлия утверждает, что таким образом учит Капитолину разбираться в мужчинах. Взять Вальтера Шагаля. Проезжая на автомобиле на средней скорости мимо праздно гуляющих Ложкиной и Шагаля, Бизонова сразу поняла, что он из себя представляет.

Юлька не отказала себе в удовольствии еще раз дать характеристику кавалеру подруги. Но сначала подруга, пренебрегая поздним часом, докладывала о своих удачных похождениях этим вечером. Кому еще, кроме

близкой подруги, она могла обо всем поведать. Новости переполняли ее. Было далеко-далеко за полночь, а они все болтали. Капка важно лежала на своей кровати и пересказывала сначала перипетии ухода от погони, потом разговор с Игорем Подземельным, о котором узнала со слов Вальтера. После упоминания его имени, Бизонова и доложила о своей сообразительности относительно сыщика. Но начала прокомментировала сдержанно:

- С ним всё ясно.

- Что же тебе ясно? – с улыбкой спросила Капитолина, радуясь, что разговор идет по телефону, иначе Юлька начала бы ее шпынять за несерьезное отношение к ее словам.

- Шагаль из разряда тех мужиков, который сами никогда не проявляют инициативу. Инициатива исходит, если у них есть корыстный интерес. Или они замечают намек на женское внимание. Тотчас распускают петушиный хвост, изображают из себя Шварценеггера, не меньше. Это несмотря на хилую мускулатуру, карликовый рост и тайную боязнь всего движущего, превышающего его в габаритных размерах и издающего непонятные звуки. Согласись, выглядит он при этом комично.

- Вальтер не хилый и рост у него средний, - вставила Капитолина фразу в философскую, весьма спорную, речь Бизоновой.

- Но петушиный хвост распушил – создал видимость буйной работы сыщика-профи. Наплел в три короба...

- Преследовал свои цели, - перебила Ложкина. – Заметь, его целью не была моя яркая персона. Его целью были и есть поиски Игоря Подземельного, который крутился накануне убийства и в день убийства возле нашего дома, и его целью были и есть китайские фигурки... Юль, как думаешь, он меня не выследил? Не хочу, чтобы он вычислил Игоря. Влада прямо завила Шагалью, что он хочет упрятать Игоря в тюрьму, а, упрятав, подкатит к его женушке, весьма обеспеченной и удачливой бизнес-леди.

- Как он на это отреагировал?

- Как обычно - неискренне возмутился.

- Что решил Игорь?

- Я уговорила его пойти к майору Звонилкину и всё рассказать, снять с себя подозрения.
- Думаешь, он пойдет, не побоится?
- Пойдет. Я сказала, что это для его же пользы и ради Вари, на которую было совершено покушение. Просто чудо, что она осталась жива, удар по голове пришелся по касательной. Пусть майор ищет настоящего преступника, а не тратит время на поиски невинного.
- Ты так уверена в невинности Игоря? – удивилась Юлия.
- Уверена, и не спорь со мной! А то сейчас начнешь – и в людях не разбираюсь, и лапшу мне на уши навесить, не фиг делать.
- Люблю тебя, дуру эдакую, вот и учу уму-разуму.
- Все меня учат, учат, и забывают, сколько мне лет.
- И хорошо, что забывают, радуйся. А тем, кто слишком усердствует в учении, пора объяснить, кто ты, кто они.
- Они не очень-то послушают. А если мне удастся... совершить что-то... особенное, то они меня зауважают, и перестанут изгаляться.
- Капка, ты меня пугаешь! Что ты задумала?
- Ничего, - отвертелась Ложкина. Собралась распрощаться и отключиться, но Юлька кое-что вспомнила.
- Брошь твоей тетушки оказалась бижутерией, - с обидой доложила она, - а я так надеялась, что всё дело в ней.
- Я тебе сразу сказала, что это бижутерка. Но когда ты успела показать ее ювелиру?
- Когда, когда, - сурово проговорила Бизонова. – Столько лет меня знаешь, и все равно сомневаешься в моей ультравениковести. Не одна ты такая.
- Спокойной ночи, мой любимый ультравеник!
- На работу не проспи, детективщица!..

Капитолина долго маялась без сна, вертелась на кровати, как на разгоряченной печи, пыталась переключиться с яви на нереальные поиски реального клада, но ей это не удалось. Слишком много событий произошло за последние дни. Люди постепенно начали сбрасывать маски.

Когда Капа погрузилась с беспокойный сон, ей приснился Вальтер Шагаль с окладистой бородой. Он бахвалился ею, выставлял напоказ и постоянно твердил, что ему незачем распускать петушиный хвост, у него женщин, как звезд на небе. И борода тому подтверждение! Но причина пристального женского интереса вовсе не борода, борода лишь подсказка – на этого мужчину стоит обратить внимания. Тут же рядом с бородатым Шагалем появилась всезнающая Юлька и сообщила:

- Бороды быстрее растут у тех мужчин, который регулярно занимаются сексом. Это тебе для справки. – И мигом исчезла, будто ее и не было.

После ее «справки» Шагаль незаметно увеличился в росте. Туловище осталось прежним, удлинились ноги, он стал похож на цаплю. У цапли по имени Вальтер была на ногах разномастная обувь: на одной ноге-лапке красовалась модная туфля из натуральной кожи светло-коричневого цвета, на другой – сильно поношенный кроссовок, с обгрызанными шнурками. После длительного изучения разномастной обуви, Капка громко спросила, чтобы докричаться до внезапно увеличившегося в росте бородача:

- Что бы это значило?

На самом деле, вопрос был адресован женщине-справке. Она не заставила себя долго ждать, вновь выросла из-под земли рядом с мужчиной-цаплей. Изменения в росте ее нисколько не тронули, занимала обувь. Вердикт был вынесен через короткое время, потраченное не впустую. За это время Юлька успела встать на колени, приняться к кожаной обуви, завязать разнодлинные шнурки на кроссовке.

- Своего рода двуликий янус, - с недовольством произнесла Бизонова, без труда встав на ноги и отряхнув колени. – Он делит женщин на нужных и не нужных. Для нужных выбирает красивую дорогую обувь, для ненужных подойдут и убитые кроссовки. Забудь о нем, Капа.

- Уже забыла, - успела отреагировать Капа, и подруга-справка опять исчезла.

Шагаль вернулся к своему росту, предупреждая попыхтел и предупредил:

- Берегись.

- Я тебя не боюсь! – храбро заявила пятидесятилетняя женщина.

- Не меня бойся, идиотка.

- А кого? - уточнила Ложкина.

- Твоя смерть уже близко...

На этой угрозе Ложкина проснулась, опередив будильник на пару минут. Спать хотелось ужасно, голова напоминала дырявую кастрюлю – никакие мысли в ней не задерживались. И то хорошо.

Когда Капа спускалась по лестнице в кухню-гостиную, чтобы приготовить всем завтрак, в дверь позвонили. Недолго думая, она распахнула дверь и увидела на пороге четыре бордовые розы, перетянутых траурной лентой.

Ноги подкосились, чтобы не упасть Капитолина схватилась за косяк. Неизвестно, как бы развевались события, но в переулке показалась Элла Осадчая. Она шла пошатываясь, как пьяная, и непонимающе смотрела по сторонам. Когда в поле ее зрения оказалась стоящая возле дверей Капитолина Ложкина, направилась к ней. Элла уже не шаталась, в глазах застыл ужас и одновременно непонимание. Капа успела сграбастать «подарок» незнакомца, заметить старую хозяйственную сумку матери на полке с обувью и засунуть в нее траурный букет роз. Элла уже стояла у двери и беззвучно шевелила губами.

- Что? Что случилось? Говори же, не молчи!

Капе странно было видеть всегда громкоголосую Эллу, которая в настоящий момент не могла выразить словами свои чувства.

- Мама, - с трудом ворочая языком, наконец, произнесла она.

- Что с Вале́й?

- Машина сбила... Вчера поздно вечером... Домой возвращалась... Я уговаривала... И она... домой надо... Зачем домой? Кто ее ждет дома?.. Здесь ее дом... Тетя Капа, как же так... Как я буду жить...

- Девочка моя. – Капитолина обняла ее, завела в столовую, усадила на стул и всунула в руку чашку с водой. На помощь тетке пришла Зоя. Она непонимающе уставилась на Эллу, зубы которой стучали по краю чашки.

- Валентину машина сбила... ночью, когда она возвращалась домой, - сообщила тихим голосом Капитолина.

- Насмерть? - Глаза Зои расширились от ужасного известия.

- Мама в морге... Мне... только что позвонили... Ее утром нашли... В сумке... документы...

В гостиную начали стекаться обитатели дома, слышав непонятные звуки и всхлипывания. Объяснения взяла на себя Зоя, а Капа выбрала момент и незаметно улизнула на улицу, прихватив с собой хозяйственную сумку, в которой спрятала траурный букет роз. В одном тапках и домашнем платье, ежась от прохлады весеннего утра, добежала до мусорных баков, вытряхнула розы, стараясь не касаться их руками, потом, недолго думая, отправила за розами и старую сумку матери. Фекла Мироновна давно не использовала сумку для похода по магазинам, но, будучи бережливой, выбрасывать не решалась. На очередной вопрос: «Зачем складировать старье?», каждый раз отвечала одно и то же: «А вдруг...» Продолжение не следовало, домашним оно и не требовалось. Одна тихоня Капа, любительница КВН, но не любившая «юмора ниже пояса», который в последнее время процветал на телевидении, вставляла: «А вдруг начнутся ответственные соревнования». Капа шутить любила и могла. Все родственники принимали и понимали ее шутки, исключением был один «приобретенный» родственник – Петька Шлома. С ним Капе было сложно, на шутки реагировал одинаково глупо – задавал уточняющие вопросы, в итоге Капа поняла, что «приобретенному» родственнику требуется пояснение: после очередной юмористической фразы коротко добавляла: «Шутка!»

После известных событий Ложкина перестала шутить, чаще тихо плакала в подушку, на людях всегда была мало эмоциональной, а теперь и вовсе старалась быть незаметной, мечтала и шапке-невидимке. Была бы ее воля, вообще, из своей спальни не показывалась. То ли женщина, то ли безмолвное привидение, то ли видение.

Но всеми силами боролась с собой, не всегда выходила победителем, исключение – вчерашний вечер. Сон выбил ее из колеи, сказано – впечатлительная. Опять захотелось зарыться-закрыться, а тут бац - четыре розы в траурной ленте на пороге собственного дома. Вызов? Хорошо, я принимаю вызов.

Капитолина заметила в переулке Элли и решила, что это ее проделки, хотела отходить этими розами по спине, но быстро забыла и о розах, и о желании, так ей несвойственном. Злоумышленник рассчитывал ее запугать, а добился обратного эффекта.

Вчерашние достижения показались мелкими по сравнению с бушующим внутри желанием «свернуть горы»...

Отправив «привет друга» в мусорный бак, Ложкина отряхнула руки и почувствовала невероятное облегчение, как будто завершила в особняке ремонт, растянувшийся на долгие годы. Трусцой вернулась в дом, сбросила тапки и босиком взбежала по лестнице в свою комнату. Об утренних обязанностях не забыла, но решила, что в настоящее время всем не до завтрака. Исключение – «голодающий Поволжья» Петька Шлома. Но не умрет голодной смертью, продержится на подкожном жире.

Капитолина решила позвонить Юлии Бизоновой, чтобы отпроситься с работы. О розах на пороге дома, естественно, ничего говорить не будет, Юлька и без того излишне за нее тревожится. Можно подумать, ее жизни что-то угрожает. Кто, кто, а Капа уж точно никому зла не желала и никому зла не делала. Но если кто в их дом с мечом придет, с тем известно, что случится.

В их дом уже пришли с мечом – жестоко расправились со старым немощным человеком. Бедная тетушка Липа. Ее-то за что? Она тоже никому зла не делала-не желала. Или... В тихом болоте черти водятся...

Капа не заметила, как ее вновь начали обуревать сомнения, нехорошие мысли. Подкрались, вклинились в голову и отключили от действительности. Юлия давно кричит ей в ухо: «Алло, алло», а Капка «не алло».

- Юля, привет, - наконец, ответила она. – Можно я сегодня на работу не приду? Или приду попозже?

- Что случилось?

Ложкина не успела ответить, в дверь заскреблись.

- Юля, погоди, - попросила она и открыла дверь своей спальни. На пороге маялся любимый мальчик Вовка, засунув вкусный палец в рот. Родственница автоматически убрала пальчик изо рта и спросила: «Чего тебе?»

Непривычный к её резкости Вовка скривил губы коромыслом и собрался горько всплакнуть, чтобы его пожалели, а главное - обратили внимание. С утра все взрослые заняты своими делами, а ребенку никто не уделит ни минутки.

Капитолина не позволила ребенку всласть поплакать, поняла свою ошибку, схватила его на руки, и плотно прикрыла дверь.

- Вовочка, ты пока в окошко посмотри, а я с тетей Юлей поговорю.

Вид из окна бабушкиной спальни был неинтересным, но Вовка спорить не стал: лучше посидеть у Капы, в тишине и спокойствии, чем пугаться непонятных разговоров взрослых в столовой.

- Да, Юля, слушаю тебя, - скороговоркой проговорила Ложкина.

- Это я тебя слушаю! Что у вас опять случилось?

- Не у нас, у Эллы Осадчей. Ее мать, Валентина Медведева, погибла сегодня ночью. Машина сбила. Тело обнаружили рано утром. Я последней видела ее живой, мы столкнулись вчера в переулке, перебросились парой ничего не значащих фраз и разошлись.

- Ты мне об этой встрече не рассказывала.

- Что такого в этой встрече?! Поговорили о том, о сем, местных котов обсудили, расстались.

- Как она выглядела?

- Мне показалось, что Валентина незадолго до этого плакала - лицо было опухшее и глаза заплавленные. Но от моих вопросов отмахнулась. Наверное, с дочкой поцапались, у них это не внове.

- Так значит, - задумчиво протянула Юлия. – Поцапались, а потом...
- Юля! – рявкнула подруга так громко, что Вовка едва не свалился со стула. – Прошу тебя – не придумывай того, чего быть не может, - добавила она гораздо тише.
- Ладно, пусть поисками лихача-убийцы занимается майор Звонилкин.
- Почему он?
- А кто еще?! На вашей улице мор начался, скорее всего, все дела – и убийство Олимпиады, и покушение на Варвару, и наезд на Валентину Медведева – объединят в одно дело. Советую тебе позвонить майору Грише и побеседовать с ним. Расскажи, что видела накануне Валентину... Нет, лучше сразу поезжай в участок. Разведай, что к чему.
- Во-первых, мне не нравится слово «мор». Грубо! Во-вторых, с какой стати майор Гриша, как ты его назвала, будет со мной откровенничать! В-третьих, мне надоели чьи-либо советы, даже советы близкой подруги. Когда мне потребуется совет, я об этом попрошу.
- Юлька помолчала, осмысливая заявление Капитолины Ложкиной, которую, как оказалось, совсем не знала.
- Извини, я была не права, - наконец, откликнулась она.
- Я могу сегодня взять отгул или мир перевернется? - взвинчено спросила Капа.
- Можешь, конечно, что за вопрос. Медведева работала в нашей библиотеке, если понадобится моя помощь, то обращайся.
- Спасибо. Пока сами справляемся.
- Не стоит благодарностей, - сухо парировала Юлия Бизонова. Помялась и все же вкрадчиво поинтересовалась, - Капа, больше ничего не случилось? Ты сегодня сама не своя.
- Букет роз поклонник прислал! – вырвалось у Ложкиной.
- Юлия приняла признание за неуместную шутку, причиной которой являлась череда неприятностей разного рода, свалившихся на бедную голову подруги. Чтобы ее отвлечь, набралась смелости и пробормотала:

- Не хочу быть навязчивой, но на твоём месте я сходила бы к майору Грише. Сейчас поясню, почему продолжаю на этом настаивать. Лучше тебе держаться ближе к мужчине, который может тебя защитить... Капа, я за тебя волнуюсь. Вон какие дела творятся в последнее время.

- Я-то тут причем?!

- Откуда я знаю! – рявкнула Бизонова. – Вдруг это... маньяк орудует? У него весеннее обострение. Выбрал ваш переулок Братский и давай истреблять женщин.

- Юля, ты себя слышишь?

- Я себя слышу, и ты меня услышь, будь добра... Хорошо, не хочешь прилипнуть майору Грише, я для тебя выделю личную охрану. Мой муж тебя устроит? У него сегодня как раз выходной, так что пусть проведет его с пользой. По городу перемещаться на автомобиле легче, и под надёжной охраной и тебе, и мне спокойнее. А вечером, часиков в восемь, точное время я позже уточню, Денис с комфортом доставит тебя к нам, где тебя будет ждать Ольга, сводная сестра Дениса и по совместительству экстрасенс.

- Может, не надо? – сникла Ложкина.

- Надо, Федя, надо. И не спорь. Мы должны знать, что будет и чем сердце успокоится.

- Не верю я... - затынула было Капитолина, но подруга почувствовала слабость и приказным тоном заявила:

- Через полчаса карета будет подана. Отправитесь к майору Грише.

- Я не хочу изображать нервическую особу с манией преследования. Не хочу портить о себе мнение. Не хочу и точка!

- Не хочется, а придется. Потом он разберется, кто ты есть на самом деле, а сейчас основное – сохранить тебе жизнь.

- Юля, ты меня нарочно запугиваешь, чтобы я на всё согласилась: и на майора Гришу, и на твою Олю. И на охранника по имени Денис, - поникшим голосом добавила Капитолина, будто самым ужасным в её жизни было присутствие чужого мужа, от одного вида которого она начинает сходить с ума от неземной любви.

- С чего это ты стала такая храбрая?! Раньше всего боялась, а сейчас, гляди ты, расхрабрилась.

Выдержав паузу, Ложкина сдержанно произнесла:

- Возможно, ты права – мне тоже грозит опасность. И пока майор Гриша не поймает преступника, мне лучше держаться людных мест.

- Лучше ходить с охраной или сидеть дома, если есть возможность. Я предугадываю, что ты сейчас скажешь – надо вызвать майора на дом, как «Скорую» помощь. Глупая затея. С майором тебе лучше пообщаться наедине. И не трепещи, он тебя не съест. В своем кабинете точно.

- Очень смешно. Главное, время для шуток подобрала подходящее, - осудила подругу Капитолина.

- Это на нервной почве.

- Знаю, за меня переживаешь. Потому что любишь меня, дуру эдакую... Юль, ты меня тоже извини. За резкость. Что-то со мной происходит. Революция внутри.

Вовка сполз со стула и стал ходить следом за Капитолиной, которая во время телефонного разговора меряла шагами комнату. Хождение ему быстро надоело, он забежал вперед, загородил ей дорогу и заканючил:

- Капочка, я хочу колбаски.

- Бедный ребенок, голодный. Никто его завтраком не накормит.

- Что у вас там творится? – спросила Бизонова. – Всех ветром сдуло?

- Все успокаивают Элли в гостиной. Им не до завтрака... Вовочка, я сейчас...

- Иди уже, корми своё чадо. Но через полчаса будь готова, как пионер...

Спускаясь по лестнице вдвоем с Вовкой, Ложкина удивилась полной тишине в столовой. Куда это все подевались? - успела подумать она, и тотчас начал солировать знакомый голос.

Добравшись до столовой, Капитолина увидела всех Ложкиных-не Ложкиных, сидящих за столом с понурыми лицами, убитую горем Элли Осадчую и сыщика Шагаля, просочившегося в дом без величайшего

разрешения главной рабыни дома. На большом столе стояло большое блюдо с бутербродами, но к ним никто, кроме Петьки Шломы, не прикасался. Петька вяло жевал бутерброд с сыром и сочувственно поглядывал на Эллу, закутанную в ажурную шаль Феклы Мироновны. Элла, сгорбленная, несчастная, сжимала в ладонях большую чашку с горячим чаем и ни на кого не смотрела. Вокруг нее вился коршуном Вальтер Иванович, по обычаю высказывал свои умные соображения по поводу совершенного ночью наезда на Валентину Потаповну Медведеву и тайно надеялся, что его допустят до компании – хотя бы пригласят присесть. Странно, что его, вообще, впустили в дом после всех его наговоров.

Тихая и терпеливая до невозможности Капа, а сегодня с революцией внутри, продолжила свой поход на злодеев и неприятелей, к которым причислила незваного гостя.

- А этот что тут делает? – спросила она у домочадцев.

«Этот» несколько не смутился, вежливо поздоровался с некогда потенциальной невестой и заявил:

- Хочу взять дело Медведевой под свой контроль.

- Генеральный прокурор, - ехидно заметила Зоя, а ее тетка приблизилась к незваному гостю, взяла его под руку и потянула в сторону прихожей. Довела до входной двери, услужливо ее распахнула и ласково проговорила:

- Вам пора, господин сыщик. И впредь попрошу не появляться в нашем доме и вблизи его окрестностей. Прощайте!

- Капитолина, но я же из лучших побуждений...

Ни его побуждения, лучшие-нелучшие, ни он сам Ложкину, женщину пятидесяти лет, не интересовали.

Но шок от «посылки» и от страшного известия мало-помалу проходил, внутренний взрыв затихал, до Капы начало доходить, что жизнь, однообразная, скучная, лично несчастная, может оборваться в таком молодом возрасте.

И жизни-то не видела, - с глубокой печалью подумала она. С трудом воздержалась от слезливого жаления, тем более, рядом снова вырос

четырёхлетний мальчуган. Взял ее за руку и потянул в сторону столовой, где находись родные и любимые люди...

В указанное время Ложкина выпорхнула из дома и устроилась в автомобиле Дениса Бизонова...

Майор Звонилкин встретил Ложкину сдержанно – ни тебе радости, ни тебе возмущения. Последнее обстоятельство несколько успокоило трясущуюся от страха даму с известным синдромом. Всю дорогу в полицейский участок женское сердце билось всё громче и громче, на пороге кабинета следователя совсем взбесилось и попыталось выскочить через горло. У Капитолины по неизвестной причине занули зубы, особенно преуспела нижняя челюсть. Показалось, что зубы начали шататься, как молочные зубы в далеком детстве. Для проверки устойчивости Ложкина провела по зубам языком, потом поклацала, сведя и разводя челюсти. Хорошо, что вокруг никого не было, а то бы подумали, что посетительница собирается покусать майора и проверяет перед ответственным мероприятием свою кусачую способность.

Жаль, что майор «просиживает штаны» в кабинете, - подумала Капитолина Сафроновна. - Приехала бы я сюда, спросила, а мне – нет его, на выезде. Ну, на нет и суда нет. Приехала, отметилась, а то, что не встретились, не поговорили, не моя вина.

Еще раз проверив языком зубы на устойчивость, Ложкина поцарапалась в дверь кабинета следователя, приоткрыла и спросила жалобным голосом:

- Можно? Здравствуйте.

Майора сидел за столом, «штаны просиживал». Пальцы бегами по клавиатуре. На вопрос ответил кивком головы, на приветствие отреагировал, как уже сказано – сдержанно, собрался что-то спросить, но тут зазвонил стационарный телефон. Видимо, звонил начальник, потому майор выпрямился на стуле, к недавней деловитости на лице добавилась собранность, без заискивания, что понравилось Капитолине. Каким бы умным и справедливым не был руководитель, перебарщивающую подобострастность она не приветствовала. Так ведут себя только подлизы и глупцы, которые никакими другими качествами не выделяются.

Коротко переговорив со старшим по званию, майор спросил у посетительницы:

- Что вас привело ко мне?

После таких слов всякая уважающая себя женщина дерзко вздернула бы подбородок, одарила мужчину презрительным взглядом и ушла, сильно припечатав дверь. В последнее время Капитолина медленно училась себя уважать, разбавлять трусость прожилками храбрости, но никогда ее жизнь не висела по волоске.

Полученный утром «привет» она приняла за очередное предупреждение. Шок прошел, революция внутри затихла, революционеры сложили оружие и сдались в плен майору Грише, чтобы сохранить себе жизнь. Предложение Юлии сочла разумным. Жизнь-то одна, кто о тебе еще позаботится, если не ты сам. Но от помощи отказываться не стоит. Именно от помощи Звонилкина, вун-обманщик Вальтер – не в счет. Он списан без сожаления. И утренний поступок с выдворением придал Капе сил. Если бы не ПОСТУПОК с Вальтером, может быть... скорее всего, засела бы дома и носа не казала на улицу. Повесила бы фотку Звонилкина на стену и молила о спасении грешной души Капитолины. Кто ее осудит за трусость? Только тот, чья жизнь не висела на волоске.

- Сегодняшней ночью совершен наезд неизвестным транспортным средством на гражданку Медведеву Валентину Потаповну. – Капа старалась говорить на языке следователя. – Новость я узнала от дочери Медведевой – Эллы Осадчей. Молодая женщина ужасно подавлена случившимся. В данный момент находится в нашем доме, окружена заботой моих близких. Мне поручено узнать подробности.

Ложкина требовательно взглянула на майора, в глазах которого начали плясать чертики.

- Что? – Капа вскинула брови. – Произошла... ошибка?

- Увы, - развел руками майор. Чертики в глаза исчезли так же быстро, как и появились. – Капитолина Сафроновна, вы похоже на нерадивую студентку юридического университета, которая просачковала весь семестр.

- Лучше выразаться человеческим языком? – без обиды поинтересовалась она. – Повторяться не буду, вы и так все поняли... В вашем присутствии я теряюсь. Я...

- Обойдемся без ненужных объяснений, - осадил ее майор полиции.

Капа накуксилась, и... мысленно уговорила себя сидеть на месте и не двигаться. Майору не удастся вывести ее из себя, не удастся выдворить из кабинета. И пусть думает о ней все, что хочет. Плевать! Кто он ей? Никто. Случайно встретились, разошлись без сожаления... И видно, что ему все равно, что смерть ходит рядом с ней. Она ему безразлична. Она, немолодая, забитая женщина, ему без-раз-лич-на! Он ее даже не уважает. Она сама себя не уважает. Начни с себя... Сегодня начала меняться. Ненадолго ее хватило, лишь Юлька цыкнула и в кусты... Кажется, майор попросил ее подождать. И снова увлеченно заклацал по клавиатуре. Пусть клацает, а она успокоится, возьмет себя в руки... Вот гад – специально время тянет, испытывает ее терпение. Надеется, что психанет и уйдет. Не дождется.

Капитолина взяла со стола чашку остывшего чая и начала прихлебывать. Звонилкин заметил, что его чашка оказалась в чужих руках, но вида не подал. Женщина пила чай и вдумчиво изучала портрет Президента Российской Федерации, который висел на стене.

Разве Звонилкин мог догадаться, о чем думает сидящая перед ним Капитолина Ложкина. Никогда бы не догадался, что она поет про себя: «Сеяли девушки яровое сено, сеяли девушки яровое сено». Это у нее такой тренинг для успокоения. Недавно с Вовкой мультик смотрели, там эту песню услышали. Капка еще подумала, как это можно сеять яровое сено. Конечно, она полный профан в сельском хозяйстве. Откуда она знает, можно сеять яровое сено или нет. Песня привязалась на несколько дней. Потом забылась, а сегодня опять. «Сеяли девушки яровое сено...»

Смешная она, - подумал Григорий. – И очень красивая. Неужели она симпатизирует этому прощелыге Шагалю? Этому пройдохе. Так и хочется его раздавать, как таракана. Никогда не поверю, что он серьезно ею заинтересовался. А она? Верит ему? Она умная. Скромная. Боязливая. Ведет себя, как четырнадцатилетняя девочка, вокруг которой одни враги. Встала посредине заминированного поля, окружила себя зоной отчуждения, и сама испугалась. Что делать, не знает. Ждет сапера. Я согласен быть

сапером. Но как бы её не напугать. Один раз попытался сблизиться, так она приняла рядовое приглашение в кино за вызов всему человечеству. Как же к ней подступиться?.. Да, очень красивая, и цену себе не знает.

- Вкусный чай? – спросил Звонилкин.

- Чай? Какой чай? - дернулась Капитолина, заметила в своей руке чашку, облизала губы и согласилась, - да, вкусный. Спасибо. – И аккуратно вернула чашку на место.

- Продолжим?

- Если я вам мешаю, то могу уйти, - с вызовом произнесла Капитолина Сафроновна. «Сеяли девушки яровое сено»...

- Вы не сказали, зачем пришли.

- Разве? – удивилась она и повела головой. – Я же сказала – по поручению, узнать о ночном происшествии.

- А, ну, да, конечно.

- Надеюсь, это не секретная информация? – Ложкиной показалось, что сейчас майор Гриша скажет: «От вас у меня нет секретов». А потом... оторвется, наконец, от своего стула, обойдет стол, присядет возле нее на корточки, возьмет ее за руки и скажет: «Вижу, ты сама не своя. Не волнуйся, я рядом. Все будет хорошо, мы справимся». Очень своевременное объяснение, ну, о-о-очень. Юльку осудила за смешки «во время чумы», а сама приперлась к... следователю и сидит, мечтает. И песни поет... Сеяли девушки яровое сено...

- Капитолина Сафроновна, с вами всё в порядке?

- А почему вы спрашиваете?

- У вас такой вид, как будто вы выпили чаю с ядом. Я вам об этом сообщил, и вы начали прислушиваться к внутренним процессам в организме.

- Внутри у меня революция, - брякнула Капа.

- Съели что-то не то?

- Классовая борьба между трусостью и храбростью.

- И кто побеждает? – без намека на юмор, спросил Звонилкин.

- Революция идет с переменным успехом – вчера победила храбрость, сегодня власть постоянно меняется, - с грустью сообщила женщина. – Но давайте вернемся к тому, зачем я сюда пришла.

- Ничего нового я вам сообщить не могу.

- Что за машина? Личность водителя установили?

- Транспортное средство, которое совершило наезд на пешехода, было угнано от круглосуточного минимаркета. Беспечный водитель оставил свое авто открытым, ключ находился в замке зажигания. Отлучился на минутку, вернулся, машины нет. После наезда преступник бросил автомобиль на улице Врубовой, неподалеку от одноименного трактира.

- Знаю. Трактир принадлежит бизнесмену Петрушенькину. А минимаркет, откуда угнали автомобиль, где находится?

- А минимаркет находится в переулке Братском.

- В нашем переулке? Знаю я этот магазинчик, мы часто туда ходим за продуктами. Минут пять всего-то ходьбы прогулочным шагом. Цены там нормальные, и продавщица Танечка приветливая... Что-то я не то говорю...

- Удивлены?

- Как сказать... Получается, что преступник... следил за Валентиной. Увидел брошенный автомобиль с ключами, сел и поехал. Уже после сообразил, как может расправиться с Валентиной. Или подбирал подходящее место – без свидетелей, ведь даже по ночам город не спит. Может быть, он хотел ее припугнуть, не хотел убивать?

- Убивать не хотел, хотел ласково потеснить с дороги.

- А где, где все произошло?.. Неужели в нашем переулке? Но тогда почему никто не услышал, не выбежал на улицу? Валю могли бы спасти.

- Автомобиль угнали примерно в 00.15. Наезд совершен на пустыре, который негласно отделяет город от рабочей окраины, где в одном из домов проживала гражданка Медведева.

- На пустыре? Тогда наезд - дикая случайность. Угонщик за ней не следил. Это дело рук малолетки. Решил покататься, по улицам города гонять опасно,

выехал на пустырь. Надо ж было Валентине в это позднее время возвращаться той же дорогой. Было темно, мог и без включенных фар гонять, а тут она. Не заметил. Точно, не заметил. С места преступления скрылся, бросил машину на Врубовой... Так получается?.. Но там не погоняешь, узкая грунтовая дорога на колдобинах, я сама... недавно была в том районе и возвращалась домой именно этим путем. И что получается? – повторила свой вопрос Капитолина. – Что угонщик все-таки следил за Валентиной, случайно заметил брошенный беспечным водителем автомобиль, сел за руль, продолжил слежку теперь на колесах, - задумчиво бубнила она, - а потом выбрал подходящее место, набрал скорость и сбил ничего не подозревающую женщину... Элла мне не говорила, что мать сбили неподалеку от собственного дома.

- Она не знает. Ей не сообщили подробности.

- В котором часу обнаружили тело?

- В пять десять. Мужчина работает водителем на общественном транспорте, в пять тридцать ему надлежит быть в гараже.

- Вскрытие было? Время смерти установлено?

- Вскрытие показало, что от сильного удара произошел разрыв печени. Но причиной смерти стала остановка сердца. Смерть наступила в перерыве от часа ночи до двух.

- Валентина никогда на здоровье не жаловалась. Наверное, разрыв печени спровоцировал сердечный приступ.

- Я таких тонкостей не знаю.

- Товарищ майор... Григорий Никитович, я... хочу сделать заявление.

- Капитолина Сафроновна, вы меня пугаете.

- Я видела Валентину Медведеву последней. Живой видела последней. Убийца не в счет.

- Где, при каких обстоятельствах?

- Вчера возвращалась домой очень поздно... Дела были. Важные дела, не свидание.

- Не надо передо мной оправдываться.
- Не надо? - с обидой в голосе спросила женщина.
- Значит, у вас было деловое свидание.
- Важное дело, - поправила Капа. – Совсем не то, о чем вы подумали.
- Ничего я не подумал, - передернул крепкими плечами майор, а Ложкина подумала: «Мне не стыдно так себя вести, на войне тоже любовь была, не одни суровые будни». А вслух продолжила:
- Завернула я в наш переулок, и сразу заметила Валью. Она у дочери задержалась, а до этого проведывала в больнице Варю Верблюжину. Мы почти не разговаривали.
- Не заметили, была ли она чем-то обеспокоена?
- Она весь вчерашний день была на взводе, покушение на Варвару ее выбило из колеи. Она всегда относилась к Варе, как родной дочери, а когда погибли родители Вари, с которыми Валентина была дружна, то взяла над Варюшкой негласную опеку.
- А Варю опека не раздражала?
- Что вы, нет, конечно. Она очень милая, домашняя девочка. Очень тяжело переживала одновременный уход родителей... Надо бы Ваське, мужу Вари, сообщить. Но я его номера не знаю.
- Я хотел, но Варвара Верблюжнина запретила.
- С утра... никаких... событий не произошло? – туманно поинтересовалась Капитолина Ложкина.
- Разыскиваемый подозреваемый в убийстве Олимпиады Ложкиной и в покушении на Варвару Верблюжину явился в восемь ноль-ноль в полицейский участок и потребовал отвести его к следователю Звонилкину.
- И... что? – дрожащим голосом спросила Капа.
- Я его допросил и отпустил под подписку о невыезде.

- Вы его подозреваете? Зря. Игорь невиновен, он не убивал тетушку. И когда преступник напал на Варю, он лежал с высокой температурой, болел ангиной. У него свидетели есть.
- Та-ак, - протянул майор Гриша голосом, не предвещающим ничего хорошего. – Самодеятельностью занимаемся? Жить надоело?
- Я... я... хотела проверить.
- Проверила?
- Да, Игорь отсиживался у Валентины... Ждал, когда полиция во всем разберется, найдет преступника... Вы ему сказали о случившемся?
- Сказал. Он думал, что Медведева решила переночевать у дочери, потому не волновался. Утром прыгнул в свой автомобиль, приехал в участок. Ни с кем из соседей пересечься не успел, новость о гибели своей покровительницы до него не дошла.
- Где сейчас Игорь?
- Отправился в больницу к Варваре.
- Лучше бы вы его задержали. Волнуюсь я за парня. И куда он пойдет, оставаться в квартире Валентины небезопасно.
- Мы о нем позаботимся, не переживайте.
- Можно я его к себе приглашу пожить? Он нам как бы не чужим стал.
- Меня всегда удивляла способность Шагалья убеждать людей.
- Вы с ним были раньше знакомы?
- Пересекались. Москва город маленький.
- Так можно я приглашу Игоря?
- Ваше право.
- Он и не выздоровел еще. Мама моя любит всех лечить народными средствами, вмиг на ноги его поставит.
- Хорошая у вас семья, большая. Всегда мечтал о такой.

- Можете и вы пожить, - усмехнулась Капитолина, - если пожелаете.
- Спасибо за приглашение, я подумаю, - с лукавой улыбкой ответил майор Гриша и дал понять, что аудиенция окончена. Но Ложкина не сдвинулась с места.
- Как я понимаю, вы открыли мне не все тайны.
- Не все...

Рассказ о четырех бардовых розах, перетянутой траурной лентой, занял три минуты. Дольше Капа рассказывала, как кралась к мусорному контейнеру.

- С этого и надо было начинать! – взревел следователь.
- Мне лучше знать, с чего начинать, - автоматически вырвалось у знатока советской кинематографии. Фразу озвучил гестаповец Мюллер в кинофильме «Семнадцать мгновений весны» в ответ на несдержанное замечание Штирлица, аналогичное высказыванию майора Гриши.
- Ты посмотри, какие мы... - Он долго подбирал определение для визитерши, так и не подобрал, раскалился до бела. – Вы понимаете, что происходит? Вы кто?
- Капитолина Ложкина, - брякнула визитерша, желая сбить с толка следователя.
- Нет, вы возомнили себя великим сыщиком Шерлоком Холмсом! А на самом деле...
- Библиотекарь. Старший.
- Вот и сидите в своей библиотеке, старший библиотекарь, а расследование буду вести я! Все понятно?
- Прикажете идти? – встав по стойке смирно, звучным голосом спросила Ложкина.
- Она еще и ерничает, - выдохнул майор. – Сядьте, разработаем совместный план действий...

Как оказалось, совместный план действий заключался в том, что за Капитолиной Ложкиной постоянно будет ходить по пятам представитель

правоохранительных органов. Кандидатура Звонилкина не рассматривалась, что огорчило подопечную.

Капа уже попрощалась, но на пороге все-таки спросила:

- Есть новости по делу тети Липы?

- Ведется следствие, - сквозь зубы сообщил злобный майор полиции.

- Ну, какие-то наметки есть? Что ж мне бояться каждого двухметрового гиганта?

- Почему именно двухметрового? Мне показалось, что вы подозревали Эллу Осадчую?

- Я? Да вы что! Никогда!

- Врет и не краснеет, - боднул головой воздух Звонилкин. – Во время нашего последнего разговора я обо всем догадался.

- Как вам это удалось?

Майор вызывающе промолчал.

- Так бояться мне двухметрового гиганта? Видела, какой след оставил преступник на капоте Генкиного «Хундая» и на подоконнике комнаты Липы. Не меньше сорок шестого... Товарищ майор, вы на меня смотрите, как на дурочку неразумную. Я что-то не то сказала?.. Молчит. Загадочно молчит, - с осуждением произнесла женщина. После чего решила показать свою догадливость. - Следы были... как бы правильно выразиться... слишком показательными?

- Вы сами ответили на свой вопрос.

- А еще Элла сказала, что у нее пропал запасной ключ от дома Варвары Верблюжкойной, они вчера вечером обнаружили пропажу с Валентиной. Элла не упомнит, кто к ней заходил в последнее время. В коробке, где хранились ключи, она обнаружила неизвестный ключик, которого раньше никогда не видела. Я подозреваю, что это ключ от шкатулки тетушки Липы. Описание подходит. Значит, кто-то забрал у Эллы ключ от дома Вари, чтобы проникнуть в дом незаметно, и подбросил ключик от шкатулки Липы. Ключ от дома специально не вернул, чтобы все подумали, будто Элла отводит от

себя подозрение. Могу с уверенностью сказать, что у Эллы побывал кто-то свой, просто так в ее дом-крепость не проникнешь. Странно, да? У нее там и брать-то нечего.

- На всякий замочек найдется свой ключик. А хорошие двери сейчас ставят многие, так спокойнее. Самообман – не последнее дело.

- И это всё, что вы хотите мне сказать? Я тут распинаюсь, а он... пословицами сыпет...

- До свидания, Капитолина Сафроновна!..

Денис Бизонов доставил Капу до порога дома и предупредил, что заедет за ней в половине восьмого. Капа попыталась было заспорить, но охранник сказал:

- Мое дело маленькое, договаривайся с шефом, с Михал Ивановичем...

Махнул рукой на прощание и был таков.

Капитолина знала, что с шефом – Юлией Бизоновой – договариваться бесполезно, если она что-то решила, то будет стоять на своем, хоть пытай ее, хоть режь...

В кухне вертелась одна мать, все остальные Ложкины-не Ложкины, кроме Зои, отправились выполнять свои обязанности на разных трудовых «фронтах». Зоя, которая всегда негативно относилась к Элке Медведевой, теперешней Осадчей, не упускала случая, чтобы ее не подколоть, вывести из себя, на этот раз позабыла обо всех недоразумениях. Вместе с Эллой отправилась в морг на опознание, сопровождающим и водителем в одном лице выступил отец Зои, Геннадий Шахворостов. После ужасного зрелища доставил девочек до дома, и поскорее улизнул, чтобы восстановить моральные силы известным способом. Выпившим Генка за руль никогда не садился, оставлял автомобиль на работе, или просил сесть за руль кого-то из трезвенников. Последнее случалось чаще, за оставленную без надзора машину, на которую копили долгие годы, Влада могла заживо похоронить.

Зоя и бабушка Фекла напоили Эллу успокоительным и уложили спать в комнате покойной Олимпиады Игнатьевны. Зойка предложила обосноваться

в спальне тетки Капитолины, но Элла сказала, что предрассудками не страдает, в комнате Липы она никому мешать не будет. Извинилась, что доставила Ложкиным массу неудобств. За такое короткое время Элла стала совсем другим человеком. И очень одиноким.

Вернувшись из полицейского участка Капа подошла к двери комнаты, где находилась Элла, и прислушалась. По комнате кто-то ходил. Тогда Ложкина приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Элла пыталась открыть окно, но безрезультатно.

- Тебе помочь? – спросила Капитолина.

- Если можно... Дышать нечем, здесь так душно. Проснулась вся мокрая, как мышь.

Без долгих разговоров Ложкина прямо спросила:

- Элла, хочу посмотреть на тот подозрительный ключ, который вы... ты обнаружила, когда искала ключи от дома Варвары.

- Ключ у Зои. Мы вместе ходили ко мне домой. Зоя опознала ключ бабы Липы. Странно, что она постоянно носила его на шее, а я не видела.

- Элла, я хотела с тобой поговорить. Понимаю, что несвоевременно, но... мне кажется, что оба убийства и покушение на Варю - это звенья одной цепи.

- Вы думаете, что наезд был умышленным?

- Не только я так думаю, - уклончиво ответила Капитолина.

- О чем вы хотели поговорить?

- Я уже знаю, что в день убийства тети Липы ты была в гостях у Варвары. – Элла кивнула. – Понимаю, что вы были заняты разговорами, но может быть, ты заметила кого-то у нашего дома в тот злополучный вечер? Или что-то подозрительное? Могла сначала не обратить внимания, в потом, вообще, забыла...

- Мужик какой-то у вашего дома околачивался, - подумав, сообщила Элла. – Молодой еще, щуплый. Его внешность меня не впечатлила, потому описать его не смогу. Но точно помню, что головой постоянно вертел. Указала на него Варьке, а она никак не отреагировала.

- Я догадываюсь, о ком идет речь. Этого мужчину можно исключить из списка подозреваемых. Еще что-то заметила?
- Честно говоря, я на улицу не смотрела. Того молодого мужика зацепила взглядом, потому что он шатался туда-сюда. Раз вы с ним знакомы, то у него и спросите. Вдруг он кого-то видел.
- Уже спрашивала – не видел. Погода в тот день была отвратительная, сыро, ветрено, никто из наших бабулек не гулял. А твоя мама ничего не говорила о том дне? Извини, что напоминаю.
- Ничего. Я точно помню, что ко мне она не заходила, потому я к Варьке пошла. Одной дома скучно, а я знала, что Васька в рейс уехал.
- Васька в рейс уехал, - как эхо повторила Ложкина.
- Вы... Ваську подозреваете? – удивилась Элла и встала грудью на его защиту.
– Он с утра уехал.
- Ну, допустим не с утра. У меня есть другие сведения.
- С утра следующего дня. Что-то у него с машиной случилось, возился-возился, подремонтировал, но в ночь ехать передумал... Ко мне пришел, а меня дома нет, я у Варьки. Поздно уже было. Позвонил мне на мобильник, я с Варькой распрощалась и домой. Тетя Капа, вы меня не вините. Люблю я его, Ваську. Варька его не любит, я знаю.
- А он кого любит?
- Сам не может разобраться. Говорит, что с мной ему хорошо, спокойно как-то, а с Варькой, как на вулкане – не знает, что она отчебучит.
- Мужиков не разберешь – одному спокойствие подавай, другому – вулканические страсти-мордасти.
- Не будет у них счастья, все равно Васька ко мне уйдет. Люблю я его, очень люблю, - снова призналась Элла. – Не время сейчас о любви говорить, конечно... Мамочка моя... тоже была несчастлива в браке. Полюбила женатого, Варькиного отца. Много лет любовь с ним крутила. И меня... от Конева родила. Получается мы с Варькой сводные сестры по отцу. Она и не догадывается. Сама только вчера об этом узнала, мать рассказала. Пришла из больницы взбешенная, думала, что это я Варьку убить хотела из-за

Васьки... Что ж я убийца что ли? Жалю всех подряд своим пчелиным жалом, это есть, но чтобы убить, никогда. Не выношу вида крови. Вы-то знаете.

- Это правда о Валентине и Коневе?

- Мама вчера открыла тайну. Прямо, как чувствовала, что смерть рядом ходит, вот и призналась. И еще сказала, что любила его все годы, даже после гибели не переставала любить... Теперь встретятся они... Надо Варюшке рассказать, что мы с ней сестры... Раз сестры, то я не имею права с ее мужем... Не имею?

- Жизнь все расставит по местам.

- Тетя Капа, Варька ничего не знает о маме! – спохватилась Элла. – Как же ей рассказать? Она к ней была очень привязана. А мама-то ее как любила! Я даже ревновала.

- Варе мы ничего говорить не будем. Пока. Нельзя ее волновать. Я к ней заеду и скажу, что Валентина Потаповна свалилась с... ангиной. Температура у нее высокая. Оклемается наша Варюшка, мы ей тогда расскажем.

- Что же за тварина такая с нашими людьми расправляется. Своими руками бы задушила.

- Майор Звонилкин найдет преступника, не беспокойся. Пойдем пообедаем, мама шей наварила, я потом к Варе в больницу поеду.

За обедом хотела рассказать матери, что скоро у них появится временный жилец, «внук» Олимпиады, но придержала новость – вдруг Игорь Подземельный не захочет к ним перебираться. И надо ли его приглашать? Родные могут отнестись к нему предвзято, да и Шагаль может нагрять. Его с порога гонишь, а он в окно лезет...

Ложкина наплевала на запреты и отправилась навестить пострадавшую. Как не пыталась вычислить человека, которого к ней приставил майор Гриша, так и не смогла.

Варвара Верблюжкина выглядела ужасно. Под глазами черные круги, на голове шапочка из бинтов. Краше в гроб кладут. У постели сидел Игорь

Подземельный, держал возлюбленную за руку и что-то шептал. Варя пыталась улыбаться, улыбка выходила жалкой.

Капитолина успела только поздороваться, как в палату влетел Василий Верблюжкин. Его больше тронуло воркование влюбленных, чем внешний вид пострадавшей супруги. Он сразу схватил Игоря за грудки и встряхнул так, что у того клацнули зубы и оторвался воротник рубашки. Подземельного не испугала разница в весе и росте, мужчины сошлись в рукопашной. Бывшая тихоня Капитолина Ложкина так рявкнула на обоих, что сбежался весь персонал. Крикливой Ложкиной досталось больше драчунов. Главврач хотел выставить из палаты интенсивной терапии всю воинствующую троицу, но снизошел, разрешил остаться при условии, что они не издадут ни звука, иначе он вызовет наряд полиции, и их упакует на пятнадцать суток. Так и сказал – «упакует». Главврач имел грозный вид, развитую мускулатуру и жесткий характер. С такой мускулатурой штангу тягать хорошо или выбрасывать в окошко отчаянных непослушных посетителей. Главврача поняли с первого раза и дали клятвенное обещание соблюдать тишину и не мешать другим больным. Благоклонность главврача была вызвана не клятвенным обещанием, Капа знала его лично, он был никем иным, как ее давнишним знакомцем, бывшим любовником, у которого была больна дочь. Ни Капа, ни доктор не показали вида, что знакомы.

Капа покопалась в себе и поняла, что прежние чувства ее покинули. Сердце дремало где-то в левой части груди и о себе напоминало тихим однотонным ритмом. Чего не скажешь о поведении сердца утром, когда Капа стояла на пороге кабинета следователя, сопливого мальчишки сорока пяти лет. Разница в возрасте – пять лет. Существенное замечание.

Замечание для тех, кто не любил и не понимает, что разница в возрасте - любви не помеха.

Когда главврач со свитой удалился, Варвара резко сказала:

- Вася, я тебя не люблю. И я с тобой развожусь.
- Этого хлюпика что ли любишь?

Хлюпик собрался доказать свою физическую состоятельность, но между ними встала Ложкина.

- Давайте без разборок, - прошипела она и добавила приказным тоном, – Вася, выйдем в коридор.

- Драться будем, - криво ухмыльнулся Васька Верблюжкин и потянулся за пятидесятилетней тетенькой.

Долго рассусоливать Капа не стала.

- Вася, надеюсь, ты понял, что Варя непреклонна. Уговаривать ее, грозить ее избраннику бесполезно. О твоих шашнях с Эллой мне известно. Я не собираюсь лезть в вашу жизнь, не имею такой привычки – влезать, советовать, угрожать, поучать, а завела разговор лишь с одной целью - чтобы воцарился мир, ненавижу войны и разбирательства. Знай, что у Вари есть против тебя козырь. Пока этот козырь хранится у меня, передавать его я повременю. Но передам, не сомневайся. Так что не надо изображать из себя жертву. И еще... Сегодня ночью произошла еще одна трагедия, погибла мать Эллы, Валентина Потаповна. Элле необходима поддержка. Она боится оставаться дома одна. Я могу на тебя положиться?

- Ну, конечно, о чем речь... Я давно понял, что наша семейная жизнь с Варей не сложилась. Она от меня все отдаляется и отдаляется. А мне почему-то не хочется удерживать ее силой.

- Насильно мил не будешь. А попытаешься, только ненависть вызовешь.

- Это правда, - вздохнул Василий. – Что ж мне делать? Сразу отступлю, подумаю, испугался. Кого испугался? Сморчка этого мелкопузого?!

- Не ори, не дома, - прошипела храбрая Капа. - Никто о тебе плохо не подумает. Варя тебе благодарна будет, расстанетесь по-дружески, по-человечески, всем же лучше.

- Элла совсем другая, - мечтательно протянул Верблюжкин, словно уговаривал себя переключиться на другую женщину по имени Элла. - Она хорошая, но хочет казаться хуже, чем есть на самом деле.

- Хорошая, хорошая, иди к ней.

- Может, у них все несерьезно? – с надеждой спросил Василий, кивнул головой в сторону палаты интенсивной терапии, где находились Варя и Игорь.

- Очень серьезно.
- Откуда вы знаете?
- Если человек меняется в лучшую сторону, то это о многом говорит.
- Вы сейчас о ком?
- О мужчине, который сидит у постели Эллы. Наводила справки: раньше он был дрянным человеком, но встретил Варю и стал другим. Поверь, я успела хорошо узнать Игоря, - слухавила она. А может, и не слухавила.
- Ладно, поживем-увидим.
- Обещаешь кулаками не махать?
- У меня есть забота – Элла.
- Она сейчас в нашем доме. Уверена, ты один способен ее успокоить. И защитить...

Капитолина потопталась на пороге палаты Варвары и решила не мешать восстановлению ее здоровья путем интенсивной ласки и любви. И что нового Варя может ей рассказать? В день убийства Липы ничего не видела, скорее всего – все мысли занимал Игорь, свидание с которым вновь сорвалось по независящем от нее причинам. Когда злоумышленник напал на девушку в ее же доме, тоже не успела ничего заметить. Майор Гриша об этом сказал. С Липой Варвара не особенно-то и общалась. Покойная тетюшка предпочитала вести бесконечные беседы с Эллой, которая, в свою очередь, находила у тихой спокойной Липы понимание и участие. Как оказалось, Элла была не в курсе личных дел самой Липы, скрытной старушки с массой тайн. Кто же стал ее доверенным лицом? Кто смог втереться к ней в доверие?..

Оказавшись на улице, Ложкина передумала и все-таки вернулась в палату к Варе.

- Василий ушел, можете не волноваться, - доложила она влюбленным.
- Пусть возвращается, еще посмотрим кто кого, - суровым голосом заявил Игорь.

- Выйдем на минуточку, - на этот раз предложила она ему и обратилась к больной, - Варенька, тетя Валя Медведева просила передать, что свалилась с температурой.

С плеч Подземельного упал медицинский халат. От волнения.

- Наверное, от Игоря заразилась, - внушительным тоном сообщила Капа.

- А Игорь мне ничего не сказал, - пролепетала Варя.

- Не успел.

- Пойдем Игорь... Варюша, выздоравливай!..

Они отошли подальше от палаты и Ложкина пригрозила:

- Не вздумай проболтаться.

- Что ж я не понимаю.

- Игорь, тебе небезопасно оставаться в квартире Валентины. Предлагаю тебе временно пожить в нашем доме. Семья у нас большая, скучно не будет.

- Мне неудобно, я в гостинице сниму номер... Жене я обязательно позвоню и все расскажу. Тогда сыщик оставит меня в покое.

- Ты о нем знаешь?

- От Вари, ей Элла доложила.

- Элла у нас всё обо всех знает... Или не все? – задумчиво спросила Капитолина, ни к кому конкретно не обращаясь. – Ладно, побегу я. Если передумаешь, то приходи, наш дом напротив дома Варвары.

- Я знаю. Спасибо за приглашение, но принять его не могу. Мое имя у ваших родных, как кость в горле...

Вчера Ложкиной пришлось рассказать Подземельному о наговорах Шагалья, чтобы вызвать на откровенность...

У дома на скамейке сидела Зоя, Вовка возился рядом с машиной. Грузил в нее мелкий гравий и рычал – изображал работающий двигатель, в общем, трудился без устали. Так заработался, что не заметил Капитолину. Она

опустилась на скамейку рядом с племянницей и окликнула любимое чадо. Чадо оторвалось от погрузочно-разгрузочных работ, вытерло об штанишки запыленные руки и подбежало к ней.

- А что ты мне принесла?

У Ложкиной всегда в сумке валялись конфетки, несколько штук она вручила малышу.

- Сейчас ужинать пойдем, не перебивай аппетит, - предупредила мать.

-- Я повожу конфеты в грузовике. Можно? – спросил находчивый Вовка.

- Можно, - кивнула Капа, - тебе все можно.

- Хорошее воспитание получается, - осудила тетку Зоя.

- Очень хорошее, - рассеянно поддержала тетка, не заметив иронии.

- Что еще произошло? Ты была у Вари?

- Была. Долго не задержалась, у нее был посетитель.

- Догадываюсь, кто.

- Почему ты мне не сказала, что Варя давно встречается с Игорем Подземельным? Тогда бы все встало на свои места, мы бы не ломали головы над словами Шагала.

- Можно подумать, я у любовника Варвары паспорт проверяла. Варька не афишировала свои отношения с ним. Как-то взболтнула, что не знает, что делать – разводиться с Васькой или расставаться с любовником. Я ответила, ей решать. Его имя она не называла. И зачем оно мне.

- Когда от своих проблем голова пухнет, - продолжила ей в тон Капитолина.

- Не начинай.

- Я не собираюсь тебя воспитывать, не маленькая. – Ложкина поднялась и направилась к дому.

- Капа, погоди, - остановила ее племянница. – Что в больнице произошло между мужем и любовником?

- До мордобоя дело не дошло. Я уговорила Василия уйти и подумать.

- Он сказал, что ты попросила его позаботиться об Элке.
- При ней сказал? – Зоя подтвердила. – Ну и дурак.
- Они с моим Петькой два сапога пара.
- А вы с Варварой так спешили выйти замуж, что схватило первое, что под руку попало. Ни тебе любви, ни элементарного интереса. У Варьки хотя бы детей нет, а у тебя ребенок растет.
- Сейчас ты скажешь, что ребенку без отца нельзя.
- Не скажу, потому ребенок должен расти в нормальной обстановке, а ты Петьку постоянно унижаешь, вы грызетесь, как две собаки, не поделившие кость.
- Предлагаешь развестись? - на повышенных тонах спросила Зойка.
- Не кричи, тебя на соседней улице слышно. Зачем другим знать о ваших недоразумениях.
- Другие и без моего крика знают, у моей мамочки никакие тайны не задерживаются.
- Знаю я, - нахмурилась тетка, - твоя мать и о том бреде, что Вальтер наговорил, всей улице разболтала.
- Говорила, что только Элке сказала. По секрету.
- А больше и не надо, та растрезвонила на весь город.
- Повезло Варьке – москвича встретила, - вздохнула Зоя.
- Какая разница, москвич он или наш, местный.
- Вообще-то, да, без разницы. Тем более, что денег у него нет, все денежки у жены, судиться он с ней не будет, постарается, чтобы их поскорее развели. Обоснуется у Варьки, закрутит какой-нибудь бизнес. Заживут на зависть Элке и Ваське.
- Элке до Варьки и ее мужа не будет никакого дела, на Ваське свет клином сошелся. Где они, кстати? У нас?

- Нет, к Элке пошли. Элка спокойная была, а только Васька появился, давай рыдать в три ручья, чтобы он ее пожалел... Смотри, Васька вышел от Эллы. Куда это он? Глянь, домой пошел... Вась, как там Элла? – крикнула Зоя.

- К Виленовне собирается, - ответил он и скрылся в доме Варвары.

- Зачем она пойдет к Виленовне? – заинтересовалась Капитолина.

- Там все наши женщины, готовятся к поминкам.

- Мы ругаемся, ссоримся, а как беда пришла, встаем плечом к плечу.

- Но кто-то убил Липу, напал на Варю, сбил Медведеву.

- Неужели ты думаешь, что это сделал кто-то из наших? – напускно удивилась Капа.

- Что б я так знала, - покачала головой Зоя. – Хотя бы что-то новое открылось, глядишь, веревочка и потянулась.

- Я думаю о деньгах, которые были у Липы. Кому она их отдавала? Если отправляла переводом в детский дом, то где квитанции? Допустим, кто-то отправлял по ее поручению, тогда квитанции все равно бы где-то лежали. В той же шкатулке.

- Какой детский дом? Какие переводы? Что-то я не в теме? Неужели упустила?

- Ладно, - махнула рукой Ложкина, - скрывать от тебя не буду – я нашла дневник Липы там, где и предполагала его найти. На чердаке, в сундуке...

Капитолина скорострельно пересказала то, что уже говорила подруге Юлии Бизоновой.

- И почему ты скрыла от всех?

- Не знаю, - ответила Капа, чтобы долго не толочь воду в ступе.

- Кто-то задурил мозги нашей Олимпиаде, без сомнения. Но вот кто? Ты хорошо искала в ее комнате? Вдруг квитанции где-то лежат? Вдруг это липовые квитанции – тетка думала, что ее деньги идут по назначению, а деньги застревали в кармане мошенника, которые состряпал для себя оправдание.

- Всю комнату Липы облазила, денег нет. Какие-то копейки лежали в вазочке, и всё.

- А накануне она получила пенсию. Куда пенсия делась, если Липа из дома не выходила? Через окно передавала? – задумалась Зоя.

Любопытный Вовка, по обычаю, занимался своим делом – возил в грузовике конфеты, и параллельно прислушивался к разговору взрослых. Решил прихвастнуть.

- А я знаю, где баба Липа прятала деньги!

- Что? – хором взвыли женщины.

- Говорю, знаю, где Липочка деньги от всех прятала. При мне доставала и давала мне на мороженое. И просила ни-ко-му не рассказывать.

- Но раз Липы больше нет, может быть, ты откроешь нам ваш общий с ней секрет? – вкрадчиво спросила Капитолина.

- А на мороженое дадите?

- Он еще и торгуется! – всплеснула руками мать малыша. – Быстро признавайся, в то вздую!

- Не скажу, - прищурившись, заявил Вовка.

- Слушай, ходячая энциклопедия, я тебе буду кормить манной кашей три раза в день! – пригрозила мать, - и только попробуй отказаться.

Вовка сделал вид, что угрозы его не касаются. Зойка хотела перейти к действенным мерам, но тут на улице появился Василий Верблюжкин. На нем была зимняя куртка нараспашку, за плечами набитый рюкзак, в двух руках по тяжелой дорожной сумке, под мышкой лыжи. Лыжи постоянно качались, как коромысло на плече, Васька злился.

- Василий, ты куда намылился? - поинтересовалась Зойка. – На Северный полюс?

- Ухожу я от Варвары, - пробурчал Верблюжкин. – Насовсем ухожу.

- И куда, позволь спросить? – вмешалась Капитолина.

- К Элке! – с вызовом произнес Василий. – Она меня понимает, не то что некоторые.

Упомянутая Элка выскочила из дома и засеменила навстречу своему счастью. Вася-счастье вручил ей лыжи, перехватил тяжелые сумки в одну руку и бережно обнял женщину за плечи.

- Думаешь, у них это надолго? – прошептала Зоя.

- Элла ковром будет стелиться, сделает всё, чтобы Василий забыл свою прежнюю жену.

- Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Вова обиделся – о нем все забыли. Чтобы обратили внимания, с силой бросил грузовик об землю. Игрушка пострадала, Вовка получил от матери по мягкому месту. Из дома появился Сафрон Ложкин при параде.

- Дед, ты куда? – спросила внучка, предварительно цыкнув на взывшего сына.

- Пройдусь, - коротко пояснил дед и с важным видом двинулся по переулку. Что-то сказал Элле, которая направилась к Виленовне, и скрылся за углом.

- К своей пошел, - хмыкнула Шлома.

- Зоя!

- Что Зоя, что Зоя. Все знают, одна бабушка прячет голову в песок.

- Это их личное дело... Вовочка, иди ко мне мой маленький, я тебя пожалею.

- Пожалей его ремешком. Что за ребенок растет! Сладу с ним нет.

- Больше надо заниматься с ребенком, разговаривать.

- Сейчас я с ним так поговорю, что он быстро обо всем расскажет! - взвилась мать малыша.

- Вовочка, пожалуйста, скажи нам, где Липа прятала деньги?

- Ладно, пошли, покажу.

В доме никого не было, все женщины переместились в дом Виленовны, включая Симу, которая сама навязалась, старший мужчина отправился на

прогулку, средний где-то восстанавливался после стресса, младший пока не вернулся с работы. Отсутствие домашних было на руку Капе и Зое.

Вова Шлома самостоятельно скинул кроссовки и напрямик направился в комнату Липы. Придвинул стул к старому пианино, взобрался на него, с трудом откинул крышку, ткнул внутрь пальцем и сказал:

- Вот!

Капа и Зоя подошли ближе, взяли за крышку и заглянули.

Внутри обосновалась большая стеклянная банка, доверху наполненная денежными купюрами. Горлышко закрывала обычная пластмассовая крышка.

- Вот тебе и банк, вот тебе и перевод денег на счет, - обалдела от увиденного Капитолина.

- А говорила, что перевернула всю комнату, - осудила тетку Зоя.

- У меня на это пианино идиосинкразия, я к нему стараюсь близко не подходить. Смахну пыль с поверхности, и всё.

- Получается, преступник знал, что у Липы есть деньги...

- Причем немалые, - вставила Капа.

- И влез в окно, чтобы их украсть. Неожиданно вернулась Липа, и он ударил ее подсвечником по голове, чтобы она не подняла крик. А мы сидели в гостиной, в нескольких метрах, и ничего не слышали. Странно.

- Ничего странного, мы все говорим хором, привычка у нас такая.

- Допустим, не все, ты больше помалкиваешь.

- Привычка у меня такая, - выдохнула Ложкина и прикрыла крышку пианино.

— Пусть банка пока там полежит. На семейном совете решим, как поступить.

- Э, нет. Я банку с деньгами перепрячу, мало ли что. Такие деньжищи! Как думаешь, сколько здесь?

- Какая разница, - отмахнулась Капитолина.

- Не скажи – это цена человеческой жизни, - философски рассудила Зоя. – А еще говорят, что жизнь бесценна...

Пунктуальный Денис Бизонов быстро домчал Ложкину до своего дома. Капитолина мысленно усмехалась тому обстоятельству, что едет с эскортом. Сзади тянулся на своем джипе Шагаль, приставучая зараза, за Шагалем неспешно двигался еще один автомобильчик, незаметная «Лада-Калина». Оба преследователя повторяли все маневры машины Бизонова, сам Бизонов не заметил преследователей.

Тоже мне, охранник завидного женского тела, - мысленно усмехнулась Капитолина. Встреча с известным в столичных кругах экстрасенсом ее больше не заставляла трепетать. Она была спокойна, как удав. Искать причину своего спокойствия не собиралась, чему была весьма рада – избавилась от постоянного самокопания, переваривания пережитого, мысленного построения предстоящего диалога с кем-либо.

Строишь-строишь, а говоришь не то, идешь на поводу визави. Мягкотелая одним словом... Была когда-то, но начинаю перевоспитываться благодаря... Горю? Звучит странно, хотя, подобные взаимосвязи случаются не редко. Своему желанию? Это желание сидит во мне сто миллионов лет. А, может быть, надо благодарить мужчину, перед которым захотелось покрасоваться? Всегда удивляли некоторые особи мужского пола, умные и самодостаточные, которые выбирают себе в спутницы пустоголовых девиц? А поговорить? Для выхода в свет не всегда нужен ходячий манекен. Или они, умные и самодостаточные, так наговариваются с себе подобными на работе, что хочется помолчать или послушать полнейший бред, для развлечения. Вождь мирового пролетариата призывал чередовать умственный труд с физическим, умные и самодостаточные разнообразят свою жизнь разноуровневыми по уму общениями.

Капитолина по привычке искала всему объяснение, несмотря на то, что ей было до лампочки, того же Ильича, почему умные выбирают себе глупых ходячих манекенов.

Не до лампочки был майор Гриша. Как бы не хотелось в этом признаться даже самой себе. Интерес к мужчине, которые моложе ее на целых пять лет,

у нее, у закомплексованной особы, возник не от взаимности – я тебя в кино пригласил, значит, чего-то там к тебе питаю, поэтому в душе и в сердце особы колыхнулось море чувств, и вышло из берегов. Еще до приглашений душа в пятки уходила от одного его взгляда, в котором совсем не таилась заинтересованность. И каждое приглашение в участок «для беседы» считала походом на праздничное мероприятие – причипуривалась, прихорашивалась. Одно плохо – не могла показать себя во всей своей умственной красе. Отвечала на вопросы скомкано, односложно, будто страдает ограниченным словарным запасом, извилин в голове недостаточно, за всю жизнь успела прочесть только букварь, детские сказки и женские любовные романы, да и те не оставили неизгладимый след. Самокритична, это да. Чересчур...

По дороге позвонила Зоя и сообщила:

- Капа, в банке... ну, ты понимаешь, о чем я говорю, я нашла еще кое-что.
- Зоя, я же просила.
- Да ладно тебе... Не могу понять, что это?
- Вернусь домой, мы всё обсудим.
- Пока ты вернешься, я голову сломаю – буду думать, что я нашла. Похоже на стальную пластину с загибом. Загиб маленький, под прямым углом. Сама пластина не больше сантиметра, а загиб, вообще, миллиметра три.
- Мне надо посмотреть.
- Капа, ты же умная, - с осуждением заметила племянница, как будто ум никогда не красил женщин.
- Зоя, твой отец пришел с работы?
- Пришел.
- Трезвый?
- На удивление.
- Тогда оставь на него Вовку и иди к Виленовне, тебе там найдется работа, и твоей голове тоже.

- Хорошо я пойду, - без особого желания согласилась Зоя Шлома. – Но как только ты вернешься от подруги, сразу ко мне. Даже если поздно-поздно вернешься.

- Зоя, я тебя очень люблю.

- Я тебя тоже, тетечка. Береги себя.

Капа отключилась и пробормотала себе под нос: «И каждый раз навек прощайтесь, когда уходите на миг»...

Ольга Бизонова на встречу с новоявленной клиенткой слегка опаздывала. Юлька сообщила, что родственница звонила и предупредила, что задерживается по независящим от нее причинам. Ложкина знала, по чьему вызову прикатил в славный град Лапки экстрасенша. По вызову небезызвестного господина Петрушенькина. Не догадывалась, с какой целью. Юлия заявила, что костями ляжет, но выпытает у Ольги, зачем ее пригласил бизнесмен, он же потомок купца Парамонова, в могиле которого были обнаружены китайские фигурки, что б им пусто было. Купцу принадлежал мукомольный завод, неожиданно ставший ценной архитектурной достопримечательностью. От достопримечательности остались одни руины, но Арсений Владиславович выиграл тендер и обещал восстановить строение в первоизданном виде.

Флаг ему в руки, барабан на шею, - раздраженно подумала Капа, узнав от подруги о планах Петрушенькина. Разговор о Петрушенькине и о купце с его мукомольным заводом снова повлияли на Ложкину странным образом – внезапно занемогла, в очередной раз напугав подругу. Юлия потребовала, чтобы Капитолина обратилась к врачу.

- Бегу и падаю, - брякнула Ложкина. – Не обращай внимания, весна во всем виновата, возраст берет свое.

- Как дам больно! Возраст! И давно тебе сто лет стукнуло?

- Вчерась, - прошамкала Ложкина, будто бы веселилась, на самом деле, изо всех сил пытаюсь совладать с навалившимся недомоганием. Что ж такое! Только разговор заходит о купце и о разрушенном заводе, у Капы давление повышается, от переживаний, от неизвестности. Неужели планы на

безбедную старость и счастливое одиночество могут рухнуть? Не могут – хотя бы раз в жизни ей должно дико повезти?! Еще не все потеряно.

Госпожа удача, за чьей ты стороне?..

Ольга Бизонова опоздала на полчаса. Она, и правда, очень походила на жену сводного брата, на Юлию. Отличие в цвете волос. Ольга была светло-русой, сероглазой, скуластой, стройной молодой женщиной. И без всяких устрашающих атрибутов, присущих гадалкам-ворожеям, чем сразу вызвала у Капы симпатию и доверие.

Чаепитие отложили на потом, Ольга и Капитолина уединились в комнате. Без долгих объяснений Ложкина протянула Ольге потертую толстую зеленую тетрадь – дневник тетушки Липы. Ольга зажала тетрадь между ладонями и закрыла глаза. Капа зорко следила за изменениями на ее лице. Ольга то хмурилась, то удивленно приподнимала бровь, то трясла головой, словно пыталась выбросить из головы ненужные мысли. Через некоторое время открыла глаза. На Капитолину не взглянула, некоторое время смотрела в одну точку, потом сказала:

- Этой женщины нет в живых. Она была в преклонном возрасте, но умерла не своей смертью. Ее убили... Я вижу невысокую фигуру в куртке с капюшоном... Лицо... Лица не вижу. Всё расплывчато. Вижу, как человек перебирается через забор... В узком переулке... или это не переулок... не пойму... Что-то типа стоянки на один автомобиль. Человек взбирается на капот автомобиля, по капоту залезает в окно... Он не хотел убивать женщину. Она неожиданно вошла, он перепугался, что-то схватил... что-то тяжелое... кажется статуэтку или...

- Подсвечник.

- Вполне может быть. Схватил и ударил по голове. Женщина умерла сразу. Перчатки... У него на руках были перчатки... Но почему я не вижу его лица? У него что-то на лице.

- Маска?

- Капюшон надвинут... Убийца сразу не сбежал, что-то искал в комнате.

- Там была шкатулка. Ключ висел на шнурке на шее убитой.

- Убийца вскрыл шкатулку, перекопал, но ничего оттуда не взял. Ключ забрал с собой... Ушел тем же путем, которым вошел – через окно, через забор... Всё... Это была ваша родственница? Сейчас, я сама скажу... Ваша тетя?
- Да, ее звали Олимпиада Игнатьевна Ложкина. Она всю жизнь работала смотрителем в местном музее. Двадцать лет назад из музея были похищены китайские фигурки, после этого с тетушкой стали происходить странные вещи.
- Погодите, - остановила ее Ольга. И снова зажала дневник между ладоней. Опять долго сидела с закрытыми глазами. Очнулась и сказала. – Ваша тетя когда-то давно родила ребенка. В тайне от всех. Она боялась испортить репутацию вашей семьи. Ребенок умер, он не прожил и неделю.
- Всего три дня. Мы ничего не знали о ребенке, - выдохнула Капитолина. – Спустя годы она призналась во всем своей родной сестре и моему отцу, который приходился ей двоюродным братом. Сказала, что ребенок чудом выжил... Откуда тетя узнала, ума не приложу. Все как-то странно переплелось: сын «воскрес» после кражи из музея. Совпадение?
- Она рассказала подробности сестре и вашему отцу?
- О краже из музея эмоционально написано в дневнике. О сыне – следующее: будто бы сын родился чахлым, врачи в роддоме решили: не жилец, и пожалели мать-одиночку, опередили события. Якобы сын выкарабкался, воспитывался в детском доме. Вырос и нашел свою родную мать. Никто из родных этого сына-самозванца не видел. Тетушка Липа показывала сестре его фотографию, оказалось, что это была открытка известного киноартиста. Я сомневалась в правдивости слов тетушки, а теперь вы меня убедили – сын родился и умер. И что получается? Нашелся некий доброжелатель, поведавший о чудесном воскрешении сына. Какую он преследовал цель? Сначала я подумала, что он выкачивал из бедной пенсионерки деньги, когда она отказалась его спонсировать, он разозлился и убил ее. Сама Липа написала в дневнике, что будет переводить все деньги на банковский счет детского дома, в котором воспитывался ее сын. Сегодня мы выяснили, что банк и стеклянная трехлитровая банка – одно и то же для нее. Все ее сбережения были в этой банке.

- Старые люди не отдают отчета своим поступкам, не надо их за это винить. В жизни вашей тети что-то произошло, и она начала выдавать желаемое за действительное. Мне показалось, что смерть сына не заставила ее горевать, ей стало легче – тайна ушла в могилу. На склоне лет события прошлого ярко встают в памяти, на них сморишь иначе. Забылся страх испортить репутацию, она осознала, что осталась одна. Чтобы как-то справиться с ситуацией, придумала себе сына. Сама поверила и поделилась радостью с сестрой и братом.

- Почему так произошло? Ни с того, ни с сего? Или была причина для легкого умопомешательства, которое мы, близкие родные люди, не заметили?

- Так бывает. Живет рядом человек, а ты ничего о нем не знаешь, и не пытаешься узнать, вникнуть в сказанные им слова.

- Что же делать? Как узнать правду?

- Я не могу ответить на этот вопрос, - выдержав паузу, призналась Ольга Бизонова. – Мне кажется, что в этой тетради не хватает информации. Но я знаю, к кому вам следует обратиться. К господину Петрушенькину. Он как-то связан и с вашей тетей, и с фигурками. В последнем я уверена на сто процентов. Но к ее гибели он отношения не имеет.

- Но почему...

- Почему связан?.. Ответа нет. Я ничего не вижу, как не пытаюсь... Но чувствую – Петрушенькин может приоткрыть завесу тайны.

- Вы... не ошибаетесь? Возможно, вы заговорили о нем после долгого общения с ним.

- Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Я – не исключение, тоже не застрахована от ошибок. Но говорю людям только то, в чем уверена. Чтобы не пускать их по ложному пути.

- Я поняла. Спасибо.

- Это еще не все. Вы упоминали китайские фигурки, похищенные из музея двадцать лет назад... Я никогда не рассказываю о своих клиентах, но в данном случае нарушу принципы. Вы уже знаете, что в ваш город меня пригласил господин Петрушенькин. Некоторое время назад у него

скоропостижно скончалась дочь. У молодой девушки случился инсульт. Не знаю, как фигурки оказались у него, но они оказались, причем очень давно. Сначала все шло хорошо, бизнес процветал, все были живы, здоровы и счастливы. Потом пошла черная полоса. И в бизнесе проблемы, и в семье, а потом случилось самое страшное – скончалась единственная дочь. Недолго думая, Петрушенькин связал все неприятности с китайскими фигурками. Я видела фотографии, ужасная безвкусица. Бездарно сделанные из глины человечки размером с ладонь. Петрушенькин решил, что все напасти из-за них, недаром родственники купца Парамонова положили фигурки в его склеп. Во время похорон, он спрятал фигурки в гробу дочери, к фигуркам присоединил ее мобильный телефон и любимые безделушки. Через месяц дочь ему позвонила и попросила принести ей все ее драгоценности. Убитый горем отец не нашел ничего лучшего, как отнести на могилу все драгоценности дочери. Оставил дозор, но дозор проворонил, драгоценности бесследно исчезли. Звонки прекратились. А недавно опять позвонила покойная дочь и потребовала принести на могилу крупную сумму денег. Он принес «куклу» - нарезанную бумагу и сам лично остался на ночь на кладбище. На утро «кукла» исчезла, звонки с угрозами участились. Дочь проклинала жадного отца. Он пытался запеленговать мобильный телефон дочери, всегда указывалось одно место - городское кладбище. Петрушенькин дошел до того, что потребовал провести эксгумацию. Но ему не дали разрешения, посчитав причину несерьезной. Неделю назад на порог подбросили те самые китайские фигурки. Он приказал отнести их на кладбище и закопать в той же могиле. На следующий день приехал на могилу дочери. Вся земля вокруг памятника перекопана, фигурки исчезли. Я работала с фотографией дочери. Заверила убитого горем отца, что дочери нет в живых. Он мне поверил, немного успокоился, признался, что начал медленно сходить с ума.

- Мог бы сменить номер телефона, и все дела.

- И хотел, и боялся. Все-таки, слышал голос дочери. Теперь сменит номер.

- А он узнал голос дочери?

- Так ему показалось. Голос звучал глухо...

- Как из-под земли. Подземельный голос, - задумчиво протянула Капитолина.

– Значит, китайские фигурки опять исчезли... А ведь я что-то подобное –

очередное захоронение китайских фигурок, несущих одни горести и неприятности, подозревала. Владелец фигурок надеялся, что с их помощью начнется райская жизнь, а происходило все наоборот.

- Я сразу почувствовала, что у вас есть экстрасенсорные способности. Исходящие от вас волны мешают мне до конца разобраться в ситуации. Как бы мне сложно не было, хочу вас успокоить – сын вашей тетушки не восстал из мертвых. Кто-то искусно пытается запутать следы.

- Ольга, вы можете хотя бы сказать, этот человек, убийца, из нашего окружения?

- Думаю, да, - после очередной паузы, заявила Ольга. - Вы хорошо знаете этого человека.

- Это мужчина?

- Стопроцентной уверенности у меня нет.

- Мешают мои «волны», - догадалась Капитолина. - Допустим, преступник проник в комнату Липы... за деньгами... Что вряд ли, - тут же усомнилась она. – Липа могла сказать, что переводит деньги на счет детского дома. Так и в дневнике написано. Следовательно, преступник был уверен, что поживиться в комнате старушки нечем. Зачем он туда залез? А вдруг тетя заговаривалась? Может такое быть? Она поведала своему знакомцу о тайне, связанной с неким сокровищем, которое она хранит в шкатулке, потому и с ключом не расстается. Многие хотят быстро разбогатеть, преступник не исключение.

- Вы о ком сейчас говорите?

- О людях в общем, ни о ком конкретно, - выкрутилась Ложкина. – Преступником мог быть человек, с которым Липа часто общалась... Получается, что с Липой жестоко расправилась Элла, с ней единственной Липа постоянно шушукалась. Я еще удивлялась – что может быть общего между старушкой, мягкой и доброй, и молодой девушкой, которая ненавидит весь белый свет? Я могу ошибаться, и Элла не убивала свою старшую подругу. Но Элла очень болтлива, приняла слова моей тети за шизофрению, и с кем-то поделилась: «Представляете, что Олимпиада Игнатьевна выдала! Совсем старушка умом двинулась». А человек, который

стал невольным слушателем, призадумался. Уж он-то считал Липу здравомыслящей. И еще одна причина поверить старушке на слово – раньше о тайне Липы никто слышал, одной Элле рассказала, возблагодарила ее за внимание и ангельское терпение. Кому Элла могла разболтать тайну Липы? Своему любовнику, Ваське Верблюжину? Мы думали, что он уехал, а он не уехал, ночь провел с любовницей, у нее в доме. Элла так сказала. А перед этим он убил старую женщину. Хладнокровно ударил ее по голове подсвечником... Нет, это не Васька, - замотала головой Капитолина, постоянно вступающая с собой в противоречия. – Оля, вы сказали, что убийца невысокого роста. Так? А Василий Верблюжkin высоченный-здоровенный... И вы не указали пол убийцы. И все-таки, убийца - женщина или мужчина?

- Точно ответить не могу. Подтверждаю, что преступник невысокий и худощавый. И одежда не дает подсказку, кто он – мужчина или женщина?

- Существо среднего рода... Или преступников было двое, потому у вас получается двойственность.

Весь монолог Ложкиной Ольга слушала терпеливо, не вмешивалась, лишь давала краткие ответы за вопросы.

- Преступников было двое, заказчик и исполнитель. Заказчик... Заказчиком могла быть Валентина Медведева, мать Эллы. Именно ей рассказала дочь о заговорах тети Липы. Валентина накрутила на ус, нашли себе сообщника, который и задание не выполнил, и старушку убил. Валентина пригрозила, что пойдет в полицию – убивать соседку она не собиралась, хотела только что-то украсть. Подельник испугался и расправился с заказчицей.

- Валентину, о которой вы упомянули, тоже убили?

- Она погибла ночью под колесами автомобиля. Водитель с места происшествия скрылся. Незадолго до происшествия автомобиль угнали. ДПСники обнаружили его брошенным на улице Врубовой, где находится трактир господина Петрушенькина.

- Все преступления совершил один и тот же человек, - без тени сомнения заявила Ольга Бизонова.

- А недавно кто-то напал на нашу соседку Варвару Верблюжину, - продолжила вещать Капитолина, вдохновившись подтверждением своей догадки. - Одно непонятно – зачем преступник проник в ее дом? Уж точно без ведома Валентины, потому что Валентина любила Варю, как свою дочь. Больше вы ничем не можете мне помочь?
- Строить догадки – не моя прерогатива. Я говорю только то, что чувствую. Чувствую, что вам надо переговорить с Петрушенькиным.
- О китайских фигурках есть какие-то... предчувствия? – Капитолина едва не обронила – предположения.
- Фигурки где-то в городе... У вас в городе... есть лавка древностей? – неожиданно спросила Ольга.
- Есть. Называется «Милая безделушка».
- Рекомендую посетить.
- Оля, как фигурки и мобильный телефон дочери Петрушенькина могли оказаться у телефонного мошенника?
- Он забрал и то, и другое из гроба, в котором была покойная.
- Как... забрал?
- Не думайте, он не гробокопатель. Он умудрился присвоить себе эти вещи во время церемонии прощания. Действовал на авось: авось пригодятся. Пригодились.
- Вы были правы, когда говорили, что все злодеяния совершил один человек. Не получив у Липы то, что искал, он вышел из себя и решил разбогатеть с помощью Петрушенькина. Драгоценности его дочери слегка успокоили мерзавца, но расставаться с ними он не спешил – описание есть у полиции. Потому драгоценности остались лежать мертвым грузом, денег выручить за них он не мог... А Петрушенькин заявлял в полицию?
- Завели уголовное дело по факту мошенничества. Но воз и ныне там.
- Преступник обнаглел и потребовал денег. Получив «куклу», рассвирепел, подбросил бизнесмену фигурки. Тот фигурки закопал, а злодей выкопал,

вспомнил о способностях фигурок притягивать зло и поспешил от них избавиться. Завтра же я схожу в лавку древностей «Милая безделушка».

- Пусть расследованием занимаются правоохранительные органы. Каждый должен заниматься своим делом.

- Согласна, - кивнула Ложкина, но в душе была категорически против. Поелозив на стуле, все-таки достала из сумочки белоснежный конверт, в котором хранилась карта фашиста с указанием клада – находка из дымохода. – Оля, мне нужен ваш совет, - вкрадчиво произнесла потенциальная искательница кладов.

Ольга взяла из ее рук конверт, вновь зажала его между ладонями и погрузилась в себя. Сначала сидела с закрытыми глазами без всяких эмоций на лице, потом глубоко вздохнула и задержала дыхание. Выдохнула и открыла глаза.

- Это опасно. Вам не нужно туда ходить. Забудьте! – потребовала Бизонова. – В это место никто не ходит, и вы не ходите. Еще раз повторяю – это очень опасно.

- Но...

- Больше я ничего не могу вам сказать, кроме того, что жизнь у человека одна.

- Но...

- Извините, я очень устала, сегодня был очень трудный день, а я не совсем оправилась от болезни.

Капа хотела сказать, что здание мукомольного завода, разрушенное еще во время бомбежки в Великую Отечественную войну, а с годами превратившееся в руины, будет отреставрировано – рабочие люди туда придут и начнется кропотливая работа. По словам Ольги, туда ходить опасно. Опасно только Ложкиной или всем людям? В детстве они лихо бегами по развалинам и никакой опасности не было. Повезло? Или что-то изменилось? За Капитолиной постоянно следит преступник, он возникнет перед ней в тот момент, когда клад будет в ее руках, и попытается им завладеть. Привычно стукнет ее по голове, как поступал со всеми своими жертвами, исключая Валентину Медведеву. Возможно, Валентина Потаповна стала жертвой

другого злоумышленника, наезд был случайным. Но Ольга сказала, что это дело рук одного человека. И Варвара Верблюжкина, и Валентина Медведева могли стать невольными свидетелями убийства Олимпиады Игнатьевны, но сами того не поняли. Но со временем могли «сложить два и два» и получить ответ на вопрос, который давно всех мучает – кто расправился со старушкой?

Так кто же убил двух немолодых женщин и покушался на Варвару? Почему опасно идти на развалины мукомольного завода, где фашист спрятал свой клад?..

По возвращении домой Капа первой увидела Зою, которая дремала в столовой в кресле перед телевизором.

- Ты чего не спишь? - спросила у нее тетка.

- Тебя жду. Забыла, о чем мы разговаривали по телефону?

- Ты о ключе? Ну, показывай.

Оказывается, все время ожидания Зоя провела с зажатой в кулачок платиной, изогнутой буквой «г».

- Капа, почему ты сразу сказала, что это ключ? – удивилась племянница, протягивая тетке вывернутую ладонью вверх руку.

- Сама не знаю, вырвалось само собой, - призналась Капитолина. – Один знающий человек заявил, что у меня есть экстрасенсорные способности. В чем лично я сомневаюсь. Не скрою, иногда у меня вырывается совсем не то, что я хотела сказать. Само по себе происходит. И попадает в точку.

- Да? – напряглась Зоя. – Что же ты не укажешь на преступника?

- Даже известный маг и волшебник не мог этого сделать, - с долей юмора произнесла Ложкина.

- Кто? – не поняла племянница. – Какой еще маг? Что ты имеешь в виду?

- Много вопросов. Может, отправимся на боковую?

- Ага, отправимся! – сдавленным шепотом возмутилась Зойка. – Я ее жду весь вечер, сижу, как на иголках...
- Очей усталых не смыкаю, - привычно ей в тон продолжила тетка.
- Значит, это ключ, - приступила к допросу та, которая весь вечер сидела, как на иголках. – Где замок, который открывает этот ключ?
- И что под тем замком?
- Что под замком мы обязательно узнаем, когда найдем его. У тебя есть какие-то мысли, предположения? - вкрадчиво спросила Зойка, преданно заглядывая Капитолине в глаза, соловело смотрящие на мир по причине дикой усталости. Пришлось ответнице признаться, несмотря на свою нелюбовь к жалобам и мольбам о понимании:
- Я так устала, что забыла, как меня зовут, не то, чтобы высказывать гениальные мысли.
- Да, день был тяжелый, - согласилась Зоя. – Я думаю, раз этот ключ Липа держала в своем «банке», то он был ей дорог. Не железка какая-то ненужная. Как думаешь?
- Давай завтра? А?
- Капа, где дверь? Говори, где дверь? - потребовала племянница шипящим голосом.
- Какая дверь? - прикинулась дурочкой тетка.
- Дверь, на которой есть замочек, а от замочка у меня имеется ключик. Говори, долго не думай, тогда у тебя хорошо получится. Давай-давай, ляпни что-нибудь, - заискивающе проговорила Зойка.
- Все на чердак! - брякнула, не думая. Ложкина.
- Почему на чердак?
- Ты попросила, я ответила.
- За чердак, значит. Что хранится у нас на чердаке? – призадумалась Зоя. – Насколько я понимаю, из более-менее подходящего, один сундук. Но у сундука нет замка. Возможно, он был еще при царе Горохе.

- Я тоже не припомню... Подожди... В крышке сундука есть прорезь, но этот маленький ключ к ней точно не подойдет. Прорезь сантиметра три, а эта полоска-ключ не больше сантиметра. И зачем бы Липа хранила в своем «банке» ключ от сундука, который никогда не запирается.

- Полезли на чердак, - предложила Зоя заговорщицким тоном.

- Лично я не полезу, даже за миллион рублей.

- Боишься?

- Боюсь. Хотя луна и пошла на убыль, но это обстоятельство привидение не колышет. – Капиталина нарочно заговорила о привидениях, чтобы остудить пыл племянницы.

- Что я слышу? Ты боишься миленького безобидного привидения?

- До икоты! Как-то встретила с ним, а потом икала весь месяц без перерыва.

- Тебе бы все шутки шутить.

- Смех продлевает жизнь.

- Не пойдешь? - без надежды спросила Зойка.

- И тебе не советую.

- Тогда с утра?

- Встанешь в половине шестого?

- Обещаю!..

Зоя приперлась в спальню к тетке в пять утра, когда едва забрезжил рассвет. Плюхнулась к ней на кровать и сообщила:

- Капа, твое любимое привидение улеглось спать, так что поднимайся.

- Ты сама на привидение похожа.

- Спасибо за комплимент. Так ты встаешь или тебя из кувшина полить, как цветков?

- Встаю я, встаю. Забодали вы меня, Ложкины-не Ложкины.

- Кто тебя забадывает?! Раньше, да, слегка терроризировали, а сейчас стали к тебе относиться с трогательным уважением. Заметила?

- Может быть, я стала реагировать на ваши капризы и указания по-другому?

- Скорее всего, - согласилась племянница. – Раньше сюсюкалась с нами, не спорила, а теперь кто-то взбрыкнет, а ты ему: «Не нравится, не ешь!» Или – «Не нравится, сделай сам». На тебя начинают наезжать, а ты ТАК посмотришь, что спешат поскорее скрыться с твоих глаз.

- Что, правда? А я и не замечала.

- Вставай уже, а то скоро народ начнет просыпаться. Пошли, погуляем по чердаку, как два привидения...

Капитолина на всякий случай прихватила с собой фонарик. Для начала они обследовали все углы, все стены, сундук оставили на потом.

По глупости Зоя вставила ключ-пластину в прорезь крышки и едва не лишилась своей находки – ключ с легкостью проскочил в глубокую прорезь, в которую когда-то вставляли «родной» ключ, чтобы открыть сундук. Повезло, что успела ухватить свою вчерашнюю находку «за хвост».

Капитолина вытащила из сундука все семейные реликвии, прощупала-простучала все стенки. Везде присутствовал глухой звук. Зоя наблюдала за ней со стороны, время от времени разжимала кулак и изучала ключ-полоску, словно сравнивала его с чем-то. Сравнить было не с чем, никаких мелких прорезей для имеющегося в наличие ключа не наблюдалось.

Складывая вещи назад в сундук, Капитолина задержала внимание на подвенечном платье своей прабабушки. Пуговица всегда вызывала у нее интерес. Хотелось по-тихому срезать. Ну, срежешь, что дальше. Никуда пуговицу не пришьешь – заметят. И зачем ей старая пуговица, пусть и хорошо сохранившаяся.

Капа слегка потянула пуговицу – пришита на совесть. Не успокоилась, покрутила, и тут в пуговице что-то щелкнуло, крышка откинулась, как на старинных часах, которые купечество носило на цепочке. От неожиданности Ложкина дернулась, а Зойка охнула. Внутри пуговицы было пусто. Но полость была ступенчатой. Не отдавая отчета своим действиям. Капа взяла у племянницы ключ-полоску и вставила в углубление.

- Как там и был, - сдавленным шепотом выдала Зоя. – Что же получается? Липа обнаружила в пуговице ключ, и перепрятала в своем «банке». Интересно, она знала, какой сейф, назовем его так, отрывает этот ключ?

- Думаю, знала. Как знала, что в этом сейфе хранится. Открыла тайну человеку, который захотел присвоить себе ЭТО.

- ЭТО, - как эхо повторила Зоя. – Раз преступник проник в ее комнату, следовательно, сейф там?

- Не обязательно. Он решил, что ЭТО спрятано в спальне Липы. Где же еще, если о тайне больше никто из домашних не знает.

- Логично. Что дальше?

- Чердак мы уже облазили, теперь будем обыскивать все комнаты.

- Должна быть подсказка. Для подстраховки.

- Что за игры в следопытов?!

- Ты послушай, - заспорила Зойка. - Липа не только нашла ключ, она знала, что он открывает, и что хранится внутри. Но в виду возраста, могла забыть. Для подстраховки написала напоминалку и куда-то ее положила.

- Сама сказала, что с возрастом память не улучшается, о месте нахождения напоминалки тоже могла забыть.

- А вдруг Липа сделала это для нас. Она неожиданно может умереть, и мы ничего не узнаем о ее тайне. Значит, послание лежит на видном-не видном месте.

- Зоя, сама подумай – зачем все эти фокусы-мокусы? Неужели Липа не могла открыть нам свою тайну при жизни?

На вопрос тетки племянница не отреагировала, продолжала развивать свою мысль:

- Это такое место, куда чаще всего заглядываешь ты, Капочка. Послание была адресовано лично тебе, ты у нас самая умная и догадливая... В «банке» не было никаких записок.

- К пианино я на пушечный выстрел не подхожу, - напомнила Ложкина.

- Рано или поздно подошла бы, никуда не делась. Например, для того, чтобы оценить состояние музыкального инструмента для дальнейшей продажи.

- Кто купит эту старую рухлядь?!

- На каждый товар найдется свой покупатель, - здраво рассудила Зоя и поникшим голосом добавила, - неужели Липа сожгла подсказку вместе с содержимым шкатулки? Посчитала, что раскрытие ее тайны может ее опорочить. Как в случае с сыном. Решила, пусть тайна умрет вместе с ней.

Капа лишь пожала плечами.

- Допустим, в тайне не было ничего порочащего честь Липы, - продолжила Зоя. – В таком случае, зачем скрывать?.. Нашла ключ, узнала, какой замок открывает этот ключ, загордилась собой – о тайне знает она одна, и успокоилась. Почему нам ничего не рассказала? – повторилась она, в упор глядя на теку, которая немедленно должна дать развернутый ответ на ее прямой вопрос.

- У Липы выиграла обида на нас всех – мы смотрели на нее, как на неодушевленный предмет. На комнатную собачку больше внимания обращают.

- Не скажи, - покачала головой племянница. – Мы, да, смотрели, как на неодушевленный предмет, а ты с ней носилась, как с писаной торбой. Липочка, то, Липочка сё, тебя не просквозит, что-то ты сегодня бледненькая и глаза «на мокром месте».

- Липа была тонкой и чувствительной, понимала, что я спрашиваю «на автомате», мои мысли витают где-то далеко.

- Потому что у тебя синдром хронической усталости, - поставила диагноз Зоя.

- Постоянно вертишься-крутишься, никакого отдыха для души и тела.

- Удивительно, что ты обратила на меня внимание и поняла мое состояние.

- После смерти Липы многое изменилось, - многозначительно произнесла племянница и чмокнула тетку в щеку.

- Неужели для достижения взаимопонимания в семье должна произойти трагедия?

- Конечно! – уверенно заявила Зоя. – Начинаешь ценить близкого человека, который может в любой момент уйти.
- Умница-разумницы ты моя! – восхитилась Капитолина, ответно чмокнула племянницу в румяную щечку и потребовала, – Зоя, довольно прикидываться дурахой.
- Говорю же – так легче жить, с тебя спрос меньше.
- Надо было тоже прикинуться кем-нибудь. Или постоянно ныть и жаловаться на несчастливую судьбу, все бы меня холили-лелеяли.
- Ты? Ныть и жаловаться? Никогда? И знаешь, почему? Потому что ты - неприступная Снежная Королева!
- Тоже – сказала! Королева!
- Снежная! – уточнила племянница. – Не подходи – заморожу! Да, проблески жизненности бывают, не спору – можешь и пошутить, и посмеяться со всеми. Но такие проблески случаются все реже и реже. Ходишь, как в воду опущенная, губы коромыслом, в глазах непроходящая тоска. Какой мужчина на такое горе-несчастье внимание обратит? Я тебя спрашиваю?
- Неужели всё так запущено?
- А то нет?! Кому-то захочется тебя пожалеть, но приблизиться побоится, кому-то, особо забитому, – пнуть побольнее, чтобы самоутвердиться и возвыситься. Или, как в нашем случае, принизить, чтобы ты не считала себя умнее всех. Они решили, что своим видом великомученика ты выражаешь неудовольствие к существованию под одной крышей с людьми, которые проигрывают тебе по всем показателям.
- Что за бред! Я и не считаю себя умнее вас. Меня не все устраивает, иной раз я просто бешусь, но вида не показываю. Делаю свое дело молча.
- Слов не надо, за тебя говорит взгляд или перекошенный рот.
- Разве? Не замечала.
- Ты многое не замечаешь. Зациклилась на обиде, закрылась от всех – так лучше. А жизнь-то проходит. Лови момент, тетечка, живи и радуйся.

- Что же мне – ходить по улицам с приклеенной улыбкой? Что обо мне люди подумают?
- Пусть думают, что хотят, это их проблемы! А ты изображай счастье великое. Поизображаешь, привыкнешь, поверишь.
- Яйца курицу учат, - вспыхнула тетка. Мысленно согласилась – да, правда в словах племянницы есть, совсем не хочется быть несчастной Снежной Королевой, от которой шарахаются нормальные люди, пинают ненормальные и не слишком замученные умом.
- И Липа была такой же! – продолжила свои рассуждения Зойка. – Но если закрылась от всех, то закрывайся до конца, незачем делиться тайнами с чужим человеком.
- Чужой человек имел терпение ее слушать. А мы? Как мы себя вели с ней? Вспомни! Она что-то лопочет, мы поддакиваем, но не слышим.
- Или, вообще, не поддакиваем. Она решила, что нам ее тайны не нужны.
- Меня возмущало ваше отношение ко мне, считала себя хорошей-прехорошей, а вас, чего греха таить, ужасными, вредными. А я-то чем лучше?
- Все мы одним миром мазаны, - в очередной раз показала себя с лучшей стороны племянница. И спросила, - и что же нам предпринять? Где искать подсказку Липы?
- Чего ты привязалась к этой несуществующей подсказке!
- Не скажи, подсказка обязательно должна быть. И находится она в том месте, куда... куда... влезает только ты, так как послание адресовано тебе, самой заслуженной из всей нашей семьи.
- Например, а пластиковой банке, где хранится манная крупа. Или овсянка. Только я варю каши на завтрак.
- Правильно, Липа положила послание в банку с манкой! – подпрыгнула от радости Зоя Шлома.
- Если бы положила, я бы ее обязательно нашла.

- Что верно, то верно, - опечалилась племянница. - Но про банку – горячо. Если у тебя вырвалось о банке, то дело в ней. «Собака зарыта» где-то рядом.
- Бери след, а у меня других дел по горло...

Если накануне в голове Ложкиной была одна путаница-перепутаница, то с утра она постаралась сосредоточиться на вчерашних словах Ольги Бизоновой, на время выбросила из головы тайну Олимпиады, и пришла к выводу: необходимо срочно встретиться с господином Петрушенькиным. Хотя бы для того, чтобы узнать, проводилась ли фото- или видеосъемка похорон его дочери. Капа никогда не понимала, зачем снимать горе, но у каждого свои тараканы в голове.

Встречу пришлось отложить – на сегодня были назначены похороны Валентины Медведевой...

Поздно вечером, вконец измученная Капитолина собралась с силами, набралась наглости и позвонила Петрушенькину, чей номер телефона, новый номер телефона, ей великодушно предоставила Ольга Бизонова. Судя по голосу, бизнесмен не спал, но пребывал в неблагоприятном расположении духа. Капа от неожиданно резкого «да!» хотела отключиться, но вспомнила, что стала другой – храброй и целеустремленной, пожелала доброго вечера и деловито перешла к главному:

- Арсений Владиславович, мне посоветовала к вам обратиться Ольга Бизонова.
- Зачем? - слегка поостыл бизнесмен.
- Она утверждает, что мы можем помочь друг другу в решении некоторых... личных вопросов.
- Когда и где?
- Когда вам будет угодно, и где вам будет угодно.
- Завтра в десять... Нет, лучше в одиннадцать в моем офисе. Улица Калашникова, двадцать пять. Бывший особняк купца Парамонова.
- Я знаю. До завтра...

Уставшая Ложкина успела положить голову на подушку, и тотчас погрузилась в беспробудный сон. Без сновидений, что немаловажно: от мнительности она пока не избавилась...

Накормив домочадцев завтраком, Ложкина улетела на работу. Ни самого Шагаля, ни его автомобиля видно не было. Неприметный авто отечественного производства тоже не маячил и не преследовал. На улицах города, вообще, было малоллюдно, проезжая часть не запружена разномастными машинами. Капитолине стало некомфортно – показалось, что город одномоментно вымер, и она осталась в одиночестве. Но нет, по тротуару шаталась сгорбленная нищенка. Опираясь на палку, она обследовала мусорные урны. Зрелище, прямо скажем, не занимательное, поэтому Ложкина отвела от нищенки взгляд и прибавила шаг. Но между делом подумала: интересно, нищенка нашла свежие розы в мусорном контейнере? Если нашла, как с ними поступила?

Капа была настроена на разговор с бизнесменом, но, едва она переступила порог городской библиотеки, как ей позвонила по поручению господина Петрушенькина его секретарь. Женщина извинилась и сказала, что ее работодатель не может сегодня встретиться с госпожой Ложкиной. Госпожа Ложкина потребовал объяснений, на что получила безразличное молчание. Но была вознаграждена – встреча не отменялась, переносилась на завтра, на то же самое время.

Помаевшись на работе до обеда, Капка понеслась в лавку древностей «Милая безделушка».

Китайские фигурки она заметила сразу, хотя, никогда их не видела. Фигурки стояли на полке и терпеливо ждали ее прихода. Ольга права – неприятное зрелище. Цена на безвкусицу заставила тихоню присвистнуть.

Хозяин лавки, он же продавец-консультант, возможно, и мастер чистоты, наотрез отказался отвечать на вопросы, причем отказался в грубой форме и посоветовал убираться восвояси, пока он полицию не вызвал.

- Спасибо за подсказку, - высокомерно поблагодарила странная посетительница лавки древностей, озадачив хозяина.

Капитолина, вышла на улицу и взялась за телефон. Без объяснений, потребовала у майора Гриши прибыть к лавке древностей «Милая безделушка», расположенной...

Майор Гриша хмыкнул - выразил возмущение. Или удовольствие. И пообещал появиться через пять минут. Это время Капа провела на посту, меряя шагами тротуар возле интересующего ее здания с большими стеклами и лоя сердитые взгляды противного мужика. Капа в ответе не осталась, тоже недоброжелательно поглядывала на мужика, перемежая недоброжелательность с загадочной улыбкой, чем окончательно его доконала. Он приоткрыл дверь, высунул нос и ядовито заявил:

- И нечего здесь шататься.

- А это частная территория? Покажите документ!

- Пошла вон отсюда! – истерически зашелся противный мужик.

- Пойду, - пообещала женщина все с той же загадочной улыбкой. – Обязательно пойду, но только после того, как кое-что выясню.

- Я тебе ничего не скажу! И вообще, лавка закрыта! - Мужчина захлопнул дверь и перевернул висевшую на ней табличку, на которой появилась надпись «закрыто».

Капу угрозы и таблички не смутили, она повернулась спиной в двери лавки, сложила руки колечком на груди и замерла в поле терпеливого ожидания.

Майор Гриша не заставил себя долго ждать, уложился не в пять обещанных минут, а в четыре. Он прибыл на привычном дребезжащем автомобиле, из которого выпрыгнул горным козликом.

Первое, на что обратила внимание Ложкина, была грязная обувь Звонилкина. Он перехватил ее осуждающий взгляд и не замедлил пояснить:

- Только что вернулся с кладбища, не успел привести себя в порядок.

- С кладбища? Что ты... вы...

- Можно на «ты».

- Что ты делал на кладбище? Кто-то умер?

- Скорее воскрес, - усмехнулся Звонилкин. – Откопался и пошел погулять.

- А если серьезно? – с недовольством спросила Ложкина, при этом уловила суету за окном лавки. Пришлось изобразить необычайную радость от встречи с мужчиной в штатском, который прибыл на полицейском «Уазике». Табличка на двери снова перевернулась. Хозяин лавки хотел показать себя, уже взялся за ручку, но передумал. Прежде чем занять свое место за прилавком, наградил Капитолину благожелательной улыбкой крокодила. Капитолина в ответ растянула губы, как при упражнении для лица и шеи. Майор непроизвольно перевел взгляд на дверь, за которой уже никого не было. Скомкал лоб – выразил удивление, почесал ухо – выразил недоумение, и, не открывая рта, прогудел «угу» - выразил свое отношение в городским сумасшедшим женского рода, который отвлекают его от службы. Догадливая Ложкина запричитала:

- Я не стала бы тебя беспокоить без особой нужды. Дело очень серьезное.

Вид при этом у Капитолины был, как у маленькой девочки, которая набралась смелости открыть секрет своей подруге. Майор не сдержался и улыбнулся, на этот раз открыто, без всяких задних мыслей. Капа вспыхнула, как спичка, вбросила: «Извините, что оторвала вас от важных дел», и потрусила по улице. Майор не дал ей далеко уйти, загородил дорогу и вкрадчиво произнес:

- Никогда не поверю, что тебе не интересно, что я и мои коллеги делали на кладбище.

- Оживляли покойников.

- Ночью неизвестные скрыли могилу дочери Петрушенькина, - выпалил Звонилкин, предугадав намерение обиженной женщины бежать от него без оглядки.

- Так вот почему встреча была перенесена, - вырвалось у Ложкиной.

- Какая встреча?

- Не важно... Важное другое – это я... виновата в осквернении могилы, - призналась она, потупив взор.

- Ты вскрыла могилу? – делая паузы между словами, безразличным тоном поинтересовался майор Гриша.

- Не сама, конечно... Я косвенно причастна... Я подсказала... одному человеку, где надо искать китайские фигурки. Кто меня за язык тянул!

- Что ж это за фигурки, за которыми весь город охотиться? Хотелось бы посмотреть.

- Весь не весь, но кому-то они очень нужны, захотелось пополнить свою коллекцию. Кто – не знаю, да мне и без разницы. А возможность взглянуть на те самые фигурки тебе представится буквально через пару секунд, если ты посетишь лавку древностей «Милая безделушка», хозяин которой милейший человек. Китайские фигурки спокойно стоят на полке и ждут своего покупателя. – Капа указала пальцем на стекло лавки, за которым маячило перепуганное лицо хозяина.

Заметив интерес к своей персоне, он выскочил на полусогнутых ногах и принялся приносить извинения за неучтивое поведение майору полиции, но не женщине, на которую его неучтивость обрушилась бурным потоком. Майор вернул его в «родной дом», пропустил вперед даму, после зашел сам.

Хозяин назвал Артемом Меркурьевичем Полежайкиным. Как выяснилось, китайские фигурки попали к нему несколько дней назад. Фигурки принесла дама в шляпке с вуалью. Дама, вообще, была одета так, словно прибыла из девятнадцатого века. Особенно впечатлило лицо – лицо мима, столько на нем было белил. Ничего конкретного рассказать о ней не смог. Оформлять какие-либо документы дама отказалась. Получила свои деньги – всего пять тысяч рублей и ушла. Полежайкину показалось, что она согласилась бы на меньшие деньги – слишком большим было желание поскорее избавиться от фигурок. Даже облегченно вздохнула, когда хозяин согласился их купить. Добавить к сказанному Полежайкину было нечего, майор составил документ об изъятии китайских фигурок в количестве двух штук, и вместе с Капитолиной покинул лавку.

- Куда ты их денешь? – с опаской поглядывая на фигурки, спросила Ложкина.

- Верну туда, откуда они пропали двадцать лет назад.

- В музей?

- Куда же еще. И хочу поблагодарить вас, Капитолина Сафроновна, за содействие правоохранительным органам.

- Какой официоз! Но все равно – ответное мерси.

- А теперь окажите-ка мне еще одну любезность...

Капка поплыла – сейчас в кино пригласит. Или еще куда-нибудь.

Не тут-то было.

- Капитолина Сафроновна, назовите мне фамилию человека, которого вы сподвигли на противоправные действия.

- Пойду за соучастие? – высокомерно поинтересовалась женщина.

- Обязательно. Будете сидеть с ним в одной камере лет эдак...

- Очень страшно! - не дала ему договорить Ложкина. – А почему ты думаешь, что это мужчина?

- Я догадлив. И почти уверен, что это мой дорогой «друг» Вальтер Иванович Шагаль.

- Ты и сам все знаешь, с тобой не интересно. Мне стыдно, но я не думала, что он дойдет до осквернения могилы.

- Он еще и не такое способен.

- Вальтера задержали? Или он успел убраться из города?

- Камера слежения на посту ДПС на выезде из города зафиксировала его автомобиль в пять десять утра. Люди, которых он нанял для осквернения могилы, уже задержаны и дают показания. Не переживай, ему не удастся бесследно исчезнуть.

- Оперативно работаете.

- Не всегда, - с намеком сказал Звонилкин.

- Поначалу Шагаль мне показался вполне приличным человеком.

- Понравился?

- Не-а, - игриво призналась Капитолина и смутилась.

- Какая ты еще девчонка.
- Девчонка... хм... Григорий, у меня к тебе есть еще один вопрос. На днях к Петрушенькину приезжала одна занятная особа. Экстрасенс.
- Он мне рассказывал.
- А он тебе рассказывал, что экстрасенсу пытались скормить лошадиную дозу снотворного. Повезло, что ресторанная еда, куда добавили снотворное, ей не понравилась, съела чуть-чуть, к тому же ее сводный брат, Денис Бизонов, приехал пораньше, чтобы показать сестре город...
- А потом у нее была назначена встреча с Петрушенькиным? Кто-то пытался им помешать?
- У Ольги, экстрасенса, была назначена встреча со мной, - призналась Ложкина. – Но не думаю, что причиной стала я. Скорее, Петрушенькин.
- Та-а-ак. Что ты еще вытворишь, интересно мне узнать?!
- Я-то тут при чем?! Я, что ли, ее напичкала снотворным?!
- Не ты, но скоро до тебя доберутся. Сказал – сиди дома или в своей библиотеке, а она по городу носится, как ракета! Ты почему в рабочее время разгуливаешь? Куда твое начальство смотрит?! - опомнился майор полиции.
- А твой... мой охранник куда смотрит?
- Я с него спрошу, не волнуйся.
- Вот и спроси. А мое начальство мне разрешило отлучиться. На полчаса. А я с тобой уже два часа болтаю. Я побегу.
- Никуда ты не побежишь, я тебя довезу до библиотеки.

По дороге Капа снова заговорила о попытке отравления Ольги Бизоновой. Майор Звонилкин схватился за телефон и позвонил в отель, к начальнику службы охраны. Тот рассказал, что посторонних в отеле не было. Так сказали и администратор, и официантка. Но потом официантка призналась, что возле служебного входа крутилась нищенка. Оборванная, голодная. Сердобольная официантка завела ее в закуток - хотела накормить, отлучилась за едой, когда вернулась, нищенки и след простыл.

- Могла нищенка что-то добавить в пищу, предназначенную для постоялицы?

Начальник охраны ответил пространно:

- Могла и добавить, и подняться к ней в номер. Из кухни есть лестница для персонала, по которой можно попасть на любой этаж. Других зацепок, кроме нищенки, у нас не было. И еще одно - описать нищенку официантка не смогла. Я не удивляюсь – они все на одно лицо.

- Нищенкой мог быть и мужчина. Худощавый, низкорослый, - высказала мысли вслух Капитолина – женщина с отличным слухом, когда майор закончил разговор.

- На Игоря Подземельного намекаешь?

- Ни на кого я не намекаю... Кажется, я видела сегодня утром нищенку в нашем переулке. Она в мусорке копалась.

- Час от часу не легче!..

Остаток насыщенного на события дня прошел без новостей и происшествий. Юлька улизнула из библиотеки пораньше, повесив на подругу свою недоделанную работу. Подруга безропотно согласилась – почти три часа гуляла в рабочее время.

Капитолина покинула здание библиотеки, когда на город опустились сумерки. Ее охранник на разболтанной машине отпустил ее вперед, потом потащился за ней со скоростью пешехода. Капку опека не раздражала, скорее, успокаивала и немного радовала – майор Гриша за нее переживает, беспокоится. Значит, не равнодушен. Обычной подопечной следствия себя не ощущала. Не хотела считать себя обычной подопечной.

На душе не было тревоги. Ложкина решила: совсем скоро они узнают, кто убил Липу и Валентину Медведеву, кто покушался на жизнь Варвары Верблюжковой. Вспомнив о Варьке вихрастой, взялась за мобильный телефон.

Варя сообщила, что чувствует себя гораздо лучше. Всю ночь Игорь провел у ее постели.

- Я рада за тебя, - искренне сказала Ложкина. – А сейчас он тоже у тебя?
  - Он уехал рано утром в Москву. Хочет объясниться с женой. Говорит, лучше не по телефону.
  - Варя, не волнуйся, он вернется. Он тебя любит, это видно.
  - Я и не волнуюсь, - с дрожью в голосе прогнусавила Варвара. Капа догадалась, что она не особо уверена в мужчине, и весь день проплакала. – Как там Васька?
  - Нормально, мебель не переломал.
  - Я знаю, он собрал вещи и к Элке перебрался. Мне Зоя сказала.
  - Ох, уж эта Зоя, - с осуждением пробубнила Капитолина.
  - Я не переживаю, не думайте. Так для всех лучше, для Васьки – особенно. Измаялся он со мной, устал от моих выкрутасов. Он меня раздражал, нервы ни к черту стали, на кого мне выплескивать свое недовольство – на него! Я не виновата, что не смогла его полюбить. А Игоря только увидела, и сразу поняла: вот она, любовь с первого взгляда. Думала, время пройдет, вместе с ней и любовь. Не прошла. Чем больше мы узнаем друг друга, тем больше я его люблю. Потому и реву, как недоенная корова... Тетя Капа, вдруг он...
  - Варюша, успокойся, все у вас будет хорошо...
- Капитолина застала домашних за чаепитием. Зойка подорвалась разогревать тетке остывший ужин.
- Где тетушка Сима? – напряженным голосом спросила Капа.
  - Обиделась и ушла к себе, - с неприязнью сообщила Фекла Мироновна. Неприязнь, естественно, была направлена на отсутствующую двоюродную сестру мужа.
  - Фекла! Я с тобой разведусь! – пригрозил супруг и стукнул по столу кулаком.
  - Это как? – встрял Вовка.
  - Уйду от твоей прабабушки, - сообщил малышу прадед.
  - И к кому, позвольте узнать, Сафрон Ефимович? – язвительно спросила жена. – К своей лупоглазой? Или новую себе завел?

- Что ты мелешь? - поостыл супруг. – Детей и внуков бы постеснялась.
  - Сам бы постеснялся! Твои ровесники давно на кладбище гниют, а ты по девкам шастаешь.
  - Фекла! Замолчи! Замолчи, тебе говорю! Еще одно слово и...
  - И что? Уйдешь? Так я вещички тебе скоренько соберу, плакать не буду, Отплакала свое. Всю жизнь ты надо мной издевался. А я молчала и грызла зубами подушку по ночам. Хватит! Надело!
  - Ах, тебе надоело, - спокойно повторил Сафрон Ложкин. – Так тебя никто не держит. Сама вещички соберешь или помочь? Это мой дом, это дом моих предков, я отсюда не уйду. А ты иди куда хочешь. Скатертью дорога.
  - Я... я... я уйду, - со слезой в голосе проямлила Фекла Мироновна. – Если я плоха стала, я уйду.
  - Родители! Вы чего?! Белены объелись?! – рявкнула на них Владислава.
  - А чего он, - насупилась мать.
  - Не о нем речь, - вступилась за отца старшая дочь. – Это ты сегодня...
  - Озверина съела, - вмешалась Зоя, - на тетку Симу набросилась.
  - Что у вас произошло на этот раз? – устало спросила Капитолина, которая так наделась отдохнуть в родном доме.
  - Моя бабушка, Фекла Мироновна, пожелала тетке Симе поскорее отправиться за сестрой, - пояснила Зойка.
  - Она мне все нервы вымотала, - взвилась бабушка.
  - Мам, ты правда так сказала? – опешила Капа и направилась в комнату Симы. Сердечко при этом трепетало: боялась увидеть повторение трагедии с Липой.
- Но Сима, слава Богу, была жива. И что интересно – довольна жизнью. Сидела на кровати, распускала старый носок Вовки и тихо напевала.
- Привет, - поздоровалась с теткой Капитолина. – Как жизнь молодая?
  - Бьет ключом и всё по голове, - усмехнулась Серафима Игнатьевна.

- Симочка, ты на мою мать не обижайся, она не со зла. Знаешь же ее характер – ляпнет, а потом сама жалеет.

- Скверный у твоей матери характер. Не зря твой отец от нее всю жизнь гуляет. Я бы тоже от такой жены загуляла.

- Давай не будем обсуждать их отношения, это их дело, нас не касается.

- Вот ты, Капа, всегда такая.

- Какая?

- Слишком добрая.

- Это плохо?

- Не знаю, - подумав, ответила Серафима.

- Бросай свои распустилки, пошли чай пить.

- Не пойду, - пождала губы старушка. - Отдайте меня в дом престарелых, не хочу, чтобы со мной, как с Липой...

- Это что-то новенькое, - удивилась Капа. – Я чего-то не знаю?

- Я понимаю, Фекла твоя мать, - начала будто бы издали тетка Сима, то племянница догадалась, какую линию она будет гнуть.

- Только не говори, что это моя мать расправилась с Липочкой.

- А то нет? Спит и видит, чтобы нас здесь не было. Наняла какого-то забулдыгу, он за бутылку водки мать родную уколошит, не то, что чужую слабую старушку.

- Сима, ты сама себя слышишь?

По морщинистым щекам тетки побежали слезы. Племянница обняла ее за плечи, приткнулась к ней головой и принялась успокаивать.

- Не расстраивайся, прошу тебя. Мы все тебя любим. И в обиду не дадим. Это только кажется, что живем параллельно друг другу, на самом деле, у нас дружная крепкая семья. Хватило одной встряски, чтобы всё понять и сплотиться.

- Среди родных людей завсегда лучше, я знаю – жила одна, - призналась Сима. – Но в то время я еще не была старой развалиной.

В комнату просочилась Зойка. Присела с другой стороны от старушки, тоже обняла ее и заверила, что очень ее любит.

- За что меня любить, - заспорила Серафима Игнатьевна. – Я плохая, я капризная, я всем жизнь порчу.

- И я вся в тебя! – заверила ее Зоя. – Сколько крови у Капочки выпила, теперь ей на шею своего сына повесила. А нет бы войти в ее положение, освободить время для личной жизни. Когда ей личной жизнью заниматься, если она занята домашними и не домашними делами двадцать четыре часа в сутки.

- Без сна, без отдыха, - напускно пожалела себя Капитолина. – Сейчас расплачусь над своей горькой судьбой.

- Мы с Липой замуж так и не вышли, а ты, Капа, не иди по нашим стопам.

- Поезд ушел.

- Ой, ладно, - отмахнулась тетушка.

- Сима, я чего спросить хотела, - засюсюкала Зоя, пристально глядя на Капитолину Ложкину, чтобы та догадалась, о чем пойдет разговор, чтобы быть готовой поддержать в любой момент.

- Я сегодня ужинать буду или уйду спать голодной? – делая племяннице знаки бровями, скороговоркой проговорила Капитолина.

- Поужинаешь, поужинаешь, - успокоила та. – Сима, я...

- Да, спрашивай уже, - нахмурилась старушка.

- Сима, ты свои деньги, где держишь?

- Тебе нужны деньги, так я сейчас...

- Не нужны мне деньги. Просто интересно. А где Липа держала деньги, знаешь?

- Где-то в своей комнате. Мы эту тему не обсуждали. Говорили, помрем, деньги найдутся. Нашли деньги?

- Мы не искали, - пряча глаза, ответила Зоя.
- Нашли мы деньги, нашли. Теперь не знаем, что с ними делать. Сумма-то большая.
- Получается, Липа не отдавала деньги внуку? – запуталась тетушка.
- Так не было никакого внука, - рассердилась Шлома. – Мы выяснили, что ни сына, ни внука не было.
- Как не было сына?
- Сын родился, но долго не прожил, - терпеливо сказала Капитолина, пристально изучая лицо тетушки, чтобы уловить малейший намек на неадекватность. Лицо тетушки говорило об усердной работе мысли. Кроме старческого склероза, иных отклонений пока не наблюдалось.
- А зачем Липа придумала себе сына и внука? – по-детски наивно поинтересовалась Серафима Игнатьевна.
- Пока не знаем.
- А я знаю, что надо сделать с деньгами моей сестры. Отложить на учебу Вовочки, - рассудила Сима. – Я прямая наследница, имею право распоряжаться ее деньгами по своему усмотрению. И не нужно никому говорить о том, что деньги нашлись, найдется немало до них охотчиков. И не спорьте! Я сказала!
- Сейчас ты мне очень напоминаешь моего отца, - хмыкнула Капитолина.
- Все-таки, родная кровь, - улыбнулась Серафима Игнатьевна.
- Ложкина снова начала уговаривать тетку идти к столу, а Зоя – делать знаки.
- Зоя, что не так? – подобралась старушка. – Что-то случилось, и вы боитесь мне признаться?
- Я хотела спросить: Липа тебе ничего не оставляла для Капы? Записку или еще что-нибудь?
- Липа? Для Капы?
- Может, что-то рассказывала о ключе, который она случайно обнаружила на чердаке в сундуке, когда перебирала вещи?

- Первый раз слышу.
- Вдруг ты забыла, напряги память.
- Я, конечно...
- Помню – ты не совсем молода, но из ума не выжила, слышала сто раз. Но провалы в памяти могут быть в любом возрасте.
- Зоя, чего ты прицепилась к Симе?! – осадила племянницу Ложкина. – Давно надо было догадаться, что Липа была более откровенной с посторонним человеком, чем с сестрой или братом.
- Мы с Липой всю жизнь не ладили, - неожиданно призналась Серафима Игнатьевна.
- А с виду не скажешь, - удивилась Зойка.
- На старости нам делить было нечего...
- А в молодости? Неужто было что делить? Или кого? – заинтересовалась Шлома.
- В нашей семье все повторяется. Влада увела у Капы жениха, я тоже увела жениха у Олимпиады. Только Влада вышла за Генку замуж, а я повертела и бросила бывшего жениха Липы. За это меня Бог наказал, не дал мне ни семьи, ни детей.
- Зачем ты так поступила с сестрой?
- Дура была. Хотела ей доказать, что красота в жизни не главное, Липка всегда твердила, что я некрасивая, не то, что она. Вот я и затаила обиду. Когда Липа мне фотографию сына показала, я грешным делом подумала, что она привирает, чтобы меня обскакать: она родила ребенка, даже без мужа, не побоялась, а я не познала такой радости.
- А потом поверила?
- Слишком гладко все рассказывала. И о сыне, и о внуке. Как не поверить.
- Получается, что с мозгами у Липы было все в порядке, хотела тебе что-то доказать, потому «оживила» своего сына, - рассудила Зойка.

- Все не так просто, - вздохнула Капитолина. – Мне кажется, что не зря Липа предъявила фото - открытку киноартиста Каморного. Могла кого-угодно показать, у нее этого добра было навалом.

- А я об этом не подумала, - пробормотала Зоя. – Так может быть Липа встретила человека, который был очень похож на отца ее ребенка, произошло помутнение... Это новая версия, - поспешила она оправдаться, предугадывая возмущение тетки. – И случилось всё это в то время, когда из музея выкрали китайские фигурки... Смешались в кучу кони, люди, - с неудовольствием добавила она.

- Фигурки нашлись, - обронила Капитолина и рассказала о визите в лавку древностей «Милая безделушка».

- Откуда ты узнала, что фигурки в лавке? - недоверчиво спросила племянница.

- Неужели это те самые фигурки, о которых постоянно вспоминала Липа? – не поверила Серафима Игнатьевна.

- Те самые. А узнала я... от одного человека, - уклончиво ответила Ложкина, не стала приписывать себе особые заслуги в деле поиска цветных китайских фигурок.

Китайские фигурки Зойку занимали мало, волновал ключ, обнаруженный в «банке» Олимпиады Игнатьевны. Она уговорила Симу покопаться в памяти – вдруг что-то вспомнит, и троица отправилась в столовую.

Фекла Мироновна принесла Серафиме свои глубочайшие извинения, мир в семье был восстановлен. Впрочем, как и всегда...

На следующий день в половине одиннадцатого нарушительница трудовой дисциплины, поставившая нарушения на поток, понеслась на встречу с Петрушенькиным. Конечно, подруга и начальница в одном лице – Юлия Бизонова была заранее предупреждена и была готова забросать советами, но на счастье Капы в городскую библиотеку уездного города прибыл «по важному делу», как он сам заявил, известный историк. По важным делам он приезжал ни раз, проводил в заумных беседах с директрисой несколько часов, после чего заваливался на рыбалку, которую ему организовывал

Денис Бизонов. Ложкина успела смыться до того, как заумная беседа не успела подойти к логическому завершению...

Бывший особняк купца Парамонова был равным среди равных – ничем особенным не выделялся. Бизнесмен Петрушеньким не относился к тем нуворишам, который пренебрегают старинной архитектурой, «приукрашая» ее рекламными вывесками. Только на двери была табличка с указанием, что в этом здании находится управляющая организация «Пэтра». Петрушенькин не ограничивал себя рамками: владел и трактирами, и отелями, и строительной компанией, которая по большей части занималась ремонтом жилого и нежилого фонда, а теперь по всей видимости приступит к восстановлению в первоизданном виде мукомольного завода, некогда принадлежащего его предку купцу Парамонову.

Наведя справки об удачном предпринимателе, Капитолина узнала, что Петрушенькину принадлежит бюро ритуальный услуг «Память». Для себя женщина решила, что обязательно наведается в это бюро и поговорит с кем-нибудь из работников низшего звена, которые любят поговорить и не страдают амнезией. Похороны дочери бизнесмена не могли остаться без их внимания. Еще необходимо обратиться за помощью к «желтой» прессе, которая любит перетрясти грязное белье. Последнее пришло на ум слишком поздно, уже на подходе к конторе Петрушенькина на улице Калашникова, а жаль, Капитолина подняла бы газеты того периода и поискала бы информацию о пышных похоронах дочери не последнего человека в городе. Ранее Капа никогда не читала «желтую» прессу, ее не интересовало, кто с кем развелся-передрался, кто на ком женился, что на себя напялил на торжественное мероприятие и что сказал в ответ на хамство приставучего репортера. Теперь все изменилось, Ложкина стала другой, но «желтая» пресса ее по-прежнему не интересует, только по необходимости, как источник информации.

Еще Капа узнала, что Петрушенькин завидный жених, с прежней супругой развелся вскоре после смерти дочери. Экс-супруга не приходилась покойной девушке матерью, ее родная мать умерла давно, когда ей не было и пяти. От онкологии умирают не только бедные, богатые способны лишь немного продлить себе жизнь, так случилось и с женой Петрушенькина. Страшная болезнь дала о себе знать после рождения дочки. Борьба за жизнь окончилась поражением. Арсений Владиславович долго горевал, спасением

стала дочурка. Девочка выросла в любви и заботе, но не избалованной. Прилежно училась в школе, поступила в престижный московский вуз. Имела склонность к точным наукам, отец не спорил – куда хочешь, туда и поступай. На третьем курсе всерьез увлеклась наукой, приступила к написанию научной работы с заковыристым названием. «Бывают же такие умные дети», - между делом подумала Капитолина.

У девушки никогда не было проблем с сердцем. И вдруг ей стало плохо прямо на лекции. Вызвали неотложку, до больницы довезти не успели. Ужасное горе для отца, который обожал свою дочь...

Капитолина уже собиралась войти в здание управляющей компании «Пэтра», взглянула на наручные часы, поняла, что у нее есть в запасе несколько минут и позвонила Зое. У Зои сегодня выдался выходной, который она посвятила Серафиме – ходила за ней по пятам и спрашивала: «Ну? Вспомнила?» В итоге тетка взбесилась и пообещала «уйти, куда глаза глядят». Глаза глядели в сторону дома Виленовны, куда старушка и направилась, дабы ее оставили в покое. Но быстро вернулась – Виленовна отсутствовала. Сима спряталась в своей комнате и закрылась за шпингалет, чтобы ее не беспокоили досужие девицы.

Зоя отчиталась о «проделанной работе», собралась жаловаться, но тетка так на нее рявкнула, что напугала старичка, бредущего по тротуару. После чего сбавила обороты и приказала своей единомышленнице отправляться в похоронное бюро «Память», чтобы разговорить работников на предмет воспоминаний о погребении дочери владельца «Памяти». Вдруг вспомнят что-то необычное.

Полночи племянница провела в спальне тетки Капитолины, где та рассказала о безобразии на кладбище и об участии в этом безобразии Шагаля. Пришлось рассказать об экстрасенсе Ольге Бизоновой, и о ее предложении встретиться с бизнесменом Петрушенькиным. Так что Зоя была более-менее в курсе последних событий. И горела желанием поучаствовать в расследовании...

Оказавшись в стенах старинного особняка, Капитолина ожидала увидеть нечто подобное: только снаружи особняк сохранил свою первозданность, внутри все было обустроено по-современному. Исключением был старинный камин в холле. Кроме камина здесь стояли дружными рядами

кадки с раскидистыми цветами, кожаный диван приятного бежевого цвета и пару таких же кресел, в которых можно утонуть. За стойкой стояла девица, очень похожая на стюардессу и улыбалась пятидесятью зубами. Рядом с ней высился охранник в черном костюме, белой сорочке и черном галстуке. В руках он держал переговорное устройство. Едва Ложкина назвала себя, он автоматически повторил, приложив к губам переговорное устройство. Тотчас по лестнице спустился еще один «черный костюм» и проводил посетительницу наверх. На втором этаже тянулся ряд простеньких дверей, таблички с указаниями Капа прочесть не успела, да и ни к чему ей это. Ее сопровождающий шел неспешно, но один его шаг соответствовал трем шагам Капитолины. Она едва за ним поспевала.

За непростенькой дверь находилась приемная главного человека. В приемной Капа ожидала увидеть силиконовый бюст шестого размера с длинными ногами и интеллектом травоядного животного. Но на секретарском месте сидела дама средних лет с красиво уложенной прической. На даме отлично сидел строгий костюм мышиного цвета, разбавляла мышиность блуза не кричащего красного цвета. На ногах дамы были туфли того же красного цвета на высоких каблуках. Удивительно, но она не цокала по полу, как подкованная лошадь, а ступала мягко. Капке показалось, что она ходит, не касаясь паркетного пола, парит. Дама исчезла в кабинете Петрушенькина с какой-то папкой, ответив на приветствие оробевшей Ложкиной. Спустя пару минут появилась снова и пригласила посетительницу в кабинет руководителя. Капитолина уловила ее взгляд. Будто бы в ее взгляде не было никаких критических замечаний, сказывалась профессиональная сдержанность, но Капитолине стало неловко. Сразу сравнила себя с деловой женщиной «при костюме и туфлях», мысленно согласилась с подругой, которая требовала от нее серьезно заняться своим гардеробом, а не ходить в обносках. Конечно, одежду Капы обносками не назовешь, но... все познается в сравнении. Надо было хотя бы сегодня подумать о внешнем виде. «Но чистенько и ладно, - успокоила себя Ложкина, - мне с Петрушенькиным детей не крестить, на работу я к нему на нанимаюсь, в невесты не набиваюсь».

Бизнесмен мелькал в местных новостях по телевизору, его фотографии Капитолина видела в газетах. Накануне вечером успела налюбоваться в Интернете, но сейчас узнала его с трудом. Петрушенькин недавно отметил

пятидесятилетие Но горе никого не красит. Перед ней сидел сгорбленный старик, осунувшийся, с тусклым взглядом, с глубокими носогубными складками. Концы губ изогнуты коромыслом, то ли сказались печальные события сравнительно давнего и недавнего прошлого, то ли выражал таким способом недовольство. Неудовольствие Ложкина отнесла на свой счет. За ее спиной открылась дверь, появилась дама «при костюме».

- Чай, кофе? - спросил Петрушенькин вежливо. Голос у него был не грубый, не высокомерный. Безразличный. Но безразличность несколько успокоила Капитолину – пренебрежения она бы не вынесла.

- Спасибо, - промямлила она, собралась отказаться, но хозяин кабинета ее опередил:

- Матильда Степановна, нам кофе.

Его «нам» окончательно сняло напряжение.

- Спасибо, - с другой интонацией произнесла Ложкина и села на предложенное ей креслице, неглубокое, чтобы не расслабляться, опять из приятной светлой кожи.

Креслице стояло в углу кабинета, далеко от начальственного стола. Капа подумала, что ей придется говорить громко, чтобы докричаться до Петрушенькина, но он вышел из-за стола, замер на некоторое время, внимательно изучая круглые женские коленки, выставленные напоказ. Капка опять подумала о своем несуразном одеянии: черт ее дернул нацепить платье темно-свекольного цвета длиной до колен, которой ей шло, как корове седло. Нет, само платье было неплохое, и фасончик приталенный, прячет всё ненужное, выставляет нужное – тонкую талию. Но если сесть, то платье едет вверх, оголяет не только колени. Половину бедра оно оголяет. Дура ты старая, Капитолина Сафроновна! Где твои любимые черные брючки?!

В кабинет вплыла Матильда Степановна – дама на высоких каблуках, перемещающаяся беззвучно. Капа подумала: надо стать на каблуки и попробовать ходить так же, как она. Вряд ли эксперимент удастся, для этого нужен богатый опыт, но интересно все же...

Матильда красиво сервировала стол. Кроме двух крохотных чашечек с ароматным напитком, на низком столике появилось блюдо с тонко нарезанным лимоном, малюсенькие печенюшки, конфетки в вазочке на ножке и два стакана воды.

Дама исчезла, Петрушенькин занял свободное креслице напротив Ложкиной. Перекинул ногу на ногу, сцепил пальцы в замок, оперев локти на подлокотники кресла, и принялся изучать гостью цепким взглядом. Гостья растерялась, схватила печенье и бросила его в рот. Потом взялась за чашку двумя пальчиками – дополнительное приглашение ей не требовалось. Ощупав ее внимательным взглядом художника, Арсений Владиславович тоже принялся за кофе, всем видом показывая, что первым заводить разговор не собирается. Вы напросились, вам и карты в руки. Капке показалось, что он снова изучает ее колени, исподтишка. Очень хотелось натянуть на колени платье, но, во-первых, платье не резиновое, во-вторых, положив руку на сердце, ей было комфортно под мужским взглядом, в котором не было никакого раздевания, лишь приятная оценка того, на что давно никто не реагировал. Ей показалось, что мужчина немного оживился, в глазах исчезло тусклое безразличие, даже слегка разгладились носогубные складки. Губы перестали «коромыслить», превратились в две склеенные прямые линии.

Быстро влив в себя кофе из крохотной чашки и кое-как прожевав кофейную жижу, Капитолина потянулась за стаканом воды, при этом мысленно усмехнулась, вспомнив фразу – чаепитие прошло в приятной дружеской атмосфере. Поцедив воду, она собралась с силами и вступила первой:

- Арсений Владиславович, чтобы пояснить, что меня привело к вам, я должна начать издавна. Вы располагаете свободным временем?

- Надеюсь, ваш монолог не превратится в роман «Война и мир»?

- Постараюсь говорить кратко.

Петрушенькин дернул головой, дав понять, что она может приступать.

При всем своем обещании «говорить кратко». Ложкина не тараторила, подбирала слова, чтобы четко изложить события, связанные с тетюшкой Липой, и самой заново их переосмыслить, взглянуть на них под другим углом. Вдруг по ходу повествования произойдет вспышка, и догадка

неожиданно грянет громом. Начала с китайских фигурок, перешла на тетушку Липу, которая служила в музее на должности смотрителя, слегка отклонилась от темы, коснулась личной трагедии тетушки. Высказала непонимание связи кражи из музея пресловутых фигурок и появлением тетушкиного сына, который на самом деле скончался в младенческом возрасте, что подтвердила Ольга Бизонова. При упоминании имени экстрасенши, Петрушенькин снова сник, взгляд затуманился, но Капитолина не могла не заговорить о ней.

- Долгие годы тетя отдавала или кому-то переводила все свои деньги, - бодро произнесла она, даже повысила голос, чтобы прорваться сквозь туман, загородивший от нее хозяина кабинета. – Скорее всего, отдавала, о переводах-перечислениях мы бы узнали – она почти не выходила из дому, действовала бы через кого-то из нас. Никаких квитанций, подтверждающих перечисления денежных средств, у нее не нашли, хотя, она всегда хранила все старые квитанции, включая квитанции об оплате коммунальных услуг за квартиру, которую она давным-давно продала. И тетушка Липа, и ее родная сестра Серафима постоянно твердили, что собирают деньги на собственные похороны. Мы денежной темы старались не касаться, чтобы они не заподозрили нас в корыстолюбии.

Куда меня занесло, - мысленно осудила себя Капитолина, решившая пробудить бизнесмена от спячки при помощи магического слова «деньги».

Петрушенькин заерзал в кресле, Ложкина догадалась, что ему наскучило слушать ее размышления об исчезнувших деньгах Олимпиады Игнатьевны. За все время монолога он оставался безучастным, только когда она заговорила о музее, о краже, о должности, которую тетка занимала долгие годы, он подтянулся, встрепенулся, выпрямил спину и удивленно взглянул на посетительницу, словно та потребовала принести ей сто граммов водки. Потому Капитолина и уделила тетке больше внимания, чем предполагала уделить. И говорила совсем не то, что хотела сказать. Зачем-то тянула время.

- Не волнуйтесь, с деньгами мы разобрались, - успокоила Ложкина, хотя, хозяин кабинета не собирался волноваться из-за каких-то денег какой-то старухи. Он отвернулся от посетительницы так показательно, будто от нее дурно пахло, а уйти не было возможности. Капитолина нервозно пригладила подол платья, торопливо продолжила. - Месяц назад тетушку Липу убили. –

Она сбивчиво изложила события того времени. Незаметно перекинулась на Варвару Верблюжкину, потом на Валентину Медведеву. – Преступник гуляет на свободе, неизвестно, кто будет следующей жертвой. Полиции неизвестен мотив всех этих преступлений. Если неизвестен мотив, то как найти преступника? Я права?

Петрушенькину опять было все равно, права она, не права, он отворачивался, хмурил брови, а Ложкина всеми силами пыталась завладеть его вниманием. От усердия загружала его ненужной информацией.

- Одним словом, полиция топчется на месте, воз и ныне там... Или мы не все знаем, тайна следствия и все такое, - добавила она, смягчив резкие нападки на правоохранительные органы, ярким представителем которых был майор Гриша. – И вот вчера вечером... нет, позавчера, я встретила с Ольгой Бизоновой. Надеюсь, что она прольет свет на убийство моей тети. Ольга дала ответ на кое-какие мучившие меня вопросы, но не на все. И посоветовала обратиться к вам. Просто посоветовала, без всяких объяснений. Значит, она что-то почувствовала... Или она ошиблась?.. Но я слышала о незаурядных способностях Ольги... Арсений Владиславович, вы так и будете молчать? – не сдержалась Ложкина.

- Я думаю. И пытаюсь вас понять.

- Я говорила по-китайски? – хмыкнула Капитолина. – Мне кажется, я честно вам обо всем рассказала.

- Почему вы занялись расследованием? Вам какой резон?

- Убили мою родную тетушку. Потом преступник совершил еще ряд преступлений. Полиция бездействует... Действует, но безрезультатно. Пока, - слишком суетливо проговорила Ложкина. - Я пытаюсь разобраться, чтобы обезопасить своих близких и себя в том числе. Скажу честно, не хочется прибегать к помощи вашего ритуального бюро, а хочется еще пожить какое-то время. Лучше больше, да лучше... Если вам нечего мне сказать, то извините, что отняла ваше драгоценное время.

Капитолина рассчитывала на ответное слово, но бизнесмен молчал и смотрел вдаль. Ей пришлось оторвать мягкое место от кожаной поверхности креслица, поправить платье, не резиновое, но сразу дотянувшееся до колен, и задком, задком попятиться к двери. Почему задком? Потому что ей

показалось, что ее зад прилип к коже и на платье остался влажный след. На самом деле, она почти не прилипла к коже, и влажный след не мог остаться – надеялась уловить на лице Петрушенькина намек на его участие во всех этих преступлениях. Внезапно ее осенило, что организатором мог быть сидящий перед ней человек, в чьи сети ее заманила Ольга Бизонова. А она, тупица безголовая, приняла слова экстрасенши на веру, и попала в цепкие руки врага. Кто знает, к кому она пошла? Только Юлька. А кем Юльке приходится экстрасенша? Она приходится ей золовкой. Но это не значит, что родственницы действуют заодно. Она знает Юльку сто лет, они больше, чем родные люди. Юлька бы никогда... ни за что... Но Юлька не раз ей говорила, что мечтает купить нормальную квартиру... Петрушенькин обещал хорошие деньги на работу. Ольга взяла в долю брата и его жену. Одной ей было не справиться. И Ольга такая же экстрасенша, как Капитолина баянист-виртуоз. Юлька–предательница все рассказала Ольге: и о тетке, и о ее сыне. Они вместе разработали план ликвидации женщины пятидесяти лет от роду, которая всем мешает, которая путает карты... Нет, быть такого не может. Чтобы Юлька... Никогда... Но почему Петрушенькин ТАК на нее смотрит? Как леопард на жертву, которая сама забралась к леопарду в клетку. Может сразу слопать, а может оттянуть время, насладиться зрелищем безумного страха.

Ноги Ложкиной онемели, но продолжали жить по сценарию – сами двигались к двери. Ложкина уперлась в дверь задом, рассчитывая на то, что дверь откроется. Не случилось. Ложкина упорно толкала дверь задом, дверь не поддавалась.

Теперь Петрушенькин смотрел на нее, как на задаваку, которая присваивает себе сверхспособности, а на самом деле, как выясняется, не умеет делать элементарных вещей. Но пыжится из последних сил, а наблюдатель непроизвольно напрягается - помогает на расстоянии, как будто поставил на задаваку кругленькую сумму и надеется получить выигрыш. Ложкина продолжала упорствовать и толкать задом дверь. В глазах Петрушенькина разгорался охотничий азарт. Ложкина вжалась в дверь, в спину что-то впилося, весьма чувствительно впилося. Женщина сдержала стон, провела рукой по двери и нащупала ручку. Дверь не собиралась открываться, возня с ручкой не помогла.

- Я буду кричать, - предупредила Ложкина плачущим голосом. К азарту в глазах бизнесмена примешалось судорожное ожидание, как у детей в преддверии новогоднего утренника.

Судорожно поразмыслив, она догадалась, что надо тянуть ручку двери на себя. Изловчилась, потянула, дверь приоткрылась, Капа почувствовала боль в вывернутом плече. Но не сдалась. Стала протискиваться в щель, сообразила, что надо оставить в покое дверную ручку. Дело пошло слаженнее, Капитолина вырвалась из кабинета. Но это была еще не победа. Петрушенькин не будет марать свои ухоженные руки о какую-то чумичку. Перепоручит разобраться с возмутительницей его спокойствия своей грозной охране. Мужикам с такими мускулами убить человека, все равно, что назойливого комара прихлопнуть. Раз плюнуть.

И никто не узнает, где могилка моя, - не ко времени пришли на ум пугающие строки.

А еще жить бы, да жить, - подумала обалдевшая от страха женщина пятидесяти лет.

Не было печали, влезла дура в расследование, - обреченно подвела итог своей недолгой деятельности на новом поприще библиотekarша, и осторожно прикрыла дверь начальственного кабинета, будто эта дверь была изготовлена из тончайшего хрусталя, а за биение подобных дверей полагался штраф в размере, равном жалованию библиотekarши за четверть века.

Матильда Степановна укоризненно на нее посмотрела. Кроме укора в глазах отчетливо проглядывалось торжество.

- До свидания, - проблеяла особа и на негнущихся ногах с трудом доковыляла до очередной двери, которая могла ее выпустить из приемной важного начальства. Привычно повоевав с дверной ручкой, библиотekarша все же вышла победителем.

- Прощайте, - ехидно ответила ей вслед Матильда Степановна.

Капа хотела оглянуться на нее, но побоялась. Она боялась всего. Больше всего – получить удар по голове от женщины, которая беззвучно перемещается по паркету в туфлях на высоких каблуках. У нее войлочные

набойки и войлочная подошва, - родилась несвоевременная мысль в голове Ложкиной. Ноги не слушались, спина горела под пристальным взглядом, несмотря на то, что очередной препон был преодолен, Матильда, дама с войлочными подошвами, осталась в приемной. Затылок ныл и чесался, будто по нему рассекали тысячи муравьев.

Неподалеку, у лестницы, по которой Капитолина поднялась некоторое время назад, когда была безмозглой тупицей, маячил «черный костюм». Сейчас женщина-тупица немного поумнела, превратилась в полубезмозглую тупицу, но ей это мало помогло. Путь спасению был один, преодолеть его не представлялось возможным. Против лома, как говорится, нет приема. «Лом» в черном костюме заметил посетительницу и пошел ей навстречу. Ложкина заметалась, хотела нырнуть в приемную, но передумала – ждать помощи от Матильды было бессмысленно. Ждать в этой управляющей компании помощи от кого-либо бессмысленно, они все заодно, все беспрекословно подчиняются своему боссу. Капа попятилась по недавно приобретенной привычке, а «черный костюм» успел в ней подобраться и вкрадчиво предложил ее проводить.

- Куда? – разумно спросила Капитолина.

Безэмоциональное лицо представителя службы охраны на пару секунд перекопилось, потом снова вернулось к безэмоциональности. Мужчина с рельефной мускулатурой, с трудом скрываемой официальным костюмом, жестом указал направление, куда ей стоило двигаться без лишних вопросов, без споров и криков. Бесполезно. Против лома...

Капитолина зашаркала по паркетному полу, ноги не поднимались, не хотели тянуть их обладательницу «на заклан». Не хочется, а придется. Надо было обладательнице вполне симпатичных ножек заниматься смешанными единоборствами или хотя бы спортом для здоровья. Сейчас бы рванула, побила олимпийский рекорд, только бы ее и видели...

Неизвестно, что заметил охранник, или, может быть, разгадал ее мысли, но взял ее под руку и повел. Повел по лестнице вниз, передал с рук на руки своему двойнику и что-то шепнул на ухо. Двойник поспешил перетянуть ее через холл. Краем глаза Капа заметила, что девушка за стойкой исчезла, и беспрекословно последовала за очередным «черным костюмом».

«Костюм» распахнул перед ней дверь (ох, уж эти двери, сколько их еще будет!) и вывел на улицу. Ложкина вспомнила, что забыла на вешалке в приемной свою курточку. Курточка странным образом оказалась в руках охранника, он помог ей одеться и тоном, не терпящим возражений, сказал:

- Арсений Владиславович приказал доставить вас туда, куда вы скажите.

- Ага, так я и поверила, - расхрабрилась на улице Ложкина.

- Не понял, - с угрозой в голове протянул «костюм» и начал настойчиво тянуть в сторону черного автомобиля с затемненными стеклами. Капка упиралась. Силы были не равны, она привычно сообщила, теперь почти без страха, буднично:

- Буду кричать.

- Зачем? - резонно поинтересовался плечистый мужик.

- За похищение человека имеется уголовная статья, - бойко сообщила потенциальная жертва и вывернулась из «жарких объятий».

Вывернулась и, не ожидая продолжения, рванула по тротуару. Из-за угла показался непрезентабельный автомобиль. Капка подняла обе руки, как будто сдавалась врагу. Автомобиль неожиданно набрал скорость, проехал мимо, сбавил скорость, остановился, сдал назад и замер у края тротуара. Рядом с полуживым телом.

Капитолина усомнилась – нужно ли садиться в машину с подозрительным водителем. Но выбора не было, без объяснений она бухнулась на пассажирское сиденье...

- А ты где в это время был? – накинулся на подчиненного майор Звонилкин.

- Где ты был? - поддержала его истерическим тоном Юлия Бизонова. – Тебе поручили опекать слабую женщину, а ты!

- Я отлучился на три минуты. Мне в туалет надо было... Откуда я знал, что она пробудет у Петрушенькина так мало.

- Чему вас в милицейской школе учат! – окончательно вышла из себя Юлька.

- Давайте по порядку. Значит, Капитолина договорилась встретиться с Петрушенькиным в одиннадцать часов у него в офисе.

- Да. Но я не видела, как она покидала библиотеку. Я не видела, но Денис, это мой муж, сказал, что в половине одиннадцатого Капа вышла. Он сидел в машине и ждал профессора, который часто приезжает к нам по делам.

- Дальше, - обратился майор к подчиненному, которому было поручено наблюдение за Ложкиной.

- Она пошла пешком, до офиса на улице Калашникова добралась без проблем.

- Ничего подозрительного не заметил?

- Нет, ничего.

- Как вела себя Ложкина?

- Как обычно, смотрела себе под ноги, головой не вертела, ни с кем не останавливалась и ни заговаривала. Перед тем, как войти, кому-то позвонила. Телефонный разговор длился недолго, сначала разговаривала на повышенных тонах, но быстро успокоилась.

Майор взялся за стационарный телефон и приказан срочно принести распечатку телефонных звонков Капитолины Сафроновны Ложкиной. Затем вновь обратился к подчиненному.

- Продолжай.

- Прождав час, я обратился к охране. Мне сказали, что Ложкина давно покинула здание. Ей предложили доставить до места на автомобиле Петрушенькина, но она отказалась, впрорхнула в проезжавший мимо автомобиль и уехала.

- И больше Капку никто не видел, - трагическим голосом заключила Бизонова.

- Охранник запомнил номер автомобиля, марку?

- Старенькая шестерка. Номер не запомнил.

- Это всё?

- Всё!

- Уйди с моих глаз.

Сотрудник полиции испарился.

- Я к Петрушенькину, - сообщил Бизоновой Звонилкин.

- Я с вами, - подхватила Юлия.

- Нет, вы поезжайте к Ложкиным, успокойте их как-нибудь. Хотя бы попытайтесь.

- Я должна знать, с кем Капитолина разговаривала по мобильному телефону.

Тут как раз подоспел с ответом молоденький лейтенантик.

- Она звонила своей племяннице, - сказал майор полиции, бегло просмотрев официальную бумагу.

- Зое?

- А чему вы удивляетесь? Она не имеет права ей звонить?

- Просто Капитолина редко общается по телефону со своими родственниками, только при чрезвычайной необходимости. Интересно, какая чрезвычайная необходимость у нее возникла? Григорий Никитович, подскажите мне номер телефона Зои, я сейчас позвоню и все узнаю.

Звонилкин понял, что от этой женщины легко не отделаешься, потому беспрекословно выполнил ценное указание. Номер телефона племянницы подруги Юлька, естественно, знала, но решила убедиться в слаженной работе местной полиции.

Зоя ответила сразу, будто не выпускала трубку из рук.

- Зоя, это Юлия Бизонова...

- Юлия Мартыновна, вы не знаете, где тетя? - не дослушала ее Шлома. - Она должна давно быть дома, мы ей звонили, но у нее телефон отключен. Мы разволновались. Папа с Петькой ездили в библиотеку, но там им ничего вразумительного не сообщили. Жаль, дежурит не ваш муж, он бы нам помог. Я хотела вам позвонить, но ни у кого нет вашего номера. Уже почти полночь, а Капы все нет и нет. Вовка капризничает, спать не ложиться без нее.

Тетушке Симе вызывали неотложку. Она и так после смерти сестры сильно сдала, а теперь еще и Капа пропала...

- Зоя, погоди, не тарахти. - Наконец, Юльке удалось втиснуться в скорый монолог Шломы. – Мне нужна кое-какая информация, я сейчас подъеду.

- Это касается Капы? – напряженно уточнила Зоя, дав понять, что любые другие вопросы обсуждать не намерена.

- Конечно, Капы, кого же еще.

- Я еду с вами, - подхватился Звонилкин. – По дороге позвоню Петрушенькину. Слабо верю, что он нам поможет, но нельзя упускать любой возможности...

- Зачем Капитолина поперлась к этому олигарху?! - возмутился майор полиции, когда Денис направил свой автомобиль к дому Ложкиных.

- Надо было, - выкрутилась Юлия.

- Знаете что! – громовым голосом возмутился Григорий, - мы тут не в игрушки играем! А вот ваши игры в сыщиков могу закончиться плачевно.

- Тьфу, тьфу, тьфу, - поплевала через левое плечо Бизонова.

- Юля, выкладывай, - приказал супруг. – Или я все расскажу полицейскому.

- Ладно, - угрюмо согласилась Юлия Мартыновна...

- Получается, что Капитолине посоветовала обратиться к Петрушенькину ваша родственница с экстрасенсорными способностями, - пробубнил себе под нос майор Гриша. – Это та самая Ольга, которую хотели отравить в отеле, принадлежащем бизнесмену?

- Откуда вы знаете?

- Капитолина вчера рассказала, пыталась вытянуть из меня новости по расследованию... Так, мы приехали... Сейчас я позвоню Петрушенькину...

Арсений Владиславович не спал в такое позднее время. Сказал, что Капитолина Ложкина приходила к нему в одиннадцать часов, как и договаривались. Несла какую-то околесицу о своей тетке, которую убили

месяц назад, пыталась связать тетку с ним и с Ольгой Бизоновой, которая якобы посоветовала обратиться к нему за помощью. Поняла, что помочь он ей не сможет, развернулась и ушла. Он не успел и слова сказать. Остановливать ее не решился: странная визитерша вела себя неадекватно, с такими дамочками лучше не контактировать.

Майору не понравилась характеристика Капитолины Ложкиной, которую ей дал бизнесмен. Да, иной раз женщина, и правда, вела себя странно, но эта странность объяснялась просто – от волнения не знала, как себя вести. Как все воспитанные девочки в гостях у мало знакомых людей. Трогательным волнением и подкупила Звонилкина, который всех женщин считал исчадием ада. Все женщины хитры и расчетливы. Капитолина Ложкина была бесхитростной, доверчивой девчонкой, которая легко обижалась, но старательно делала вид, что ей всё нипочем, что задеть ее за живое затруднительно всем без исключения. Потому и ограничила свое общение с людьми.

Свое неприятие к сказанному Петрушенькиным, и к самому Петрушенькину майор Гриша вложил в короткую фразу: «Завтра поговорим».

Не завтра, а уже сегодня, но они друг друга поняли. На прощание Арсений Петрушенькин пожелал служивому «спокойной ночи», с подтекстом. И даже не поинтересовался, зачем его потревожили среди ночи. Ему была безразлична странная визитерша с неадекватным поведением, с которой лучше не контактировать...

Зоя Шлома переминалась на пороге и с нетерпением ждала Бизоновых. И была очень удивлена, когда из автомобиля показался майор полиции Звонилкин.

Столовая Ложкиных напоминала растревоженный улей. Все постоянно перемещались с места на место, подолгу не задерживаясь. При появлении гостей расселись – приготовились услышать убийственную новость. Григорий оглядел всех, заметил спящего безмятежным сном на кресле Вовку, и поспешил всех успокоить.

- Мы работаем. Обязательно найдем Капитолину.

- Но как же вы допустили, - в сердцах проговорила Владислава и прикрыла рот ладонью. Свое возмущение тут же направила на дочь, прошипев, - Зоя,

в конце концов, ты унесешь ребенка в кровать или он так и будет в кресле спать, ссутулившись?!

- Петя, унеси ребенка, - приказала Зоя мужу, - только не разбуди его, осторожно.

- Что я, не понимаю, - насупившись, пробубнил тот, продолжая сидеть за столом.

- Обязательно вступать со мной в дискуссию, - прорычала супруга. – Встал и сделал.

- Не в армии, - осмелел Петька Шлома. С места не сдвинулся.

Теща внимательно посмотрела на мужа Генку. Генка подхватился и направился к внуку. С трогательной любовью и заботой взял малыша на руки и направился к лестнице, ведущей на второй этаж.

- Извините, мы все взвинчены, - сказала Влада, нервно переставляя на столе чашки, как будто стол имел бугристую поверхность, и она выискивала ровные места. - Чай пить будете? Я недавно свежий заварила.

- Влада, не суетись, - осадил ее отец и обратился к майору, - никогда такого не было, чтобы Капа нас не предупредила, что переночует в другом месте.

Как бы Зоя не была расстроена, сообразила, что дед говорит не то. Реакция Григория Никитовича отразилась на лице – сначала удивление, потом осуждение, направленное на родителя, который смотрит сквозь пальцы на ночевки младшей дочери вне стен родного дома.

-- Дедуль, что ты говоришь, в самом деле, - повысила она голос – теперь можно, спящий Вовка переехал на второй этаж. – Капа всегда ночует дома. Раньше такое бывало, но не сейчас... Сейчас кое-что изменилось. Скажи, мам?

- А что изменилось? - спросила мать, которая никак не могла сосредоточиться на разговоре.

- Много изменилось, - вставила дочь, подошла к матери и с силой усадила ее на стул. – Оставь в покое несчастные чашки. Я хочу, чтобы ты подтвердила мои слова... О том, что Капа всегда ночует дома, - подсказала она, заметив отрешенность во взгляде матери.

- Неужели это так важно, - отмахнулась Владислава. – Капитолина не маленькая девочка, не замужняя женщина, имеет право... Зоя, мне больно, не дави мне на плечо. А вы, товарищ майор, не смотрите на меня, как Ленин на буржуазию. Это мы должны на вас злиться, вы не усмотрели! Вы должны были оберегать нашу Капочку!

- Скромную и порядочную женщину! - продолжила выказывать свои адвокатские способности Зоя. Покусала губы от волнения и ляпнула, - женщину-мечту всех одиноких мужчин... Таких, как вы, товарищ майор.

Товарищу майору показалось, что он попал в сумасшедший дом. Пока он подбирал слова, в дискуссию с азартом вмешалась Юлия Мартыновна Бизонова.

- Меня, конечно, тоже волнует неустроенная личная жизнь Капы, но на данный момент больше волнует ее жизнь. Ложкины! Ну-ка, собрались все! Собрались и честно ответили на конкретный вопрос: вам никто не звонил? Никто не требовал выкуп за Капитолину? Не предлагал обменять ее на... какую-то ценную вещь, которая принадлежала Олимпиаде Игнатьевне? Но пригрозили: обязательно расправятся с Капитолиной, если вы заявите в полицию. – У Бизоновой было такое ошарашенное лицо, словно сама не понимала, как до этого додумалась и, тем более, озвучила. Совладав с ненужными эмоциями, более спокойно продолжила. – Полиция уже здесь. И полиция обязательно, - она выразительно посмотрела на одного из присутствующих представителей, - обязательно найдет Капу живую и здоровую.

- Ты, Юля, как скажешь, право слово, - накинулась на нее Фекла Мироновна. – Мы что, графья какие, чтобы у нас деньги требовать. Это у этих... у олигархов детей похищают, чтобы выкуп содрать. У Липки ничего такого в помине не было. Как придумает! Меньше бы страху в телевизоре смотрели. А то насмотрятся, и начнут других людей пугать. Лично я думаю, что с моей дочерью ничего не случилось. Дело молодое, загулялась и забыла позвонить родителям... Зойка, ты чего елозишь на стуле, как будто у тебя шило в одном месте.

- Я? Я не елзю, с чего ты взяла, бабуля. – За время ее короткой речи Зоя оставила в покое плечи матери и пристроилась рядом с бабушкой, взявшей слово, для страховки.

- Елозишь! – рявкнула на нее Владислава, вступив в коалицию с матерью. – Зоя, ты очень подозрительно себя ведешь в последнее время. И Капитолина тебе под стать.

- И в чем это выражается? – напряглась Зоя, искоса поглядывая на полицейского.

- А в том и выражается, что вы с Капкой постоянно шепчетесь, переглядываетесь. А недавно по чердаку шастали. Что вы там искали? Быстро признавайся, иначе я тебя в бараний рог скручу! Ты меня знаешь.

Наконец, разговор перешел в конструктивное русло. Звонилкин тоже пристроился на стуле, оказался рядом с Юлией Бизоновой, которую распирало желание поделиться с кем-то своими наблюдениями.

- Вот семейка, - нашептала она ему в ухо. – Нашли время отношения выяснять.

- Не скажите, - покачал головой Звонилкин и повысил голос, - Зоя, с какой целью вам около одиннадцати звонила ваша тетя? Это как-то связано с вашими поисками на чердаке?

- Если вы думаете, что мы с теткой нашли клад, об этом кто-то узнал, похитил тетку и теперь требует отдать ему найденное в обмен на нее, то вы ошибаетесь, - выпалила на одном дыхании Зоя Шлома.

- Спрашиваю еще раз – зачем вам звонила тетя?

- Она попросила меня поехать в погребальную контору «Память», которая принадлежит Петрушенькину, - упавшим голосом сообщила Зоя.

- Зачем она вас об этом попросила? – с трудом сдерживая негодование, спросил Звонилкин.

- Чтобы я выяснила подробности одного дня.

- Сейчас скручу, - коротко, но доходчиво предупредила Владислава.

- Зоя! Ты не понимаешь, что похищение Капы может быть как-то связано с этим заданием? – со злостью проговорила Бизонова. – Время идет, о судьбе Капитолины мы ничего не знаем, а ты молчишь, как партизан на допросе. Хватит дозированно выдавать информацию. Рассказывай!

- Хорошо, я расскажу... Капа велела пойти в «Память», чтобы я там выяснила подробности одного дня... В тот день хоронили дочь Петрушенькина. Капа узнала, что... Я сейчас скажу конфиденциальную информацию, но раз всё так случилось... В общем, китайские фигурки каким-то образом оказались у Петрушенькина. Кстати сказать, он являет потомком купца Парамонова, того самого, в склепе которого эти фигурки и обнаружили. Когда у него умерла жена после долгой болезни, когда случались проблемы в бизнесе, он никак их не связывал с фигурками, но после трагедии с дочерью, он поступил с ними так же, как когда-то поступили его предки. Но на этот раз уложил фигурки в гроб дочери. И мобильник туда же отправил, и кое-что еще из ее любимых безделушек. Никто ее могилу не вскрывал...

- Могилу дочери Петрушенькина вскрыли совсем недавно, - сообщил майор полиции.

- Батюшки святы, - заголосили Фекла и Сима.

- Про недавно я знаю, мне Капа говорила. Я говорю о том времени, когда девушка скончалась и ее похоронили на кладбище. Вскоре отцу начали поступать звонки с телефона дочери. Потом и китайские фигурки появились. Получается, что и мобильник, и фигурки кто-то стырил во время похорон, при прощании. Вот Капа и направила меня в «Память», чтобы время зря не терять.

- Зачем ей это? – удивилась Влада. – Вчера она нам рассказала, что фигурки нашлись в лавке древностей, что теперь они вернутся в музей, там им и место.

- Капа считает, что все эти действия совершал один и тот же человек. Он и Липу убил. И тетю Валю Медведеву. И на Варьку напал. И Петрушенькину звонил, и фигурки ему подкидывал, для устрашения, чтобы он раскошелился.

- Голос дочери подделал? – удивилась Юлия, еще больше удивилась, что Капа ей ничего не рассказала. Теперь понятно, зачем бизнесмен вызвал экстрасенса Ольгу - хотел убедиться, что дочь мертва, а не ожила и не бродит по ночам по кладбищу, не названивает отцу. Чуть до сумасшествия не довел злодей убитого горем отца. Ольга поделилась своей профессиональной тайной с Ложкиной, и сделала это по причине связи между издевательством-вымогательством и убийством Липы.

- Ну, наверное, подделал, раз он не засомневался, - ответила Зоя, - таких подробностей я не знаю.

- Что удалось выяснить в «Памяти»? - резко спросил майор полиции, как будто вел допрос подозреваемого в преступлении.

- Мне посоветовали обратиться к одному фотографу, которого приглашают на прощания. Петрушенькин его не нанимал, но он сам проявил инициативу, думал денег срубить. Но Петрушенькин его на порог дома не пустил. Фотограф продал несколько фоток «желтой» прессе, но получил не те деньги, на которые рассчитывал. Я понадеялась, что у него кое-что осталось, вдруг папаша одумается или кто-то заинтересуется. Пришла к фотографу, а он в запое уже неделю. Добрые соседи по коммуналке доложили. И сказали, что пить он будет еще три дня. У него такие запои – десятидневные. Потом ложится в больничку, ему там капельницы ставят, здоровье поправляют.

- Давай адрес, - приказал Звонилкин, - поеду к этому фотографу, быстро приведу его в чувства.

В столовой появились Элла Осадчая и Василий Верблюжкин.

- У вас дверь была открыта, - пояснила Элла, щурясь на свет. – Случилось что? Смотрю окна светятся, машина у порога стоит.

- Капитолина пропала, - пояснила Владислава.

- Как, что?

- Ой, не до вас, - отмахнулась Зоя. – Завтра, все завтра. – И выпроводила непрошенных гостей из дома.

- Ты чего? - разобиделась ее мать. – Люди волнуются, пришли...

- Нечего здесь вынюхивать!

- С чего ты взяла, что они вынюхивают?

- Я уже никому не верю. – Зоя передала майору бумажку, на которую переписала адрес фотографа под диктовку одного болтливого менеджера «Памяти». Не прощаясь, майор покинул дом Ложкиных. Судя по тому, что

завелся двигатель автомобиля Бизоновых, его повез по указанному адресу Денис...

Капитолина помнила, как села в автомобиль, как косился на нее неприятного вида водитель – парень лет тридцати, как почувствовала шевеление за своей спиной, боль в предплечье, куда вонзилась игла. Тело перестало слушаться, голова перестала соображать. И больше Ложкина ничего не помнила.

Очнулась в каком-то подвальном помещении. Достаточно глубоко. Где-то наверху, в стене, виднелось несколько небольших отверстий. В такое отверстие бродячая кошка с трудом пролезет, не то, что взрослый человек, пусть и миниатюрный.

Как-то я сюда попала? – задумалась Капитолина. – Точно не через это окошко. Должна быть дверь.

Падающий через окошки скудный свет позволил рассмотреть запущенное помещение подвала. Вокруг были разбросаны старые ящики, сколоченные из полусгнивших деревяшек. Пахло прелостью и мышами. В одном углу лежала кучкой поношенная одежда. Сначала Капа подумала, что там, под одеждой находится еще один пленник. Одичавший и оголодавший, который превратился в каннибала. Набралась смелости, подошла ближе, прихватив по дороге тонкую дощечку от ящика – для самообороны. Скорее – для самоуспокоения. Доска кололась. Кажется, в руку попала заноза, но Капитолина на такие мелочи не обращала внимания.

- Здесь есть кто-нибудь? – спросила она дребезжащим от страха голосом и, не мигая, стала смотреть в угол, чтобы не упустить момент шевеления тряпичного вороха. Чуть повысила голос, - если здесь кто-то есть, то отзовись.

Ворох не зашевелился. Капитолина подобралась ближе и ткнула ворох тряпья палкой. Палка тут же сломалась. Оставшуюся в ее руках часть Ложкина отбросила в сторону. Принюхалась и скривилась – пахло не французским парфюмом.

- Один, совсем один, - пробормотала она и немного успокоилась. На воле слышалось пение птиц. – Так они заливаются только ранним утром, - задумчиво протянула женщина. – И что же получается, что я здесь сижу со вчерашнего дня? Или того больше? Больше вряд ли... Пить очень хочется, язык к небу присох. Где же здесь дверь? Должна быть, должна.

Капитолина принялась обходить большое помещение. Двери не было. Пришлось задрать голову и изучить потолок. Ей показалось, что в грязном паутином потолке выделяется некий квадрат, более чистый.

- Вот тебе, Капочка, и выход. Дело за малым – найти лестницу. Можно сложить друг на друга ящики, вскарабкаться и открыть крышку. Легко и просто. А крышку, конечно, этот гад... гады, их было двое, один за рулем, другой притаился сзади... они оставили открытой, знали мои цирковые способности... До люка я точно не долезу, а вот до какого-нибудь окна, вполне возможно. Свободу не обрету, но на местности ориентируюсь.

Капитолина принялась на работу. Для начала поставила рядом четыре ящика, выбрала более крепкие, относительно надежные. Потом – три ящика, потом два, потом один, и еще один. Взобралась, как по лестнице, до окошка не хватило совсем чуть-чуть. Пришлось спуститься, поискать еще один более-менее надежный ящик и вместе с ним, в обнимку, покорять ящиковую вершину.

Ложкина прильнула к отверстию, схватившись за края цепкими пальцами. Перед ней раскинулась река Липучая. И Капа поняла, что находится на развалинах мукомольного завода, который когда-то принадлежал купцу Парамонову.

По речной глади рассекала большая поганка с красным носом и хохолком. Она ныряла и долго находилась под водой, а пленница напряженно ждала, когда та вынырнет. Неподалеку от берега на старой крыше важно восседала кваква, очень похожая издали на пингвина. Кваква наблюдала за уткой и ее пятью утятами. Утка что-то «говорила» своим детям – воспитывала.

Капитолина чихнула, гора ящиков под ней зашаталась, и женщина рухнула вниз. На удивление легко отделалась - только локоть зашибла, потому что приземлилась локтем на какую-то железку, которая неожиданным образом

откуда-то выскочила. Капа присмотрелась и поняла, что это не обычная железка, а металлическое кольцо-ручка. Недолго думая, она ухватилась за кольцо двумя руками и начала тянуть. Никакого эффекта. Тогда Капа бросила неподдающуюся ручку-кольцо и принялась расчищать окружающее ее пространство, чтобы ничто не мешало. Еще и попрыгала возле ручки. Показалось, что пол под ней пружинит. Вдохновилась и вновь взялась за ручку. И так тянула, и эдак, безрезультатно. В сердцах бросила кольцо, села на ящик и собралась всласть порыдать. Слез не было, была злость, бешеная злость на себя, забылся тот, по чьей инициативе она здесь оказалась.

Чтобы привести себя в здравомыслящее состояние, решила обсудить создавшуюся обстановку с самой собой, других собеседников не наблюдалось. И едва ли они появятся.

- Меня бросили в подвал бывшего мукомольного завода с одной целью – чтобы я здесь умерла от голода и жажды. Кричи, не кричи, никто не услышит, на помощь не придет.

Капитолина знала, что разрушенное здание давно не используется детьми для игр, не то что в их время, тяжбы-разборки завершены победой господина Петрушенькина, наследника купца Парамонова, человека, который выиграл тендер на восстановление здания. Когда начнутся восстановительные работы, одному Богу известно. Вполне вероятно, что Петрушенькин спешить не будет, авось о воссоздании в первоначальном виде историки забудут, он использует это место по своему собственному усмотрению.

Осмыслив это про себя, Ложкина высказалась вслух:

- Дело спасения утопающих в руках самих утопающих. – Изучила свои грязные ладошки, грязное платьице, в котором ходила на прием к бизнесмену Петрушенькину, отвратительному типу. Вспомнив о визите и о бизнесмене, выдавала, - гнида еще та. Была бы я злопамятной, нашла бы способ отомстить. Да, Бог ему судья. Плюнули и забыли... Чего ты сидишь? – спросила она у себя. – Расселась, понимаешь. Дело надо делать. Вдруг за этим люком выход из подвала? Подземный ход. Недаром фашисты здесь... что-то оставили. Вывезти не успели и послали сообщение почтовым голубем. Летучая смс-ка.

Капа поднялась с ящика, поплевала на ладони, снова взялась на кольцо. Тянулась, бросала, снова тянула, психовала, ругала последними словами, в конце концов воскликнула:

- Ну, и подыхай здесь, если так нравится! – Можно подумать, сама же и оказывала сопротивление.

Взяв себя в руки, присела на корточки и принялась крутить в руках кольцо. И вдруг кольцо легко повернулось на сорок пять градусов при повороте по часовой стрелке. Капитолина ухватила за него и резко дернула. И чуть не свалилась – люк легко открылся.

- Подвальный подвал, - прошелестела Ложкина, чтобы как-то себя успокоить. Страх охватил такой силы, что под его действием появилась способность бегать по потолку. В данный момент эта способность ей бы не помешала, но лучше искать человеческие выходы.

В подвальный подвал можно было спокойно спуститься по лестнице, с виду нормально сохранившейся. Но видны были только три первые ступени, далее шел полный мрак. Капитолина напустила на себя бесстрашие, вспомнила о синдроме трусливой смелости и... сделала первый шаг в пропасть. Постояла немного – освоилась, про себя спела «сеяли девушки яровое сено». Помогло. Не так, чтобы растворился вселившийся ужас, но успокоило, коленки – немаловажная часть ноги при спуске – дрожать перестали. Так с девушками и яровым сеном двинулась дальше. Глаза постепенно привыкали к темноте, тем более, окружал не мрак сплошной, а сверху падал какой-никакой свет от нескольких окошек. Почувяв под собой почву, в прямом смысле этого слова, Ложкина принялась осматривать большое помещение. Почти все оно было заставлено ящиками. Но ящики стояли в стороне от света, падающего направленным потоком. Женщина подошла ближе к ящикам и принялась их ощупывать.

- Говори, что видишь, - призвала себя, вспомнив фразу из какого-то кинофильма. – Ящик. Большой. С ручками. Капка, тебе повезло. Не было бы счастья... Ага, счастье. Так и помрешь рядом со своим богатством.... Не помру: уверена, здесь есть еще один выход. Такую уйму ящиков фашисты не стали бы таскать через верх... Сами бы не стали, заставили бы военнопленных, которых потом расстреляли, чтобы они никому не рассказали, что прятали в подвальном подвале... И все-таки, здесь должен

быть подземный ход. Так говорил Абдулла в «Белом солнце...», так скажу и я. Обязательно должен быть подземный ход. Каким-то образом они собирались по-тихому перетаскать отсюда свои богатства? Ясно – через подземный ход. Сначала я с ящиками разберусь, выясню, что в них, в потом начну искать выход, - будничным тоном заключила Ложкина, как будто ежедневно таскается по подвалам в поисках кладов. А затем находит гениальные решения для обретения свободы... И так, ящики имеют по ручке на противоположных сторонах. Ручки помогают легко переносить ящики с места на место. Идем далее. – Капка продолжила ощупывание верхнего ящика. – На длинной стороне имеется замок-защелка. Чпок, и замок открылся. Капа, ты умница! Сейчас мы проверим, что там лежит.

Крышка ящика не откинулась, застряла на половине, но Капу сие обстоятельство не огорчило, все равно ни зги не видно. Рука наткнулась на что-то отвратительно холодное. И ржавое – по запаху догадалась. У этого отвратительного и холодного имелся... хвост.

- Что это? – испуганно проблеяла поисковичка. – К... кажется, это хвостовик от авиационной мины... Ой, мамочки, - прошептала она. – Спокойно, ничего страшного не произошло. Я нашла фашистский склад боеприпасов. Надеюсь найти клад, нашла склад. Веселье до упаду, - упадническим голосом изрекла женщина. – Теперь понятно, почему Ольга Бизонова говорила об опасности... Взрыва не будет. Я их не трогаю, они здесь спокойно пролежали больше семидесяти лет, полежат еще некоторое время. Пока я не выберусь на поверхность. Я обязана выбраться и предупредить власти. Не известно, сколько здесь взрывчатки... в этом... в тротиловом эквиваленте, весь наш город Лапки может на воздух взлететь. От меня зависит жизнь многих людей, поэтому...

Что должно идти после «поэтому» Капитолина не придумала, в голове произошел свой взрыв, вызванный страхом и обидой одновременно. Страх – понятно, а обида – за короткую жизнь, которая кому-то покажется долгой.

Ложкина с величайшими предосторожностями закрыла крышку ящика, даже щелкнула застежкой, как будто та могла ее спасти. Постаралась абстрагироваться от ящиков с боеприпасами и привычно, на ощупь, двинулась по периметру подвального подвала. Наверное, где-то на небесах над ней сжалились – неизвестно, чтобы с ней произошло, если бы потайная

дверь не обнаружилась на первой же стене. И опять ей безумно, нечеловечески повезло – дверь легко открылась, словно ею пользовались постоянно нерадивые хозяева, постоянно забывающие закрывать ее на ключ. Ни капельки не задумываясь, Капитолина шагнула в достаточно широкий проход – таких, как она, могло пройти две штуки, взявшись под руки. Она передвигалась медленно, вытянув вперед обе руки. Один раз наступила на что-то большое и лохматое, хотела дико заорать, но призвала себя к спокойствию.

- Глупо верещать, когда до свободы остался один шаг, - уверенно заявила она.

Подземный ход сделал поворот направо. Капа прошла метров десять, и снова повернула, теперь налево. Ее радости не было предела – впереди замаячил свет. Она прибавила шаг, потом побежала, достигла узкого лаза, ведущего вверх, с трудом в него протиснулась, вскарабкалась по влажной земле и выбралась на берег реки Липучей.

Ей показалось, что прошла уйма времени. Но по речной глади по-прежнему выплывала утка с утятами, на старой крыше восседала кваква, похожая на пингвина. Левее выхода из заточения, метрах в пятидесяти стоял автомобиль. Рядом с автомобилем на стульчике сидела беременная молодая женщина, ее супруг удил рыбу.

- Идиллия, - привычно вслух произнесла Ложкина и потрусила к людям.

Издали поздоровалась, извинилась за свой внешний вид – она археолог-одиночка, и попросила мобильный телефон. Отошла в сторону и набрала службу спасения. В двух словах изложила суть, диспетчер обещал передать ее заявление по инстанции. Некогда сдержанная особа пятидесяти лет сорвалась:

- Вы не поняли, что я вам сказала? А вдруг рванет и снесет полгорода?! Если вы сию же минуту...

- Я вас понял, - отрапортовал диспетчер службы спасения. – Вы меня тоже поймите – часто звонят разные шутники, вот и подумал...

Потом Ложкина позвонила в домой. Трубку подняла Зойка. Долго выясняла, Капитолина это или не Капитолина. Трубку вырвал ее дед, отец Капы, и

начал ей выговаривать – они всю ночь не спали, волновались, а она не удосужилась позвонить. Наконец, трубка оказалась у сестры Влады.

- Капочка, миленькая, - сквозь слезы простонала сестрица, - ты где? С тобой все нормально?

- Я возле бывшего мукомольного завода. Подробности потом... Скажи Генке, пусть за мной приедет, а то я в таком виде...

- В этом ты вся!..

Капитолина уговорила молодую семейную пару свернуть снасти и покинуть место отдыха, не вдаваясь в подробности, только сказала, что «здесь небезопасно».

Когда Капа убедилась, что молодые люди уехали, она поозиралась по сторонам, удостоверилась, что вблизи никого нет, кроме водоплавающих, и поспешила по единственному проезжему пути – извилистой проселочной дороге. Разминуться с зятем не могла даже при очень большом желании.

Шла Ложкина недолго, вскоре показалась вереница автомобилей, возглавлял процессию полицейский «Уазик», за ним торопился на своем авто Денис Бизонов, замыкал Генкин «Хундай». Вдали маячила еще одна процессия из специальных служб...

Город Лапки пережил происшествие с азартом: давно не случалось никаких происшествий. Жителей окраины города эвакуировали, район оцепили, специальная команда занялась разминированием. Боеприпасы пролежали в подвале более семидесяти лет, в связи с чем, разминирование было сопряжено с большой опасностью, но другого выхода не было. Только к вечеру последние боеприпасы фашистов были вывезены на специальный полигон и взорваны. Все жители города наблюдали за заревом и слышали сильный грохот. Старушки вспомнили Отечественную войну, их внуки, которым война казалась далеким прошлым, историей, чем-то несуществующим, по-иному взглянули на общее прошлое...

Уже после жители Лапок узнали, что в подвале фашисты оставили 44 артиллерийских снаряда различного калибра, 50 авиационных кассетных

бомб, каждая весом два килограмма, 12 бетонобойных авиабомбы по пятьдесят кг каждая, 16 минометных мин диаметром 85мм...

Майор Звонилкин остался со своей бригадой на месте разминирования, а Капитолина с Владиславой и Генкой отправились домой. Бизоновы последовали за ними Денис уговаривала супругу оставить Капу в покое, «не доставать разговорами», но Юльку свернуть с намеченного пути было невозможно.

Пока Капитолина смывала с себя грязь, все остальные накрывали на стол. То Зоя, то ее мать, то Юлия, то Фекла Мироновна по очереди подходили к двери ванной и громким голосом – чтобы их услышали – интересовались, всё ли в порядке. Каждый раз Капа терпеливо кричала в ответ:

- Все отлично! Я скоро...

В ванной она провела не меньше часа. Когда вышла с тюрбаном на голове, сразу увидела Вовку, который сидел на полу, притулившись спиной к стене. На его лице была такая невыносимая тоска, что Ложкина испугалась. Присела рядом с мальчиком, расцеловала его в обе щеки и спросила:

- Ну, что случилось?

Вовочка посмотрел на нее полными слез глазами и прогнусавил:

- Я думал ты умерла. – И заплакал навзрыд.

На его плач сбежалась вся родня, включая Бизоновых. Все принялись успокаивать малыша, обнимать Капитолину. Вскоре к Вовке присоединилось все женское население двухэтажного особняка.

- Хватит уже. Довольно, - бубнил Сафрон Ефимович. – Я сказал – хватить голосить! Завыли, как волки на луну. Никто не умер, все живы... Слава Богу. – И незаметно смахнул с морщинистой щеки ненужную слезу.

- Как же я вас всех люблю! – призналась Капка. – Как я соскучилась!

- Все к столу, к столу! - пригласила Фекла Мироновна, обняла дочь за талию и прошептала, - я была уверена, что всё закончится благополучно. Не

думала о плохом. Нельзя думать о плохом. Как говорил один наш общий знакомый - мысль материальна.

- Кого ты имеешь в виду? – заинтересовалась Капитолина. Она знала, о ком вспомнила ее мать, но хотела услышать подтверждение.

- А то ты не догадалась.

- И когда же ты успела с ним пообщаться?

- Когда-когда, давно. В ту пору ты еще с ним встречалась.

- Я думала, никто не догадывается о наших отношениях.

- Мы – ваши с Владой родители, и мы обязаны всё знать о вас, сколько бы вам не было лет. Вида не показываем, но в курсе всех событий. Ежели что, всегда вмешаемся. Вот я и отправилась в больницу, якобы для консультации...

- А на самом деле, на него посмотреть.

- И на него посмотреть, и узнать о нем побольше.

- И ты узнала, что он женат, что у него есть ребенок, что ребенок болен. Только собралась серьезно заняться моим перевоспитанием, а я уже рассталась с этим мужчиной по собственной инициативе.

- Я бы тебе и слова не сказала, это твоя жизнь, тебе решать. – Дочь матери нисколечко не верила. И оказалась права. Мать насупилась и заявила, - но негоже... И что это со мной? – опомнилась она. - Такой день, а я бурчать начала. И чего я о нем вспомнила? Что было, то прошло.

- К дождю, наверное, вспомнила, - улыбнулась младшая дочь, совсем еще девчонка. - Я приведу себя в порядок и вернусь.

Капитолина помчалась по лестнице в свою комнату. Зойка собралась последовать за ней, но дед загородил дорогу.

- Все за стол.

- Я на минуточку, только кое-что скажу тете, - проворковала Зойка и попыталась протиснуться на лестницу.

- Ага, так я тебя и пропустил, - хмыкнул дедуля. – Начнете там разговоры разговаривать, мы вас не дождемся. Бегай потом за вами.

Пришлось Зое прислушаться к словам деда.

Капитолина появилась через пять минут. Свежая, счастливая, улыбающаяся, молодая.

- За твое второе рождение! – провозгласил тост глава семьи...

Ложкина пересказала в подробностях свои приключения. Никто не задавал уточняющих вопросов до тех пор, пока монолог не подошел к концу.

- Доча, неужели ты не узнала человека, который сидел за рулем? – спросил отец.

- А должна была узнать?

- Не знаю, но я подумал, что этот человек знаком нам всем. Потому и напал на Липу – она в разговоре ему что-то сказала, он испугался.

- Не только Липа погибла от руки этого гада. И Валя Медведева. И Варвара пострадала, - напомнила Влада.

- Не будет же человек нападать на другого человека просто так, без причины, - рассудил старик Ложкин. Он состарился всего за одну ночь. Что только не передумал. А сердце, которое за всю долгую жизнь никогда не напоминало о себе, вдруг стало сжиматься и разжиматься, будто кто-то брал его в руку и начинал проделывать упражнения, как с мячиком или эспандером в форме круга. Когда Капа объявилась, он специально набросился на нее, чтобы не расплакаться, не показать слабинку. Он – хозяин. Он – вожак. И уходить на покой не собирается. Пусть все домашние об этом знают, включая Гришку... Причем здесь он? А то у Сафрона глаз нет?! Пусть зрение стало хуже, но еще не ослеп...

- Зойка! Чего ты скачешь на месте, как ужаленная? – спросила ее мать. – Забери у Капы Вовку, пусть она поест нормально.

- Пусть сидит, он мне не мешает.

- Я не уйду, - упрямо заявил Вовка.

- Я тебе дам по попе, - пригрозил отец мальчика.

- Только попробуй, - вставила Зойка.
  - Вот еще, нашелся воспитатель! – нахмурилась теща.
  - Как я за вами соскучилась, - вздохнула Капитолина Ложкина. – Не представляю себе жизни без наших милых перепалок!
  - А... ты собираешься... съехать от нас? Хочешь пожить отдельно? – испугалась Зоя.
  - Майор Гриша уговаривает тебя переехать к нему? – вскинула брови Юлька.
  - Только через мой труп! – заявил Сафрон Ефимович.
  - Да-да, только через наши трупы, - поддержала мужа Фекла Мироновна.
  - Не по-людски всё это, - вставил Генка Шахворостов и опрокинул в себя стопку водки.
- Владислава задумчиво налила и себе водки и тоже опрокинула. Опомнилась, скривилась, взялась за соленый огурец.
- Моя бабушка – алкаша, - констатировал Вовочка.
  - Алкашка, - услужливо подсказал дед Генка. Влада огрела его по затылку. Генка обиделся и снова залил в себя горячительное.
  - Тетя Капитолина, - пробасил Петька Шлома, - вы... это... вы не уходите от нас. Мы без вас никак... Не справимся без вас.
  - Придурок, - охарактеризовала его супруга.
  - Придурок, - согласился Петр. – Но я вас всех очень люблю, а тебя, Зоенька, так просто обожаю.
  - Что ты натворил? – напряглась супруга.
  - Ничего, - заулыбался муж, преданно глядя ей в глаза.
  - Может быть, хватит выяснять отношения, - взвилась Владислава. – По улицам до сих пор разгуливает преступник, неизвестно, кого он выберет следующей жертвой. - Женщина выдержала многозначительную паузу. - От нашей Капы зависит... Многое зависит, - пространно заявила она, виртуозно поставив точку в неожиданном месте.

- Но я ничего не видела. Села в машину. Сзади кто-то был, этот кто-то вонзил мне в предплечье шприц с какой-то гадостью, я отключилась. Очнулась уже в подвале, прямо на грязном полу.

- Но водителя-то ты видела! – снова напомнил отец.

- Видела, но не рассмотрела в подробностях. Поэтому описать не могу, но уверена, что раньше мы с ним не встречались... Хотя...

- Встречались? – подобралась Юлия Бизонова. – Ну, вспоминай, вспоминай, у тебя всегда была хорошая память на лица.

- Ты мне льстишь, - задумчиво протянула Капитолина. – Кажется, этот молодой человек, водитель, мне кого-то напоминает.

- Шагалья? – поинтересовалась Зоя. – В том смысле, что похож на Шагалья? Это его родственник, а по совместительству пособник, исполнитель мелких поручений.

- Намекаешь, что на заднем сидении сидел Вальтер Иванович Шагаль, и это он сделал мне инъекцию сильнодействующего снотворного? Но зачем ему понадобилось избавляться от меня. Я не свидетель, я ничего не видела... Я ничего не знаю. А узнать очень хочется, чтобы спать спокойно и не волноваться за своих близких.

- Я успела перекинуться парой слов с майором Гришей, - призналась Юлия. - Господина Шагалья задержали в Подмоскowie на даче у знакомого. Он этому знакомому не раз оказывал услуги разного характера, тот решил ответить добром за добро. Теперь ответит по всей строгости закона. Вот так-то.

- Когда его задержали? – уточнила Зоя.

- Прошлым утром. В то время наша Капа была еще в библиотеке.

- Шагалья я и не подозревала. Водитель на него совершенно не похож.

- На кого же он похож? – сердито спросила Зоя.

- На вашу соседку, Светлану Виленовну Ивашкину, - ответил майор полиции Звонилкин, неожиданно появившийся в столовой дома Ложкиных. – Извините, что без приглашения, но у вас звонок не работает, а моего стука в дверь никто не услышал.

- У нас тут жаркие споры, - подхватила Владислава. – Григорий, присаживайтесь к столу, вы, наверное, проголодались.

- Как сто волков, - признался Григорий, окинул вдохновенным взглядом накрытый стол и сглотнул слюну.

- Садитесь здесь, возле Капочки, - пригласила гостя ее сестра, взмахом руки дав понять, чтобы зять Петька отъехал подальше на своем стуле.

Все, кроме неугомонной Владиславы, не сводили глаз с майора, сделавшего неожиданное заявление.

- Гриша, ты... почему вспомнил Виленовну? – озвучила Капитолина вопрос, мучавший всех. В том числе и Владиславу, которая сразу брякнулась на свое место. – Неужели это она... Нет, быть такого не может. Я ее знаю с рождения. Она с мамой давно дружит.

- Светка – моя лучшая подруга, - подтвердила Фекла Мироновна. – Я ее знаю как никто. Вы, товарищ майор, не о том говорите. Не там виновников ищите. Чтобы Светка! Сафрон, ты чего молчишь?!

- Цыц! – коротко осадил супруг. – Дай умному человеку высказаться. А то напала, понимаешь. Зря наговаривать не будет. Если сказал виновна, значит, виновна.

- В чем виновна? – с недоверием произнесла Зоя. - Вы хотите сказать, что Виленовна... убила тетушку Липу? Что она оглушила Варьку? Что она насмерть сбила Медведеву? И она... вместе с подельником, очень похожим на нее, похитили Капитолину?

- Ивашкина убила Олимпиаду Ложкину после того, как та с ней поделилась своей тайной. Рассказала, что владеет семейной реликвией, о которой никто не знает. Хотела вам всем открыться, но ей рот закрыли. Ивашкина всю жизнь жила скромно, на зарплату учителя физкультура не пошikuешь. Ей представилась возможность пожить в достатке на старости лет. Она сохранила не только бодрость духа и желание пожить припеваючи, что и отличную физическую форму. Распорядок дня в вашем доме ей был известен. Надеялась во время долгого ужина с просмотром телепередач спокойно обыскать спальню Олимпиады, найти семейную реликвию и тихо удалиться. Она была уверена, что реликвия находится в ее комнате, раз о

ней осведомлена только ваша тетя Липа. Но старушка неожиданно вернулась, Ивашкина испугалась и ударила ее по голове подсвечником. Силушка у нее есть, не сомневайтесь – при задержании с ней с трудом справились два дюжих молодца.

- А Варя? – вклинилась с вопросом Зоя.

- Однажды в разговоре Ивашкиной показалось, что Варвара Верблюжкина что-то знает об убийстве старушки Ложкиной. Она выкрала у Эллы Осадчей ключ от дома Верблюжковых, Элле подкинула ключ от шкапулки Олимпиады, чтобы следы запутать...

- А следы на капоте автомобиля сорок... большого размера? – уточнила Капитолина.

- Я же тебе намекал, что это дело рук преступницы.

- Опять следы запутывала, - вздохнула Зоя. – Надеялась, что мы решим, будто преступник - здоровенный бугай. Бугай проник в комнату через окно, умыкнул реликвию и был таков. Вызвали бы полицию, полиция зафиксировала следы на капоте автомобиля отца и на подоконнике, и пришла к выводу – надо искать высоченного детину. Никто бы на Виленовну не подумал.

Майор полиция собрался резко отреагировать на «брошенный камень в огород полиции», но воздержался. Продолжил доклад о законспирированной злодейке.

- Когда Варя вернулась домой, там ее уже поджидала Ивашкина с битой. Удар не рассчитала, только оглушила, и Варя чудом осталась жива.

- Еще повезло, что Элка к ней забежала, - вставила Зойка.

- Вот тебе и старушка, - печально изрек Сафрон Ефимович. – Как она пошла на преступление, мы были не чужие люди...

- Причина в корыстолюбии и в зависти.

- А прикидывалась такой правильной, порядочной, всех постоянно воспитывала, всем помогала, - окрысилась Владислава. – Или мы в людях не разбираемся или люди меняются, как времена года?

- Но почему она такое сотворила с Валентиной Медведевой – спросила Капитолина.
- Той ночью ты с ней встретишься в вашем переулке. Помнишь, ты мне сама рассказывала? – Капа подтвердила кивком. – Вы немного поговорили. И куда вы при этом смотрели?
- На котов, которые по дереву забрались на дом Виленовны.
- Ивашкина наблюдала за вами. Ей очень не понравилось, что вы смотрите на ее дом. Она решила, что вы ее обсуждаете. Наверное, Варвара что-то вспомнила и поделилась с Медведевой, а та - с тобой, Капитолина.
- Виленовна подумала, что мы догадались, кто убил Липу и напал на Варю?
- Так всё и было. Ивашкина знала, что Медведева навещала Верблюжину в больнице. Медведева засомневалась – разве женщина в годах, прожившая многие годы на одном месте, среди тех самых людей, способна на подобные зверства? И приняла решение посоветоваться с умным человеком. После короткого диалога Капитолина скрылась в своем доме, Медведева тоже поспешила домой. Ивашкина проскользнула в переулок и последовала за Медведевой. Ей повезло – беспечный хозяин автомобиля бросил свое транспортное средство незапертым рядом с круглосуточным магазином, расположенным неподалеку от вашего дома.
- Мы не знали, что Виленовна умеет водить машину, - протянула Фекла Мироновна.
- Она в молодости лихо гоняла, даже участвовала в гонках. Поначалу только следовала за Медведевой на машине, а на пустыре прибавила скорость и... протаранила ничего не подозревающую женщину. После чего преспокойно вернулась в свой дом и начала обдумывать следующую расправу. Утром Ивашкина оставила на пороге вашего дома четное число роз, перевязанных траурной лентой. Как предупреждение одной любознательной особе держать язык за зубами. Особа повела себя необдуманно...
- Погодите-погодите, - скороговоркой проговорила Юлия. – Виленовна слышала наш с тобой разговор. Помнишь, Капа. Мы в тот день обсуждали сестру Дениса, Ольгу. Я сказала, чем она занимается, кто ее пригласил в наш город, и где она остановилась.

- Да, помню, так и было. Я выходила из кабинета, а Виленовна стоит столбом. Она еще меня напугала. Получается, она подслушала и направилась в отель в виде нищенки. За мной тоже нищенка по пятам ходила, я старалась в ее сторону не смотреть. Но откуда у нее такие познания в медицине – знает, что кому скормить, чтобы уснул и не проснулся, что кому вколоть, чтобы быстро отключился и очнулся через несколько часов?

- В любом пединституте всегда была специальная дисциплина, - со знанием дела ответила Бизонова и повторила, – поэтому ваша Виленовна хорошо знает, чем накормить, в смысле таблеток, и что вколоть, чтобы все было шито-крыто.

- Я могу продолжить? – снисходительно поинтересовался майор полиции.

- Конечно! – разрешила Юлька. – Так что вы там говорили про розы в траурной ленте?

- Вам потом подруга расскажет в подробностях. Ивашкина решила: раз любопытная особа не учла предупреждение, направилась к Петрушенькину, ее необходимо жестоко наказать. Откладывая задуманное не пришлось – особа сама решила остановить автомобиль, в котором находились Ивашкина и ее внучатый племянник, накануне прибывший к ней в гости после отбывания наказания за мелкое хулиганство. Решил родственницу проведать, а та взяла его в помощники, денег пообещала. Как не помочь. О манипуляциях Олега Подземельного она была осведомлена, знала, что он по городу разъезжал на автомобиле покойного Медведева, а свой держит в его гараже. Подельники вскрыли гараж и угнали чужой автомобиль, старенькую «шестерку».

- Так за рулем сидел Витюшка?! – удивилась Капа. – То-то мне лицо показалось знакомым. В детстве он здесь все лето проводил. Зойке от него постоянно доставалось.

- Ему от меня не меньше.

- Приехал он к родственнице вовремя, сама бы она с Капитолиной не справилась.

- Но как ты догадался?

- Я ее недавно начал подозревать, но доказательств не было. Когда поработал с фотографом, привел его в божеский вид, он дал мне флешку с фотографиями с похорон дочери Петрушенькина. Я отправился к Арсению Владиславовичу, показал фотографии, он мне рассказал о каждом человеке, который присутствовал на траурном мероприятии.

- И Виленовна там была? С какой стати? – удивилась Зоя.

- Она была учительницей физкультуры в классе, где училась дочь бизнесмена. Недолго, потом на пенсию вышла, но привила девочке любовь к спорту. Она всерьез занималась прыжками в длину. С девочкой Ивашкина постоянно контактировала, а ее отец относился к бывшей учительнице свысока, подарками не баловал. Вспомнил о старухе, когда произошла трагедия. Позвонил ей, рассказал о своей горе, назвал дату прощания. Та пришла, сильно рыдала над гробом, падала на покойную, чем возмутила всех присутствующих.

- И сперла китайские фигурки и мобильный телефон, - изрекла Зоя, - на всякий пожарный случай. И начались развлечения с телефонными звонками. Все-таки затаила обиду на Петрушенькина, который ее открыто презирал. Мстительная и жадная твоя подружка, бабушка. И мы так хорошо к ней относились. Жалели, пироги таскали, лекарства покупали. А она... скотина она неблагодарная! Нашу Липочку убила.

- Ответить за всё, - пообещала Владислава. – И на возраст не посмотрят.

- Хозяин лавки древностей Ивашкину опознал. Отнекиваться ей было бесполезно. Сначала Ивашкина призналась в противоправных действиях против Петрушенькина, потом я предложил написать явку с повинной, имея в виду дальнейшую ее преступную деятельность.

- Хорошо то, что хорошо заканчивается, - вздохнула Капитолина.

- Так уж все и закончилось, - возмутилась Зоя. – А тайна Липы? Надо искать подсказку. Ключ у нас есть, дело за малым.

- Игорь Подземельный вернулся? – неожиданно спросила Капитолина Ложкина. - Варя очень волновалась.

- Вернулся твой Игорь, - ответила Влада и с усмешкой добавила, - супруга обещала дать ему вольную. Так что скоро на свадьбе погуляем. Игорь уже в доме Вари поселился. Сказал, что скоро Варю из больницы выпишут.

- Что за люди! – рявкнула Зойка, - им про одно, они про другое! Народ! Мы клад искать будем?!

- Кажется, у меня появилась догадка, - неуверенно пробормотала ее тетка...

Капитолине Ложкиной было приказано хорошо выспаться, а не вставать чуть свет, чтобы приготовить на всех завтрак. Владислава решила взять на себя эту обязанность.

Когда Капа открыла глаза и посмотрела на часы, то не удержалась и присвистнула:

- Выспалась так выспалась, скоро двенадцать.

Только опустила ноги с кровати, издав сдержанный скрип, как сразу кто-то робко постучал в дверь, видимо стоял под дверью и терпеливо ждал ее пробуждения. Капитолина нисколько не сомневалась, что это ее племянница Зоя. Так и вышло.

- Доброе утро, засоня! – поприветствовала она тетушку. – Как самочувствие, как спала?

- Все хорошо-прекрасно, - пробормотала Капа и сладко зевнула. – А ты почему не на работе?

- Так выходной. Представь себе –никто не разбежался по своим делам, все крутятся в столовой, находят себе занятия, чем сильно раздражают мою мать и бабушку. Они занимаются приготовлением обеда. Мама уже твоему Григорию позвонила и пригласила на семейный обед.

- А он? - делано безразлично поинтересовалась Ложкина, позабыв привычно возмутиться касаясь «твоего». Почему бы нет?

- Обещал быть. К четырем часам. Сейчас наши собираются еще раз перекусить, чтобы до четырех додержаться. Ты присоединишься?

- Если не будешь отвлекать, то скоро присоединюсь.

- Я ушла...

Капитолина долго возилась, никак не могла проснуться окончательно.

- Я не тормоз, я медленный газ, - пробормотала себе под нос, изучая собственное отражение в зеркале. Вынесла вердикт, - ну и рожа. Под глазами мешки, щеки помяты от подушки, глаза как после перепоя. Кто на такую «красотищу» взглянет?!

Оказавшись среди Ложкиных – не Ложкиных, забыла о своей видоизмененной внешности – так ей все обрадовались, обступили, затискали, зацеловали, даже пустили слезу от счастья. Капитолина прижала к себе Вовку и спрятала свое лицо, по которому струились слезы.

Потом все уселись за стол. Капе кусок в горло не лез, потому как все родственники призывно смотрели на нее и чего-то ждали.

- Что? – с напускным непониманием спросила она. – Да, сегодня я выгляжу не очень... Не нужно меня смущать.

- Ты кушай-кушай, - засуетилась возле нее сестра. Зойка ее мягко отодвинула в сторону и затараторила:

- Вот блинчики, еще горяченькие, бабуля испекла. Вот сметанка, варенье из крыжовника. Как ты любишь. А хочешь, откроем красную икру? У нас есть одна баночка в холодильнике.

- Хочу, - с вызовом ответила Капитолина, которой очень понравилось быть центром внимания.

- А может, винца красненького? Домашнего? – с напряженным ожиданием спросил зять Генка .

- Я тебе выпью, я тебе сейчас как выпью, мало не покажется, - пригрозила супруга.

- Ты чего?! Я же для Капы стараюсь. Красное вино очень полезно для женщин ее возраста и в ее положении.

- Папа, что ты несешь? – миролюбиво отозвалась Зоя.

- Что я несу?! Все знают, что наша Капитолина – женщина в самом соку, и чтобы сохраниться эти самые соки, ей надо пить по стакану красного вина в день.

- Я его сейчас чем-нибудьогрею, - предупредила Владислава, а Капа удивилась:

- По стакану в день? Эдак я сопьюсь.

- Не слушай его, сестра. Что с него взять – неуч!

- Кто неуч? Я неуч? Владислава, ты когда-нибудь нарвешься на неприятность. Пользуешься тем, что я тебя люблю и нервы у меня, как стальной канат.

- Сиди уже, канат, - хмыкнула супруга.

- Хватит вам! – осадила родителей дочь. – Неужели нам больше не о чем поговорить? - Вбросила фразу и отошла к рабочему столу, чтобы открыть банку красной икры и сделать бутерброды. Петька бросился ей помогать. Но для начала чмокнуть ее в макушку. Зойка по обычаю не дернулась, не скривилась, а прижалась к мужу, положила голову на грудь.

Всё у них наладится, - подумала Капитолина. – Петька ее безумно любит, Зойка повыпендривается и угомонится. Стерпится-слюбится.

Когда молодая пара заняла свои места, Ложкина решила не испытывать терпение родных.

- Зоя, ты уже рассказала о своей находке?

- О ключе? Рассказала. Ни у кого умных мыслей не появилось. Вся надежда на тебя.

- Я вот о чем подумала: ключ хранился в пуговице на свадебном платье. Значит, подсказку Липа могла спрятать в каком-то атрибуте, связанном со свадьбой...

- Сложно излагаешь, - поспешил высказаться Сафрон Ефимович. – Какой еще атрибут?

- А вот какой. В вашей спальне на стене что висит?

- Картина висит, полочка висит, - начала перечислять Фекла Мироновна.

- В вашей спальне на видном месте висит неразлучник!
- А это что такое? – заинтересовался Петр.
- Это две тряпичные куклы – мужчина и женщина – накрепко пришитые друг к другу. Этот сувенир дарили молодым на свадьбу. Молодые вешали неразлучник в своей спальне на видном месте, чтобы он оберегал семью от разлуки.
- Он по наследству нам с Феклой перешел, от моих родителей, - пояснил Сафрон Ложкин.
- А я и думаю – чего это я тебя столько лет терплю? Оказывается, благодаря неразлучнику.
- И он сохранился, ничего с ним не сделалось? – удивился Петька.
- Раньше одежды были поярче, а так ничего, сохранился, - ответила бабка Фекла. – Мы вам с Зоей передадим неразлучник, он нам с дедом без надобности. Никуда он от меня не денется. Если раньше не ушел, теперь и давно не уйдет.
- Уверена? – лукаво поглядывая на супругу, спросил старик-молодец.
- Не стыдно? У тебя уже правнук по дому бегают.
- Ба, хватит уже! – прикрикнула Зоя. – Потом будете свои отношения выяснять, без свидетелей.
- Когда мы перед Новым годом делали генеральную уборку в доме, тетушка Липа просила меня снять со стены неразлучник, чтобы его подштопать, - вспомнил Геннадий.
- Значит, Капа права – подсказка в неразлучнике. – Зоя сорвалась с места и побежала в спальню деда и бабки. Вскоре вернулась с тряпичными куклами, сшитыми крепко-накрепко. И протянула неразлучник Капитолине. Та принялась его изучать.
- Вот новый шов. Надо аккуратно вспороть. Зоя, дай мне маникюрные ножницы.

Шов аккуратно вспороли, Капа засунула в небольшой разрез палец и что-то нащупала. Оказалось, что внутри лежал свернутый кусочек бумаги

небольшого размера. Дрожащими руками Ложкина развернула послание от тетушки, параллельно всхлипнула, словно это было послание с того света. Так оно и было на самом деле.

- Капа, читай вслух! – приказала Владислава, наблюдая, как глаза Капитолины бегают по ровным строкам, но сестра не произносит ни звука.

- Читаю, - предупредила она голосом, не сулившим ничего хорошего:

...Но если кто с собакой дружит,

Тому собака верно служит,

А верный пес – хороший друг

Зависит от хороших рук!

От себя, но перефразируя Сергея Михалкова:

Эти стихи для тех, кто соображает,

А не для тех, кто ее унижает.

- Я говорила тетке, что Липа будет ориентироваться на нее – она должна разгадать загадку Липы, - заранее порадовалась Зойка, нисколько не сомневаясь в сообразительности Капитолины.

- Без загадок никак нельзя? – насупился Сафрон. – Получается, что Липа нашла в пуговице ключ. – Он покряхтел и продолжил. - Наверное, там же, в сундуке, лежала...

- Пояснительная записка, - подхватила эстафету неугомонная Зоя, которой надоела заторможенность деда. – Мне кажется, записка была запрятана в свадебном костюме. Нет, не кажется, я в этом уверена, ведь одна Липа занималась свадебными нарядами из сундука, потому и обнаружила именно она, не кто-то другой. А раньше, до Липы, проветривание старых одежд кто-то проводил?

- Капитолина, - ответила Влада.

- Я по карманам не лазила. И честно сказать, занималась кое-как. Мне почему-то было боязно к ним прикасаться. Но это не столь важно, где Липа нашла пояснение, главное – она его нашла, а от нас скрыла.

- Потому что была обижена на весь свет, мы к ней были невнимательны, - уверенно констатировала племянница. Опомнилась и завопила на весь дом, - народ, а про китайские фигурки мы так и не узнали? Как они попали к Петрушенькину? Почему у Липы произошел сдвиг по фазе после кражи из музея?.. Капитолина Сафроновна, а чего это ты сидите с таким видом, будто получили огромное наследство и скрываете от нас? Или майор что-то рассказал, когда вы на пороге полночи шушукались?

- Он отдал мне вырванные страницы из личного дневника тети, которые выкрала из шкатулки Виленовна.

- Страницы? – качественно выговаривая короткое слово, переспросила Зойка. – А кто их вырвал? Сама Липа?

Ложкины – не Ложкины заговорили хором, один Петька увлеченно уминал бутерброды с красной икрой. Громче всех солировала его супруга:

- А мы еще Липу обвиняли в скрытности! Среди нас затесалась еще одна такая, еще похлеще Липы будет! Это ж надо так безобразно себя вести: мы переживаем, головы ломаем, а она получила на руки вырванные из дневника страницы, преспокойно удалилась в свою комнату, перечитала на досуге и улеглась спать. И что самое удивительно, подрыхла до полудня. Ни стыда у человека, ни совести!

- И мне ничего не сказала, - обиженно поджал губы Вовка, мало соображавший, по какому поводу спор. – Я так им рассказал, что мы бумаги в камине сожгли, а они...

- Как-то я упустила, что ты обязан быть в курсе событий, - опомнилась Капитолина. – В следующий раз учту все замечания.

- То-то, - снизошел Вовочка и полез целоваться.

- Хватит лбызаться, - осадила обоих мать малыша. – Что было написано на тех страницах?

- Я всегда говорила, что Липка была с приветом, а мне никто не верил, - не к месту вставила Фекла Мироновна.

- Ба! Ты можешь помолчать?! – рассвирепела Зойка. - Капа, мы тебя внимательно слушаем!

- В день кражи в музее случился инцидент – одному посетителю, с виду здоровому молодому человеку, стало плохо. Он потерял сознание. Вызвали «Скорую». Оказалось, что у него был приступ аппендицита, давно болел правый бок. Он внимания не обращал, а потом аппендикс лопнул. В самый неподходящий момент. Мужчину чудом спасли. Наверное, предчувствуя потерю сознания, мужчину забросил свою сумку за большую напольную вазу. А Липа случайно на сумку наткнулась. Сообразила, чья это сумка, проверила содержимое, и догадалась, с какой целью в музей приходил этот человек. Надо было признать свою вину – недосмотрела и вернуть фигурки на место. Все сделать официально, чтобы администрация знала, что на фигурки кто-то покушался и более тщательно подойти к защите данных экспонатов. И так бы Липа и сделала, но в музее появился еще один персонаж – Петрушенькин. Наверное, мама права, у Липы не все в порядке было с головой. Последствия неудавшегося материнства. Липа приняла его за сына.

- Почему выбрала Петрушенькина? – вставила вопрос Зоя.

- Когда я недавно встречалась с ним, мне показалось, что он мне кого-то напоминает. А когда прочла дневник Липы, поняла – он похож на артиста Каморного, пусть состарившегося, но очень похож. Но нему можно судить, каким бы стал Каморный на шестом десятке, если бы дожил до этих лет. Липа написала: «Сын – точная копия своего отца».

- Получается, любовник Липы, от которого она родила ребенка, был сам Каморный? – ошарашенно протянула Зойка.

- Зоя, ты бредишь, - поставил диагноз ее отец. – Где Липа, а где Каморный. И возраст у них... неподходящий. Сколько бы ему сейчас было?

- Давайте не будем говорить на тему возраста, - нахмурилась Капитолина.

- И правда, пап, причем здесь возраст. Мало ли живет на свете похожих людей.

- Липа приняла Петрушенькина за сына. Она много раз слышала от экскурсоводов, какими качествами обладают китайские фигурки. И решила защитить «сына», навязала ему эти обереги. По молодости и легкомыслию, он их принял. С тех пор они с Липой не встречались. Думаю, Липа была в курсе его дел, о Петрушенькине часто пишут в местной прессе. Потом в ее

болезненном мозгу появился «внук», который не имеет никакого отношения к Олегу Подземельному, это всё происки Шагалья... Чтобы убедиться в правдивости слово тетушки, я набралась наглости и позвонила среди ночи Петрушенькину, уж очень хотелось узнать, как всё было на самом деле. Петрушенькин меня не отфутболил, поздравил со счастливым освобождением из плена, подтвердил написанное Липой и пригласил как-нибудь вместе поужинать.

- Пусть держит карман шире! – брякнула Влада. – Нам олигархи не нужны. Правда, Капа? Или у тебя другое мнение?

- Не нужны, это точно, - успокоила всех Ложкина, теребя в руках записку Липы и неразлучник.

- У тебя есть какие-то мысли? – поинтересовалась Зоя, кивая на ее руки.

- Честно говоря, такого поворота событий я не ожидала. – призналась Капитолина, вновь пробегая глазами по отрывку стихотворения Сергея Михалкова. Приписку тетушки прочла вслух. – К чему все эти сложности?

- Капа, не отвлекайся! Думай, у тебя это хорошо получается, - польстила п лемянница.

- Я покопалась в памяти, вспомнила, что дарили на свадьбу молодым. И что дарил жених невесте – подвенечный наряд и ларец с украшениями. И решила, что где-то в доме спрятан этот самый ларец. Во время революции его убрали подальше, чтобы украшения не экспроприировали. Потом мой дед стал большим человеком в местной партийной элите, негоже было богатство напоказ выставлять. Он и своему сыну, моему папеньке, не открыл тайну. Так и забрал тайну в могилу.

- Что б ему на том свете перевернуться, - пожелала Фекла. Сафрон промолчал – новость его ошеломила.

- Это я раньше так думала, - поспешила вмешаться Капа, - а теперь, после этой пояснительной записки, уже и знаю, что думать.

- Каким боком здесь собака? – вздохнула Владислава. – Ну-ка, Капа, прочти еще раз...

Ложкина перечитала еще раз стихи Михалкова и «отсебятину» Олимпиады, адресованную, естественно, младшей племяннице, которая хорошо соображает, и которую унижают глупые люди.

- Зоя меня перебила... А тут есть еще одна строчка: Эх, Самара, городок...

- С ума сойти! – закатила глаза Зоя Шлома.

- У нас собак отродясь не было, - опомнилась Сима. – Правда, Сафрон?

- Не думаю, что речь идет о живых собаках, - не растерялась Капитолина. – У нас в доме были собаки-статуэтки?

- Была, - кивнула мать. – Дед подарил своему внуку на рождение, на память о себе. Тебе дарил, Сафрон. Забыл, что ли? Твой отец постоянно об этом твердил.

- Вспомнил.

- Я еще бесилась – зачем об этом рассказывать и рассказывать. Одно и то же, одно и то же, замучил своей статуэткой.

- Пытался вам указать на эту статуэтку, мол, не простая статуэтка, а с секретом, - сообразила Зоя. – Небось, давно на помойку отправили, - печально протянула она, - плакали наши драгоценности. Скажите хотя бы, как она выглядела?

- На бронзовом основании фарфоровая фигурка мальчика и русской борзой. Свекор говорил, что фарфоровые фигурки сделаны в Германии, в конце девятнадцатого века, а бронза – у нас, в Москве, по заказу деда Сафрона.

- Я вспомнила, - трагическим голосом изрекла Капитолина. – В моем детстве эта статуэтка стояла на пианино. Мама еще говорила, что давно бы ее выбросила, если бы не бронзовое основание. У мальчика со временем рука отломалась, у русской борзой – нос. А на основании, сбоку, было клеймо мастера. Я хорошо помню - три буквы: МЯС.

- И что это значит? - протянула Владислава.

- Сейчас вспомню. В свое время меня очень занимали эти «МЯС».

- Ну, Капа, вспоминай! – потребовала Зоя.

- М - мастера, Я – Якова, - С – Самарина. Мастера Якова Самарина. Был такой мастер по бронзе. Мастерская Якова Борисовича Самарина значилась в адресной книге Москвы за 1826 год. Потом его дело продолжил сын, Дмитрий Самарин... Вот почему Липа написала «Эх, Самара, городок». Я ей сама рассказала о мастерской Якова Самарина.

- Все понятно, осталось только выяснить, где находится эта вещица, - без надежды на успех, произнесла Зоя. – Кто вспомнит, тому приз.

- Я знаю, где собака с мальчиком на бронзовой подставке, - признался Петр, рассчитывая получить приз от жены. Любовь и понимание, ни что другое его не интересовало. Плевать он хотел на золото-бриллианты. Его главное богатство – это семья. Жена и сын.

Ложкины - не Ложкина смотрели на него так, как будто он признался в убийстве Олимпиады Игнатьевны.

- И где же? – опомнившись, спросила супруга охрипшим от волнения голосом.

В дверь позвонили. Влада взглянула на настенные часы, и сказала:

- Григорий пришел, а мы и не заметили, как время пролетело. Пойду, открою.

Вслед за Владиславой в гостиной появился Звонилкин. И вместо приветствия спросил:

- Что у вас опять произошло?

- Мы клад ищем, - отмахнулась Зоя.

- Под столом? – усмехнулся Григорий Никитович. – Да, Ложкины, с вами не соскучишься.

- Поживешь с нами, еще не такое узнаешь, - опередила события Влада.

- Да, я... как бы... не против...

- Мы тоже не против, - проворковала Владислава. – Пап, ты чего молчишь? Человек пришел с цветами и шампанским, свататься пришел, а ты в рот воды набрал.

- Кто пришел свататься? – опомнился Сафрон Ефимович.
- Сестра, успокойся! Чего ты человека в краску вогнала? Твоя шутка зашла слишком далеко. – Капитолина напряженно поглядывала на майора Гришу, который обязан как-то отреагировать на ее слова. Правильно отреагировать.
- Я давно понял, что эта женщина согласится пойти со мной в кино только после похода в загс. – Майор Гриша пошутил, но его глаза остались серьезными.
- Такой ее воспитали, - напряженно изрек отец и встал перед гостем по стойке смирно, предчувствуя торжественность момента. Мать тоже поднялась и приткнулась плечом к супругу.
- Сафрон Ефимович, Фекла Мироновна, я прошу руки вашей дочери. Я ее люблю, надеюсь, тоже ей небезразличен.
- Она вас тоже любит, я давно это поняла! – с восхищением призналась Зойка, позабыв о поисках клада.
- Зоя! – рывкнула на нее тетка.
- Что, Капа? Без меня, меня женили? – высказался Генка Шахворостов.
- Ты еще! – набычилась Капа.
- Григорий, тебе бы для начала у нашей дочери спросить согласия, а мы что, нам лишь бы ей было хорошо, - развел руками Сафрон.
- Капитолина Сафроновна... Капочка, ты согласна выйти за меня замуж?
- Я могу подумать?
- Минуты три, не больше, - хмыкнула Зоя.
- Тут не захочешь, а согласишься... Шучу я... Я согласна. Но хочу, чтобы мы расписались тихо...
- Кому-нибудь еще интересно, где находится статуэтка? – повисил голос Петька Шлома...

Когда Капа отказалась от музицирования, и настояла на том, чтобы пианино исчезло из дома, к ней никто не прислушался. Потом в бывший купеческий особняк Ложкиных перебралась Олимпиада Игнатьевна. Пианино установили в ее комнате, на пианино поселился подсвечник каслинского литья, а статуэтка мальчика с русской борзой на бронзовой подставке разместилась в кладовой, где хранились все старые вещи, которые было жаль выбросить. Про статуэтку все благополучно забыли. До тех пор, пока Зоя не вышла замуж на Петра Шлomu. Петька – любитель покопаться в старье – обнаружил полуразбитую статуэтку, принялся натирать бронзовое основание, неожиданно в основании что-то щелкнуло и внутренность выехала, повторив работу обычного школьного пенала. Фарфоровую статуэтку Петька жестоко разбил и очистил от ее остатков бронзовое основание. Он не догадывался, что это бронза, его устраивал вместительный «пенал», в котором можно разместить крепежные детали...

- И... в нем...в основании... ничего не было? Совсем ничего? – проблеяла Зоя, выслушав сбивчивый рассказ мужа.

- Там лежало только одно кольцо. С камушком, - весело, с огоньком доложил супруг.

- И куда ты его подевал? – настороженно спросила она.

- Тебе подарил. Сказал, что денег подсобрал и купил тебе колечко.

- Это то самое с большим стеклышком, - догадалась Зоя. – Я решила, что это бижутерия. А это...

Зойки и след простыл, она пулей взлетела на второй этаж, в свою спальню. Так же скоро вернулась, зажав в кулаке подарок мужа на годовщину свадьбы. И почему-то протянула перстень майору Грише. Тот со знанием дела изучил и сказал:

- Я могу ошибаться, но мне кажется это платина.

- А камень? – напряглась Зоя.

Звонилкин приблизился к окну, повертел перстень и снова повторился:

- Могу ошибаться, но это чистой воды бриллиант. Каратов шесть, не меньше. Надо ювелиру показать.

- В любом случае – это платина с бриллиантом или бижутерия - перстень останется у Зои, как у наследницы семейства Ложкиных, - твердо заявила Капитолина.

- Жаль, что из всех семейных реликвий осталось одно кольцо, - вздохнула Зойка. – Оно валялось у меня среди всяких безделушек, а мы искали украшения невесты... Капа, ты у нас невеста, я хочу... мы все хотим, чтобы кольцо досталось тебе.

- Ни-ни-ни...

- Не возражай!

- А когда свадьба? – спросила Владислава.

- У нас гуляют свадьбы осенью, - напомнила мать.

- Еще чего!! – возмутилась Капитолина. – Буду я ждать до осени!

- Правильно, - поддержал ее жених, - не будем откладывать, а то еще невеста передумает. От этой тихони всего можно ожидать...

Март – июнь 2016 года.